ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДОВЕДОВ: К 100-ЛЕТИЮ ДИСКУССИИ О НОРМАТИВНОСТИ ПЕРЕВОДА

Социальные
и гуманитарные науки
на Дальнем Востоке

The Humanities
and Social Studies
in the Far East

RUSSIAN SCHOLARS ON TRANSLATION STUDIES AND HISTORY. DEDICATED TO THE 100th ANNIVERSARY OF THE DISCUSSION ON TRANSLATION NORMS

Vol. XV, Issue 1, 2018

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

Том XV

Выпуск 1, 2018

Хабаровск, 2018

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отдел философии

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф. (редактор отдела);
А.П. Забияко, д-р филос. наук, проф.; **Кальво-Мартинез Томас Мариано**, PhD (Испания);
Р.Л. Лившиц, д-р филос. наук, проф.; **Б.В. Марков**, д-р филос. наук, проф.;
И.Б. Микиртумов, д-р филос. наук, доц.; **С.В. Пишун**, д-р филос. наук, проф.

Отдел филологии

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф. (редактор отдела);
У.М. Бахтикиреева, д-р филол. наук, проф.; **М.Г. Лебедько**, д-р филол. наук, проф.;
Нобуюки Хонна, PhD (Япония); **Е.А. Первушина**, д-р филол. наук, проф.;
Раймонд Хики, PhD (Германия); **Р.Р. Чайковский**, д-р филол. наук, проф.

Отдел психологии

К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф. (редактор отдела);
Л.Г. Дикая, д-р психол. наук, проф.; **А.Н. Занковский**, д-р психол. наук, проф.;
Н.А. Кравцова, д-р психол. наук, проф.; **Лора Роджерс**, PhD (США);
Мартин Кашорке, PhD (Германия); **Т.Х. Невструева**, д-р психол. наук, проф.

Отдел «Проблемы Дальнего Востока»

Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (зам. главного редактора, редактор отдела);
М.А. Ковальчук, д-р ист. наук, проф.; **Л.П. Лазарева**, д-р пед. наук, проф.;
Н.Е. Мерецкий, д-р юрид. наук, проф.; **В.В. Романова**, д-р ист. наук, проф.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц. (ответственный секретарь);
А.М. Шкуркин, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКТОР ВЫПУСКА

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф.

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

Ю.В. Пономарчук, канд. физ.-мат. наук (web-мастер);
Е.В. Листопадова (технический секретарь); **Е.Л. Рябкова** (переводчик);
Е.Ю. Мальнева, канд. филол. наук (переводчик)

Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по отраслям научного знания, в рамках которых осуществляется профессиональная экспертиза публикаций: 09.00.00 – философские науки; 10.01.00 – литературоведение; 10.02.00 – языкознание; 19.00.00 – психологические науки.

Печатается по решению Совета ректоров вузов Дальневосточного федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № 77-16283 от 29 августа 2003 г.
Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 6

СТАТЬИ 7

ВОПРОСЫ НОРМЫ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Прошина З.Г. Подходы к пониманию переводческой нормы 7

Лысенкова Е.Л. От теоретических основ к критике художественного перевода 13

Полубиченко Л.В. К вопросу о норме в художественном переводе 18

Котовская А.Е., Токарева Г.А. Диалогический подход в контексте теории художественного перевода 25

Сулейманова О.А., Водяницкая А.А. Методология исследования процесса перевода: когнитивная основа переводческой эвристики 33

Ривлина А.А. Перевод в эпоху глобализации английского языка и усиления транслингвизма 39

Семенова А.В. Проблемы нормы и аутентичности в переводческом и вариантологическом моделировании 46

ПЕРЕВОД И КУЛЬТУРА

Белоглазова Е.В. Внутренний перевод: полный carte blanche? 51

Лебедева Е.С. Внутренний перевод: сопоставительный анализ произведений Ольги Грушиной и их переводов с английского на русский 56

Максименко О.И. Прагматика транспозиции и адаптивного транскодирования 60

Башкарева Е.С. Культурно-прагматическая адаптация реалий при переводе художественного произведения (на материале англоязычного произведения индийского автора Викаса Сварупа «Вопрос – ответ: Миллионер из трущоб») 65

Karbozova M.A. Cultural presupposition in poetry translation 71

Ковынева Е.А. Трехсложники в поэтическом наследии Э.М. Ремарка и их переводы на русский язык 74

Харитонова Е.В. Социолектная специфика текста в контексте художественного перевода 80

Rodionova M.Y. Rendering emotional speech in literary translation 86

Серкова Н.И., Рябко Е.Ю. Библейский мир в контексте романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: сопоставительный анализ библейских, авторских и переводческих смыслов 90

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

Авербух К.Я. Терминоведение и перевод 99

Ловцевич Г.Н., Трифонов А.С. Осторожно – термин: проблемы перевода терминов гуманитарных наук 105

Larin A.A., Obidina L.B., Sdobnikov V.V. Translator behind the bars (court translation quality assessment in law and translation studies) 109

Татауш Е.А. Практические аспекты перевода имплицитности в устном политическом дискурсе 113

Каширина К.Ю., Крыкова И.В. Оценка качества перевода при локализации компьютерных игр нового поколения 120

Блюднева А.А. Связность дискурса и функциональный подход к переводу дискурсивных маркеров 127

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА

Кульчицкая Л.В. Томас Мор и Уильям Тиндел в отечественной историографии перевода 131

Таунзенд К.И. Примечания переводчика XVIII века как отражение эпохи Просвещения в России 135

Сенина Е.В. Металитературная рефлексия китайской культуры в творчестве дальневосточных эмигрантов 141

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Рудецкий О.А. Поливариативность этнокультурной идентификации русских на Дальнем Востоке 150

Садченко В.Т. К вопросу о вариативности наречий в русских говорах Приамурья 158

Аргудяева Ю.В. Свадебная обрядность русских старообрядцев Приморья и Приамурья 163

Спасский Е.Н. Австро-венгерские и германские военнопленные в Хабаровске в годы Первой Мировой войны 172

Терехова Н.В. Характеристики лексикографического комментария Чжао Ци к трактату «Мэн-Цзы» 180

Любицкая О.А. Карьерная готовность студентов дальневосточного вуза 188

Харчевникова Е.В., Ким С.В. Мотивация труда как условие успешной реализации управленческого решения (на примере строительно-монтажных организаций г. Хабаровска) 193

Еланцева О.П., Толстокулаков И.А. «… Желая наивозможно лучше поставить дело изучения японского языка»: к вопросу о первой командировке Е.Г. Спальвина в Японию (1899–1900) 197

IN MEMORIAM 204

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 206

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ 207

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Перед Вами новый филологический выпуск нашего журнала. Так получилось, что тему этого выпуска предложил один из членов нашей редколлегии – Роман Романович Чайковский, к большому нашему горю, безвременно ушедший и не увидевший выхода в свет этого номера. Именно проф. Р.Р. Чайковский посоветовал нам отметить 100-летие знаменательного события для нашей науки о переводе – выпуск в свет небольшой, но очень значимой книги «Принципы художественного перевода», которая подвела итог дискуссии между Корнеем Ивановичем Чуковским и Николаем Степановичем Гумилевым о проблеме переводческой нормы и оказала огромное влияние на теорию и практику отечественного переводоведения. **Мы посвящаем этот выпуск журнала профессору Р.Р. Чайковскому, основателю дальневосточной школы художественного перевода.**

В данном выпуске принимают участие переводоведы из разных уголков России и из Казахстана, где продолжают развиваться традиции советской школы переводоведения. Представлены работы московских школ переводоведения, санкт-петербургской школы под руководством проф. В.В. Кабакчи, нижегородской переводческой школы и, конечно, дальневосточных исследователей из Магадана, Петропавловска-Камчатского, Хабаровска и Владивостока.

Мы не стали ограничивать тему выпуска только вопросами нормирования перевода, а решили показать более широко палитру достижений отечественных переводоведов, чьи научные интересы охватывают и вопросы общей теории перевода, и частной теории перевода, и перевода в специальных отраслях. Думается, что такой широкий спектр вопросов науки о переводе будет интересен и отечественным, и зарубежным исследователям.

В качестве авторов данного выпуска журнала принимают участие как маститые ученые (10 докторов наук), так и те исследователи, которые находятся на подходе к получению искомой степени, докторской или кандидатской. Практически все авторы являются одновременно и теоретиками, и практиками перевода и знают переводческий процесс изнутри.

Желаем Вам приятного, полезного, стимулирующего чтения!

Доктор филологических наук,
профессор З.Г. Прошина

СТАТЬИ

ВОПРОСЫ НОРМЫ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ НОРМЫ

З.Г. Прошина

Прошина Зоя Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Контактный адрас: proshinazoya@yandex.ru

В статье рассматриваются существующие представления о переводческой норме – прескриптивное, дескриптивное и функциональное – и сопоставляются зарубежные теории с отечественным подходом к понятию нормы в переводе. Делается вывод о том, что русские переводчики почти за полвека до возникновения переводоведения как науки дискутировали о возможности и необходимости установления нормы в переводе и что современная теория переводческой нормы, принятая в отечественном переводоведении, фокусируется не на отдельных аспектах ситуации перевода, а представляет норму как комплексное явление.

Ключевые слова: норма перевода, прескрипция, дескриптивная теория перевода, социокультурный принцип, функциональная теория перевода, эквивалентность.

Отечественная мысль дала много для развития мирового переводоведения, начиная от представлений о переводческой норме и языковых и литературоведческих принципах перевода. Не случайно периодом становления науки о переводе в России считают начало 1950-х гг., что зафиксировано работой А.В. Федорова 1953 г. [10], а зарубежное переводоведение ведет счет своего существования с 1972 г., отмеченного докладом Джеймса Холмса на III Международном конгрессе по прикладной лингвистике, состоявшемся в Копенгагене [20]. Но на самом деле теоретизация богатого практического опыта (чего стоит один только перевод библиотеки Всемирной литературы!) началась гораздо раньше, и свидетельством тому может быть дискуссия, разгоревшаяся между К.И. Чуковским и Н.С. Гумилевым в 1919 г., о требованиях нормы к переводческим произведениям. К. Чуковский сначала выступил категорически против переводной нормы, за которую ратовал Н. Гумилев: «На заседании была у меня жаркая схватка с Гумилевым. Этот даровитый ремесленник вздумал составлять Правила для переводчиков. По-моему, таких правил нет. Какие в литературе правила – один переводчик сочиняет, и выходит отлично, а другой и ритм дает и все, – а нет, не шевелит. Какие правила?» [2].

В этой дискуссии проявился первый подход к норме – **прескриптивный**. Выступая против нормы, К.И. Чуковский, имевший в виду «правила для переводчиков», осуждал регламентацию творческого процесса. Именно такой подход характеризует речевую норму, но вызывает возражение у переводоведов, которые ищут не строгие правила, а закономерности, принципы переводческой деятельности. Именно поэтому дискуссия между К.И. Чуковским и Н.С. Гумилевым завершилась выходом в свет программной книги «Принципы художественного перевода» [7], положившей начало переводческой аксиологии, включающей три больших раздела: переводческую норму, качество перевода (критика перевода) и этику перевода.

Под переводческой нормой обычно понимают совокупность требований, которым должен удовлетворять перевод, при этом в семантическую составляющую нормы обычно включают (в разной степени) такие факторы, как правильность (correctness), приемлемость (appropriateness), ожидаемость (expectancy) и принятие (acceptance). Включая термин «норма» в основополагающие понятия переводоведения, итальянский переводовед Джузеппе Палумбо отмечает, что переводческие нормы определяются путем изучения закономерностей деятельности переводчиков, переводных текстов как результатов труда переводчиков и того, как принимаются переводные тексты в социуме [25].

За рубежом считают, что вопрос о переводческих нормах был разработан израильским переводоведом Гидеоном Тури (спустя полстолетия после дискуссии между Чуковским и Гумилевым!), который определял их как закономерности переводческой деятельности в рамках конкретной социокультурной ситуации [26]. Такие закономерности выявляются через описание и сравнение разных переводов, а исследования в этом ключе получили названия де-

скриптивной теории перевода, основоположником которой считают Г. Тури. **Дескриптивный** подход к норме фокусируется на социокультурном принципе: эквивалентность перевода и оригинала определяется социокультурными нормами, литературными конвенциями и другими факторами, влияющими на конечный продукт переводческой деятельности.

Согласно Г. Тури, следует выделять три компонента переводческой деятельности: 1) *компетенции* (competence), т.е. описанные теоретиками возможные способы перевода, которым учат будущих переводчиков; 2) *нормы* (norms) – наиболее часто выбираемые способы перевода в отдельном социокультурном контексте; 3) *исполнение* (performance) – способы перевода, используемые переводчиком на практике. Таким образом, переводческие нормы, как и языковые, определяются узусом и могут меняться от социума к социуму, от культуры к культуре.

Переводческие нормы, по Г. Тури, могут быть следующих видов: 1) *предварительные* (preliminary), предполагающие выбор текста для перевода и выбор генерального подхода или стратегии перевода; 2) *исходные* (initial), связанные с принятием переводческого решения, обусловленного альтернативой: быть ли переводу близким к исходному языку и тексту – именно так Г. Тури понимает адекватность (adequacy) – или к культуре и языку перевода, отсюда приемлемость (acceptability) перевода, и 3) *операционные* нормы, представляющие конкретные решения переводчика.

Отличие норм перевода от языковых норм в том, что нормы перевода не прескриптивны, как грамматические правила. Вот почему, например, Кристиана Норд предпочитает использовать термин «конвенции» как менее обязывающий [23: с. 96]. Конвенции, или условности, традиции, соглашения, – это социальные преференции. Соответственно переводческие нормы – это возможные способы перевода, которые считаются приемлемыми в определенном социуме именно потому, что они вырабатывались условно как наиболее употребимые способы действия переводчиков и потому ожидаемые в подобных ситуациях. Нормы, как правила игры, необходимо знать и соблюдать, но они предоставляют бесконечные возможности для творчества [1: с. 139]. Этот тезис очень хорошо согласуется с позицией К.И. Чуковского в описанной выше дискуссии: «Переводчик художественной прозы не фотографирует подлинник, а творчески воссоздает его. <…> Переводчик – это художник, мастер слова, соучастник творческой работы того автора, которого он переводит. Он такой же служитель искусства, как актер, ваятель или живописец. Текст подлинника служит ему материалом для его сложного – и часто вдохновенного – творчества» [15: с. 7].

Дескриптивные нормы выявляются при сравнении вариантов перевода, что, в свою очередь, послужило развитию теории переводной множественности, разрабатываемой у нас в стране магаданской школой переводоведов под руководством Р.Р. Чайковского [4: с. 12–14]. Определяя переводную множественность как «факт реального сосуществования в переводной литературе двух и более переводов одного и того же оригинала» [13: с. 140], Р.Р. Чайковский и его последователи расширили дескрипцию, обратившись не только к статусу и рецепции переводов при переводной множественности и подтвердив идею «оптимальных переводческих решений» [13: с. 155–156], но также выявив целый ряд законов, свойственных переводной множественности [4; 12; 14], и доказав, что «…разные переводы неизбежно представляют читателю оригинал в несходных ипостасях» [13: с. 146], что повторы переводческих решений в разных вариантах неизбежны [13: с. 155], что идея об индивидуальном стиле переводчика оказывается контрпродуктивной [13: с. 154] и что синхронная полилингвальная переводная множественность приводит к глобализации межлитературного и межкультурного пространства [14: с. 26–30].

Следствием соблюдения норм перевода являются переводческие стратегии, под которыми понимают пути решения переводческих проблем [21; 22: с. 18], программу переводческих действий [17] – примерами такого понимания термина являются стратегии доместикации (натурализации) и форинизации (экзотизации).

Стратегия доместикации тесно связана с феноменом локализации, требующим соблюдения социокультурных традиций принимающего перевод сообщества. Интересный пример приводит в своей статье о переводческой норме чешский переводовед Эвальд Озерс [24]. Он указывает на ошибку известной британской переводчицы русской художественной литературы Констанс Гарнетт, которая использовала выражение *My God!* каждый раз, когда в русском оригинале встречалось междометие *Боже мой!* В этом Озерс увидел нарушение социокультурных норм, поскольку гораздо естественнее в англоязычной среде звучало бы междометие *O dear!* или американское *O my!* [24: с. 54]. Игнорирование принципа локализации вызвало нарушение прагматической нормы принимающей англоязычной культуры.

Форинизация, к которой часто прибегают при переводе путеводителей, а также художественной литературы, имеет целью показать экзотичность и инаковость ситуации для переводной культуры и проявляется в большом количестве реалий, не всегда известных читателю перевода, как, например, на одном из сайтов достопримечательностей Моск-

вы: *Poklonnaja mountain is the most significant monument constructed in honour of victory in the Great Patriotic War. Solemn opening of the Victory Memorial in Moscow was held in May, 9, 1995*. (http://www.moscowcity.com/attractions/attractions.htm; дата обращения 16 янв. 2018). Приведенное описание заставит англоговорящего иностранца обратиться к дополнительным источникам информации для того, чтобы понять, как Поклонная гора может быть монументом, какое событие имеет в виду русский переводчик, говоря о Great Patriotic War, о мемориале какой победы идет речь (упоминание даты 9 мая может не привести к нужным ассоциациям, поскольку за рубежом День победы во Второй мировой войне празднуется 8 мая). В данном случае форинизация оказалась не очень удачной, поскольку переводчик ориентировался не на рецептора иной культуры, а скорее на фоновые знания своих соотечественников.

Вместе с тем социолингвисты, исследующие контакты английского как глобального языка и локальных языков, отмечают тенденцию усиления связей переводного русского текста с исходным английским языком (см. [9]), что говорит о наступлении английских форинизмов и их русификации.

В последние годы – возможно, в результате глокализации английского языка, ассоциируемого с престижностью, инновациями и современностью, – наблюдается увлечение транслингвальной словарной игрой, особенно в наружной рекламе, что нередко сопровождается нарушением языковых норм и использованием кодового смешения элементов разных языков: *МиGОм* – реклама денежных переводов, сочетающая в виде блендинга английский корень *go* «идти» и русское наречие *мигом*, в результате чего даже у начального билингва возникает ассоциация о быстрой возможности перевода денег – происходит двойное прочтение: «уходят мигом». Другой пример локализации с использованием японского языка: название японского ресторана «*Забияки*», где финальный элемент названия ассоциируется с японскими словами *терияки*, *якитория*, *яки-соба* и др. Примером локализации итальянского наименования может быть название кофебара «*Капучинофф*» с дореволюционной манерой написания русской фамилии с оглушением конечной согласной на немецкий лад. Перевод таких слов и их перенос в другой социокультурный контекст становятся практически невозможными, поскольку разрушаются ассоциации, вызываемые переводным билингвизмом.

Социокультурный подход, практикуемый дескриптивным переводоведением, раскрывает социопсихологические аспекты норм перевода: понимание норм переводчиком зависит от его личности и самооценки, которые могут отличаться в разных социумах – примером таких различий могут быть переводы романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», сделанные Ритой Райт-Ковалевой для советского общества и Максом Немцовым для постперестроечного общества (см. опубликованную в этом номере статью Л.В. Полубиченко [5]). Нельзя не согласиться с М.Б. Раренко в том, что «…нормы перевода отражают ценностную ориентацию переводчика, без учета которой нельзя удовлетворительно объяснить логику переводческих решений» [8 : с. 106].

Если дескриптивный подход к переводческой норме сосредоточивается на описании и сопоставлении переводов с позиций их социокультурного вхождения в социум, то **функциональный** подход к норме, в принципе близкий к дескриптивному, акцентирует функциональную приемлемость перевода. В этом смысле необходимо рассмотреть типы норм, выделяемых, вслед за Кристианой Норд, Моной Бэйкер [18]: а) *учредительные* (constitutive) нормы раскрывают, что может рассматриваться как перевод, а что нет – например, для поэзии неприемлем дословный перевод; б) *регулятивные* (regulatory) нормы определяют выбор переводного эквивалента – например, функциональный уровень эквивалентности при переводе поэзии обязателен, но близость форм исходного и переводного текстов на лексическом и грамматическом уровнях вряд ли достижима.

Функциональная классификация норм представлена также у Эндрю Честермана [19], который считает, что основная цель нормы – не дескрипция, а оценка переводов. Он выделяет два типа норм: профессиональные (professional) и ожидаемые (expectancy). *Профессиональные* нормы проявляются в работе компетентных профессиональных переводчиков и предполагают использование принятых методов и стратегий переводческого процесса. Они подразделяются на три подвида: нормы ответственности (accountability norms), обусловливающие этические принципы работы переводчика (его ответственность (demands of loyalty [19: с. 68]) перед автором исходного текста, перед заказчиком текста и перед получателями/читателями переводного текста); *коммуникативные нормы* (communication norms), являющиеся социальными по своей сущности, акцентирующими роль переводчика как эксперта в коммуникации, и *реляционные нормы* (relation norms), языковые по своему характеру и требующие от переводчика сохранения приемлемого соотношения между исходным и переводным текстами. *Ожидаемые* нормы обусловлены экспектацией получателей перевода относительно того, каким должен быть перевод. В московском метро долгое время шли споры относительно того, как надо объявлять остановки на английском языке: кто-то высказывал мнение, что это должен быть калькированный перевод: *Улица 1905 года – Year of*

one hundred zero five street (аналогично в Санкт-Петербурге станцию метро *Канал Грибоедова* перевели полукалькой *Griboedov Channel*). Однако вряд ли такого рода наименования будут ассоциированы с исконным звуковым и письменным комплексом, который иностранный турист, не знающий русского языка, вынужден использовать в поисках нужного ему места в коммуникации с русскими людьми. Поэтому гораздо разумнее поступили московские переводчики, озвучившие с английским акцентом русскую форму: *Ulitsa tysiacha devyatsot piatova goda.*

Ожидаемые нормы, таким образом, ориентированы на рецептора и определяются переводческими традициями, сложившимися в переводной культуре, а также зависят от экономических и идеологических факторов [19: с. 64].

Обычно подчиняясь ожидаемым нормам в том или ином социуме и контексте, переводчик соблюдает соответствующие профессиональные нормы, принятые в данном социуме. Однако иногда возможны казусы, вызванные расхождением таких норм. Об одном из таких случаев рассказал в своих переводческих байках А.Д. Швейцер [16], вспомнивший забавную историю, произошедшую с его бывшим сослуживцем Сергеем Львовым, которому пришлось переводить немецкие трофейные фильмы начальнику Главного управления кадрами Министерства обороны. «Как-то раз, к своему удивлению, он обнаружил, что вступительные титры фильма – не на немецком, а на французском языке, который он знал очень плохо. Тем не менее, он не растерялся и кое-как их перевел. Но вот начался фильм, и на него обрушилась французская речь, которую он совершенно не понимал. "Как быть? – думал он. – Сознаться генералу, что не знает французского языка? " Но тогда генерал спросит: "Что ж вы до сих пор переводили?" И тогда Сережа пошел ва-банк. Он решил создать свою версию фильма. В это время на экране метались взволнованные люди, а на полу лежал завернутый в одеяло человек. "Что случилось? – импровизировал Сережа. – Он умер? Может быть, убит? Надо вызвать скорую помощь и полицию". В конце фильма произошла неувязка: человек, которого он принимал за брата героини, пошел с ней под венец. Сережа сочинил историю о том, что этот человек оказался на самом деле не братом героини, а усыновленным подкидышем. И поэтому препятствий к браку не было.

Эта история имела неожиданное продолжение. Генералу так понравился фильм, что он захотел посмотреть его еще раз. Но Сережа был болен, и вместо него послали его коллегу, владевшего не только немецким, но и французским языком. Фильм был несложный, и он спокойно и уверенно переводил. Вдруг генерал велел прекратить показ фильма. "Уберите этого халтурщика! – приказал он. – Он какую-то чушь несет. Вот тот, который до него переводил, – тот был молодец!"» [16: с. 115–116].

Функциональный подход к норме перевода представлен в требованиях известного словацкого переводоведа Антона Поповича, утверждавшего, что «…функциональный принцип позволяет переводчику делать все, что отвечает интересам коммуникативного подобия перевода оригиналу» [6: с. 98], в результате чего переводчик имеет право «органично отклоняться» от оригинала, но он не должен навредить оригиналу; переводчик должен сохранить «живость» текста и соблюдать дуализм норм, ориентируясь на исходный текст и на «идеальный» переводной текст [1: с. 138].

Отмеченные нами подходы к представлению о переводческой норме замечательно суммированы в теории нормированности перевода В.Н. Комиссарова [3], согласно которому переводческая норма – сложное понятие, дифференцируемое на следующие виды: норму эквивалентности перевода; норму переводческой речи (языковые нормы); жанрово-стилистическую норму; прагматическую норму перевода; конвенциональную норму перевода.

Поскольку отечественное переводоведение всегда отдавало должное теории эквивалентности и адекватности, *норма эквивалентности* перевода занимает в этом комплексе норм первое место. Она означает сохранение общего смысла между исходным и переводным текстами, сохранение инварианта.

Норма переводческой речи предполагает хорошее знание и безусловное понимание исходного языка, безошибочный узус, естественность и грамотность речи на языке перевода. Сегодня очень важным оказывается знание не только двух литературных языков, непосредственно участвующих в переводе, но и норм опосредованного перевода, когда исходный текст написан на варианте плюрицентричного языка и требует знания закономерностей перевода с языка-посредника. Нарушение этих закономерностей создает сомнения в профессионализме переводчика. Например, при переводе с английского языка романа американской писательницы китайского происхождения Эми Тань «Сто тайных чувств»[1] переводчица А. Патрикеева проявила полное пренебрежение закономерностями перевода китайских реалий и собственных имен: в ее представлении следующие китайские имена имеют вовсе не китайскую форму выражения: *Changmian – Чангмиань* вместо *Чанмянь, Zen – Зен* вместо *Цзэнь, Yin – Йинь* вместо *Инь, Yiban – Йибан* вместо *Ибань*, и даже многим известное понятие *feng shui* в переводе обнаруживается не как *фэн-шуй*, а как *фень шуй*.

[1] Tan Amy. The hundred secret senses. New York : Ivy Books, 1995. 406 p.; Тан Эми. Сто тайных чувств : пер. с англ. Анны Патрикеевой. М. : Б.С.Г. ПРЕСС, 2003. 458 с.

Жанрово-стилистическая норма включает правильный выбор доминирующей функции и сохранение стилистических особенностей оригинала в переводном тексте. Так, например, если в исходном тексте встречается скороговорка, то переводчик передает ее металингвистическую функцию, жертвуя денотативным значением высказывания. Таким образом, высказывание D*on't trouble trouble until trouble troubles you* может быть переведено как *На дворе трава, на траве дрова*, если цель высказывания – передать трудности произношения, или с сохранением денотативного значения *Не буди лиха, пока лихо спит*, если доминирующей функцией является морализаторская.

Близко связана с предыдущей и *прагматическая норма*, предусматривающая сохранение коммуникативного намерения автора. Яркий пример этого вида нормы видим в доместицированном переводе «Alice in Wonderland» Владимира Набокова – «Аня в Стране чудес»[2], где в главе 5 Льюис Кэрролл пародирует морализаторское стихотворение Роберта Саути (Robert Southey), которое вошло в детскую викторианскую классику, «Father William», а Набоков заменяет этот стих переделкой «Бородино» М.Ю. Лермонтова, поскольку это стихотворение также известно всем русским детишкам как классика:

– You are old, Father William,' the young man said,
`And your hair has become very white;
And yet you incessantly stand on your head –
Do you think, at your age, it is right?'

`In my youth,' Father William replied to his son,
`I feared it might injure the brain;
But, now that I'm perfectly sure I have none,
Why, I do it again and again.' <…>

– Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Тебя считают очень старым:
Ведь, право же, ты сед
И располнел ты несказанно.
Зачем же ходишь постоянно
На голове? Ведь, право ж, странно
Шалить на склоне лет!

И молвил он: «В былое время
Держал, как дорогое бремя,
Я голову свою…
Теперь же, скажем откровенно,
Мозгов лишен я совершенно
И с легким сердцем, вдохновенно
На голове стою». <…>

Изменение формы стиха переводчиком в данном случае связано с его желанием вызвать школьные ассоциации у рецептора; пародирование стихотворения, до боли знакомого каждому школьнику, становится особенно забавным, принимая во внимание контраст между серьезностью первичного стиха и нелепостью содержания пародии. Таким образом, коммуникативный эффект, которого добивался автор исходного текста, совпал с коммуникативным эффектом переводного текста.

Очень существенной оказывается конвенциональная норма перевода, предполагающая, что требования к переводу должны рассматриваться в определенном историческом контексте (социокультурный подход), а также акцентирующая необходимость учета общепринятых взглядов на цели и задачи переводческой деятельности, разделяемые данным обществом в определенный исторический период (функциональный подход). Известно, например, что в эпоху классицизма, когда литература, в том числе переводная, подчинялась сложившимся эстетическим идеалам общества, доминировали вольные переводы, подстраивавшие произведения под эти идеалы [11]. В эпоху романтизма, напротив, с ее интересом к национальной самобытности культуры возникшая тенденция к стратегии форинизации приводила к буквализму в переводе художественной литературы.

Таким образом, в недолгой истории переводоведения можно выделить несколько основных подходов к пониманию нормы: прескриптивный (относящийся скорее к одному лишь фактору – языку/речи, а не ко всему переводу); дескриптивный (основанный на сопоставлении вариантов перевода – прежде всего по социокультурным параметрам), функциональный (сфокусированны на принципе приемлемости, согласно функции, ожидаемой от перевода) и комплексный, охватывающий форму, семантику (соотношение между исходным и переводным текстами) и прагматику (с учетом авторского намерения, коммуникативно-стилистического эффекта), с пониманием исторической возможности изменения экспектаций. В современном отечественном переводоведении, как мы видим, доминирует комплексный подход к переводной норме, не выделяющий отдельные ее аспекты, а учитывающий их в цельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Захарова, М.А.* Norms of Translation / М.А. Захарова // Основные понятия англоязычного переводоведения. Терминологический словарь-справочник / отв. ред. М.Б. Раренко. – М. : ИНИОН, 2011. – С. 137–142.

2. *Иванова, Е.* Чуковский и Гумилев (к истории отношений) [Электронный ресурс] / Е. Иванова // Переписка К.И. Чуковского и Н.С. Гумилева. – 2011. – Режим доступа: http://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/pisma/perepiska-ki-

[2] Carroll L. Alice in Wonderland [Electronic resource]. URL: http://www.alice-in-wonderland.net/resources/chapters-script/alices-adventures-in-wonderland/chapter-5/ ; Набоков В. Аня в Стране чудес. Русский перевод сказки Льюиса Кэрролла : авторизованный пер. с англ. В. Набокова. М. : Советский композитор, 1991. С. 30.

chukovskogo-i-ns-gumileva-e-ivanova (дата обращения: 10.01.2018).

3. *Комиссаров, В.Н.* Теория перевода / В.Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.

4. *Лысенкова, Е.Л.* Поэзия и проза Р.М. Рильке в русских переводах : автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.20 / Лысенкова Елена Леонидовна. – Магадан, 2007. – 45 с.

5. *Полубиченко, Л.В.* К вопросу о норме в художественном переводе / Л.В. Полубиченко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. XV. Вып. 1. – С. 22–28.

6. *Попович, А.* Проблемы художественного перевода : пер. со словац. / А. Попович ; под общ. ред. П.М. Топера. – М. : Высш. шк., 1980. – 199 с.

7. Принципы художественного перевода. Статьи К. Чуковского и Н. Гумилева. – Петербург : Всемир. лит., 1919. – 31 с.

8. *Раренко, М.Б.* Норма перевода. Норма переводческой речи. Норма эквивалентности перевода / М.Б. Раренко // Основные понятия переводоведения. Отечественный опыт. Терминологический словарь-справочник. – М. : ИНИОН, 2010. – С. 106–108.

9. *Ривлина, А.А.* О «реставрации» и «нивелировании» заимствований в процессе языковой интернационализации / А.А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2010. – № 2 (26). – С. 11–15.

10. *Федоров, А.В.* Введение в теорию перевода / А.В. Федоров. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. – 334 с.

11. *Хухуни, Г.Т.* Русская и западноевропейская переводческая мысль / Г.Т. Хухуни. – Тбилиси : Мецниереба, 1990. – 142 с.

12. *Чайковский, Р.Р.* Неисчерпаемость оригинала / Р.Р. Чайковский, Е.Л. Лысенкова. – Магадан : Кордис, 2001. – 211 с.

13. *Чайковский, Р.Р.* Основы художественного перевода (вводная часть) / Р.Р. Чайковский. – Магадан : Изд-во СВГУ, 2008. – 182 с.

14. Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации: Основы теории / Р.Р. Чайковский [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2014. – 224 с.

15. *Чуковский, К.И.* Переводы прозаические / К.И. Чуковский // Принципы художественного перевода. – Петербург : Всемир. лит., 1919. – С. 7–24.

16. *Швейцер, А.Д.* Глазами переводчика / А.Д. Швейцер. – М. : Р. Валент, 2012. – 132 с.

17. *Швейцер, А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.

18. *Baker, M.* Norms / Mona Baker // The Routledge Encyclopedia of Translation Studies. – London and New York : Routledge, 1998 (2001). – P. 163–165.

19. *Chesterman, A.* Memes of Translation, the Spread of Ideas in Translation Theory / Andrew Chesterman. – Amsterdam : John Benjamins, 1997. – 219 p.

20. *Holmes, J.S.* The Name and Nature of Translation Studies / James S. Holmes // The Translation Study Reader. – Chapter 13. – P. 172–185.

21. *Hönig, H.G.* Strategie der Übersetzung : Ein Lehr- und Arbeitsbuch / H.G. Hönig, and P.Kußmaul. – Tübingen : Narr, 1982. – 172 s.

22. *Krings, H.P.* Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht : Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern / H.P. Krings. – Tübingen : Narr, 1986. – 570 s.

23. *Nord, C.* Scopos, loyalty, and translational conventions / Christiane Nord // Target. – 1991. – Vol. 3. № 1. – P. 91–109.

24. *Osers, E.* Translation norms: Do they really exist? / Ewald Osers // Translators' strategies and creativity / Ann Beylard-Ozeroff, Jana Kralova & Barbara Moser-Mercer (eds.). – Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins, 1998. – P. 53–62.

25. *Palumbo, G.* Key terms in Translation Studies / Giuseppe Palumbo. – London : Bloomsbury, 2009. – 208 p.

26. *Toury, G.* The Nature and Role of Norms in Literary Translation / Gideon Toury // Literature and Translation: New Perspectives in Literary Studies / Ed. by J. Holmes, J. Lambert and R. Van den Broek. – Leuven : Acco, 1978. – P. 83–100.

ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ К КРИТИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Е.Л. Лысенкова

Лысенкова Елена Леонидовна – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан).

Контактный адрес: elysenkova71@mail.ru

В статье на основе исследования своеобразия творческой языковой личности и авторского идиостиля рассматриваются особенности художественного перевода иноязычных произведений на русский язык, а также подкрепляются доказательствами важнейшие постулаты критики перевода.

Ключевые слова: теория перевода, индивидуальный стиль автора, идиостилистика перевода, литературоведческая и лингвистическая критика перевода.

Начало XXI в. характеризуется значительным расширением спектра переводоведческих теорий и идей. Перевод рассматривается на данном витке развития не только как форма передачи исходной информации средствами другого языка, не только как специфический вид речевой деятельности и как вид межъязыковой коммуникации, но и как способ межъязыкового посредничества, как особая социосемиотическая форма взаимодействия различных знаковых систем и как единая общефилологическая наука. Одним из новейших направлений в области переводоведения является изучение перевода как формы межкультурного взаимодействия. Таким образом, переводоведение в известной мере преодолевает свою лингвистическую ориентированность, характерную для этой науки во второй половине XX в., и выходит за пределы уровня лингвистики. Более того, в последние годы переводоведение стремится выйти и за рамки собственно филологии, все настойчивее пробивая себе дорогу в сферу культурологии. В России и за рубежом уже появилось достаточное количество работ, в которых глубоко и всесторонне освещены многие актуальные проблемы как теории художественного перевода на материале разных языков, так и межкультурной коммуникации с учетом языковых, культурных и этнических особенностей участников межнационального общения. Исследованию данных аспектов посвящены отдельные номера научных журналов и монографии [9; 11; 13].

Отметим, однако, тот факт, что если культура рассматривается как универсальное гуманистическое явление, то при подобном переносе акцента с лингвистики на культурологию из поля зрения исследователя выпадает категория индивидуального, которая включает такое понятие, как авторский, или индивидуальный, стиль. Иначе говоря, из сферы переводоведения элиминируется то, что И.И. Халеевой обозначено как тезаурус-II (система пресуппозиций и импликаций языковой личности, формирующая её картину мира) [10: с. 67]. Вместе с тем для перевода как для формы межкультурной коммуникации важно не только различие между носителями разных языков [10: с. 68], но и различие между массой носителей языка и выдающимися языковыми личностями, какими в рамках каждого этноса выступают классики национальной литературы. Думается, что будет оправданным в связи с этим ввести понятие «тезаурус-III» для обозначения своеобразия уникальной творческой (генерирующей) языковой личности, какими являются лишь единичные представители данного этноса – подлинные художники слова. Наряду с развитием новых направлений в науке о переводе представляется важным до конца использовать те возможности, которые содержатся в собственно филологическом подходе к проблемам перевода, в особенности художественного перевода. В данной статье мы рассмотрим несколько взаимосвязанных категорий, которые вытекают из оперирования понятием творческой языковой личности, а именно проблемы индивидуального стиля автора, идиостилистику перевода и критику перевода.

Одним из первых вопрос о разграничении понятий «стиль» и «индивидуальный стиль» поставил, как известно, Ш. Балли в своей «Французской стилистике». Балли противопоставляет друг другу речевую практику писателя как члена языкового сообщества и то, как он использует язык в своих произведениях [1: с. 35–37, 43–44]. В литературе существует много определений идиостиля – от самых коротких до развернутых. Так, например, Х. Ортега-и-Гассет в статье «Нищета и блеск перевода» писал: «Личная стилистика автора состоит в том, что он чуть-чуть смещает привычный смысл слова, заставляет его обозначать такой круг предметов, который точно не совпадает с кругом предметов, обычно обозначаемых данным словом в общепринятом употреблении. Общее направление этих смещений у писателя и есть то, что мы называем

его стилем» [6: с. 521]. Я. Парандовский понимает под индивидуальным стилем писателя «совокупность характерных особенностей словаря, конструкции предложения, их соотношения между собой, употребление метафор, сравнений, различные речевые особенности или же сознательное избегание всего этого» [7: с. 220]. Мы же считаем возможным присоединиться к подходу к идиостилю, который нашел отражение в работах М. Гиршмана. По его мнению, стиль – это способ бытия творческой индивидуальности, способ бытия человека-автора в его творении [3: с. 13].

Многие авторы, говоря об индивидуальном стиле, затрагивают также проблему уникальности и неповторимости творений писателя. Не отрицая важности названных категорий, мы хотели бы дополнить их еще и понятием единичности, которое относится как к автору и создаваемым им произведениям, так и ко всему его творчеству. Творчество великого писателя уникально и неповторимо потому, что оно единично. Именно индивидуальный стиль писателя, его творческий почерк и присущая только ему манера позволяют отличить его творения от произведений других авторов.

Индивидуальный стиль определяется, как мы уже отмечали, своеобразием языковой личности автора. Иногда эта взаимосвязь предстает как непосредственный результат проявления того или иного качества личности автора. Так, например, внутренний (и внешний) аристократизм немецкоязычного поэта Р.М. Рильке нашел свое отражение в аристократизме его языка. Аристократизм языка заключается, на наш взгляд, в изысканности построения предложений, неожиданном характере поэтических образов, отказе от использования сниженной лексики. Уникальность идиостиля Р. М. Рильке заключается, помимо прочего, в объединении в едином художественном мире параметров писателя так называемого зрительного, или визуального, типа и писателя слухового (акустического) типа. Несомненно, что Рильке как автор сборника «Новые стихотворения» – это автор визуального типа, в то время как «Сонеты к Орфею» принадлежат писателю преимущественно акустического типа. В прозе Рильке переплетение подходов к условно зрительному или акустическому восприятию и воссозданию художественной действительности еще более ощутимо, равным образом как и смешение типов авторского темперамента.

Какие же требования при переводе иноязычных произведений диктует наличие индивидуального стиля автора? О необходимости учета индивидуальной стилистики говорит, например, современный переводовед Н.К. Гарбовский в своей книге «Теория перевода»: «Всякий перевод … подчиняется нормам языка перевода в целом, нормам того речевого жанра, в рамках которого он развертывается, а также индивидуальной стилистике автора» [2: с. 235]. Мы полностью разделяем точку зрения Н.К. Гарбовского, так как идиостиль ставит переводчика в определеннее рамки, за которые ему непозволительно выходить, и границы которых он обязан строго соблюдать. Ю.П. Солодуб, со своей стороны, также считает, что для создания эстетически адекватного художественного перевода текста от переводчика требуется внимательное отношение к авторскому идиолекту [8: с. 24]. Таким образом, многие переводоведы рассматривают идиостиль переводимого автора как одно из важнейших условий создания адекватного перевода художественного текста, что подводит нас к необходимости поставить вопрос и об идиостилистике перевода, которая видится нам как частная теория, реализуемая на материале творчества одного автора.

Важность разработки идиостилистики перевода определяется большей частью тем обстоятельством, что первоочередную трудность при переводе представляет собой именно передача авторского стиля [6: с. 521]. К сожалению, вопрос о необходимости вычленения идиостилистики перевода до сих пор в науке о художественном переводе не ставился. Это объясняется, вероятно, тем обстоятельством, что идиостилистика перевода не может носить всеобщего характера, а мыслится как область художественного перевода, обслуживающая перевод произведений классиков. То есть идиостилистика перевода – это теория художественного перевода произведений отдельных великих писателей. Мы считаем необходимым дать свое определение идиостилистики перевода, под которой понимаем теорию, находящуюся на стыке стилистики автора (идиостилистики) и теории художественного перевода и представляющую собой свод принципов, реализуемых при воссоздании средствами языка перевода массива художественных текстов данного конкретного автора. На основе анализа более чем столетней истории и практики перевода поэзии и прозы Р.М. Рильке на русский язык можно утверждать, что идиостилистика автора и идиостилистика перевода представляют собой те направления филологической науки вообще и теории художественного перевода в частности, разработку и развитие которых можно рассматривать в качестве важной задачи современной филологии. Идиостилистику перевода можно строить на базе идиостилистики автора, эксплицитной теории перевода, которая выводится из реализуемых каждым переводчиком данного автора принципов перевода, и историко-филологического анализа всех переводов автора на данный язык. Идиостилистика перевода – это стилистика на стыке двух языков, это интерлингвальная стилистика. Важно заметить, что

идиостилистика перевода зависит и от своеобразия рецепции творчества каждого великого писателя.

При воссоздании идиостиля автора переводчик выполняет одновременно несколько задач. Переводчик должен определить нишу, которую переводимое им произведение занимает в гипертексте автора, выявить ассоциативные нити, связывающие его с другими произведениями автора, диагностировать стилистические качества переводимого текста, представить себе его индивидуальное стилистическое своеобразие. Затем переводчику предстоит найти пути воссоздания стилистического своеобразия оригинала в сфере своего языка – языка перевода. После этого переводчик может приступить к решению собственно переводческих операций по созданию текста перевода, адекватного оригиналу.

Как показывает имеющийся в нашем распоряжении материал переводов поэзии и прозы Р.М. Рильке и других немецкоязычных авторов на русский язык, частыми причинами появления недоброкачественных переводов являются несоответствие авторского идиостиля и идиостиля переводчика, невнимательное отношение переводчика к стилю писателя, неспособность переводчика передать своеобразие идиостиля автора средствами другого языка, его недостаточная ориентированность в проблематике идиостилистики автора. Поэтому мы полагаем, что идиостилистика перевода помогла бы новому поколению переводчиков в той или иной мере решить эти и многие другие проблемы.

С возникновением и становлением идиостилистики и теории идиостилистики перевода, представляющих собой, если воспользоваться словами М.Я. Цвиллинга, сказанными им по несколько иному поводу, «живой синтез взаимопроникающих и взаимооплодотворяющихся подходов» [12: с. 36], мы сможем говорить о новой, более качественной ступени в развитии отечественной науки о художественном переводе.

Рассмотрев отдельные вопросы индивидуального авторского стиля, обосновав в первом приближении необходимость вычленения в сфере художественного перевода идиостилистики перевода, необходимо поставить вопрос и о критике перевода как одной из важных составляющих современной науки о переводе.

Условно признается, что такая наука, как критика перевода, существует. Однако ситуация в этой сфере намного сложнее, чем в области теории художественного перевода. Единственно верным и однозначным признанием переводчиков и переводоведов стал тот факт, что критика перевода непременно должна сочетать в себе литературоведческий и лингвистический подходы. Литературоведческий подход, как мы знаем, имеет более раннюю историю. Лингвистическая критика долгое время отсутствовала, и одной из причин тому, на наш взгляд, можно считать субъективность оценок и суждений. Данное обстоятельство подчеркивают практически все переводоведы, так или иначе затрагивавшие проблемы критики перевода. Так, немецкий исследователь Ф. Кёнигс начинает свои рассуждения о критике перевода, вошедшие в «Переводческую терминологию», следующим постулатом: «Задача критики перевода состоит в объективной оценке каждого перевода» [16: с. 333]. Нельзя, разумеется, не согласиться с данным утверждением, с сожалением приходится констатировать, что переводческая критика до сих пор не лишена субъективности. Ю. Хаус в статье «Возможности критики перевода» также говорит о субъективно-интуитивных оценочных суждениях, которые нередко носят общий характер, например: «перевод конгениален оригиналу» или «тон оригинала потерян в переводе». Поэтому необходимо четко разграничить языковой анализ, сравнение оригиналов и переводов и социокультурную оценку переводов. Следующий тезис Хаус мы хотели бы выделить особо: «Оценка без фундамента лингвистического анализа бесполезна и опасна» [15: с. 101, 108]. Субъективности оценок переводов посвящен и раздел «Литературная критика и критика перевода» в книге Е. Альбрехта «Литературный перевод» [14]. На основе многочисленных примеров бездоказательных критических рецензий и переводческих ошибок автор книги показывает несостоятельность подобной критики. Далее он пишет, что критика перевода должна непременно базироваться на анализе текста [14: с. 232].

Н.К. Гарбовский также выделяет субъективность как одну из черт переводческой критики, которая, по его мнению, состоит в том, что «…текст представляет собой открытую форму, т.е. он оказывается открытым для интерпретации, для различного понимания» [2: с. 96]. Ю. Найда в свое время отмечал, что «…оценка того или иного перевода невозможна без принятия во внимание множества факторов, которые, в свою очередь, могут быть рассмотрены с разных позиций. Полученные при этом результаты могут не совпадать» [5: с. 126]. Однако, как считает О.И. Костикова, «…признать полностью субъективный характер переводческой критики означает отказаться от поиска объективных критериев оценки перевода, что переносит переводческую критику в область индивидуальных представлений» [4: с. 50].

В своих взглядах мы исходим из того, что переводчик, а также критик перевода не имеют права на так называемое собственное прочтение оригинала. Подлинник должен прочитываться исходя из основных творческих принципов его автора и в соответствии с его художественными законами. Нам

также хотелось бы внести еще одно уточнение: определенная доля субъективизма позволительна в литературной критике, так как здесь она оправдана с точки зрения литературных направлений и идеологических установок. В научной переводческой критике должны превалировать объективность и доказательность. Поэтому именно теория критики художественного перевода должна помочь отказаться от субъективной оценочности и предложить критикам-компаративистам научно обоснованную систему анализа и оценки качества переводов.

Для создания научно обоснованной критики перевода необходимо также разработать приемы и методы предпереводческого анализа текста оригинала. Данный этап должен включать следующие составляющие: изучение научной и критической литературы об оригинале, уяснение смысла оригинала, определение жанровых особенностей текста, выявление стилистических доминант и трудных для перевода мест текста, определение доминирующего ритмического рисунка, особенностей фоники, лексики, синтаксиса текста.

Основным и, вероятно, самым важным условием критики художественного перевода является компаративный подход: без сопоставления перевода с оригиналом критика перевода теряет всякий смысл из-за невозможности объективно и справедливо оценить текст перевода. На основе сравнения подлинника и перевода определяется переводческий метод, ведущая концепция автора перевода. Компаративный анализ позволит критику перевода определить целесообразность переводческих решений, качественные отличия, приданные переводчиком тексту, обоснованность переводческих трансформаций и т.д. Подобный анализ позволяет также выявить, насколько переводчик учитывал индивидуальный язык и стиль переводимого автора.

Таким образом, в сфере художественного перевода, процесс которого завершается (либо должен завершаться) критической оценкой переводного текста, фигурируют автор оригинала, исследователь его текстов, переводчик и критик перевода. В нем задействованы категории таких подразделов филологии и теории художественного перевода, как идиостилистика, сопоставительная стилистика, идиостилистика перевода, эксплицитная теория перевода, критика перевода, и исследуются оригинал и перевод. Следовательно, отправной точкой критики перевода является идиостилистика автора и идиостилистика перевода. И если переводчик – посредник между автором оригинала и читателем на другом языке, то критик перевода – посредник между автором, переводчиком и читателем перевода. Иными словами, функция критика перевода по своим задачам несколько шире функций переводчика.

На пути становления научной критики перевода существует целый ряд препятствий, которые тормозят развитие этого раздела теории художественного перевода. Здесь следует прежде всего отметить значительные различия между литературной критикой и критикой перевода. Литературная критика, как мы уже упоминали, – давно существующий раздел филологии, в то время как научная критика перевода только зарождается. Литературная критика имеет дело с оригинальным текстом соответствующей литературы, между тем как предметом критики перевода становятся оригинал и переводной текст, который связан с исходной литературой содержанием, а с принимающей – языком перевода. Таким образом, критика перевода имеет дело с двумя текстами, тогда как литературная критика оперирует только одним. Перечень расхождений между литературной критикой и критикой перевода можно продолжить, однако и сказанного достаточно, чтобы увидеть их принципиальные различия.

Еще одним фактором, затрудняющим конституирование критики перевода, является отсутствие у литературных критиков умения оценивать не просто текст, а текст переводной (см. об этом: [18: с. 202]). Сказываются в этой сфере и личностные, корпоративные, идеологические факторы. Не способствует совершенствованию критики перевода и анализ перевода без обращения к оригиналу, неразграничение сопоставительного анализа исходного текста и текста перевода и собственно критики текста перевода (см. об этом: [17: с. 190]). В отдельных случаях важным фактором оказывается отказ от критической оценки переводных произведений и просто умолчание.

Для становления научной критики художественного перевода сегодня имеются все предпосылки. Она должна опираться на достижения теории перевода и быть тесно связана с другими науками – литературоведением, сопоставительной стилистикой, идиостилистикой художественного перевода и др., что позволит ей по праву обрести статус самостоятельной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балли, Ш.* Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.

2. *Гарбовский, Н.К.* Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – 544 с.

3. *Гиршман, М.М.* Литературное произведение: Теория художественной целостности / М.М. Гиршман. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 528 с.

4. *Костикова, О.И.* Интерпретация как основа деятельности критика переводов (К вопросу заглавия романа «Преступление и наказание») / О.И. Костикова // Вестник Московского ун-та. – 2003. – № 4. – С. 42–51. – (Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация).

5. *Найда, Ю.А.* К науке переводить. Принципы соответствий / Ю.А. Найда // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / под ред. В.Н. Комиссарова. – М. : Междунар. отношения, 1978. – С. 114–137.

6. *Ортега-и-Гассет, Х.* «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве : пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Радуга, 1991. – 639 с.

7. *Парандовский, Я.* Алхимия слова / Я. Парандовский. – М. : Прогресс, 1972. – 335 с.

8. *Солодуб, Ю.П.* Теория и практика художественного перевода / Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт, А.Ю. Кузнецов ; под ред. Е.А. Кречетова. – М. : Академия, 2005. – 304 с.

9. Полифония культурно-языковой среды // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке / под ред. З.Г. Прошиной. – 2017. – Т. XIV. Вып. 1. – 204 с.

10. *Халеева, И.И.* Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия? (Из опыта подготовки переводчиков) / И.И. Халеева // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации : сб. науч. тр. / отв. ред. И.И. Халеева. – М. : МГЛУ, 1999. – Вып. 444. – С. 5–14.

11. Художественный перевод как способ межкультурной коммуникации (аспекты теории) : моногр. / Е.В. Харитонова [и др.]. – Магадан : Изд-во СВГУ, 2014. – 119 с.

12. *Цвиллинг, М.Я.* Переводоведение как синтез знания / М.Я. Цвиллинг // Тетради переводчика / под ред. С.Ф. Гончаренко. – М. : МГЛУ, 1999. – Вып. 24. – С. 32–37.

13. Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации (основы теории) : моногр. / Р.Р. Чайковский [и др.]. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. – 224 с.

14. *Albrecht, J.* Literarische Überzetzung: Geschichte, Theorie, kulturelle Wirkung / J. Albrecht. – Darmstadt : Wiss. Buchges, 1998. – 362 S.

15. *House, J.* Möglichkeiten der Übersetzungskritik / J. House // Übersetzen und Dolmetschen: eine Orientierungshilfe / Hrgs. von J. Best und S. Kalina. – Tübingen; Basel : Franke, 2002. – S. 101–109.

16. *Königs, F.* Übersetzungswissenschaftliche Terminologie / F. Königs // Übersetzen und Fremdschprachenunterricht / Hrsg. von K.-R. Bausch, F.-R. Weller. 1. Aufl. – Frankfurt am Main; Berlin; München : Diesterweg, 1981. – S. 314–338.

17. *Nord, Ch.* Textanalyse und Übersetzen: Theoretische Grundlagen, Methode und didaktisache Anwendung einer übersetzungsrelevanten Textanalyse / Ch. Nord. – Heidelberg : Gross, 1995. – 284 S.

18. *Risku, H.* Translatorische Kompetenz: Kognitive Grundlagen des Übersetzens als Expertentätigkeit / H. Risku. – Tübingen : Stauffenburg Verlag, 1998. – 294 S.

К ВОПРОСУ О НОРМЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Л.В. Полубиченко

Полубиченко Лидия Валериановна – доктор филологических наук, профессор, зам. декана по научной работе, зав. кафедрой английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Контактный адрес: lpolubichenko@mail.ru.

Вопрос о норме применительно к художественному переводу рассматривается на материале культового романа Дж. Д. Сэлинджера «The Catcher in the Rye» (1951) и трех его переводов на русский язык, выполненных Р.Я. Райт-Ковалевой («Над пропастью во ржи», 1960), С.А. Маховым («Обрыв на краю ржаного поля детства», 1998) и М. Немцовым («Ловец на хлебном поле», 2008). Индивидуально-авторский характер творчества как писателей, так и художественных переводчиков сильно ограничивает возможности нормализации переводческой деятельности. Тем не менее на материале переводов Сэлинджера хорошо видно, что переводчику сложных и неоднородных в стилистическом отношении художественных произведений необходимо владеть не только кодифицированными нормами литературного языка, но и неписаными нормами тех его нестандартных разновидностей, которые он намеревается использовать в переводе. Основная трудность, которую разными способами пытались, но пока так и не сумели преодолеть переводчики романа Сэлинджера, состоит в передаче средствами русского языка американского молодежного жаргона 40–50-х гг. XX в., служащего главному герою основным средством общения и содержащего ненормативную лексику.

Ключевые слова: норма, перевод, художественный перевод, стиль, стилистика, Дж. Д. Сэлинджер, «Над пропастью во ржи», Р. Райт-Ковалева, С. Махов, М. Немцов.

Сегодня вопросы нормы не относятся к самым обсуждаемым в отечественном переводоведении. В конце 1980-х гг. эту тему осветили такие корифеи науки и практики перевода, как А.Д. Швейцер и В.Н. Комиссаров, и с тех пор обсуждение данной проблематики всегда так или иначе вращается вокруг их концепций, ограничиваясь, как правило, более или менее подробным пересказом. А.Д. Швейцер говорит о социальной норме перевода, определяя ее как «совокупность наиболее общих правил, определяющих выбор стратегии перевода. Эти правила в конечном счете отражают те требования, которые общество предъявляет к переводчику» [12: с. 19]. Для В.Н. Комиссарова [4] норма перевода также представляет собой совокупность требований, но не столько к переводчику, сколько к производимому им продукту – к качеству перевода. Комплексное понятие нормы перевода раскладывается им на пять составляющих: норму эквивалентности перевода, жанрово-стилистическую норму, норму переводческой речи, прагматическую норму и конвенциональную норму [4: с. 229]. В целом названные подходы не противоречат друг другу, но поскольку концепция Комиссарова разработана более детально, именно от нее удобнее оттолкнуться в рассуждениях о норме применительно к переводу художественному.

Из всех перечисленных норм перевода особый характер художественного перевода наиболее отчетливо просматривается, пожалуй, при обращении к жанрово-стилистической норме, представляющей собой «…требование соответствия перевода доминантной функции и стилистическим особенностям типа текста, к которому принадлежит перевод. Выбор такого типа определяется характером оригинала, а стилистические требования, которым должен отвечать перевод, – это нормативные правила, характеризующие тексты аналогичного типа в языке перевода» [4: с. 229]. Дело в том, что для художественного функционального стиля в отличие от научного, разговорного, официально-делового или любого другого даже доминантная функция (если, конечно, не ограничиваться самыми общими словами о доминировании «функции воздействия»), а тем более – стилистические особенности в каждом конкретном произведении литературно-художественного творчества на языке оригинала индивидуальны и их определение всякий раз требует отдельных усилий со стороны переводчика для проникновения в замысел автора, если, конечно, речь идет о серьезном литературно-художественном творчестве, а не массовой развлекательной беллетристике. В этом смысле художественный стиль занимает среди остальных совершенно особое место из-за принципиальной невозможности разграничения в нем того, что соответствует «норме», и того, что ей не соответствует. Разговор о норме может, конечно, вестись применительно к конкретному периоду литературного развития, конкретной стране, литературному направлению, жанру или автору, но в этих случаях стили, базирующиеся на данных нормах, не будут носить глобального характера, присущего функциональному стилю. В науке о языке уже вполне сформировалось и утвердилось представление о том, что в художественном тексте могут быть использованы любые стилистические средства и приемы, включены в текст любые эле-

менты (фонетические, морфологические, синтаксические, лексические, фразеологические, вплоть до фрагментов и целых произведений речи, по всем признакам принадлежащих к иным функциональным стилям), но все это пестрое разностилевое многообразие способно переплавиться в единое художественное целое силой таланта писателя, подчиняясь его творческому замыслу. Именно на основании стилистической «всеядности» или «вседозволенности» художественной литературы некоторые исследователи вообще отказывают ей в статусе отдельного функционального стиля. Другие, переходя на более высокий уровень обобщения, само потенциальное стилевое многообразие художественной литературы предлагают рассматривать как открытость системы и считать ее одним из главных признаков данного функционального стиля. К стилеобразующим признакам стиля художественной литературы следует, вероятно, отнести и особую роль автора, замыслу которого подчиняется выбор стилистики текста и его частей, всех языковых средств, включая и явно иностилевые, и ненормативные.

Возвращаясь к определению жанрово-стилистической нормы В.Н. Комиссарова, отметим, что и в языке перевода, как правило, бессмысленно искать «нормативные правила, характеризующие тексты аналогичного типа»: усмотреть примерный стилистический аналог переводимого произведения в индивидуальной творческой манере другого художника слова, пишущего на языке перевода, чтобы использовать его тексты в качестве некоторого стилистического ориентира, – уже большая редкость и удача.

Таким образом, доля субъективизма в деятельности художественного переводчика остается весьма значительной, неизбежной и оправданной, и соответственно не удается уйти от обсуждения языковой личности переводчика, его собственного идиостиля, тем или иным образом взаимодействующего с идиостилем переводимого писателя.

Понятия стиля и нормы нераздельны и подразумевают друг друга, во всяком случае в сфере языка. Их объединяет прежде всего лежащая в основе обоих необходимость выбора: развитый естественный человеческий язык на всех уровнях своей системы, как правило, характеризуется избыточностью и предоставляет человеку широкий диапазон разнообразных средств выражения, из которых ему, не имеющему возможности использовать в одном конкретном акте коммуникации все средства сразу, всегда приходится выбирать что-то одно, то, что наиболее точно выражает его мысль и отражает отношение к ней. И если стиль – это специфика выбора тех или иных средств в определенных обстоятельствах или, по выражению П. Гиро, «специфический способ действия» (цит. по: [3: с. 7]), то норма выступает как наиболее распространенный, общепринятый способ осуществления данной деятельности в данных обстоятельствах и, тем самым, как основание для сравнения и сопоставления отклоняющихся от нее стилей.

Нормой, как известно, обладает отнюдь не только литературный язык, собственные – пусть и не кодифицированные – нормы имеют и иные варианты и формы языка – диалекты, просторечие, жаргоны и пр., где так же, как и для литературного языка, уместны суждения «допустимо-недопустимо», «рекомендуется-не рекомендуется» и т.д. Об этом показалось необходимым напомнить в связи с обсуждением остро стоящей сегодня перед художественными переводчиками проблемы передачи ненормативной лексики и других отклонений от норм литературного языка, которыми изобилуют современная литература и кинопродукция. Проблема эта на самом деле старая, лишь сильно обострившаяся в постсоветский период, более того – она относится к категории «вечных», так как в принципе не поддается однозначному решению на все случаи жизни и времена. Можно лишь попытаться добавить некоторые соображения в общую копилку знаний, которые могут оказаться полезными переводчику при осуществлении нелегкого выбора между, казалось бы, равно возможными вариантами.

В качестве материала для рассуждений обратимся не к самому современному, зато хорошо известному в англоязычном мире, особенно в США, и в нашей культуре, а потому и особенно наглядному примеру книги Дж. Д. Сэлинджера «The Catcher in the Rye» (1951), обычно именуемой романом, хотя по всем жанровым признакам она скорее должна считаться повестью. Ее появление в Америке сопровождалось скандальным успехом, причем скандал и неоднократно предпринимавшиеся попытки запретить книгу были обусловлены как раз неприятием некоторой частью общества содержащихся в тексте отступлений от литературной нормы (молодежный сленг) и норм приличия (табуированная тема секса).

В отечественных переводческих кругах хорошо известна история с появлением в 2008 г. русского перевода романа, выполненного Максимом Немцовым и озаглавленного «Ловец на хлебном поле» [7]. Перевод наделал много шума главным образом из-за подхода автора к передаче фамильярно-разговорного молодежного языка и ненормативной лексики, который в корне отличался от подхода Риты Райт-Ковалевой – первой переводчицы романа – в ее уже давно ставшем классическим переводе, называвшемся «Над пропастью во ржи» (1960) [9]. Менее замеченным прошел еще один, третий перевод книги на русский язык, выполненный Сергеем Маховым и увидевший свет в 1998 г. под названи-

ем «Обрыв на краю ржаного поля детства» [6]. Этот перевод также создавался явно в противовес переводу Р. Райт-Ковалевой, в творческом споре с ней.

Роман написан от лица Холдена Колфилда, нескладного и ранимого семнадцатилетнего подростка из состоятельной семьи, ощущающего себя одиноким и чужим в мире взрослых, полном, как ему кажется, фальши и притворства и нацеленном исключительно на потребление. Последовательное нарушение героем норм поведения и языка воспринималось как аутсайдерство, как молодежный бунт и интеллектуальное сопротивление. Сколько раз в тексте Сэлинджера употреблены те или иные слова и выражения, относящиеся к американскому молодежному жаргону 1940–50 гг. и нарушающие сложившиеся нормы литературного языка, подсчитывалось неоднократно как американскими, так и отечественными исследователями. Среди наиболее частотных обычно указывают на следующие единицы, помеченные в словарях как *informal* (нередко с уточняющими добавлениями *offensive, vulgar, impolite* и т.п.): *goddam* (245 раз), *damn* (125), *crazy* (77), *bastard* (62), *lousy* (50), *phony* (49), *crap* (27), *ass* (26), *moron* (24), *dope* / *dopey* (12) и др. Отмечают и обильное употребление слов-паразитов *sort of, and all, or something* и др., экспрессивного восклицания *Oh boy*! / *Boy*!, усилительного *the hell* («*Where the hellja get that hat*?») и т.п. Разговорность языка и отклонения от литературной нормы далеко не исчерпываются лексическим уровнем, проявляясь также в сленговых искажениях фонетической нормы (*Nope* и *Naa* вместо *No*, *Ya* вместо *You* и др.), в стилизации синтаксиса под живую разговорную речь с помощью неполных предложений, незаконченных фраз, инверсии, повторов и пр.

Передать в переводе субстандартность речи главного героя романа как стилистическую доминанту его речевой характеристики – основная задача переводчика при работе с текстом Сэлинджера. Все три переводчика, являясь – пусть и в разной степени – опытными мастерами своего дела, прекрасно осознавали стоявшую перед ними задачу, но подошли к ее решению с разных позиций, которые мы и попытаемся сейчас проанализировать и оценить с точки зрения стиля и нормы.

Прежде всего отметим, что молодежный сленг представляет собой очень подвижную систему, подверженную варьированию как по горизонтальной (территориальной) оси – от региона к региону, от города к городу, даже от школы / университета к школе / университету, так и по вертикальной (временной). Кроме того, он активно взаимодействует, обмениваясь единицами, с жаргонами других социальных слоев и групп, которые в тот или иной период оказывают на молодежь влияние. Все это делает молодежный жаргон чрезвычайно культурно специфичным, что препятствует установлению хотя бы сколько-нибудь стабильной системной стилистической эквивалентности ресурсов аналогичных, казалось бы, подсистем разных языков и создает переводчикам вполне объективные трудности.

Кроме объективных, каждому из переводчиков пришлось преодолевать и свои собственные, субъективные трудности. Так, Райт-Ковалева создавала свой перевод, когда ей было уже за шестьдесят, и кроме возрастного, ее отделял от героя Сэлинджера еще и гендерный барьер со всеми вытекающими отсюда особенностями собственных речевых проявлений и стилистических предпочтений. По воспоминаниям коллег, она постоянно обсуждала возникающие у нее варианты перевода разговорной и жаргонной лексики со знакомыми молодыми людьми, с таксистами и другими потенциальными носителями субстандартных вариантов русского языка, и в результате – сознательно или повинуясь своему безупречному чувству языка – отказалась от попыток воспроизведения молодежного жаргона, ориентировав речевой портрет героя на общие нормы русской разговорной речи, но без откровенно грубых и вульгарных выражений (оценивая этот подход, надо иметь в виду и строгую советскую цензуру: даже слово «говнюк» редактор не пропустил, несмотря на все уговоры [2]). Приведем несколько примеров:

...I was standing ***way the hell*** *up on top of Thomsen Hill. – ...я стоял* ***черт знает где****, на самой горе Томпсона.*

*Somebody'd written «****Fuck you****» on the wall. – Кто-то написал на стене* ***похабщину****.*

I was personally acquainted with at least two girls he ***gave the time to****. – Я сам был знаком с двумя* ***девицами****, с которыми он* ***спутался.***

He ***was giving her a feel*** *under the table. – Он* ***тискал*** *ее под столом.*

The hell *he did,* ***the bastard. – Черта лысого*** *он передал,* ***подонок****!*

How ***the hell*** *did I know what he was doing? –* ***Каким чертом*** *я мог знать, что он там делает?*

Нередко жаргонные и разговорные выражения оригинала заменяются в переводе на вполне нейтральные, соответствующие литературной норме:

What ***the hellya*** *reading? – Что ты читаешь?*

They got ***a bang*** *out of things... – И все-таки они получали удовольствие от жизни.*

He told us we ought to think of Jesus as our ***buddy and all. –*** *Вы, – говорит, – обращайтесь ко Христу просто как к приятелю.*

I mean he didn't ***hit the ceiling or anything****. – То есть ничего особенного он не сказал.*

Partly because I have a ***lousy*** *vocabulary... – ...отчасти потому, что у меня не хватает слов...*

*For one thing, the room was too **damn** hot. – В комнате стояла страшная жара.*

*...you felt **sort of** sorry for her. – ...ее почему-то было жалко.*

*...I felt **like** I was **sort of** disappearing. – ...мне вдруг показалось, что я исчез.*

*His door was open, but I **sort of** knocked on it anyway. – Дверь к нему была открыта, но я все же постучался.*

В целом грубость речи Холдена Колфилда в переводе Р.Я. Райт-Ковалевой была смягчена, и ее характеристики несколько сдвинулись в сторону литературной нормы, оставшись, тем не менее, разговорными за счет синтаксиса и отдельных лексических элементов, образующих в совокупности гармоничное стилистическое единство, так восхищавшее современников. Герой получился не только думающим и ранимым, но каким-то особенно нравственно чистым, что оказалось востребованным поколением шестидесятников и в дальнейшем неизменно вызывало отклик у новых поколений читателей, обусловив признание перевода Райт-Ковалевой классическим.

Однако в постперестроечные годы жизнь в стране, а с ней и язык стали стремительно меняться. И дело не только и не столько в том, что кое-какие неверно понятые никогда не бывавшей в Америке переводчицей американские реалии стали теперь в России общеизвестными и ошибки в переводе привлекают к себе внимание, а в ряде случаев просто отпала необходимость подбирать чужим реалиям приблизительный русский аналог или прибегать к пояснениям (достаточно напомнить о десятки раз обсуждавшемся переводе слова «hamburger» как «котлета»), дело в том, что вся система стилевых норм русского языка заметно сдвинулась в сторону раскованности и разговорности. Разговорные средства всех языковых уровней используются сегодня в различных функциональных стилях и жанрах, даже там, куда раньше они не допускались, и в этом контексте стилистически сдержанный в использовании разговорных средств перевод Р. Райт-Ковалевой начинает уже восприниматься как недостаточно достоверный. С другой стороны, как раз эта в некотором смысле вынужденная сдержанность, выверенность каждого слова и, конечно, присущее переводчице безупречное чувство стиля привели к тому, что и по прошествии пятидесяти с лишним лет подавляющее большинство использованных ею разговорных лексических единиц по-прежнему остаются таковыми и не так много в тексте слов и выражений, ставших сегодня явными анахронизмами. И все-таки общее впечатление от речевого портрета главного героя уже не вписывается в современное представление о 17-летнем юноше, и в нем действительно проскальзывает то что-то девчачье, то просто детское. Чтобы в полной мере ощутить это, недостаточно приводившихся выше кратких фрагментов текста – отдельных слов, словосочетаний и даже предложений, необходим отрывок, несколько более протяженный, чем приводившиеся до сих пор. Обратимся в качестве примера к началу пятой главы, где как раз фигурирует та самая многократно критиковавшаяся «котлета» (разговорные, жаргонные, просторечные, вульгарные, сленговые, инвективные и другие подобные лексические элементы для удобства выделены):

*We always had the same meal on Saturday nights at Pencey. It was supposed **to be a big deal**, because they gave you steak. **I'll bet a thousand bucks** the reason they did that was because a lot of **guys'** parents came up to school on Sunday, and old Thurmer probably figured everybody's mother would ask their darling boy what he had for dinner last night, and he'd say, "Steak." What a **racket**. You should've seen the steaks. They were these little hard, dry **jobs** that you could hardly even cut. You always got these very lumpy mashed potatoes on steak night, and for dessert you got Brown Betty, which nobody ate, except maybe the little **kids** in the lower school that didn't know any better–and **guys** like Ackley that ate everything.*

*It was nice, though, when we got out of the dining room. There were about three inches of snow on the ground, and it was still coming down like a madman. It looked **pretty as hell**, and we all started throwing snowballs and **horsing around** all over the place. It was very childish, but everybody was really enjoying themselves.*

*I didn't have a date **or anything**, so I and this friend of mine, Mal Brossard, that was on the wrestling team, decided we'd take a bus into Agerstown and have a hamburger and maybe see a **lousy** movie. Neither of us felt like **sitting around** on our **ass** all night.*

По субботам у нас всегда бывал один и тот же обед. Считалось, что обед роскошный, потому что давали бифштекс.

*Могу поставить тысячу долларов, что кормили они нас бифштексом потому, что по воскресеньям к ребятам приезжали родители, и старик Термер, вероятно, представлял себе, как чья-нибудь **мамаша** спросит своего дорогого сыночка, что ему вчера давали на обед, и он скажет – бифштекс. Все это жульничество. Вы бы посмотрели на эти бифштексы. Жесткие как подметка, нож не берет. К ним всегда подавали картофельное пюре с комками, а на сладкое – «рыжую Бетти», пудинг с патокой, только его никто не ел, кроме малышей из первых классов да таких, как Экли, которые на все **накидывались**.*

После обеда мы вышли на улицу, погода была славная. Снег лежал на земле дюйма на три и все еще

*сыпал **как оголтелый**. Красиво было **до чертиков**. Мы начали играть в снежки и **тузить** друг друга. Ребячество, конечно, но всем стало очень весело.*

*Делать мне было нечего, и мы с моим приятелем, с Мэлом Броссаром из команды борцов, решили поехать на автобусе в Эгерстаун съесть по котлете, а может быть, и посмотреть какой-нибудь **дурацкий** фильм. Не хотелось весь вечер **торчать дома**.*

Создание новых переводов классических произведений, в особенности таких стилистически сложных, требующих от переводчика высокого мастерства, как роман Сэлинджера, – это нормальная, даже необходимая практика, так что не приходится удивляться, что в 1990-е гг. была предпринята попытка создать что-то более соответствующее оригиналу и отвечающее духу времени, чем «женский», «совковый», «поднадзорный», «устаревший», «сглаженный», «облитературенный», «гиперлитературный» и пр., и пр. перевод Р.Я. Райт-Ковалевой. Сравним несколько фрагментов текста романа в переводе Р. Райт-Ковалевой и новом переводе С.А. Махова:

*That **stuff** doesn't interest me too much right now... – **Неохота**, честное слово. Неинтересно (Райт-Ковалева). – Вся эта **хренота** мне сейчас **глубоко по фигу** (Махов);*

*David Copperfield kind of **crap** – давид-копперфилдовскую **муть** (Райт-Ковалева) – **муру** вроде той, что **наплел** Давид Копперфильд (Махов);*

***Madman stuff** – сумасшедшую историю (Райт-Ковалева) – сумасшедшая **хреновина** (Махов);*

***Goddam** autobiography – свою автобиографию (Райт-Ковалева) – свое **паршивое** жизнеописание (Махов).*

Очевидно, что если Райт-Ковалева стремилась смягчить грубость текста и несколько проредить разговорную лексику, то Махов, наоборот, их усиливает и концентрирует:

***That's the thing** about girls. Every time they do something pretty, even if they're **not much to look at**, or even if they're **sort of** stupid, you fall half in love with them, and then you never know where **the hell** you are. Girls. – С **мочалками вечно** так. **Глянуть** не на что, глупая **до безобразия**, но если **хоть чего-то** умеет делать **клево,** ты уже почти **втюрился**, ну и несет **черт те куда**. **Мочалки**.*

Сергей Махов делает это вполне сознательно, о чем прямо объявляет в предисловии к своему переводу в том же разухабисто-неестественном стиле, отражающем его представления о речевых привычках молодежной аудитории: «Короче, обидно мне стало за "великий и могучий", я принял вызов и напичкал языковой поток словечками и выраженьицами ученическими, тусовочными и даже блатными и матерными» [6: с. 4]: «*мент*», «*халдей*», «*королевич*», «*рваный*» и «*бабки*» (о деньгах), «*сударь*», «*чудо-юдо*», «*больно уж занудно*», «*трепаться*», «*жучила*», «*кореш*», «*разборки*», «*талдычить*», «*рыдван*», «*тачка*», «*драндулет*», «*предки*», «*козел вонючий*», «*папик*», «*вшивое кинцо*», «*скумекать*», «*ни фига*», «*небось*», «*обалденный*», «*жрать*», «*задница*» и т.д. и т.п. Безо всякого чувства меры в одном абзаце смешиваются единицы самых разных пластов языка – временных и стилевых, на что еще в 1997 г. указала во внутренней рецензии на новый перевод романа Н. Галь, не рекомендовавшая его в печать [1]. В частности, начало пятой главы романа в исполнении С.А. Махова звучит следующим образом:

*По субботам в Пенси на ужин **вечно** одно и то же. Дают отбивную; считается, якобы **ну** самый настоящий пир. Готов спорить на **тыщу** – дают, ибо в воскресенье туда приезжает **куча** родителей; **папик** Тёрмер, наверно, **скумекал**: каждая мамочка спросит драгоценного сыночка, чем кормили вчера вечером, и тот ответит: «Мясом». **Гнусное** надувательство! Посмотрели б вы на **тамошние** отбивные. Какие-то жёсткие сухие **ошмётки** – ножом не раздерёшь. К ним всегда подают комковатую картофельную размазню, а на сладкое – яблочную запеканку с сухарями, но её никто не ест, разве только **приготовишки**, ведь они ещё **ни фига** получше не видели, да **чуваки** вроде Акли, которые **жрут** всё.*

*Выходим из столовой, а на улице просто сказка. Снег сыплет, словно сумасшедший; уже довольно глубоким слоем лежит на земле. Вокруг – **обалденная красотища**, все стали бросать снежки, вообще дурачиться. Детство заиграло, **небось**, но веселились от души.*

*Свиданья **иль** ещё **чего-нибудь этакого** я не намечал, ну мы с одним **другом** – Мэлом Броссаром из сборной по борьбе – решили прокатить на автобусе в Аджерз, съесть там по булочке с рубленым мясом и расплавленным сыром, а **пожалуй**, посмотреть какое-нибудь **вшивое кинцо**. Ни ему, ни мне не хотелось сидеть весь вечер да **протирать задницу**.*

Стилистическая разноголосица откровенно режет слух: вполне уместные разговорные единицы типа «тыща», «скумекал», «ни фига» или «небось» соседствуют с книжным «ибо» и формально-официальным «по булочке с рубленым мясом и расплавленным сыром», звучащим как экспликация непонятного по названию блюда в меню современных заведений общепита. Кроме того, разговорно-пренебрежительное «папик» имеет в языке основное значение «богатый спонсор, влиятельный покровитель», явно неподходящее по контексту и вызывающее совершенно неверные и ненужные ассоциации.

Появившийся еще 10 лет спустя перевод М.В. Немцова [7] следует той же стратегии, нещадно смешивая в устах Холдена Колфилда русскую провинциальную речь, воровской жаргон, сленг советских лагерей, современный хипстерский жаргон и русский мат. При этом снова полностью игнорируется то обстоятельство, что за каждым из социальных диалектов, развившихся в результате обособления того или иного социального слоя, стоит соответствующая субкультура, «…так как основным его предназначением является хранение и генерирование специфических норм, ценностей, понятий, символов и других элементов, свойственных данной субкультуре» [11: с. 47]. Воссоздаваемый в переводе художественный образ американского подростка просто не способен вместить такое многообразие российских субкультур и трещит по швам.

*Вот где **засада** вся. Даже такого места не найдешь, где нормально и спокойно, потому что нет таких мест. Только думаешь, что есть, а доберешься до него, чуть отвернешься – и кто-нибудь подлезет **втихушку** и прямо у тебя **перед носом** напишет **«х.. вам».** Сами попробуйте. Я так даже **прикидываю,** что вот **сдохну** когда-нибудь, и **сунут** меня в могилу на кладбище, и будет у меня надгробье **и всяко-разно**, и на нем «Холден Колфилд» написано, а потом год, когда родился, и год, когда **помер,** а прямо **под низом** будет: **«х.. вам». К бабке не ходи.***

Изъясняющийся таким образом герой, безусловно, нагл, груб и агрессивен, но (оставив в стороне вопрос о том, насколько такой речевой портрет соответствует оригиналу) заметим, что цельный его образ не складывается, потому что каждая из задействованных переводчиком стилистических подсистем характеризуется собственной нормой, которой читатель может и не владеть (уж слишком много всякой субстандартной экзотики намешано в переводе!), но как носитель языка не может не ощущать несочетаемости разностилевых элементов. Вот еще несколько примеров: «*не в жилу мне про это трындеть*», «*захезанные приблуды*», «*лапы*», «*пердак*», «*херня*», «*пацанчик*», «*фофаны*», «*меня просто сносило с тормозов это долбанутое безумие*», «*фигня*», «*кинцо*», «*столовка*», «*свиданка*», «*зашибись*», «*гонять туфту*», «*хренота*», «*позырить*», «*ни шиша*», «*кипиш*», «*нехилая засада*», «*ексель-моксель*», заимствованные из воровского жаргона слова «*штрик*» (старик) и «*штруня*» (старуха) как перевод слов «*father*» и «*mother*», «*на всю эту парашу смотреть*», «*фигово, что такое хезалово может быть уматно*», «*от нефиг делать*», «*просечь*», «*накорябать*», «*малявка*» и мн. др. Для полноты картины приведем в переводе М. Немцова начало все той же пятой главы:

*В субботу по вечерам в Пенси кормили одним и тем же. **Как бы кипиш страшный**, потому что давали бифштекс. На **тыщу** спорим, они так делали потому, что у многих парней **штрики** по воскресеньям в школу приезжают, и этот Тёрмер, наверно, **прикинул:** всякая **штруня** своего **дорогушу** станет допрашивать, что это он кушал вчера на ужин, и он ей скажет: «Бифштекс». **Куда деваться. Видали б** вы эти бифштексы. Такие сухие **козявки**, даже не разрежешь. По таким вечерам к бифштексам всегда давали комки пюре, а на десерт – «Румяную Бетти», которую никто не ел, кроме **разве что малявок** из начальной школы, которые **ни шиша не смыслят**, да каких-нибудь Экли, которые всё **сожрут.***

*Хотя когда мы вышли из **столовки**, было **вроде** ничего. Снега нападало дюйма на три, и он еще сыпался, **прямо как ненормальный**. Красиво, **как не знаю что**, мы все стали кидаться снежками и вообще **валять дурака**. Детский сад, но всем **зашибись.***

*У меня ни **свиданки** не было, ничего, поэтому мы с этим моим **корефаном**, Мэлом Броссаром, он еще в борцовской команде, решили прокатиться на автобусе в Эйджерстаун, **зачикать** по гамбургеру и, может, **кинцо какое паршивое позырить**. Ни ему, ни мне на **жопе** весь вечер сидеть не хотелось.*

Итак, можно резюмировать, что тексты обоих «мужских» переводов оказались перегруженными разномастной сниженной лексикой и трудными для восприятия. Они производят впечатление стилистического хаоса и неестественности, но главное – им недостает вкуса, чувства стиля и гармонии, и сегодня подкупающих читателей перевода Р.Я. Райт-Ковалевой и примиряющих с его недостатками. Гармонизирующим фактором в переводе Р.Я. Райт-Ковалевой как раз и была четкая ориентация на одну вполне определенную норму, которой сама переводчица к тому же прекрасно владела – норму русского литературного языка в разговорной его разновидности. Насколько точен был выбор такого ориентира для перевода американского молодежного сленга середины прошлого века? Нет, не точен, но, несомненно, он был единственно возможен для советского времени и с учетом личности переводчика. В наступившую затем бесцензурную эпоху свободы выражения стилевой ориентир можно было выбрать гораздо точнее, но, как мы видели, само по себе, автоматически это еще не гарантировало получения качественного перевода. Переводчик должен сам владеть нормой выбранного стиля – пусть даже некодифицированной, неписаной – и чувствовать, что является в нем узуальным, привычным, частотным, т.е. **нормальным**, а что находится на периферии или вовсе не укладывается в стилистику выбранного типа речи.

Учитывая сказанное, желание создать новый, более совершенный и лучше передающий стилистику автора перевод романа Сэлинджера вполне естественно и даже закономерно. Для художественного текста, в котором задействована такая изменчивая материя языка, как сленг, подверженный значительному варьированию не только в пространстве, территориально, но и во времени, как нельзя более справедлива уже ставшая в переводческих кругах аксиомой мысль о том, что каждому новому поколению читателей нужен свой, новый перевод классики. Попытки пере-перевести роман Сэлинджера продолжаются и будут продолжаться: можно упомянуть, в частности, о появившихся в 2009 и 2010 гг. переводах Я. Вала [8] и Я.К. Лотовского [10]. Каждый из существующих переводов в том или ином отношении приближает не владеющего английским языком читателя к пониманию замысла романа и его героя, каждый имеет своих сторонников, но каждый не свободен и от недостатков, часто весьма существенных. Представляется, что накоплен уже достаточный материал, чтобы на основе существующих авторских переводов романа Сэлинджера попытаться создать его так называемый «усредненный» филологический перевод, по возможности свободный от их недостатков и проявлений индивидуальности переводчиков [5: с. 44].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галь, Н.* Внутренние рецензии [Электронный ресурс] / Н. Галь // Воспоминания. Статьи. Стихи. Письма. Библиография. – М. : АРГО-РИСК, 1997. – Режим доступа: http://www.vavilon.ru/noragal/reviews.html (дата обращения: 13.10.2017).

2. *Джонсон, Р.* Если бы Холден Колфилд говорил по-русски [Электронный ресурс] / Р. Джонсон. – 2013. – Режим доступа: http://inosmi.ru/world/20130920/213134019.html (дата обращения: 13.10.2017).

3. *Долинин, К.А.* Стилистика французского языка / К.А. Долинин. – Л. : Просвещение, 1978. – 343 с.

4. *Комиссаров, В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.

5. *Полубиченко, Л.В.* Филологическая топология: этапы развития и научная проблематика / Л.В. Полубиченко // Вестник Моск. ун-та. – 2012. – № 2. – С. 39–50. – (Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация).

6. *Салинджер, Дж. Д.* Обрыв на краю ржаного поля детства : пер. с англ. С.А. Махова / Дж. Салинджер. – М. : Аякс, 1998. – 311 с.

7. *Сэлинджер, Дж. Д.* Ловец на хлебном поле : пер. с англ. М. Немцова / Дж. Сэлинджер. – М. : Эксмо, 2008. – 330 с.

8. *Сэлинджер, Дж. Д.* Ловящий во ржи [Электронный ресурс] : пер. с англ. Ярослава Вала / Дж. Сэлинджер. – 2009. – Режим доступа: http://www.proza.ru/2009/12/21/289 (дата обращения: 13.10.2017).

9. *Сэлинджер, Дж. Д.* Над пропастью во ржи : пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой / Дж. Сэлинджер (1955). – М. : Эксмо; СПб. : Домино, 2013. – 336 с.

10. *Сэлинджер, Дж. Д.* Над пропастью во ржи [Электронный ресурс] : пер. с англ. Я. К. Лотовского // Семь искусств. – 2010. – № 3–5. – Режим доступа : http://7i.7iskusstv.com/avtory/lotovsky/ (дата обращения: 13.10.2017).

11. *Харитонова, Е.В.* Социолектный текст в кросскультурном аспекте (на материале рассказов Л.Э. Разгона и их переводов на английский язык) / Е.В. Харитонова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – Т. XIV. Вып. 1. – С. 47–53.

12. *Швейцер, А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

А.Е. Котовская

Г.А. Токарева

Котовская Александра Евгеньевна – магистр, педагог дополнительного образования средней общеобразовательной школы № 619 Калининского района г. Санкт-Петербурга.

Контактный адрес: shashurochka93@yandex.ru

Токарева Галина Альбертовна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и философии Камчатского государственного технического университета (г. Петропавловск-Камчатский).

Контактный адрес: tga41@yandex.ru

Данное исследование посвящено изучению возможных технологий художественного перевода, в частности перевода лирических текстов. В статье дан краткий реферативный обзор проблем художественного перевода в заявленном ключе, представлен авторский «диалогический» подход к переводу лирических текстов и приведено его теоретико-методологическое обоснование. В качестве иллюстрации предлагаемой технологии дан диалогический переводоведческий анализ стихотворения американского поэта Р. Фроста, взятый в аспекте передачи хронотопических характеристик текста при переводе. Таким образом, в статье теоретически и практически обосновываются преимущества диалогического подхода к переводу лирического произведения.

Ключевые слова: стратегии перевода, лирический текст, диалогический подход, хронотоп.

Рассматривая новые возможности в реализации теории художественного перевода, мы сочли необходимым предварить собственную концепцию диалогового перевода кратким экскурсом в историю формирования теории поэтического перевода с тем, чтобы доказательно представить специфику художественного перевода и перевода лирических текстов, в частности. Предлагаемую методологию мы иллюстрируем практическим диалоговым разбором переводимого текста в финальной части исследования.

Осмысление принципов художественного перевода начало формироваться раньше общей теории перевода. Подобно тому, как поэзия опередила прозу в культурном генезисе, так и о принципах перевода художественного текста переводчики задумались раньше, чем пришло осмысление общетеоретических принципов нехудожественного перевода (собственно «теория перевода» как самостоятельная научная дисциплина начала складываться только в XX в. и расцвела во второй его половине). Основным материалом для решения проблемы художественного перевода ожидаемо стали тексты Священного Писания, которые в силу своей древности реализовали принцип бессознательной художественности, а значит, невольно ставили вопрос о переводе образно воплощенных понятий на другой язык. Для передачи бессознательно образных мифологических текстов первые переводчики сакральных книг вынуждены были искать способы адекватной языковой передачи семантически ёмких понятий. От перевода сложных текстов требовали особого переводческого искусства, демонстрации квалифицированной переводческой работы и ответственности, а в случае переводов текстов Священного Писания – и особого переводческого буквализма, соединённого с профетической вдохновенностью. Эти жёсткие требования к переводу сакральных текстов не помешали блаженному Иерониму в IV в. н. э. положить в основу латинского перевода Библии (так называемые «Вульгаты») принцип движения от значения к значению, а не от слова к слову. Переводческий опыт блаженного Иеронима фактически с самого начала поставил под сомнение саму возможность реализации принципа переводческого буквализма применительно к семантически сложным текстам.

Так постепенно начали формироваться две основные концепции «точного», «буквального» и «вольного», «интерпретационного» перевода[1]. Перевод же священных текстов парадоксально требовал соединения обоих подходов: буквализм был вызван боязнью десакрализации божественного источника, интерпретация, которая впоследствии

[1] Приведем определения этих двух типов перевода из работы авторитетных специалистов в области теории перевода: «**Вольным** называют перевод-предложение, при котором общее содержание оригинала передается на другом языке независимо от другой формы оригинала. По существу он представляет перевод **субъективный.** При **дословном** переводе наблюдается следование языковой форме оригинала, т.е. семантико-структурные характеристики языка подлинника воспроизводятся на языке перевода» [9: с. 6].

нашла выражение в библейской герменевтике, была вызвана бессознательно художественной природой мифологизированного текста Священного Писания. Два обозначенных подхода, по сути, предопределили разделение впоследствии перевода на художественный и нехудожественный и потребовали разработки соответственно литературоведческих и лингвистических теорий перевода.

П.М. Топер справедливо заметил: «…не может быть единой теории перевода, должны существовать две самостоятельные научные дисциплины (или два самостоятельных ответвления одной научной дисциплины): для прагматических текстов в системе лингвистики, для художественных текстов – в системе литературоведения и лингвистики» [12: с. 151]. Переводческая практика показывает, что переводчик-лингвист и переводчик-литературовед поразному подходят к самому процессу перевода. Если переводчик-лингвист рассматривает текст, прежде всего, с точки зрения адекватности перевода смысла, то литературовед видит в художественном феномене, прежде всего, эстетическое целое и стремится сохранить это сверхъязыковое единство при переводе. А это означает, что переводческие стратегии должны учитывать структуру текста, формирующую это единое целое. Абсолютно справедливо наблюдение, сделанное известным ученым в области художественного перевода И. Кашкиным: «Лингвистическая теория перевода по необходимости ограничена рамками соотношения двух анализируемых языков, тогда как литературоведческий подход к теории художественного перевода позволяет выдвинуть те критерии, которые могут обобщить любые литературные переводы с любого языка на любой язык, подчиняя их общим литературным закономерностям» [5: с. 444]. Благодаря И. Кашкину в теоретический обиход было введено понятие «реалистического перевода» (по аналогии с реалистическим искусством), которое намекало на перспективу построения теории художественного перевода как литературоведческой дисциплины.

Сталкиваясь с проблемой художественного перевода, переводчик вынужден осуществлять комбинацию различных интерпретационных принципов. Так, принцип признания автономности текста будет непременно требовать учёта принципа открытости текста. Осознание культурной ситуации, внутри которой создавался оригинал, также жизненно необходимо переводчику художественной литературы: здесь переводчик должен одновременно сочетать в себе качества теоретика и историка литературы. Для переводчика «прагматического текста», напротив, особую актуальность приобретает сочетание принципов учёта автономии текста и понимания предмета, о котором идёт речь в переводимом тексте. В этом смысле любой перевод является интерпретационным, пусть этому и противится речевая практика, в которой интерпретация мыслится как операция, противная самой идее перевода как точной передаче смыслов.

Выбор переводческой стратегии сопряжен с необходимостью осмысления методологии художественного перевода в свете теории междисциплинарности. Прежде всего, разведем два смысла понятия «художественный перевод»: процесс и результат. Поскольку наше исследование не носит сугубо переводоведческого характера, технология изучения продукта переводческой деятельности является для нас менее актуальной. Здесь достаточно просто определиться с методологией исследования и разработать его инструментарий. Гораздо более сложным оказывается намерение теоретически осмыслить процесс художественного перевода и определить его научно-методологические основы. Главное препятствие – творческий характер этого процесса, который противится всяческой регламентации. Однако гуманитарная наука нового и новейшего времени разработала ряд принципиально важных теоретических принципов, которые переводчик в процессе своей практической деятельности не может не учитывать. Совершенно очевидно, что здесь должен быть заявлен принцип междисциплинарности и возможность оценки творческого процесса художественного перевода как многоаспектного феномена. Не случайно современные исследователи отмечают, что лингвистика в числе прочих гуманитарных дисциплин во второй половине XX в. «…претерпела весьма значительные изменения, утратив определенную степень ранее свойственного ей изоляционизма, и из традиционной дисциплины – науки исключительно о языке – постепенно все больше и больше становится наукой о сущности человека, об особенностях ментальности Homo sapiens» [8: с. 203].

При рассмотрении научных подходов к процессу художественного перевода неизбежно лидирующие позиции должны занять интерпретационные технологии, так как в трактовке текста заложен колоссальный потенциал реализации индивидуального творческого начала переводчика, а мы определяем художественный перевод как творческую деятельность. Опасная тенденция подменить исходный текст собственным художественным целым всегда пугала специалистов в области художественного перевода: к этому было немало оснований, когда за перевод брались талантливые и самодостаточные авторы, проявившие себя как художники в большой литературе. Яркие примеры тому – русские классики, отдававшие дань переводческой деятельности: В. Жуковский, М. Лермонтов, К. Бальмонт, В. Брюсов, Б. Пастернак. Их художественное соперничество с переводимым текстом было неизбежно и порой осознанно заявлено: в переводах Байрона М. Лермонтовым, Шиллера В. Жуковским,

Шекспира и Гёте Б. Пастернаком. Традиция переводов иноязычных текстов в начале XIX в. была связана еще с жанровым и стилевым каноном, и потому представляла для автора переводимого текста еще большую опасность: перевод мог оказаться стилистической интерпретацией не авторского текста, а жанра при частичном или даже полном забвении индивидуального стиля переводимого автора.

Рассматривая принципы перевода поэтического текста, невозможно не обратиться к новой ветви гуманитаристики – концептологии, которая вводит в обиход теории художественного перевода понятие «концепт». Как известно, впервые термин «концепт» был использован С.А. Аскольдовым-Алексеевым [1], который ввел это понятие в своей статье «Концепт и слово» (1928) для более точного определения слова в его абстрагирующе-заместительной функции. Размышляя о структуре художественного концепта, С. Аскольдов указывает на сложность определения явления как структурированного объекта: «Точная расшифровка этого строя в смысле перечисления всех образов, конечно, невозможна не только потому, что это очень сложное построение, а именно потому, что в нем больше потенциальности и динамики, чем статистической образности» [1: с. 277]. Концепт, по определению ученого, «…органически срощен как со звуковой, так и со смысловой структурой художественных восприятий и является важнейшим посредствующим звеном между ними» (словами. – *А.К., Г.Т.*) [1: с. 278]. Важность терминологического нововведения С. Аскольдова заключалась в том, что исследователь обратил особое внимание на многомерность слова, особенно в художественном тексте, и попытался связать эту многомерность со спецификой функционирования воспринимающего сознания.

Развитие идей концептологии мы находим в фундаментальных исследованиях таких ученых конца XX в., как Д.С. Лихачев и Ю.С. Степанов. Вводя понятие концептосферы, Д.С. Лихачев сдвигает понятийную сущность концепта, определенную С. Аскольдовым, в сферу социолингвистики и лингвокультурологии. Д. Лихачев пишет: «Концепты существуют не сами по себе в некоторой независимой невесомости, а в определенной человеческой "идеосфере". У каждого человека есть свой, индивидуальный культурный опыт, запас знаний и навыков <...>, которыми и определяется богатство значений слова и богатство концептов этих значений» [7: с. 9]. Именно лихачевская трактовка концепта становится основополагающей для теории межкультурной коммуникации и дает «карт бланш» переводчику художественных текстов на основе историко-литературных подходов. Таким образом, трактовка Д. Лихачевым понятия «концепт» привлекает к концептологической методологии хорошо известный в литературоведении и проверенный временем методологический опыт культурно-исторической школы.

Для лингвистов непререкаемым авторитетом в области концептологии остается Ю.С. Степанов, который определяет концепт в отличие от понятия как «некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нем человека» [11: с. 40–43]. Стремление лингвистов трактовать концепт как структурно оформленный объект вполне объяснимо: лингвистика во многом опирается на логику, тяготеет к типологизации объектов и к моделированию речемыслительных актов. Однако активно разрабатывающие идеи лингвоконцептологии исследователи как-то упускают из виду предостережение, заключенное в определении С. Аскольдовым концепта: они с поразительной настойчивостью пытаются уложить содержание концепта в прокрустово ложе структурированной модели с «ядром» и «периферией», разделить концепт на когнитивный, прагматический и аксиологический компоненты, в чем сказывается несомненное стремление сделать интенциальную сущность концепта сущностью воплощенной и потенциально дескриптивной.

Эта роковая ошибка и приводит к упрощенному пониманию концепта как единицы перевода. Работая против переводоведческого понятия «эквивалентность перевода», концептологическая методология при этом позволяет переводчику максимально варьировать свой перевод, привлекая весь ассоциативный потенциал концепта и выявляя (вольно или невольно) имплицитные значения слов в соответствии со своим лингвокультурным опытом. Слово, воспринятое сквозь призму конкретной культуры, в сознании переводчика с его индивидуальным национальным и историческим опытом может семантически реализоваться в совсем ином художественном контексте, нежели у переводимого автора. Таким образом, лингвоконцептуальная методология, возможно и не имея такого намерения, подводит научную основу под так называемый вольный перевод, указывая, по сути, на его неизбежность в процессе межкультурной коммуникации.

Приближаясь к обоснованию возможного диалогического подхода к переводу лирического текста, напомним о необходимости ухода от универсальной методологии переводоведческого анализа лирики. Универсализм подхода к переводимым текстам всегда больше вредит переводчику, чем содействует успеху. Говоря о переводе лирики, В.Я. Брюсов в ранней теоретической статье «Фиалки в тигеле» замечает: «Выбор того элемента, который считаешь наиболее важным в переводимом произведении, составляет *метод перевода* (курсив наш. – *А.К., Г.Т.*)» [3]. При этом любой переводимый материал неизбежно проходит тест на адап-

тивность к условиям принимающей культуры. Весьма симптоматично, например, то, что современная исследовательница Т.Н. Снитко сублимирует переводоведческое понятие «культура перевода» до понятия культурологического. «Наличие в культуре развитой традиции перевода, – пишет автор, – оказывает влияние и на нее саму» [10: с. 37].

Проблема переводческих стратегий в рамках художественного перевода на фоне перечисленных возможных подходов кажется неразрешимой. Мы попробовали разработать теорию диалогового перевода, который, не ставя переводчика перед обязательным выбором – вольный или точный перевод, – позволяет все же учесть разные подходы к переводимому тексту и максимально сохранить авторскую художественную индивидуальность при переводе. Попробуем показать преимущества этой диалогической методики.

Творческий процесс перевода можно представить как перекличку согласных, но не сливающихся голосов. Что дает переводу диалогическая форма? Она не позволяет переводчику снять кальку с самого себя, переводя чужой текст. Профессиональный диалог защитит переводчика от случайной ошибки, поэтической неточности, стилистической шероховатости.

Означает ли это, что в диалоге рождается один общий вариант перевода, и какой характер приобретает в нем заявленная эстетическая целостность, если в тексте соединены две переводческие индивидуальности? Ни того, ни другого диалог не предполагает: каждый переводчик остается творческой индивидуальностью и создает свое собственное эстетическое целое. Но взгляд на себя и свое творчество со стороны почти всегда дает терапевтический эффект, позволяет отрешиться от стереотипов и преодолеть субъективизм оценки.

Диалогический перевод – это всегда зеркало с увеличительным стеклом, в котором переводчик может увидеть даже самые мелкие недочеты своей работы. Таким образом, диалогическая методика является этапом работы переводчика, предшествующим индивидуальной переводческой деятельности, и направлена на уточнение семантики переводимого текста и выбор адекватных переводческих подходов к нему.

В истории переводоведения как науки, в частности в исследовании переводческих подходов к художественному тексту, существовал опыт «коллективного» перевода, однако он был предопределен рядом факторов принципиально иного характера.

Опыт «коллективного авторства» в переводной литературе XVIII в. был обусловлен «принципиальной анонимностью» исходного текста. Г. Гуковский говорит об идеальности переводимого текста, которая словно воссоздается усилиями нескольких переводчиков. Он пишет о «всеобщей соотнесенности всех предложенных разрешений с этим идеалом, объединяющей все усилия отдельных поэтов как бы в единый организованный коллективный труд» [4: с. 260]. Для переводчика не считалось зазорным использовать удачные переводные строки своего предшественника, перевод дистанцировался не только от индивидуальности автора, но и от индивидуальности переводчика (переводчиков). В этом стремлении к идеальному переводу было рациональное зерно: такая методика позволяла открыто признать достижения переводчиков-предшественников и отдавала в распоряжение будущих переводчиков каждый вновь созданный переводной текст. И это парадоксально не приводило к стилевому эклектизму, если переводчики были наделены чувством стиля и чувством родного слова. Эта традиция сохранялась достаточно долго, вплоть до сентиментальных и романтических опытов В.А. Жуковского. Е. Эткинд писал, что Жуковский перевел не Т. Грея «Сельское кладбище», а «перевел жанр элегии» [13: с. 64]. Однако вхождение культуры в индивидуально-творческую эпоху обозначило отказ от тотальной нормативности и акцент на индивидуальности автора, которую переводчики теперь стремились передать в своих переводах. Вероятно, именно в этой временной точке впервые для переводчиков-практиков был поставлен принципиальный вопрос: предпочесть вольный или буквальный перевод? И поэт, наделенный собственным творческим даром, неизбежно выбирал перевод вольный, не задумываясь о том, что он наследует даже не столько традицию состязательности, а идет по пути подражания, стилизации или написания так называемого стихотворения «на случай» (например, стихотворения-памятника). Принцип «многоголосого» перевода исключал из числа потенциальных переводчиков самобытных поэтов, становившихся не посредниками между автором текста и читателем, а равноправными по отношению к оригинальному автору мастерами художественного слова.

Наряду с обращением к диалогической методике перевода, мы ставим задачу рассмотреть перевод в новом функциональном качестве – как форму литературоведческого исследования. В данном случае предполагается обратный эффект: поиски аутентичного варианта перевода превращаются в направление литературоведческого исследования, и переводческая практика становится инструментом интерпретации авторского текста, более глубинного его понимания. Эффект такого возвратного движения к авторскому тексту способствует сохранению максимально полного в эстетическом смысле варианта переводимого произведения и дает возможность исследователям зарубежной литературы воспринять художественный феномен во всей его полноте. Это дополнительная научная информация

для исследователей-литературоведов, которая дает переводному тексту стилистическую полноту, обеспечивает бережное отношение к образному слову и гарантию смысловой адекватности. А в соединении с диалогической методикой еще и диалектическую модель исследовательского консенсуса, основанную на сократовском «В споре рождается истина». Полемически заостренная интерпретация художественных смыслов текста поможет в работе со словом и в выборе переводческих средств, позволит избежать интерпретационной ошибки. Такое дискурсивное движение (если вспомнить исходную семантику термина: дискурс – фр. discours, англ. discourse, от лат. discursus 'бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор') позволяет связать обозначенную нами методологию с дискурсивным подходом, широко распространенным в современной коммуникативистике.

Лингвисты включают дискурс в соссюровскую оппозицию текст–речь, где он становится синонимом речи, рассмотренной через призму коммуникации. Эту традицию понимания дискурса можно справедливо назвать англосаксонской. В её рамках дискурс рассматривается через изучение закономерностей движения информации внутри коммуникативной ситуации, движимой путём обмена репликами (диалога).

Лингвистика часто ассоциирует дискурс с речью (и в этом смысле он противостоит тексту, зафиксированному на бумаге) и видит в дискурсе преимущественно способ передачи информации, фактически отказывая дискурсу в способности хранить информацию, т.е. отказывая ему в «памяти». Термин «память» приводится здесь по аналогии с «памятью жанра» М.М. Бахтина [2]. М.М. Бахтин в принципе стал опорой для французских дискурс-штудий, альтернативных англосаксонским. Передовое понятие «речевого жанра», предложенное учёным, на поверку оказалось синонимичным дискурсу. Важно, что Бахтин видел в дискурсе точку соединения ментальных миров говорящего и слушающего в новом, третьем ментальном пространстве. С этих позиций дискурс может пониматься как текст, представленный в виде объединения ряда интертекстов, закодированных при помощи различных шифров.

В переводческой деятельности таким центром соединения ментальных миров становится сам перевод. В случае же диалогического перевода эти связи становятся более сложными, а общая продуктивность и информативность этого процесса заметно возрастает. Оригинальный текст таит в себе множество потенциальных возможностей быть прочитанным и переведённым. Каждый отдельно взятый переводчик реализует в своей деятельности лишь единственную возможность, в то время как диалогический перевод способствует четырёхкратному увеличению интерпретационного потенциала. Любой читатель, присоединившийся к этому диалогу, получает возможность самостоятельно оценить каждую из позиций и их взаимодействие. Кроме того, у читающего всегда есть возможность не согласиться с отражёнными в диалоге позициями или же предложить альтернативную. В конце концов, если даже оригинальный автор всегда живёт в контексте перекрёстных влияний традиции и творчества современников, то переводчик сам плоть от плоти подобных пересечений, подобных диалогов.

Известный переводчик-практик Г. Кружков много размышлял о корпоративной составляющей переводческого труда. В статье «Роль традиции в переводе: вместе и порознь» он проницательно замечает: «Каждый переводчик трудится в одиночку, трудится над своим; но все переводные тексты в совокупности образуют некое общее пространство, параллельное и изоморфное (т.е. подобное по своей структуре) многомерному пространству всемирной литературы» [6].

В диалогическом подходе к переводу рельефно проявляется как корпоративное, так и индивидуальное. Ведь диалог побуждает переводчика объяснять себе и другим то, что может оставаться скрытым при индивидуальной работе от него самого. Это проклятье никогда не завершающегося разговора и есть труд переводчика и вечный искус дискурсом.

Диалогический подход к переводу лирических текстов был апробирован нами на материале английской и американской лирики XIX–XX вв. (Д. Донн, У. Блейк, Р. Браунинг, Р. Киплинг, Р. Фрост и др.) и нашел отражение в ряде публикаций. В данном издании мы предлагаем вниманию специалистов один из опытов диалогического перевода лирического произведения. Мы представим нашу диалогическую теорию на материале одного из стихотворений американского поэта Роберта Фроста, сделав переводческий акцент на способах передачи хронотопа.

Особенности пространственно-временной организации художественного мира переводимого произведения – аспект, заслуживающий самого пристального внимания переводчика. В мире художественного произведения ничего не существует в отрыве от категории «времени-пространства» (так называемого хронотопа), специфического единства, формирующего взгляд на категорию художественного времени в качестве четвёртого пространственного измерения. Видя в «хронотопе» формально-содержательную категорию, М.М. Бахтин писал: «Всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [2: с. 193]. Хронотопический смысл – по определению смысл сложный и, подобно иронии, не заключённый в отдельных маркерах. Так, совершенно невозможно прояснить особенности хронотопа, скрупулёзно вычленяя в тексте отдельные слова – пространственные и вре-

менные маркеры. Хронотоп – не механическая сумма, а новая целостность, сложная смысловая данность, в которой существует и раскрывается целый (и целостный) художественный мир.

Это доказывает справедливость переводческого внимания к проблеме передачи хронотопических смыслов, механизм работы с которыми мы намерены проследить на материале стихотворения американского поэта Р. Фроста (1874–1963) «Lost In Heaven» («Затерянный в небесах») [14; 15].

Lost In Heaven

by Robert Frost

The clouds, the source of rain, one stormy night
Offered an opening to the source of dew,
Which I accepted with impatient sight,
Looking for my old sky-marks in the blue

But stars were scarce in that part of the sky,
And no two were of the same constellation –
No one was bright enough to identify.
So 'twas with not ungrateful consternation,

Seeing myself well lost once more, I sighed,
«Where, where in heaven am I? But don't tell me»,
I warned the clouds, "by opening me wide!
Let's let my heavenly lostness overwhelm me"» [14].

Токарева Г.А. Сразу обращает на себя внимание временн***а***я характеристика, содержащаяся в первой строке: one stormy night. Временн***о***е определение лишено конкретности, его можно было бы перевести «однажды ненастной (бурной) ночью», но эта темпоральная универсальность гораздо лучше ощущается через использование глаголов несовершенного вида, к которым я прибегаю. Пространственная вертикаль прорисована с помощью образа воды: небесная влага (дождь) и земная влага (роса) сливаются воедино, создавая неразрывное единство земного и небесного. Столь же причастным к небесным сферам ощущает себя и лирический герой. Сама ситуация его обращенности к трансцендентному заставляет с особой тщательностью работать с ключевыми словами при переводе. Если в английском языке сакральное и профанное в словах-синонимах разведено на уровне лексики (sky – heaven), то в русском языке такого различия семантической формы нет: оба значения покрывает один корень – «неб». Функцию различения значения выполняет используемая в высоком стиле архаизированная форма «небеса», в которой зафиксирована форма множественного числа, обычно не используемая для существительного singularia tantum – *небо*. Поэтому в переводе различение этих форм и соответственно значений, очень важно. Итак, перевод названия «Затерянный в небесах» (не в небе!) безальтернативен. Думаю, Вы с этим согласитесь.

Второй момент в первой строфе, на который хочется обратить внимание, – это связь вечного, общечеловеческого (и даже общемирового) с отдельной конечной жизнью. Взгляд лирического героя обращен в ночное небо, образ неба читается как образ судьбы, а диалог человека с небесами – как традиционное гадание по звездам. Сгущенность смысла чувствуется в словосочетании «*my old sky-marks*» (*мои знакомые небесные метки*). Лирический герой пытается прочитать по *вечным* звездам *свою* судьбу. Сакральный характер этого немого общения человека с божественной силой я постаралась передать с помощью стилистически маркированного слова «скрижаль».

Ненастная ночь собирала набухшие тучи,
Готовые наземь излиться, с росою мешаясь.
Я жадные взоры бросал в этот сумрак кипучий –
Высматривал знаки судьбы я на синей скрижали.

Еще одна важная смысловая опора первой строфы – слово *impatient* (нетерпеливо, беспокойно). Причем в словаре отмечен еще один важный оттенок значения: *нетерпеливо* ***ожидающий.*** Этот смысл, связанный с ожиданием судьбоносного ответа, с гносеологической жаждой человека, следует обязательно акцентировать. Я перевела *impatient sight* (дословно – нетерпеливый взгляд) так: «бросал жадные взоры». Первая строфа с особой пронзительностью задает тему поисков смысла жизни через мотив неприкаянности, затерянности человека в пространстве и во времени. Каково Ваше в***и***дение этой философской темы в интерпретации Фроста, коллега?

Котовская А.Е. Стихотворение «Lost in Heaven» («Затерянный в небесах») (думаю, Вы справедливо заметили, что альтернативы у перевода названия нет) является частью сборника «A Further Range» («Дальний рубеж»), который принёс Фросту его третью Пулитцеровскую премию в 1937 г. Надо заметить, что критика оценивала тексты этого сборника как излишне жёсткие и саркастичные.

Мне же думается, что описанную Фростом ситуацию поиска смыслов читателю следует воспринимать более чем серьёзно. С моей точки зрения, лишая временное определение всякой конкретности, Фрост демонстрирует нежелание предлагать читателю особенное художественное время, так как *особенным* является как раз не оно (это принципиально не время Конца, не время Исхода). Поэту интереснее переживание лирическим героем случайного стечения внешних обстоятельств, способное коренным образом изменить ход вещей и самого человека; их семантизация, художественно выраженная через использование поэтом «приёма остранения». Так, о звёздах говорится: «***my*** old sky-marks in the blue» (мои старые небесные метки на синеве) (в моем переводе: «Те звёздные пятна, / те старые метки на синем»). Этот уникальный обновляющий взгляд на мир лирического героя следует при переводе передавать особенно выразительно. Буря становится значительной лишь потому, что в

процессе поиска смыслов ей эти смыслы сообщаются самим ищущим.

Я абсолютно согласна с тем, что при переводе первой строфы для передачи временной универсальности, концептуально важной для Фроста, следует отдать предпочтение глаголам несовершенного вида.

Важную же смысловую опору первой строфы, на которую Вы справедливо обратили внимание (слово impatient), я перевела именно с учётом оттенка значения «нетерпеливо ожидающий» («глаза мои жадно искали»), который действительно отражает важную для Фроста гносеологическую жажду человека, едва ли способную быть утолённой:

Тяжёлые тучи над чёрной землёю стояли,
Готовые вмиг разрешиться неистовым ливнем.
И принял я тучи, глаза мои жадно искали
Те звёздные пятна, те старые метки на синем.

Токарева Г.А. В следующей строфе образ бесконечного и пугающего пространства передан через мотив одиночества. Звезды бледны, немногочисленны и не опознаются как часть созвездий. Они смотрятся сиротски на небе, где так много других звезд, которые в этот момент словно померкли. Этот мотив одиночества актуализирует главный смысл стихотворения, заявленный в заглавии, – потерянность. Звезда-душа человека так же сиротски ощущает себя в мировом пространстве, как и небесные светила. Лирический акцент сделан на чувстве неприкаянности, граничащей с чувством ужаса (consternation). В этой строфе смысловыми опорами при переводе становятся словосочетания «слабо светили», «бледны и неясны», «осколки созвездий», которые призваны передать этот мотив одиночества.

Третья строфа тесно связана по смыслу и образному строю с предыдущей. Здесь много важных для переводчика нюансов, требующих точности при переводе. Лексический повтор *where, where* усилен экспрессивным глаголом *warned* (тревожил), и здесь близость к исходному тексту очень важна, поскольку и семантика глагола, и поэтический синтаксис передают смятенье героя, его отчаянье, и одновременно его трагическую решимость. В последней строке многозначный глагол *overwhelm* (подавлять, сокрушать, ошеломлять, овладевать, переполнять, разбивать, потрясать, губить, поражать) отнесен к слову *бездна*. Бездна губит, сокрушает героя, овладевает им. В то же время лирический герой не сопротивляется ее могуществу, более того, сам стремится затеряться в бесконечном пространстве (ср. у Тютчева: «Дай вкусить уничтоженья / С миром дремлющим смешай!»). Роковую неизбежность события я подчеркнула глаголом «кануть», который, с моей точки зрения, компенсирует многочисленные смыслы английского *overwhelm*, усиливая при этом мотив фатальности. Мне хотелось подчеркнуть фростовский парадоксальный смысл *падения в небо*, и я использовала оксюморонное выражение: «кануть в высокую бездну». Прилагательное «высокий» при этом призвано дать пространственную характеристику и одновременно актуализировать свое другое значение: *высокий – сакральный, духовный, божественный*. Именно это значение придает стихотворению онтологическую глубину и философичность.

Себя потеряв в этом небе, вздыхал я печально,
Я тучи тревожил: «Откройте простор мне небесный!»
О, где же я, где в этом небе? Но лучше молчанье!
Хочу затеряться и кануть в высокую бездну.

Котовская А.Е. Мотив одиночества действительно является опорным для двух последних строф. Причём это одиночество во многом объясняется невозможностью лирического героя понять раскинувшуюся перед его взором бездну. Так, звёзды нельзя познать через их включенность в общее целое: «And no two were of the same constellation» (И не было двух из одного созвездия). Их же нельзя опознать поодиночке: «No one was bright enough to identify» (Ни одна не была достаточно яркой, чтобы быть узнанной). Таким образом, звёздная карта, издревле служившая человеку земным ориентиром, оказывается негодной к прочтению. Именно этим обстоятельством порождается ключевой вопрос третьей строфы: «Where, where in heaven am I? But don't tell me» (Где, где в Небесах я? Но нет ответа). Координация в пространстве и времени должна осуществляться человеком самостоятельно. И необходимость этого самостоятельного шага вызывает у фростовского лирического героя суеверный ужас и одновременно внушает решимость отдаться открывшейся ему непознанной и непонятой стихии. Именно по этой причине при переводе я обратила внимание на настойчивые попытки фростовского лирического героя вступить со звёздами в интеллектуальный контакт. Фактически здесь получила развитие строка: «No one was bright enough to **identify**» (Ни одна не была достаточно яркой, чтобы быть узнанной).

Но редкие звёзды на этом куске небосвода
Едва различимо горели в далёких созвездьях –
Мне трудно поймать их сиянье, **понять их природу**,
Застыл я, бессильный… Я в ужасе замер на месте.

Третья строфа конкретизирует состояние лирического героя, его смятение и решимость. Необходимо признать, что концептуально важный лексический повтор *where, where*, усиленный экспрессивным глаголом *warned,* передать в полной мере не удалось. Смятение лирического героя передаётся мною через его непосредственное обращение к распахнутому небесному своду: «Ну где же, о Небо, ответь мне… блуждаю?» Дополнительный эмоциональный акцент вводится в текст перевода при помощи многоточия.

Из всех отмеченных Вами значений многозначного глагола *overwhelm* я остановилась на варианте

«сокрушать», который, помимо смыслового оттенка фатальности, приобретает во фростовском стихотворении значение перерождения (буквально «разбить и собрать вновь»). Не случайно лирический герой прямо заявляет в тексте стихотворения о необходимости трансформации его ограниченного человеческого тела через затерянность в небе: «I warned the clouds, "by opening me wide! / Let's let my heavenly lostness overwhelm me"» (Я с тревогой просил тучи «распахнуть» меня / Давайте! Позвольте моей небесной затерянности сокрушить меня). Он определённо решился на такой болезненный путь приобретения новых знаний, нового опыта. Это его личный выбор. Предлагаю мой вариант перевода последней строфы:

Себя озираю, и снова, потерянность чуя,
Вздохнул я:
«Ну где же, о Небо, ответь мне,… блуждаю?
Будь шире, душа! Пусть порвёт меня бешено буря!
Пусть эта затерянность в небе меня сокрушает».

Токарева Г.А. Удивительно, как фростовский текст открывается в неисчерпаемости его глубинных значений. И наш, коллега, диалогический перевод способствует, без сомнения, раскрытию этого многообразия. Декларированный нами диалогический подход даст пищу для размышления и литературоведу, стремящемуся постичь фростовскую концепцию мира, и переводчику, относящемуся требовательно к аутентичности передачи авторских смыслов и авторской индивидуальности. Это еще одно подтверждение того, что диалог переводчиков выводит процесс перевода на новый уровень: «нераздельность и неслиянность» двух индивидуальных точек зрения на переводимый текст приводит к большей полноте восприятия иноязычного художественного феномена и создает своеобразный синергетический эффект. По традиции приведем оба полных варианта альтернативных переводов:

Ненастная ночь собирала набухшие тучи,
Готовые наземь излиться, с росою мешаясь.
Я жадные взоры бросал в этот сумрак кипучий –
Высматривал знаки судьбы я на синей скрижали.

Но редкие звезды, что слабо светили сквозь темень
От разных небесных созвездий осколками были.
Бледны и неясны, они свою тайну хранили.
Молчание их объяснимо – я сам был в смятеньи.

Себя потеряв в этом небе, вздыхал я печально,
Я тучи тревожил: «Откройте простор мне небесный!»
О, где же я, где в этом небе? Но лучше молчанье!
Хочу затеряться и кануть в высокую бездну.

Перевод Токаревой Г.А.

Тяжёлые тучи над чёрной землёю стояли,
Готовые вмиг разрешиться неистовым ливнем.
И принял я тучи, глаза мои жадно искали
Те звёздные пятна, те старые метки на синем.

Но редкие звёзды на этом куске небосвода
Едва различимо горели в далёких созвездьях –
Мне трудно поймать их сиянье, понять их природу,
Застыл я, бессильный… Я в ужасе замер на месте.

Себя озираю, и снова, потерянность чуя,
Вздохнул я:
«Ну где же, о Небо, ответь мне,… блуждаю?
Будь шире, душа! Пусть порвёт меня бешено буря!
Пусть эта затерянность в небе меня сокрушает».

Перевод Котовской А.Е.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аскольдов-Алексеев, С.А.* Концепт и слово / С.А. Аскольдов-Алексеев // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.

2. *Бахтин, М.М.* Формы времени и хронотопа в романе / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Эпос и роман. (О методологии исследования романа). – М. : Азбука, 2000. – 304 с.

3. *Брюсов, В.Я.* Фиалки в тигеле [Электронный ресурс] / В.Я. Брюсов. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/brusov/brusov_fialki_v_tigle.html (дата обращения: 25.07.2017).

4. *Гуковский, Г.А.* К вопросу о русском классицизме (состязания и переводы). Ранние работы по истории русской поэзии XVIII в. / Г.А. Гуковский. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 352 с.

5. *Кашкин, И.А.* Для читателя-современника (статьи и исследования) / И.А. Кашкин. – М. : Советский писатель, 1977. – 560 с.

6. *Кружков, Г.М.* Роль традиции в переводе: вместе и порознь [Электронный ресурс] / Г.М. Кружков // Новая Юность. – 2011. – № 1 (100). – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nov_yun/2011/1/kr5.html (дата обращения: 25.07.2017).

7. *Лихачев, Д.С.* Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия АН. – 1993. – Т. 52. № 1. – С. 3–9. – (Серия литературы и языка).

8. *Мальнева, Е.Ю.* «Новое возрождение», «когнитивный поворот» и конструкты человеческого разума: как искусство создает реальность, или как иллюзия порождает искусство / Е.Ю. Мальнева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 1 (41). – С. 203–210.

9. *Нелюбин, Л.Л.* История и теория перевода в России / Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни. – М. : Изд-во МГОУ, 2003. – 140 с.

10. *Снитко, Т.П.* Встреча культур и языков в переводе / Т.Г. Снитко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2009. – № 1 (21). – С. 36–46.

11. *Степанов, Ю.С.* Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

12. *Топер, П.М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения / П.М. Топер. – М. : Наследие, 2000. – 254 с.

13. *Эткинд, Е.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина / Е. Эткинд. – Л. : Наука, 1973. – 248 с.

14. *Frost, R.* Lost in Heaven [Electronic resource] / R. Frost. – URL: https://sites.google.com/site/donslibrary/Home/united-states-fiction/robert-frost/a-further-range/lost-in-heaven (accessed: 25.07.2017).

15. *Frost, R.* Poems: with an Introduction by William H. Pritchard / R. Frost. – New York : Signet Classics, 2001. – 153 p.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА: КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЭВРИСТИКИ

О.А. Сулейманова

А.А. Водяницкая

Сулейманова Ольга Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Контактный адрес: Olgasoul@rambler.ru

Водяницкая Альбина Александровна – доктор филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Контактный адрес: avodyanickaya@yandex.ru

В статье рассматривается синергетический подход к переводу, а именно использование метода *think-aloud protocol* и предпереводческого анализа текста в теоретико-практических целях. Данный подход позволяет рассмотреть с новой точки зрения спор о степени соответствия текста перевода тексту оригинала, возникший между Н.С. Гумилевым и К.И. Чуковским столетие назад, но своими корнями уходящий в далекое прошлое. Кроме этого, сочетание двух методов дает возможность увидеть перевод в лингводидактической перспективе.

Ключевые слова: метод think-aloud protocol, предпереводческий анализ текста, адекватность, эквивалентность.

Введение. На настоящем этапе развития теории перевода все более востребованным становится синергетический подход к изучению процесса перевода, что позволяет по-новому представить глубинные закономерности функционирования языка в переводческой перспективе и по-новому осмыслить хорошо известные факты, особенно в силу того, что теория перевода на фоне прочих лингвистических дисциплин представляется достаточно молодой как наука (об этом свидетельствуют, в частности, продолжающиеся дискуссии как по поводу самого названия данной области науки, так и по поводу направлений ее развития и выделения ключевых парадигм – см. [10]).

Актуальность работы определяется необходимостью общего поиска путей переводческого анализа, выявления потенциала существующих методик перевода и обучения переводу, а также их дальнейшей разработки.

В статье представлены – в ретроспективе – сложившиеся к началу XX в. представления о переводческих стандартах, которые проецируются на известную проблему оценки качества перевода через понятия об эквивалентности и адекватности перевода, определяются требования к художественному переводу и другим его видам и далее предлагается описание экспериментального исследования когнитивной корреляции двух стратегий переводческого анализа, а именно: предпереводческого анализа текста и методики *think-aloud protocol* (*думай вслух*), в том числе в дидактической перспективе. На основе экспериментальных данных уточняется потенциал и описательная сила обеих стратегий и выстраивается их методологическая корреляция.

Ретроспективно: формирование переводческих стандартов. Необходимость и актуальность переводческой деятельности, история которой простирается в тысячелетия, во все времена порождала вопросы соответствия оригинала переводу.

В определенные периоды развития переводческой мысли эти вопросы вставали наиболее остро, в другие – менее рельефно, однако особую полемичность данная проблема приобретает в XX в. с возникновением теории перевода, которую историки и теоретики перевода связывают с появлением в 1919 г. брошюры «Принципы художественного перевода» как ответ на потребности издательства «Всемирная литература» поставить уже существующие и вновь появляющиеся переводы на «художественную высоту» [8: с. 5], брошюра стала своеобразным полем битвы двух противоположных на первый взгляд подходов к переводческой деятельности. В предисловии к книге отмечается, что «…издательство выпускает в свет предлагаемую брошюру, в надежде, что почин ее авторов не останется без продолжателей и что в близком будущем общими усилиями удастся, быть может, заложить принципиальные основы, если не науки, то хотя бы практического руководства к одному из самых трудных и требовательных искусств – искусству художественного перевода» [8: с. 6].

Подчеркнем, что речь идет именно о художественном переводе, по поводу которого К.И. Чуковский писал, что «…неверный и неточный пере-

вод есть, в сущности, злостная клевета на автора, которая тем отвратительнее, что автор лишен возможности опровергнуть ее» [12: с. 8]. В этой связи между Н.С. Гумилевым и К.И. Чуковским возникает известный спор по поводу задач переводчика: Н.С. Гумилев, рассматривая переводческую деятельность на материале стихотворных переводов, предлагал придерживаться строгих правил, относящихся главным образом к соблюдению формальных аспектов на уровне ритма, рисунка рифм и т.д. [5: с. 30], тогда как К.И. Чуковский настаивал на творческом характере переводческой деятельности и предлагал вживаться в образ автора на уровне целостного текста, а не на уровне отдельного слова [12].

Интерпретируя данные разногласия по поводу задач перевода в современных терминах, можно говорить о том, что в рамках этих двух представлений, с одной стороны, акцент делается на эквивалентности перевода (достижении соответствия текста оригинала тексту перевода на различных уровнях языка [4]), тогда как в другой интерпретации – на прагматической адаптации текста и тем самым на адекватности, когда речь идет о соответствии подлиннику на уровне реакции получателя на текст перевода, которая совпадает с восприятием сообщения у отправителя оригинала [4: с. 66]. Подчеркнем, что эти два понятия не сводимы друг к другу.

Интересны разногласия практиков перевода по данному поводу, связываемые с принадлежностью переводчиков к разным переводческим школам, ср., например, упомянутый Л.В. Шапориной [11] случай выполненного ею перевода новеллы, который был направлен для просмотра ее коллеге А.К. Перевод был оценен критически, и на реплику Л.В. Шапориной о том, что этот перевод был одобрен В. Жирмунским (перевод редактирован Жирмунским, принят Госиздатом), А.К. парировала: «Жирмунский требует близости к подлиннику, я московской школы и люблю гибкость в переводе» [11: с. 295].

В сущности, представления о переводческих стандартах получают развитие и определенную завершенность в обстоятельных обсуждениях теоретиков и практиков перевода, выкристаллизовавшись в теорию эквивалентности и адекватности перевода, по поводу которых к настоящему времени в целом достигнуто понимание в лингвистической теории перевода.

Круг вопросов теории перевода. Вместе с тем развивающаяся теория перевода не ограничивается только рассмотрением вопросов качества перевода, критериев его эквивалентности и адекватности или исследованием конкретных переводческих трансформаций [3; 6; 26]. В сферу ее исследования попадают, в том числе, и вопросы преподавания перевода, и связанные с этим поиски методик анализа переводческого процесса (см., например, [2]). Круг вопросов теории перевода можно представить аналогично теории трех концентрических кругов Б. Качру, использованной им для интерпретации статуса английского языка в мире на основе функционального критерия. Как отмечает З.Г. Прошина, согласно теории Б. Качру «…все варианты английского языка можно разделить, основываясь на функциональном критерии, на три типа, схематично представленные в виде трех кругов: Внутреннего, Внешнего и Расширяющегося» [9: с. 35–37]. Внутренний круг представлен странами, где английский язык является *родным* для говорящих (English as a Native Language, ENL): Великобританией, Соединенными Штатами, Канадой, Австралией и Новой Зеландией. «В этих странах английский язык выполняет наибольшее количество функций, являясь доминирующим официальным, если не единственным государственным, или национальным языком этих стран» [9: с. 36]. По аналогии анализ переводческих проблем, связанных с вопросами адекватности / эквивалентности перевода и изучением языковых механизмов их достижения, можно отнести к теориям внутреннего круга.

Следующий, «Внешний круг включает страны–бывшие колонии, куда английский язык был трансплантирован (transplanted English) и где он приспособился к новым культурно-языковым условиям, например, Индия, Пакистан, Филиппины и другие» [9: с. 36]. В этих странах английский язык выполняет регулятивную (управление, судопроизводство, бизнес), инструментальную (служит в качестве средства обучения, отправления религии), интерперсональную (внутринациональное средство общения), креативную (в развитии литературных жанров, СМИ, поп-культуре) и другие функции [9]. В теории перевода такой круг представлен подходами, которые рассматривают перевод как средство взаимного обогащения народов через пополнение литературы и взаимопроникновение культур (см. в этой связи, например, работу Е.В. Белоглазовой [1]).

В Расширяющемся круге, помимо передачи текста оригинала, переводчик рассматривает перевод как дидактический материал, как средство обучения. В теории Б. Качру «…английский язык выполняет ограниченный ряд функций, главным образом являясь средством межкультурной, межнациональной коммуникации, но не внутриэтнического общения. Посредническая роль английского языка в коммуникации между носителями языка дала возможность называть его языком-посредником, или лингва франка» [9: с. 37–38].

Синергетический подход к проблемам теории перевода и учет проблематики всех трех кругов позволяет комплексно представить суть переводческого процесса и обучения практикам перевода. В данной работе будут рассмотрены вопросы тео-

рии перевода, которые, как представляется, по-прежнему требуют обсуждения.

Художественный перевод. До некоторого времени теория перевода фокусировалась в первую очередь на художественном переводе, и до сих пор, анализируя варианты переводов и особенно переводческие ошибки, исследователи поддаются искушению иллюстрировать утверждения примерами именно из произведений художественной литературы. Это благодатный материал и одновременно материал, дающий «право» настаивать на исключительно творческом характере перевода, что неизбежно влечет за собой – достаточно полемичное – утверждение о том, что этот вид перевода в целом интуитивен и не поддается алгоритмизации; ему невозможно, трудно в принципе научить.

Как представляется, художественному переводу действительно трудно научить, но он все-таки поддается в достаточной степени алгоритмизации – так, знание основных переводческих стратегий является основой формирования профессионального уверенного переводчика (термин использован в [4] для обозначения переводчика, способного обосновать все свои структурные, лексические и грамматические решения, а также решение о прагматической адаптации исходного текста). Например, даже верное интуитивное решение переводчика при переводе предложения *The fog stopped the traffic* как *Из-за тумана движение остановилось* на основе изменения ключевой для любого высказывания структурной характеристики – смены диатезы, все-таки требует аргументации – обоснованием может служить учет межъязыкового «конфликта», связанного с принадлежностью языков к аналитическому vs синтетическому строю и вытекающим из этого различием в «упаковке» членов предложения; ср. также необходимость обоснования смены русского активного предиката английским предикатом состояния (*ребенок*) *не очень хорошо играет в футбол – is not much of a football-player*.

Иными словами, профессионально подготовленный, или *уверенный*, переводчик должен уметь аргументировать свое переводческое решение, что предполагает умение осуществить предпереводческий анализ текста, перевод текста и далее оценку принятого переводческого решения. Рассмотрим этап подготовки уверенного переводчика и обучения переводу, а именно роль предпереводческого анализа текста, и соотнесем его с получающим все большее распространение методом изучения переводческого процесса и обучения переводу – think-aloud protocol, с целью чего проведем серию экспериментов (см. ниже).

Когнитивный анализ стратегий. Прежде всего, рассмотрим, что понимается под методикой *think-aloud*.

Метод think-aloud protocol применяется для анализа ментальных процессов испытуемых во время выполнения сложных мыслительных операций как в лингвистике, так и в других областях знания, например при тестировании новых компьютерных программ. Д. Нильсен [22] метафорически именует метод «окном в душу испытуемого», поскольку он позволяет узнать, что на самом деле думает потребитель о его программе, удобна ли она в использовании, вызывает ли затруднения и т.д. Э. Чартерс [15] использовала этот метод для анализа мыслительных процессов студентов, составляющих предложения: эксперимент, основанный на анализе высказываний студентов, позволил выявить как общее, так и различное, поскольку автор интерпретировала данные с помощью индивидуального нарратива (individual narrative), а также насыщенного описания (thick description). Последнее представляет собой методологию описания данных, предложенную К. Гиртцем: она предполагает детальный анализ антропологического материала за счет глубокого погружения самого исследователя в изучаемые факты [14].

Среди преимуществ метода think-aloud protocol Д. Нильсен отмечает такие, как низкая энергозатратность; надежность (поскольку анализу подвергаются высказывания конкретных испытуемых, и даже если экспериментатор не владеет навыками проведения эксперимента, think-aloud protocol позволяет получить объективные данные); гибкость (эксперимент можно проводить на любой стадии развития тех или иных навыков); убедительность (данный метод позволяет увидеть плюсы и минусы объекта и внести в него изменения) [23].

Наряду с преимуществами метода исследователи выделяют недостатки. Например, он не позволяет получить точные статистические данные, проводится в неестественной для испытуемых ситуации (в реальной жизни они не озвучивают свои мысли). В этой связи Д. Нильсен рекомендует показать испытуемым видеоролик, в котором эксперимент представлен в реальном времени. Автор отмечает и такой аспект, как фильтрация высказываний, – испытуемые стремятся предстать перед исследователем в более выгодном свете и сначала обдумывают свои высказывания и только потом озвучивают. Поэтому экспериментатор должен постоянно побуждать испытуемых к непрерывному озвучиванию выполняемых когнитивных операций. Еще одним недостатком метода является, по мнению Д. Нильсена, возможность нарушить естественный ход когнитивного процесса испытуемого неверными инструкциями или призывами. Ряд исследователей [16; 17] в этой связи предлагали использовать эксплицитные стратегии, которые помогут студентам точнее описывать свои ментальные действия.

В [23] отмечается, что излишние инструкции могут привести к эффекту «leading the witness», поэтому рекомендуются более ненавязчивые методы: например, Э. Сугирин [25] использовал надпись KEEP TALKING, напоминающую испытуемым о необходимости озвучивания своих мыслей. Б. Гибсон [20] рекомендовал кратко объяснять цели, задачи и формы *think-aloud protocol*, чтобы избежать эффекта «холодного запуска». При этом М. Прессли и П. Аффлербах [24] отмечают, что «…более оправданным является отсутствие упоминаний о том, как будут обрабатываться данные. Кроме этого, нельзя использовать рекомендации, которые инициируют определенные мыслительные процессы, поскольку эксперимент направлен именно на исследование этих процессов» [24: с. 132–133].[1]

Интерпретация полученных данных заслуживает отдельного внимания, и начинается она уже в процессе снятия скрипта аудиозаписи [21: с. 160]. Э. Чартерс [15] обращает внимание на необходимость использования в анализе не только непосредственно скриптов *think-aloud protocol*, но и данных ретроспективного анализа, позволяющего выявить то, как реагировали испытуемые на то или иное задание, поскольку не все когнитивные процессы находятся в оперативной памяти, следовательно, многие из них не поддаются вербализации. «Когда ретроспективный опрос применяется для расширения результатов метода *think-aloud protocol*, он позволяет углубить анализ и расширить представления о мыслительных процессах испытуемого» [15: с. 74].[2]

К. Эрикссон и Х. Саймон [18] использовали контрольную группу, которая не озвучивала свои когнитивные операции; А. Фонтана и Д. Фрэй [19] рекомендуют наблюдать за мимикой, жестами испытуемых, скоростью их речи, вариациями тональности и громкости голоса. При этом нежелательно использование видеокамеры, поскольку испытуемые будут чувствовать себя скованно.

Полученные скрипты можно анализировать как в рамках квалитативного (учитываются экстралингвистические параметры – происхождение, возраст участников, изменение тона голоса и т.д.), так и в рамках квантитативного (связь с количественным подсчетом ответов, выявление наиболее частотного и т.д.) подхода. Как отмечает Э. Чартерс, приверженцы квалитативного подхода, предпочитающие описывать, а не кодифицировать данные, могут получить более четкое представление о вариативности когнитивных процессов испытуемых [15: с. 76].

Таким образом, рассматриваемый метод позволяет получить доступ к когнитивным процессам, лежащим в основе переводческих операций, с одной стороны, а также представляет, с другой стороны, несомненную дидактическую ценность с точки зрения подготовки уверенного переводчика.

В отечественной лингвистической традиции данной методике изучения переводческого процесса и оценке результата этого процесса – переведенного текста, в том числе в дидактической перспективе, в известной степени соответствует предпереводческий анализ текста (см., например, стратегию предпереводческого анализа в работе Н. Юзефович [13: с. 25] с фокусом на общей лингвокультурной составляющей или лингвоориентированный анализ [4: с. 16–18]).

Возникает вопрос о том, каким именно образом соотнесены эти две процедуры переводческого анализа, каков их эвристический и дидактический потенциал. Для ответов на эти вопросы были проведены экспериментальные исследования.

Экспериментальное исследование. Было проведено 2 эксперимента со студентами 4-го курса переводческого отделения Московского городского педагогического университета (всего 14 студентов) после изучения курса перевода с русского языка на английский, при этом стратегия предпереводческого анализа (ППА) текста была изучена ранее.

Первый эксперимент состоял в том, что студентам (14 испытуемых) предлагались 3 высказывания для анализа в формате *think-aloud protocol*, а именно задание: *Опишите все когнитивные действия, производимые Вами в процессе перевода.*

Все высказывания построены с учетом пройденного материала. Они содержат предположительно усвоенные студентами переводческие трудности структурно-синтаксического и лексического характера: ожидается, что студенты обратят внимание на следующее:

– непрямой порядок слов (в переводе это потребует функциональных замен русских обстоятельств на английские подлежащие, причем причинно-следственные отношения, выраженные обстоятельствами, найдут отражение в семантике результирующего каузативного предиката типа *result in / lead to / trigger / provoke*);

– отглагольные существительные (в норме свернутая предикативность в переводе «раскрывается» в более выраженную предикативность в форме неличных форм глагола, однако существительные, обозначающие изменение количественных и качественных параметров – типа *рост, снижение, ухудшение* и др., переводятся прилагательными в сравнительной степени);

– изученные лексические единицы-клише: *прожиточный уровень* (*subsistence level*), *уровень жизни* (*living standard*), а также *работать неполный рабочий день* (*work part-time*), *ездить на работу из пригородов* (*commute to work*).

[1] Перевод наш. – *О.С., А.В.*
[2] Перевод наш. – *О.С., А.В.*

Для перевода были предложены следующие высказывания:

1. Благодаря высокой температуре организм защищается от болезни.

2. Вследствие повышения прожиточного уровня все больше специалистов предпочитают работать неполный рабочий день, а не ездить на работу из пригородов каждый день.

3. Из-за роста курса доллара снизился уровень жизни населения.

Второй эксперимент также был основан на анализе трех высказываний с заданием: *произведите предпереводческий анализ следующих речевых произведений:*

1. Благодаря приему витаминов, здоровому питанию и физическим упражнениям возможно улучшение качества жизни и ее продление.

2. Вследствие роста числа заболеваний диабетом правительство было вынуждено принять меры по увеличению производства медикаментов.

3. Вам нельзя работать с этими лекарственными препаратами по причине чувствительности организма к этим в принципе безвредным веществам.

Ожидалось, что, согласно усвоенной стратегии ППА, студенты определят жанровую принадлежность текста, произведут прагматическую адаптацию текста оригинала под язык перевода, выделят переводческую трудность и предложат стратегию перевода: преобразовать обстоятельство в подлежащее английского предложения, сему «причинности» отразить в семантике результирующего предиката, определить стратегию перевода отглагольных существительных, а также лексические трудности (*медикаменты, чувствительность организма к, в принципе безвредные вещества*).

Результаты эксперимента таковы.

В первом случае *think-aloud protocol*

– студенты начинают с определения типа дискурса – медицинский / экономический дискурс, констатируется, что *предложение является сложным*;

– свои действия студенты описывают с использованием местоимений и глаголов в форме 1-го лица – *я считаю целесообразным* / *ввожу* / *вношу*, *переводим* / *подстраиваем под* / *снимаем отрицание*. «Диалогичные» структуры типа *можно сохранить* / *опустить* / *перевести* встречаются практически во всех описаниях. Присутствуют также формы будущего времени *трудность вызовет*, проецирующие решение на результат;

– в ряде случаев переводчик «самоустраняется», используя конструкции, где агенсом выступает не человек, но анализируемое явление (*слово*) *переводится* / *преобразуется*;

– отмечается ориентация на *культуру высокого контекста*, описывается тенденция к сворачиванию развернутых русских конструкций, соотносятся особенности языков и отмечается то, что характерно для одного из них по сравнению с другим. Студенты могут также давать ссылки на изученные учебные пособия;

– в ряде случаев предлагаются варианты, причем с аргументацией выбора (ср. принципиальную множественность переводческих решений [4; 7]) и сопутствующей оценкой *X или скорее H, что более свойственно английскому дискурсу, относительно легко*.

Первое предложение 12 студентов успешно реструктурируют: обстоятельство причины (*благодаря высокой температуре*) переводят как английское подлежащее, объясняя реструктуризацию в терминах членов предложения, тогда как 2 студента интерпретируют слово *благодаря* как *семантически пустое, и его можно опустить*, при этом предлагают правильный перевод. Все студенты распознают наличие переводчески релевантной причинно-следственной связи, вербализуя это;

– все лексические трудности успешно преодолены, часто отмечается наличие клише.

Во втором случае – при предпереводческом анализе текста (студентов специально обучали стратегии ППА на 2-м курсе и на последующих в течение 3-го и 4-го курсов практических занятиях) студенты также констатируют тип дискурса, делают акцент на анализе структуры. Свои действия практически не описывают, напротив, прямо соотносят явления языков, для чего в целом используют инфинитивные структуры, не обозначают личное участие в виде глаголов в форме 1-го лица или местоимений – в большинстве случаев текст представлен как такой, который «сам» преобразуется.

Интересно отметить, что практически не акцентируются лексические трудности, что может свидетельствовать об общей ориентации на этапе ППА скорее на анализ структурных трудностей, чем лексических, которые действительно воспроизводятся автоматически и не требуют предпереводческого анализа.

Выводы. Проведенный эксперимент позволяет утверждать, как представляется, что две анализируемые стратегии в значительной степени решают сходные задачи, однако *think-aloud protocol*, во-первых, позволяет решать две группы задач: ориентированные на исследовательский аспект анализа того, как именно протекает переводческий процесс, на моделирование когнитивной деятельности переводчика, а также на моделирование дидактической перспективы; напротив, предпереводческий анализ в целом более фокусно ориентирован на практические задачи обучения и практику перевода, особенно на начальном этапе профессиональной переводческой деятельности.

Иными словами, можно сказать, что предпереводческий анализ представляет собой скорее этап

анализа как такового, тогда как стратегия *think-aloud* (думай вслух) предполагает уже этап синтеза готового продукта.

Из этого следует, что в подготовке «уверенного переводчика», способного аргументировать принятое им переводческое решение исходя, с одной стороны, из предпереводческого анализа текста (через поуровневый анализ текста оригинала), с другой стороны – через опору на *think-aloud protocol* (через выстраивание «линейной» матрицы), необходимо направленно использовать эти взаимодополняющие стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белоглазова, Е.В.* Три вида культурологического перевода / Е.В. Белоглазова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Полифония культурно-языковой среды. – 2017. – Т. XIV. Вып. 1.– С. 33–37.

2. *Водяницкая, А.А.* Коммуникативное пространство современного музея: диалог со зрителем и волонтером / А.А. Водяницкая // Диалог культур. Культура диалога: В поисках передовых социогуманитарных практик : материалы I Междунар. конф. / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. – М. : МГПУ; Языки народов мира, 2016. – С. 109–114.

3. *Гарбовский, Н.К.* Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – 2-е изд. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 2007. – 544 с.

4. Грамматические аспекты перевода / О.А. Сулейманова [и др.]. – М. : Академия, 2010. – 240 с.

5. *Гумилев, Н.С.* Переводы стихотворные / Н.С. Гумилев // Принципы художественного перевода. – Петербург : Всемир. лит., 1919. – С. 25–30.

6. *Ермолович, Д.И.* Русско-английский перевод / Д.И. Ермолович. – М. : Auditoria, 2014. – 592 с.

7. *Комиссаров, В.Н.* Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.

8. Принципы художественного перевода / К.И. Чуковский, Н.С. Гумилев. – Петербург : Всемир. лит., 1919. – 32 с.

9. *Прошина, З.Г.* Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории: World Englishes Paradigm / З.Г. Прошина. – М. : Флинта : Наука, 2017. – 208 с.

10. *Сулейманова, О.А.* Пути развития теории перевода / О.А. Сулейманова // Актуальные вопросы профессионального образования. – 2015. – № 1. – С.100–106.

11. *Шапорина, Л.В.* Дневник / Л.В. Шапорина ; вступ. ст. В.Н. Сажина, подгот. текста, коммент. В.Ф. Петровой и В.Н. Сажина. – М. : Новое лит. обозрение, 2012. – Том II. – 628 с.

12. *Чуковский, К.И.* Переводы прозаические / К.И. Чуковский // Принципы художественного перевода. – Петербург : Всемир. лит., 1919. – С. 7–24.

13. *Юзефович, Н.Г.* Методика организации научно-исследовательской работы студентов-лингвистов / Н.Г. Юзефович. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2006. – 88 с.

14. Словарь ABBYY Lingvo x6. Многоязычная профессиональная версия [Электронный ресурс]. – М. : ООО «Аби Продакшн», 2014. – 1 электрон, опт. диск (CD-ROM).

15. *Charters, E.* The use of think-aloud methods in qualitative research. An introduction to think-aloud methods / E. Charters // Brock Education. – 2003. – Vol. 12. № 2. – P. 68–82.

16. *Cooper, T.C.* Processing of idioms by L2 learners of English / T.C. Cooper // TESOL Quarterly. – 1999. – № 33(2). – P. 233–262.

17. *Davis, J.N.* How do L1 and L2 reading differ? Evidence from think-aloud protocols / J.N. Davis, L. Bistodeau // Modern Language Journal. – 1993. – № 77(4). — P. 459–472.

18. *Ericsson, K.A.* Verbal reports as data / K.A. Ericsson, H.A. Simon // Psychological Review. – 1980. – № 87(3). – P. 215–251.

19. *Fontana, A.* The interview: From structured questions to negotiated text / A. Fontana, J.H. Frey // The handbook of qualitative research / N. K. Denzin and Y. S. Lincoln (Eds.). – 2nd edn. – Thousand Oaks, CA : Sage, 2000. – P. 645–672.

20. *Gibson, B.* Taking the test: Using verbal report data in looking at the processing of cloze tasks / B. Gibson // Edinburgh Working Papers in Applied Linguistics. – 1997. – № 8. – P. 54–62.

21. *Kvale, S.* The 1,000 page question / S. Kvale // Qualitative Inquiry. – 1996. – № 2(3). – P. 275–284.

22. *Nielsen, J.* Thinking Aloud: the # 1 Usability Tool [Electronic resource] / J. Nielsen // NN/g Nielsen Norman Group. 2012. – URL: https://www.nngroup.com/articles/thinking-aloud-the-1-usability-tool/ (accessed: 10.10.2017).

23. *Olson, G.M.* Thinking-out-loud as a method for studying real time comprehension processes / G.M. Olson, S.A. Duffy, R.L. Mack // New methods in reading comprehension research / D.E. Kieras, M.A. Just (Eds.). – Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1984. – P. 253–286.

24. *Pressley, M.* Verbal protocols of reading: The nature of constructively responsive reading / M. Pressley, P. Afflerbach. – Hillsdale, NJ : Routledge, 1995. – 168 p.

25. *Sugirin, E.* Exploring the comprehension strategies of EFL readers: A multi-method study. Paper presented at an International Workshop on Written Language Processing at the University of New South Wales / E. Sugirin. – Sydney, Dec. 9, 1998.

26. *Suleimanova, O.A.* English-to-Russian Translation: Traduttore. Traditore. (The Day of the Triffids) / O.A. Suleimanova // Humanities & Social Sciences. Journal of Siberian Federal University. – 2014. – № 7 (2). – P. 312–319.

ПЕРЕВОД В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И УСИЛЕНИЯ ТРАНСЛИНГВИЗМА

А.А. Ривлина

Ривлина Александра Абрамовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для социальных дисциплин департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Контактный адрес: rivlina@mail.ru

На основе представления о языковой норме вообще и переводческой норме в частности как о явлении социально-исторически обусловленном и динамическом в статье рассматриваются некоторые противоречия и сдвиги в трактовке языковой и переводческой нормы, наметившиеся в последние годы в связи с социолингвистическими процессами глобализации английского языка и усиления транслингвальной практики во всем мире. Тенденции в вопросе переводческой нормативности иллюстрируются на примере взаимодействия русского языка с английским в некоторых спорных случаях современного русско-английского «переводческого двуязычия», включая «внутренний перевод» и «наивный перевод» непрофессиональных билингвов.

Ключевые слова: перевод, глобализация, транслингвизм, транслингвальная деятельность, языковая норма, переводческая норма, внутренний перевод, наивный перевод.

В отличие от убежденности рядовых носителей языка в том, что в языке есть некие незыблемые стандарты и нормы и что при переводе с одного языка на другой всегда существует «правильный» и «неправильный» перевод, в лингвистической науке вопрос о нормативности перевода, как и вопрос о языковой норме вообще, рассматривается в контексте определенного социума в определенный исторический момент. Норма – «…понятие социально-историческое и динамическое, способное качественно изменяться в рамках возможностей языковой системы» [1: с. 11]. Изучение того, что считается правильным и/или допустимым в языке в целом и в межъязыковом переводе как одном из видов языковой деятельности, позволяет полнее раскрыть социолингвистические реалии языкового сообщества, выявить обусловленность нормативных рекомендаций и запретов с точки зрения культурных особенностей исторических эпох, на которые приходится становление национального языка, исторических особенностей процесса формирования языковой нормы, таких как роль художественной литературы, различия в практике нормирования языка, различия в научном и философском контексте и т.д. Нельзя не согласиться с Н.Н. Германовой [2; 3], которая считает, что изучение проблем нормативности обладает социокультурной значимостью, большим эвристическим потенциалом и заслуживает быть выделенным в особый раздел языкознания на стыке философии языка, исторической социолингвистики, лингвистической историографии и ряда смежных с ними разделов лингвистики.

Целью настоящей статьи является, во-первых, привлечь внимание к некоторым противоречиям и сдвигам в трактовке языковой и переводческой нормы, наметившимся в последние годы в связи с социолингвистическими процессами глобализации английского языка и усиления транслингвальной практики во всем мире; и, во-вторых, проиллюстрировать эти тенденции и изменения на примере взаимодействия русского языка с английским в некоторых спорных случаях современного русско-английского «переводческого двуязычия».

Прежде чем обратиться к обозначенной проблематике, необходимо дать краткий обзор имеющихся в различных публикациях описаний социально-исторических факторов, повлиявших на формирование языковой и переводческой норм и влияющих сегодня на их изменения, в частности, в рамках англоязычной и русскоязычной лингвокультур.[1] Глубокий анализ проблем нормативности на основе грамматической нормативной традиции изложен в работах Н.Н. Германовой [2; 3]. По ее мнению, принципиальное значение для лингвистической теории нормы имеет выработанное в логике разграничение деонтической и алетической модальностей нормы как общенаучной категории. Алетическая модальность предполагает понимание нормы как средней величины, обычного порядка вещей, а деонтическая модальность – понимание нормы как эталона и образца идеального поведения. Н.Н. Германова приходит к выводу, что для отечественной лингвистики более традиционной является деонти-

[1] Объем статьи не позволяет подробно осветить основные понятия лингвистической теории нормы и различные подходы к их терминологическому разграничению, например, норма и стандарт, литературный язык и стандартный язык, узус, кодификация, узуальная норма и кодифицированная норма, норма и модель, вариативность нормы, языковая основа нормы и источники нормы, прескриптивизм и др. Эти вопросы рассматриваются в специальных публикациях, включая те, которые цитируются в данной работе (см. [1–3; 12; 14]).

ческая трактовка литературного языка, при которой особую значимость приобретает его аксиологическая, культурно-ценностная ориентация: норма понимается прежде всего как образец, корректирующий речевую деятельность, а язык «…воспринимается как носитель (а, возможно, и создатель) интеллектуальных смыслов и, соответственно, рассматривается как некоторая самоценная часть культуры» [3: с. 27]; как основа литературного языка видится по преимуществу язык художественной литературы; отмечается «высокая оценка семантико-выразительных возможностей русского языка, присущая отечественной культуре, любование родным языком, гордость за него» [3: с. 27]. Эти черты Н.Н. Германова связывает с историко-культурными особенностями начала формирования национального языка в России в эпоху Романтизма, когда распространение получают идеи немецких философов и языковедов о языке как выразителе «духа народа» [3: с. 28]. Британская же нормативная традиция формировалась в эпоху Просвещения, что обусловило преимущественно инструментально-прагматическую концепцию языка и алетическое понимание языковой нормы: доминантами нормативного дискурса стали сформулированные в рамках риторики и восходящие к античной грамматической традиции критерии ясности, единства и выразительности. Падение авторитета нормативной традиции, по мнению Н.Н. Германовой, объясняется тем, что в эпоху Романтизма выработанные к тому времени нормативные рекомендации пришли в противоречие с новыми лингвофилософскими представлениями о языке, и в дальнейшем антинормативные тенденции продолжились. Сегодня в англоязычной лингвистике прослеживается критическое отношение к нормированию языка как средству манипулирования общественным сознанием, понятие нормы становится релятивным (на смену оппозиции правильное/неправильное приходит оппозиция приемлемое/неприемлемое в различных контекстах), происходит сглаживание между узуальной (алетической) нормой и нормой литературного языка (деонтической нормой) [3: с. 21]. Факторами, которые способствуют расшатыванию языковых норм, становятся целый ряд взаимосвязанных внешних социально-исторических и внутринаучных изменений, отражающих общую «…характерную для эпохи постмодернизма враждебность к идее нормативности, канона, рациональности, моноцентризма, в том числе и в том, что касается производства и интерпретации языка и текста» [3: с. 22–23].

Одним из наиболее значительных факторов, способствующих данной тенденции, является глобализация английского языка. Революционные изменения в трактовке нормы и отклонений от нее привнесли развитие и научное признание контактных вариантов в странах Внешнего и Расширяющегося кругов английского языка. Само возникновение теории контактных вариантов английского языка в последние десятилетия XX в. было связано со спорами о необходимости языковых стандартов. Сегодня уже не вызывает сомнений, что современный английский язык плюрицентричен, и это проявляется прежде всего в трактовке его нормативности. В дополнение к нормам британского и американского вариантов, выступающих в качестве экзонорм, формируются эндонормы новых региональных и локальных вариантов; отклонения от традиционных норм английского языка в новых его вариантах описываются не в терминах «ошибок», а в терминах «девиаций» и «особенностей», отражающих национально-культурную идентичность говорящих; одним из наиболее ярких свидетельств новой нормативности английского языка становится творческая деятельность писателей, пишущих на английском как неродном языке и создающих произведения «контактной» («транслингвальной», «транскультурной») художественной литературы (подробнее см.: [12]).

Еще один значимый для теории языковой нормативности фактор, особенно в плане переводческой нормативности, – это отношение в обществе и в лингвистической теории к вопросу о билингвизме и многоязычии. Как мы уже отмечали в одной из предыдущих работ [15], в этом вопросе в зарубежной социолингвистике выделяют несколько социально и исторически обусловленных этапов. Примерно до 70-х гг. XX в. в обществе и в лингвистике доминировало представление о национальных языках как об обособленных языковых системах, складывающихся в географических рамках национальных государств и описываемых со структурно-функциональной точки зрения. Это обусловливало трактовку «моноязычия как нормы» и «многоязычия как проблемы» [18: с. 17]. К этому времени окончательно сложилось понятие «чистоты языка», подразумевающее отсутствие или минимально возможное количество иноязычий; кодовое смешение и интерференция чаще всего рассматривались как результат недостаточного овладения вторым языком; речь билингвов/мультилингвов изучалась преимущественно в терминах анализа и предотвращения ошибок на неродном языке. Позже всеобщая демократизация, борьба с неравенством в различных сферах жизни общества породили возникновение критических направлений в лингвистике (критическая социолингвистика, критический анализ дискурса) и понимание «многоязычия как права». На современном этапе экономическая, информационная, культурная глобализация, развитие новых коммуникационных технологий, усиление мобильности носителей разных языков и другие глобализационные процессы привели к беспрецедентной в истории

человечества интенсификации языковых контактов, особенно местных языков с глобальным английским, к «глобанглизации» [5: с. 10] и глобальному англо-инонациональному билингвизму. Сегодня в зарубежной лингвистике доминирующими становятся представления о «многоязычии как норме» и «многоязычии как ресурсе» [18: с. 17]. Хотя такого рода многоязычие часто оказывается ограниченным, «усеченным» («truncated multilingualism», термин Я. Бломмаерта [16]), глобальный английский становится важным компонентом в интегрированном «языковом репертуаре» носителей разных языков мира, и это порождает неопределенные, «размытые», «текучие» зоны между языками, языковую практику и языковые единицы, которые лежат как бы «за пределами» отдельных языков. Такого рода тенденции в современной социолингвистике описываются в терминах «транслингвизма» и «транслингвальной деятельности» (translingualism, translanguaging), сформулированных первоначально в исследованиях транслингвального литературного творчества. В соответствии с транслингвальным подходом в теории билингвизма помимо традиционного «обособленного/раздельного билингвизма» (separate bilingualism), связанного с нормами отдельных национальных языков, появилось представление о «динамическом/подвижном билингвизме» (dynamic/flexible bilingualism) [17]. Подчеркивается, что в билингвальных сообществах коммуникативной нормой является именно транслингвальная практика, которая противостоит прескриптивному монолингвизму [18: с. 51]. В определенном смысле, в плане нормативности билингвальной речи, как и языковой нормативности в целом, можно говорить о смещении от деонтической монолингвальной нормы, при которой билингвальная речь должна соответствовать идеальной модели «один плюс один» [18: с. 45], к алетической норме, отражающей реально существующее интегрирование языковых ресурсов в глобализирующемся мире.

Переходя к вопросу о норме в переводе, необходимо отметить онтологическое доминирование в этой сфере дескриптивной нормативной практики над прескриптивной с опорой «на описание наблюдаемых фактов реального процесса перевода» [8: с. 15]. Как пишет В.Н. Комиссаров, уже «…[п]ервые попытки обосновать необходимость научного осмысления переводческой деятельности вызвали резкие возражения со стороны самих переводчиков, усматривавших в них стремление ограничить свободу творчества переводчика, выработать какие-то нормы и правила перевода, которым переводчик должен будет подчиняться» [8: с. 15]. Однако описанные выше факторы, закономерности и тенденции в развитии общеязыковых нормативных установок не могли не сказаться в вопросе о нормативности перевода, в том числе и в плане поиска критериев идеального, «правильного» перевода. Переводчик, как известно, постоянно совершает выбор между прямо противоположными, взаимоисключающими принципами перевода: «…1) перевод должен передавать слова оригинала; 2) перевод должен передавать мысли оригинала; 3) перевод должен читаться как оригинал; 4) перевод должен читаться как перевод; 5) перевод должен отражать стиль оригинала; 6) перевод должен отражать стиль переводчика» и т.д. [8: с. 14–15]. Многовековая история перевода в разных языковых сообществах в разных социально-исторических и культурных обстоятельствах, подробно излагаемая в специальных исследованиях и в историографических разделах пособий по переводоведению (например, [8: с. 15–17; 11: с. 243–276]), продемонстрировала, что норма перевода, т.е. предписываемый выбор той или иной стратегии перевода, в значительной степени обусловлена существующими в конкретном языковом сообществе на конкретном историческом этапе общеязыковыми нормами. Эти нормы и отражающийся в них социально-исторический и культурно-идеологический контекст чаще всего не осознаются переводчиком и потребителями перевода и определяются как «чувство языка» или «языковая интуиция». Те же интуитивно воспринимаемые факторы влияют на трактовку самой возможности межъязыкового перевода, его научного описания и нормирования. Так, «теория непереводимости», сформулированная в период зарождения научной лингвистики, была связана с научно-философским контекстом эпохи Романтизма, с его положениями об уникальности каждого национального языка, обладающего неповторимой структурой, своеобразным словарным составом и передающего особый национальный «дух», на основе чего делался вывод о принципиальной невозможности тождества текстов на разных языках. Отказ от этой теории, идея о возможности перевода любых идей в любых языковых сочетаниях и, как следствие, начало систематического описания перевода и определения критериев его объективного оценивания явились результатом кардинальных изменений внешних социально-исторических и внутринаучных факторов. Развитие и выход на первый план системно-структурного синхронного описания языков в языкознании и расширение потребностей перевода за счет огромного массива политических, коммерческих, научно-технических и прочих типов текстов в дополнение к переводам художественной и религиозной литературы обусловили зарождение переводоведения, важной частью которого стало понятие нормы перевода. Большая часть нормативных требований и рекомендаций, сформулированных в теории перевода в это время, полностью согласуется с идеологическим и вкусовым пуризмом эпохи, с преобладавшим

до середины XX в. пониманием «монолингвизма как нормы», требованием обособленности языков и доминированием «сегрегационной лингвистики» («segregationalist linguistics» [20: с. 49]). Например, в большинстве пособий по переводу основной постулат в оценке «качественного» перевода гласит о том, что «…переводчик должен особенно внимательно следить за полноценностью языка перевода, избегать так называемого "переводческого языка" (translatese), *портящего язык под влиянием иноязычных норм* (выделено мной. – *А.Р.*)» [8: с. 199]. Другими словами, одной из базовых конвенциональных норм становится следующая: «чтобы перевод звучал так, как его написал бы автор оригинала, если бы он писал на языке перевода», при этом сам факт перевода и роль переводчика должны оставаться незаметными, «невидимыми» («… the emphasis is placed on familiarity, on making the language so recognizable as to be invisible») [21: с. 127].

Именно такого рода нормы в последние десятилетия начинают трансформироваться под влиянием процессов глобализации, расширения англо-инонационального билингвизма и усиления транслингвальной практики. В книге о проблемах и противоречиях в теории и практике перевода Л. Венути посвящает целую главу вопросу о переводе в эпоху глобализации [21: с. 158–188]. Он пишет, в частности, что транслингвальная колониальная и постколониальная литература заставляет переосмыслить понятие авторства, авторской аутентичности/подлинности («authorial originality»), которое должно охватывать и переводческую деятельность («…redefines authorship to embrace translation») [21: с. 175]. О расширении понимания перевода и об усилении его значимости в эпоху глобализации пишет и А. Пенникук. По его словам, под влиянием глобализации перевод перемещается с периферии лингвистики, из разряда чисто прикладных разделов языкознания, в центр изучения языка: транслингвальный подход наглядно демонстрирует, что классический перевод с одного языка на другой – это лишь частный случай коммуникации, которая по сути всегда предполагает перевод («…all communication involves translation») и должна рассматриваться в терминах перевода [20: с. 54–55]. Отметим, что в изучении транслингвальной практики современная лингвистика фактически возвращается на новом витке развития к идее широкого толкования перевода, которая высказывалась Р. Якобсоном в его описании единых процессов «внутриязыкового», «межъязыкового» и «межсемиотического» перевода [19: с. 139].

Актуальность широкого подхода к пониманию перевода в условиях глобализации обусловлена вовлечением в языковой контакт в качестве активных участников огромного количества коммуникантов, которые прежде оставались пассивными получателями продуктов профессионального перевода. Даже обладая минимальными, «усеченными» знаниями иностранного языка, в данном случае английского в дополнение к родному языку, люди в разных странах фактически начинают действовать как «наивные», т.е. непрофессиональные переводчики, и их деятельность может быть описана с помощью терминов «внутренний перевод» и «наивный перевод/адаптация». По определению В.В. Кабакчи, в отличие от традиционного перевода, в котором имеет место «коммуникативная триада» – два разноязычных коммуниканта и переводчик-посредник [5: с. 57], в процессе «внутреннего перевода» человек создает текст с использованием иноязычного материала, «осуществляя сам в соответствии с возникающими при этом языковыми проблемами необходимые "переводческие" преобразования текста» [5: с. 58]. В.В. Кабакчи исследует механизмы «внутреннего перевода» с точки зрения интерлингвокультурологии, т.е. при передаче маркированных компонентов иноязычной культуры. Однако, на наш взгляд, такой подход продуктивен в описании всех случаев использования разноязычных ресурсов, объединенных в интегрированном репертуаре билингва.[2] «Внутренний перевод» можно рассматривать как явление транслингвальное и промежуточное между собственно традиционным межъязыковым переводом и внутриязыковым переводом («переименованием», «rewording»), по Якобсону.

С психолингвистической точки зрения такого рода языковая практика описывается А.В. Кирилиной как «наивный перевод/адаптация». Она противопоставляет «наивный перевод» «прототипическому переводу», институциональному профессиональному занятию, которому специально обучают и которое «…осуществляется на основе нормативной базы (закон о языке, закон о рекламе и т.п.) или "по умолчанию" сложившихся правил и традиций» [6: с. 33]. Регламент профессионального перевода, т.е. принимаемая «по умолчанию» нормативная установка на разграничение языковых систем и соблюдение границы между ними, как пишет А.В. Кирилина, «…доминирует лишь в том случае, когда языковые контакты имеют не слишком высокую интенсивность» [6: с. 33]. В условиях глобализации английского языка и интенсификации языковых контактов неизбежны «утрата (вернее, выход за рамки) институциональности» [6: с. 33] и преобладание «неинституализированного», «наивного перевода/адаптации», который отражает «неготовность к поддержанию и воспроизводству различий» [6: с. 38]

[2] Общность начального компонента в терминах *translation, transcription/transliteration, translanguaging* в английском языке в определенном смысле является отсылкой к общности механизмов собственно межъязыкового перевода, процессов заимствования и транслингвальной практики билингвов.

в речи обычных билингвов. В отличие от «культурных билингвов»[3] в сознании «наивных билингвов» при интенсивных контактах границы языков размываются, они неосознанно воспринимают языки как единую сущность, и «наивный перевод» принимает форму динамического «сближения» языков, «перетекания» языков друг в друга, адаптации (ср.: «dynamic/flexible bilingualism»). На наш взгляд, важно понимать, что размывание границ между языками в процессе «наивного перевода» происходит по тем же общеязыковым законам, которые влияют на изменения внутри языковых систем: это закон аналогии, который чаще всего лежит в основе подрыва языковой традиционности, закон экономии (закон «наименьшего усилия»), закон противоречий (антиномии), в частности, антиномии возможностей языковой системы и избирательности нормы, антиномии кода (знаков и правил) и текста и др. (подробнее о законах и антиномиях языка как источнике языковых изменений см.: [1: с. 12–25; 10: с. 87–120]). Транслингвальная практика билингвов в свете общих законов языка представляет собой отдельную, исключительно сложную тему для лингвистического обсуждения, которая выходит за рамки данной статьи. Однако подчеркнем, что возрастающий глобальный англо-инонациональный билингвизм расширяет набор понимаемых/узнаваемых языковых форм[4] и с точки зрения «языка говорящего», и с точки зрения «языка слушающего» (в разрезе «антиномии говорящего и слушающего» можно сказать, что транслингвизм реципиентов перевода снимает проблемы, возникающие в связи с размыванием языковых границ в «наивном переводе»), и это кардинальным образом сказывается на расширении понятий «язык», «перевод», «норма», «язык перевода» и «норма перевода».

Сдвиги в общеязыковой и переводческой нормативности как результат вышеописанных факторов очевидны в социолингвистической ситуации современной России. В предыдущих работах [13–15] мы уже приводили примеры проявления некоторых сдвигов во взаимодействии русского языка с глобальным английским, приемлемость которых сегодня связана с резким увеличением количества участников широко понимаемой переводческой языковой деятельности. Один пример из нашей собственной практики [13: с. 65] иллюстрирует то, как «усеченный», «начальный» билингвизм реципиентов влияет на «прототипический», институциональный перевод с русского языка на английский: за экспертным мнением обратился клиент, обеспокоенный тем, что в переводе профессионального, очень грамотного переводчика в тексте о гостиничном бизнесе было использовано (вполне оправдано, «по-английски» идиоматично) выражение *hospitality business*. Это вызвало подозрения у заказчика, который знал английский эквивалент слова «гостиница», *hotel*, и, не увидев его в переводе, стал сомневаться в качестве перевода. Трудно в этой связи не согласиться с Б.Н. Климзо, который пишет, что профессиональные переводчики-практики в России вынужденно вовлекаются в «порождение Russian English», поскольку им, по словам А.Е. Чернухина, «…[п]орой приходится переводить тупее, т.е. английскими словами на русский лад, лишь бы заказчик, который немножко знает английский, не придирался» [7: с. 398].

Но основные проблемы, обсуждаемые в связи с влиянием глобального английского языка в России сегодня, конечно, связаны не с профессиональным переводом, а с тем, что выше описывалось как «наивный перевод/адаптация» и «внутренний перевод» обычных билингвов, чаще всего, в направлении с английского языка на русский. В русскоязычном сообществе вызывают озабоченность многочисленные случаи сближения русского языка с английским, стирания границ между ними, которые с точки зрения традиционной переводческой нормативности оцениваются как проявления «переводческого языка» (translatese) и допускаются только в качестве «чернового» этапа в работе переводчика или «для демонстрации особенностей иноязычной формы в так называемом "филологическом" или "этнографическом" переводе» [8: с. 223]. Не анализируя подробно языковые механизмы и различные социолингвистические аспекты этого явления, описываемые в многочисленных специальных публикациях, включая наши собственные [6; 13; 14], и не ссылаясь на источники ввиду ограниченности объема статьи, приведем лишь несколько показательных примеров, за которыми явно «прочитываются» «недопереводы» англоязычных эквивалентов. Ср.: «позиция» в значении «рабочее место, должность, вакансия» – «*занять позицию в компании», to occupy a position in a company*; «финальный» в значении «последний, окончательный» – «*финальная распродажа*», «*финальное слово*», *final sale, final word*; «деликатный» в значении «осторожный, бережный» – «*деликатная стирка*», *delicate washing*. В этот список входят даже лексические единицы, которые в учебниках по переводу с русского языка на англий-

[3] А.В. Кирилина также отмечает возвращение на новом витке развития языкознания к высказывавшимся ранее идеям о принципиальном отличии обычного билингвизма и «билингвизма культурных людей», культивирующего разделение языков (ср., «separate bilingualism»). Она цитирует слова Ж. Мунэна: «Хотя перевод является бесспорным случаем языкового контакта, его следовало бы описывать как предельный случай, редкий со статистической точки зрения, где сопротивление обычным последствиям билингвизма более сознательно и более организовано; случай, когда говорящий билингв сознательно борется против любого отклонения от лингвистической нормы, против любой интерференции…» [6: с. 33–34].

[4] Ср., выше: «… so recognizable as to be invisible» [21: p. 127].

ский и с английского на русский традиционно описываются как «ложные друзья переводчика». Ср. недавние примеры такого рода: «декада» в значении «десятилетие», по аналогии с англ. *decade* – «*Рассматриваем капсульную коллекцию 12 Storeez, повторяющую эстетику разных декад, от благородных 30-х до ярких 80-х*» (grazia_ru); «иконический» в значении «знаковый, культовый», по аналогии с англ. iconic – «*идеальные подушки для иконических стульев Panton*» (Design Mate с Mike V. Shilov).

Подобные примеры в научном и обыденном метаязыковом дискурсе в русскоязычном сообществе чаще всего оцениваются негативно, как нарушение норм, вызванное, в числе прочего, процессами глобализации и «глобанглизации». И действительно, нельзя отрицать, что глобализация коммуникации и вовлечение в нее большого количества участников, в сочетании со всеобщей демократизацией дискурса и усилением личностного начала, которые особенно очевидны в России последних десятилетий в силу внутренних политических, экономических и социально-культурных изменений, влекут объективное снижение среднего уровня грамотности в публичной устной и письменной речи, торможение механизмов самоконтроля [4], развитие «стилевой глухости» и, до некоторой степени, «утрату чувства языка» [1: с. 5]. Однако нельзя не признавать, что те же самые факторы ведут к «шквальному нарастанию вариантных норм» [1: с. 3], для оценки которых невозможно использовать критерии «хорошо»/«плохо», поскольку в таких случаях должна учитываться «функционально-прагматическая сущность языка, а не абстрактно и отдельно существующая кодовая модель» [1: с. 4]. Негативная оценка примеров типа «деликатная стирка» или «иконические стулья» как «неграмотных», «торопливых» или «бездумных» [9: с. 139] связана с утратой семантического своеобразия русских лексем и их отличий от англоязычных эквивалентов, с сожалением по поводу того, что «…многолетняя работа русского языка по оттачиванию смысловых нюансов идет насмарку» [9: с. 142]. Однако, во-первых, эта оценка не учитывает объективных процессов «семантического выравнивания» («реставрации», «восстановления», «нивелирования») семантической структуры заимствований, когнатов, интернациональной и частично-эквивалентной лексики в транслингвальной практике «наивных билингвов» [13; 14]. Такого рода процессы, как подчеркивалось выше, неизбежны в ситуации интенсификации языковых контактов, поскольку они обусловлены объективными законами языка и схожи с процессами аналогического выравнивания языковых форм в диахронии [10: с. 104–106] или с процессами «деассимиляции» и «реставрации» ксенонимов при интенсивной межкультурной коммуникации [5: с. 150–152]. А во-вторых, как мы уже писали [14], расширение значения таких слов хотя и ослабляет межъязыковое своеобразие лексики, как правило, не предполагает исчезновения собственных, уникальных для русского языка лексико-семантических вариантов. Другими словами, при размывании различий между русскоязычными и англоязычными языковыми единицами усиливается внутриязыковая вариативность, поскольку формируется двойственная семантическая структура слова, включающая и лексико-семантические варианты, демонстрирующие общность, аналогическое семантическое выравнивание некоторых представлений носителей русского языка с глобальным англоязычным сообществом, и лингвоспецифические варианты, отражающие своеобразие русскоязычной культуры. В результате некоторый «привкус чужеязычности» [10: с. 226] перестает быть явным нарушением нормы, ошибкой «наивного перевода» и приобретает статус «вариации», «девиации» или «отклонения», намеренно используемого для передачи целой гаммы дополнительных смыслов и выполнения ряда социально-прагматических функций: функции социальной солидарности и социального дистанцирования, функции привлечения внимания, декоративной функции, экспрессивно-эмотивной функции, поэтической и речетворческой функции, «эзотерической» функции и функции эвфемизации и т.д. (подробнее см.: [14: с. 114–116]).

Означает ли это, что вышеописанные сдвиги, порождаемые «обыденной/народной глобализацией» и «обыденной/народной грамотностью» «наивных билингвов», которая противостоит формальной грамотности и «билингвизму культурных людей» ("globalization from below", "grassroots globalization", "grassroots literacy" vs. "schooled literacy" [16: с. 85, 99, 103, 172]), приведут в конечном счете к отказу от деонтической, аксиологически ориентированной нормативности в межъязыковой коммуникации, в том числе и в переводческой деятельности? Как показывает анализ реального положения дел, в условиях современной социально-исторической и культурно-идеологической ситуации такого отказа не происходит. Наоборот, как отмечает Н.Н. Германова, объективное расшатывание традиционных норм, антинормативные устремления в передовых слоях общества и в научных кругах порождают рост интереса рядовых носителей языка к вопросам языковой правильности, озабоченность вопросами культуры речи и волны «нового прескриптивизма» [2: с. 74–75]. Это свидетельствует о значимости нормативного регулирования языка для его носителей. В результате действия разнонаправленных факторов более актуальными сегодня становятся не категорические суждения (от признания языковых норм, литературных

языков и даже самих языков «фикцией», с одной стороны, до «лингвистического авторитаризма» и призывов к жесткому регулированию речевой деятельности, с другой стороны), а поиски более взвешенного соотношения, своего рода компромисса между алетической и деонтической нормативностью, дескриптивизмом и прескриптивизмом, языковой «правильностью» и «приемлемостью», традиционным «сегрегативным» и современным «динамическим/транслингвальным» подходами в лингвистической науке. Наиболее активно такого рода деятельность сегодня ведется в зарубежной теории и практике преподавания языков (см.: [17; 18]). В этом же направлении, на наш взгляд, должно развиваться исследование проблем нормативности в современном переводоведении.

В заключение отметим, что существуют и другие проблемы перевода в контексте глобализации (некоторые из них, в частности, описываются в упомянутой работе Л. Венути [21: с. 158–188]). Однако решение многих из них невозможно без предварительного обсуждения и пересмотра положений переводческой нормативности на современном этапе. Например: что должно переводиться в глобализирующемся мире и почему? Каковы должны быть взаимоотношения перевода и издательского рынка? Каковы должны быть стратегии перевода транслингвальной литературы? Каким должен быть перевод, чтобы не стать преградой языковому и культурному многообразию? Какова роль переводчика в современном сближении языков и культур? Влияют ли глобализационные процессы и перевод на сокращение количества языков в мире и на укрепление доминирования развитых западных стран на международной арене? Как влияет на процесс и продукт перевода ускорение технологического прогресса? Какова должна быть педагогика перевода в условиях глобализации? Нужно ли сегодня менять традиционные программы подготовки переводчиков и устанавливать их стандарты? Эти и многие другие вопросы обусловливают актуальность изучения нормативных понятий теории перевода, принципов нормативной аргументации и новейших тенденций в исторически эволюционирующей концепции языковой и переводческой правильности в ситуации глобализации английского языка и усиления транслингвальной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валгина, Н.С.* Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.

2. *Германова, Н.Н.* Об онтологическом статусе стандартного английского языка: дискуссии о нормативной традиции в современной лингвистике / Н.Н. Германова // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика : сб. тр. к 90-летию со дня рождения А.Д. Швейцера. – М. : Буки Веди, 2015. – С. 69–79.

3. *Германова, Н.Н.* Лингвокультурные основания нормативной грамматической традиции (на материале грамматик английского языка конца XVII – начала XX в.) : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / Германова Наталия Николаевна. – М., 2016. – 47 с.

4. *Залевская, А.А.* К проблеме самоконтроля / А.А. Залевская // Методология современного языкознания: Порождение и понимание речи. Значение и смысл. Виртуальная коммуникация. – М. : Ленанд, URSS, 2016. – С. 68–93.

5. *Кабакчи, В.В.* Введение в интерлингвокультурологию / В.В. Кабакчи, Е.В. Белоглазова. – М. : Юрайт, 2017. – 253 с.

6. *Кирилина, А.В.* Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) / А.В. Кирилина // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 13. – С. 30–39.

7. *Климзо, Б.Н.* Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы / Б.Н. Климзо. – М. : Р. Валент, 2006. – 508 с.

8. *Комиссаров, В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.

9. Левонтина, И.Б. Русский со словарем / И.Б. Левонтина. – М. : Азбуковник, 2010. – 335 с.

10. Мечковская, Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета : курс лекций по общему языкознанию / Н.Б. Мечковская. – М. : Флинта, 2009. – 584 с.

11. *Прошина, З.Г.* Теория перевода (с английского языка на русский и с русского языка на английский) / З.Г. Прошина. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 276 с.

12. *Прошина, З.Г.* Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории / З.Г. Прошина. – М. : Флинта : Наука, 2017. – 208 с.

13. *Ривлина, А.А.* О некоторых особенностях и лингвистических проблемах процесса формирования массового русско-английского билингвизма / А.А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 1. Вып. 37. – С. 61–66.

14. *Ривлина, А.А.* Проблемы вариативности и вариантности во взаимодействии современного русского языка с английским / А.А. Ривлина // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика : сб. тр. к 90-летию со дня рождения А.Д. Швейцера. – М. : Буки Веди, 2015. – С. 109–119.

15. *Ривлина, А.А.* Формирование глобального англоместного билингвизма и усиление транслингвальной практики / А.А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2. – С. 22–29.

16. *Blommaert, J.* The sociolinguistics of globalization / Jan Blommaert. – Cambridge and New York : Cambridge University Press, 2010. – 213 p.

17. *Creese, A.* Separate and flexible bilingualism in complementary schools: Multiple language practices in interrelationship / Angela Creese, Adrian Blackledge // Journal of Pragmatics. – 2011. – № 43. – P. 1196–1208.

18. *García, O.* Bilingual education in the 21st century: A global perspective / Ofelia García. – Malden, MA, Oxford and Chichester : Wiley-Blackwell, 2009. – 496 p.

19. *Jakobson, R.* On linguistic aspects of translation / Roman Jakobson // The translation studies reader / Venuti L. (ed.). – New York and London : Routledge, Taylor and Francis Group, 2005. – P. 138–143.

20. *Pennycook, A.* Global Englishes and transcultural flows / Alastair Pennycook. – London and New York : Routledge, 2007. – 189 p.

21. *Venuti, L.* The scandals of translation: Towards an ethics of difference / Lawrence Venuti. – London : Routledge, 1998. – 213 p.

ПРОБЛЕМЫ НОРМЫ И АУТЕНТИЧНОСТИ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ И ВАРИАНТОЛОГИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ

А.В. Семенова

Семенова Анна Владиславовна – аспирант факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Контактный адрес: anya-1911@yandex.ru

В данной статье рассматриваются два ключевых понятия лингвоконтактологии с точки зрения переводоведения: норма и аутентичность. Данные понятия нередко противопоставляются друг другу, однако цель настоящей статьи – показать, что понятия нормы и аутентичности тесно взаимосвязаны и оказывают взаимное влияние друг на друга. Более того, лингвоконтактологический подход в значительной степени определяет само понятие перевода и его процессы. Норма перевода, находясь в связи с аутентичностью, приобретает свое «я» благодаря культурной составляющей в переводе, таким образом, делая вопрос репрезентации культуры в переводе парадигмообразующим.

Ключевые слова: перевод, норма, аутентичность, лингвоконтактология, варианты английского языка, русский вариант английского языка.

Понятие нормы в переводческом моделировании. Моделирование переводческого процесса – это воспроизведение хода переводческого процесса с приемами, которыми пользуются переводчики при работе с текстами. Под приемами стоит понимать некоторые сочетания навыков и принципов перевода, которые можно сгруппировать и объединить в модели перевода. Это последовательные мыслительные операции, совершаемые с единицами перевода. Выбор наиболее релевантных операций обусловлен специфическими характеристиками языка оригинала, наиболее соответствующими явлениями языка перевода и культурным фоном. Необходимо отметить в данной связи, что переводческую сложность представляет само понятие единицы перевода, которую в большинстве случаев принято определять как единицу смысла [4]. Существующие модели перевода базируются на понимании самими переводчиками процесса перевода, т.е. на основе самонаблюдения и самоанализа (процесс перевода как дешифровка данных в «черном ящике»), а также последующих умозрительных заключений и выводов относительно эффективности использованных техник, приемов и принципов проделанного перевода в том или ином контексте.

Существует много переводческих моделей, но к наиболее распространенным на сегодняшний день относятся такие модели, как трансформационная, денотативная, коммуникативная, семантическая, психолингвистическая и некоторые другие модели. Та или иная модель применяется в зависимости от контекста по усмотрению переводчика, т.е., моделирование в переводе условно и не всегда отражает все предпринятые переводчиком действия для осуществления перевода. Модели формируются переводчиками для того, чтобы описать последовательность действий, призванных решить переводческие задачи в определенных контекстах, и носят скорее рекомендательный характер. Более того, в процессе перевода не следует ограничиваться одной или двумя моделями, а следует сочетать все необходимые приемы для достижения репрезентативности перевода. Например, «…наряду с грамматическими трансформациями, имеющими место при семантическом анализе исходного текста и построении конечного высказывания, в переводе находят применение и методы лексико-синтаксического перефразирования, и семантические преобразования, и, в ряде случаев, одноэтапная процедура нахождения прямых соответствий» [9: с. 211].

По мнению В.Н. Комиссарова, норма перевода – это совокупность некоторых требований, которым должен соответствовать перевод [3].

Понимание того, что такое норма перевода, стало складываться в западном мире в IV в. в связи тем, что переводу подвергается одна из самых влиятельных книг христианства – Библия. Перед переводчиками, М. Лютером и его последователями, встали проблемы эквивалентности, адекватности перевода и трудности поиска инварианта, т.е., общности семантики содержания оригинального и переводного текстов. Можно сказать, что эти проблемы находятся на стыке прагматики и семантики. Прагматика перевода определяется как «…влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и стремление обеспечить желаемое воздействие на рецептора перевода» [3: с. 210]. Данная проблематика легла в основу семантико-прагматического подхода в переводе [10]. При переводе, как считал М. Лютер, необходимо следовать образцам современной речи, чтобы апеллировать к получателям перевода с помощью того языка, который будет им понятен, а значит, в нашем

понимании, адекватен. Принцип нормативности стал ключевым критерием перевода М. Лютера, впервые указавшего на то, что переводчику следует сформировать свое понимание текста и передать его с учетом современного ему узуса и языковых норм (народного языка). Такая самостоятельность переводчика в эпоху Реформации стала переходом от буквализма к новой парадигме в переводе [10] и зарождению вопроса о личности переводчика в переводе.

Традиции перевода в эпоху классицизма продолжили то, что было заложено М. Лютером в ключе прагматической адаптации текста. Смысловое значение и форма, в которую оно было облачено, представлялись переводчикам чем-то неразрывным. В соответствии с этим достижение полной эквивалентности формы и содержания считалось идеальным результатом переводческой деятельности или нормозадающим образцом, к которому необходимо было стремиться. Однако в отличие от средневековья в классическую эпоху передача смыслового значения опиралась на общелитературную норму языка и социально-культурные нормы социума. «Это объяснялось интернациональной, просветительской миссией литературы, а не религиозным единством Средневековья» [11: с. 103]. Из наиболее влиятельных теоретиков переводоведения наиболее схожую идею можно встретить в концепции Ю. Найды, который говорил об эквивалентности формы и значения в языке перевода.

Позднее, в эпоху романтизма, философы обратились к новому направлению философской и общественной мысли – к «искусству толкования», или герменевтике. Именно в этот период вопросы языкознания, в частности проблемы перевода, стали вызывать глубокий интерес исследователей. Г-Г. Гадамер, П. Рикер, Ф. Шлейермахер, Л. Витгенштейн и другие философы того времени формировали принципы перевода, на основе которых в дальнейшем появились различные модели перевода. Например, Ф. Шлейермахер в одной из своих лекций, рассуждая о принципах и техниках перевода, говорил о том, что переводчик должен стремиться передать «дух» и своеобразие языка оригинала [13]. Таким образом, нормой перевода становится наиболее полная передача впечатления, создание заложенного в языке оригинала эффекта, который автор хотел произвести на реципиента. Социум и конкретный исторический контекст обусловливают норму перевода, а это значит, что в разные эпохи в перевод одного и того же произведения переводчики могли вносить новые смыслы и значения, адекватные эпохе [11].

Переводческую норму можно понимать как набор параметров, определяющих то, каким способом переводчик передаст смысл на языке перевода: с помощью языкового эквивалента, контекстного соответствия, кальки, трансформации и т.д. [7]. Это возможно за счет того, что норма в переводе формируется при передаче оригинального сообщения равноценными средствами другого языка, т.е. «…перевод должен передавать не только то, что выражено в подлиннике, но и как это выражено в нем» [7: с. 12]. Зависимость выбора способа перевода от смыслового значения наиболее подробно описана в денотативной модели перевода. Также, например, в информационной модели Р.К. Миньяр-Белоручева нормой перевода является соответствие информационного запаса переводчика информационной насыщенности переводимого текста [6].

В концепции М.П. Брандес перевод воспринимается как некая эволюция степеней понимания, предметом которого являются культурные артефакты, например текст, т.е. самим предметом перевода является норма, а объектом – оригинальный текст [2]. В данной модели основную роль играет переводческое понимание, основанное на внешних и внутренних атрибутах. Внешние атрибуты – исходный текст и текст перевода, а также сам переводчик. Внутренним атрибутом является норма.

В понимании А.Д. Швейцера перевод – это коммуникативный процесс, обусловленный социумом. Он вводит такое понятие, как социальная норма перевода – совокупность общих правил, которые определяют, какие стратегии перевода следует использовать переводчику. Эти правила отражают социальные требования к переводчику в конкретном историческом контексте, в конкретной культуре [12].

В разные временные периоды под нормой перевода понимался как буквальный перевод «слово в слово», так и полностью авторская «вольная» интерпретация текста на другом языке. Со временем перевод оказал благоприятное воздействие на формирование литературных языков и закрепление языковых норм. На сегодняшний день многие исследователи и переводоведы сконцентрировались на вопросах взаимосвязи лингвистических и экстралингвистических факторов в процессе перевода и их роли как инструмента создания переводческой нормы. Необходимо отметить, что на норму перевода влияют личность переводчика, его конкретные умения и навыки перевода, предпочтения в выборе языковых средств, сам текст, вид перевода и другие факторы, формирующие среду перевода. Совокупность вышеперечисленных факторов говорит о том, что для понимания и оперирования понятием нормы перевода необходим комплексный подход, который учитывал бы тесную связь нормы с адекватностью и репрезентативностью.

Понятие нормы в моделях контактной вариантологии. Основной моделью контактной вариантологии является модель Б. Качру – основоположника парадигмы World Englishes. Согласно этой модели функционирование английского языка в мире может быть представлено в виде концентрических кругов, где Внутренний круг – это английский как родной язык, Внешний круг – английский как один из официальных языков в стране, в основном второй, и Расширяющийся круг – английский как язык преимущественно для внешнекоммуникативного общения. Эндонорма, т.е. своя собственная, внутренняя норма, существует во Внутреннем круге, а Расширяющийся круг имеет экзонормы, так как ориентируется на чужие нормы и не имеет собственных. Во Внешнем же круге начинается зарождение собственных норм, но есть ориентации и на экзонормы [14; 15]. Однако норма от круга к кругу меняется, так как язык функционирует в другой культурной среде и контактирует с локальными языками. Понятие нормы для данной модели крайне важно, так как именно нормативные сдвиги, возникающие в процессе контактов, обусловливают специфичность вариантов. Что касается Расширяющегося круга, то варианты английского в нем носят название «деятельностных», или речевых, вариантов (performance) [15: с. 19].

Модель Качру неоднократно подвергалась переработке со стороны исследователей в области лингвоконтактологии, например Л. Продромоу [20], Э. Шнайдером [21] и Т. Макартуром [18]. Понятие нормы затрагивалось так или иначе во всех моделях.

Л. Продромоу изменил модель с позиции роли английского в современном мире как лингва франка. В его модели круги пересекаются в центре и образуют связующее центральное звено – английский как лингва франка. Это звено не включает в себя различные варианты и само по себе не представляет вариант. Лингва франка – это скорее продукт взаимодействия всех вариантов английского, независимо от принципа английский как первый или как второй язык [20]. Английский как лингва франка в модели Л. Продромоу осмысляется скорее как представление о функциональном использовании языка в обществе. Согласно этому представлению английский как лингва франка является некоторой совокупностью функциональных характеристик английского языка во всем его разнообразии, а данное разнообразие включает и межкультурное общение, и использование английского в роли речевого варианта, т.е. включает в себя вариативность нормы как естественный процесс контакта языков и культур.

Динамическая модель Э. Шнайдера [21] сосредоточена на процессе становления (постколониальных) вариантов во время контакта языков в диахроническом срезе. Э. Шнайдер выделяет пять стадий формирования вариантов английского: основание, экзонормативную стабилизацию, нативизацию, эндонормативную стабилизацию и дифференциацию. Так как Э. Шнайдер исследует процессы Внешнего круга по модели Б. Качру, то он основывается прежде всего на норме.

Первая стадия, по Э. Шнайдеру, – это установление языкового контакта между английским языком и локальным. Появляются заимствования из английского в локальном языке и наоборот, это приводит к маргинальной билингвизации общества и «…к образованию относительной однородности языка поселенцев, которые еще не отделяли свою коллективную идентичность от метрополии» [21: с. 41]. После этого происходит экзонормативная стабилизация, варьирование нормы, обновление лексического пласта языка благодаря многочисленным заимствованиям. На этом этапе имеет место креолизация, т.е. укрепление формирующегося варианта, который на третьей стадии станет родным языком социальной группы. Именно через этот креольский язык она будет выражать свою культурную принадлежность. Необходимо отметить, что на этой стадии знание английского языка расценивается в обществе как престижное. Со временем использование языка в речи, или его узус, постепенно проявляет себя как фактор изменения нормы, которая, будучи модифицированной, закрепляется и кодифицируется в обществе, охватывая все области жизни человека, включая культуру, творчество, деловую жизнь и другие аспекты. На пятой стадии от сложившегося варианта могут образоваться различные местные диалекты и социолекты.

Т. Макартур также является исследователем парадигмы World Englishes, уделяя внимание в своих работах современному статусу, роли и развитию английского языка в мире. Он рассматривает вопрос литературной нормы применимо к различным функциональным вариантам английского, таким как World English(es), World Standard English, International English и International Standard English. Т. Макартур предлагает свою схему вариантов английского языка, помещая их на периферии World Standard English (WSE) – "нормированного английского языка, используемого в мире" [18: с. 5]. Однако каких бы то ни было четких критериев WSE Т. Макартур не приводит, за что модель получила критику. Более того, ставя в центр WSE, исследователь нарушает идею о равенстве вариантов [19]. Т. Макартур напрямую обращается к проблеме нормы в лингвоконтактологии, задавая вопрос о том, что если литературных норм может быть две (а это мы наблюдаем на примере британского и американского английского), то почему этих норм не может быть и более двух [18: с. 10].

Аутентичность и норма в языке. Вопрос аутентичности поднимается в переводческом и вариантологическом моделировании в связи с нормой, с проблемами интерпретации и восприятия.

Аутентичность – это социальный конструкт, а значит, наряду с исторической эпохой она формирует представление о том, какой должна быть норма перевода. В общефилософском представлении аутентичность – это состояние, при котором нечто раскрывает свое истинное «я». Однако проблема в том, что у каждого человека несколько «я», которые он в себе обнаруживает в разных контекстах. Что касается объектов, например, артефактов культуры – картины, текста, мелодии и т.д., – они всегда подвергаются интерпретации, а значит, их аутентичность каждый раз конструируется адресатами, читателями, зрителями, слушателями. Аутентичность объектов не существует вне сознания интерпретаторов, однако и в их сознании аутентичность и ее воспринимаемость разнятся – для одного человека объект культуры аутентичен, а другой не видит в нем никаких отличительных и уникальных характеристик.

Языковая аутентичность – это язык реального пользователя, который обращается к реальной аудитории с реальным сообщением [18]. Аутентичность относится к характеристикам текста, которые присваиваются тексту получателем и не принадлежат тексту как таковому, самому по себе [22]. Аутентичность имеет отношение к культуре и к способности адресанта подстраивать или имитировать языковое поведение и мыслительный процесс под целевую аудиторию с целью быть понятым и признанным ею [15].

Говоря об аутентичности, часто имеют в виду аутентичность контекста, а не языка [16]. По крайней мере, это может относиться к обучающему контексту. Например, во время урока английского языка искусственно создается необходимый контекст – коммуникация в банке, на таможне, в аэропорту – это создание аутентичного контекста искусственным путем. Это своеобразная стилизация аутентичности или стилизация под аутентичность. Также в сфере обучения под аутентичностью можно понимать процесс вовлечения между преподавателями и обучающимися [17].

Проблема аутентичности художественного высказывания возникла еще в XX в. в связи с ценностным кризисом европейской культуры, который привел к кризису восприятия художественных форм. Именно это породило проблему истинности художественного высказывания. Проблема аутентичности высказывания – это проблема восприятия адресатом высказывания, проблема того, что указывает на его истинность. Проблема аутентичности высказывания или текста – это проблема из сферы эстетики, где художник или автор высказывания пользуется общественным языком, в котором выражены культурные установки адресатов. Автор в творческом акте взаимодействует со структурами сознания и свойственным ему языком, которые схожи со структурами сознания адресата. Опора на опыт адресата при создании сообщения – способ достичь аутентичности высказывания. Основы бытия личности, которые выражаются в структуре сознания, языке, культурных установках, способствуют аутентичности высказывания. Однако даже этого недостаточно для полной аутентичности, ведь легче сказать, что не аутентично, чем наоборот. Поэтому необходимо, чтобы аутентичное высказывание «…не носило клишированного характера, не было искусственным, вымученным, а с известной долей непосредственности выражало реальный опыт и реальную творческую волю человека, когда человек является реальным субъектом своего высказывания, выступает как его подлинный автор, т.е. субъект, который вкладывает в используемые им слова личный смысл» [8: с. 131].

Подлинность или истинность высказывания приводит к проблемам интерпретации. «Когда мы говорим о содержании текста, то это не означает, что оно находится непосредственно в тексте – в сочетании букв и звуков; содержание текста – это мысли, чувства, наглядные образы, вызываемые текстом в нашем мозгу» [5: с. 113]. В этой связи перевод может быть, с одной стороны, противопоставлен аутентичности, потому что это интерпретация переводчика, его восприятие текста (например, гусеница в книге Л. Кэррола «Алиса в стране чудес» в русском переводе Б. Заходера становится червяком, а в переводе Н.М. Демуровой остается гусеницей), а с другой стороны, перевод отчасти может быть аутентичным, так как передает те самые образы и эмоции, заложенные автором высказывания. На каком бы языке то или иное высказывание ни было передано, оно воспринимается представителями разных культур относительно одинаково, за исключением случаев, когда какие-либо элементы высказывания не имеют двойного значения, речь не идет о языковой игре, или в высказывании нет заложенных культурно-специфических явлений. Например, высказывание И.В. фон Гёте «остановись, мгновенье, ты прекрасно» и «Werd' ich zum Augenblicke sagen: *Verweile doch*! Du bist so schön!» с художественной точки зрения производит одно и то же впечатление на абсолютное большинство адресатов, говорящих по-русски или по-немецки. В обоих приведенных нами примерах перевод 1) отходит от нормы, в первом случае заменяя одно явление другим (гусеницу червяком), во втором отходит от оригинала (переведены не все элементы); 2) скорее не передает аутентичность, чем передает ее в первом случае и стремится к аутентичности во втором.

Вывод. В настоящее время, во многом благодаря новому взгляду на аутентичность и норму через призму лингвоконтактологии, сам термин «перевод» семантически изменяется, например, по мнению Е.В. Белоглазовой, нивелируется понятие исходного текста, на его место заступает феномен исходной культуры, а переводчик переходит в категорию отправителя сообщения или автора, превращаясь в гибридный антропоцентр [1]. По этим причинам трансформировалось и отношение к результатам переводческой деятельности, к использованию различных переводческих моделей: «…поскольку речь уже не может идти даже о стремлении к изоморфизму (ведь исходного текста нет!), под эквивалентностью / адекватностью понимается лишь ее культурная составляющая». Норма перевода, находясь в связи с аутентичностью, приобретает свое «я», т.е. обусловливается за счет культурной составляющей в переводе, таким образом, «…вопрос репрезентации культуры в переводе становится ключевым, парадигмообразующим в связи с общими тенденциями к культурной и языковой глобализации» [1: с. 38].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белоглазова, Е.В.* Три вида культурологического перевода / Е.В. Белоглазова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – № 14 (1). – С. 33–38.
2. *Брандес, М.П.* Стиль и перевод (на материале немецкого языка) / М.П. Брандес. – М. : Высш. шк., 1988. – 127 с.
3. *Комиссаров, В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. *Латышев, Л.К.* Перевод: теория, практика и методика преподавания / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. – М. : Академия, 2003. – 192 с.
5. *Латышев, Л.К.* Технологии перевода / Л.К. Латышев. – 3-е изд. – М. : Академия, 2007. – 320 с.
6. *Миньяр-Белоручев, Р.К.* Теория и методы перевода / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М. : Московский лицей, 1996. – 208 с.
7. *Рецкер, Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я.И. Рецкер ; доп. и коммент. Д.И. Ермоловича. – 3-е изд. – М. : Р. Валент, 2007. – 244 с.
8. *Рымарь, Н.Т.* Аутентичность художественного высказывания как проблема эстетического события / Н.Т. Рымарь // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2013. – № 1 (13). – С. 128–150. – (Серия «Философия. Филология»).
9. *Тютебаева, А.М.* Моделирование переводческого процесса [Электронный ресурс] / А.М. Тютебаева // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 6 (1). – С. 207–211. – Режим доступа: https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31445 (дата обращения: 10.07.2017).
10. *Цвиллинг, М.Я.* Мартин Лютер и его значение для переводоведения / М.Я. Цвиллинг // О переводе и переводчиках. – М. : Восточ. кн., 2009. – С. 70–72.
11. *Цепков, И.В.* Норма перевода в диахроническом аспекте и средства достижения его адекватности / И.В. Цепков // Вестник МГЛУ. – 2011. – № 9 (615). – С. 100–117.
12. *Швейцер, А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер ; отв. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Либроком, 2009. – 216 с.
13. *Шлейермахер, Ф.Д.* О разных методах перевода : лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. / Фридрих Даниель Шлейермахер // Вестник Московского университета. – 2000. – № 2. – С. 127–145. – (Серия 9. Филология).
14. *Kachru, B.* The alchemy of English: The spread, functions and models of non-native Englishes / Braj B. Kachru. – Oxford : Pergamon Press, 1986. – 200 p.
15. *Kachru, B.* Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle / B.B. Kachru // World Englishes: Critical concepts in linguistics / Ed. By Kingsley Bolton and Braj B. Kachru. – New York : Routledge, 2006. – Vol. 3. – P. 241–269.
16. *Kramsch, C.* Language and culture / Claire Kramsch. – Oxford : Oxford University Press, 1998. – 134 p.
17. *Lier, L. van.* Interaction in the language curriculum: awareness, autonomy and authenticity / L. van Lier. – London : Longman, 1996. – 248 p.
18. *McArthur, T.* World English and world Englishes: Trends, tensions, varieties, and standards / T. McArthur // Language Teaching. – Cambridge University Press, 2001. – Vol. 34. – P. 1–20.
19. *Morrow, K.* Authentic texts and ESP / K. Morrow // English for specific purposes / S. Holden (ed.). – London : Modern English Publications, 1977. – P. 13–17.
20. *Prodromou, L.* English as a Lingua Franca. A Corpus-based analysis / Luke Prodromou. – London, New York : Continuum, 2008. – 297 p.
21. *Schneider, E.* The dynamics of New Englishes: from identity construction to dialect birth / Edgar Schneider // Language. – 2003. – Vol. 79. № 2. – P. 233–281.
22. *Widdowson, H.G.* Teaching language as communication. / H.G. Widdowson. – Oxford : Oxford University Press, 1978. – 168 p.

ПЕРЕВОД И КУЛЬТУРА

ВНУТРЕННИЙ ПЕРЕВОД: ПОЛНЫЙ CARTE BLANCHE?

Е.В. Белоглазова

Белоглазова Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактный адрес: beloglazova.e@unecon.ru

В статье делается попытка «примерить» экотранслатологическую модель, рассматривающую перевод как средство гармонизации составляющих и участников экосреды, на внутренний перевод – спутник прямого межлингвокультурного контакта. В отсутствие переводчика-посредника функцию гармонизации экосреды берет на себя один из участников коммуникативной ситуации, вынужденно позиционирующий себя между языками и культурами.

Ключевые слова: внутренний перевод, культуроним, лингвокультура, экопереводоведение.

Свобода – это роскошь, которую не каждый может себе позволить.

О. Бисмарк

Введение. На протяжении всего пока еще недолгого века теории перевода одним из самых плодотворных стимулов ее развития была дискуссия о нормативности перевода. Именно в рамках этой проблемной области шел поиск ответов на вопросы о том, что собой представляет перевод, т.е. о его сущностных свойствах, и о том, каковы его пределы, т.е. о принципиальной переводимости и о границах переводимости. Именно эволюция представлений о норме перевода привела к радикальной переоценке самого понятия «перевод» от предельно узкого и жестко-очерченного (ср. «…преобразование структуры речевого произведения, в результате которого, при сохранении неизменным плана содержания, меняется план выражения» [10: с. 3]) до предельно широкого и размытого («a type of semiotic activity and product», т.е. «вид семиотической деятельности и [ее] продукт» [15: с. 7]). Современное «западное» переводоведение, отражая общую установку западного общества на свободу и толерантность, отказывается от прескриптивности, т.е. навязывания переводу норм, требований, законов. Вместо этого постулируется тезис, что в качестве перевода можно рассматривать все, что кем-либо называется «перевод», притом что термин «перевод» употребляется все более широко и недифференцированно [16].

Данному решению, фактически состоящему в уходе от проблемы, противостоит «восточный» подход «экопереводоведения» Ху Гэншэня, уходящий корнями в конфуцианскую философию и ее идею гармонии между человеком и его окружением. Переводчик при этом рассматривается как «…единственная “органическая сущность”, которая может адаптироваться к экосреде и которая осуществляет выбор средств для этой адаптации» [8: с. 12], а перевод – как «процесс адаптации и отбора в условиях переводческой экосреды [8: с. 11]. Таким образом, перевод можно рассматривать лишь в привязке к экосреде, т.е. общему контексту, ситуации перевода в предельно широкой ее трактовке. Переводчик, которому отводится в этой экомодели центральное положение, призван обеспечить гармонию всех составляющих среды, выступая одновременно и получателем текста, и его отправителем, и читателем, и писателем, реализуя и сковывая свой творческий потенциал, являясь частью и принимающей, и исходной лингвокультур [9].

В настоящей статье мы попытаемся «примерить» данную модель на особую разновидность перевода, обозначенную В.В. Кабакчи термином «внутренний перевод» [5].

Внутренний перевод в прямом межкультурном контакте. Понятие внутреннего перевода введено В.В. Кабакчи в рамках интерлингвокультурологии – «…лингвистической дисциплины, которая изучает язык в его вторичной культурной ориентации» [6: с. 12]. Внутренний перевод определяется исследователем как «комплекс разнообразных языковых адаптаций языка в рамках прямого межкультурного диалога при описании внешней (иноязычной) культуры» [5: с. 72].

От традиционного межъязыкового перевода внутренний перевод отличают следующие черты:

– место исходного текста занимает исходная культура;

– классическая триада участников переводческого акта превращается в диаду за счет слияния переводчика с отправителем (автором) текста;

– как следствие вышеназванных особенностей, во внутреннем переводе меняется отношение между отправной точкой и результатом перевода: поскольку речь уже не может идти даже о стремлении к изоморфизму (ведь исходного текста нет!), адекватность внутреннего перевода может быть только относительно иных участников экосреды, среди которых назовем автора / отправителя, читателя / получателя и референтную (описываемую) культуру;

– в отличие от традиционного перевода, который носит по умолчанию сплошной характер, внутренний перевод затрагивает лишь наименования отдельных культурно-специфических явлений – культуронимы, которые поддаются переводу с опорой на исходную лингвокультуру;

– внутренний перевод использует тот же арсенал средств и приемов, что был разработан и описан для традиционного перевода, но отличается более высокой частотностью заимствований, причем всеми имеющимися способами (трансплантация, транслитерация, транскрипция, калькирование, полукалькирование); это объясняется тем, что культурологическая сфера, в которой бытует внутренний перевод, особенно богата безэквивалентными явлениями, не имеющими готовых средств выражения в языке описания;

– если при традиционном переводе при наличии вариативности переводчику вменяется в обязанность выбрать один из возможных способов перевода, при внутреннем переводе нередко используется комплексная стратегия, сочетающая разные способы перевода:

The "Mighty Handful" (moguchaya kuchka), also known as the New Russian School, Balakirev Circle, or the Five, is a group of nationalist, nineteenth century composers [13: c. 920].

В приведенном фрагменте исходный культуроним-русизм «Могучая кучка» вводится в текст посредством калькирования ("Mighty Handful"), транслитерации (moguchaya kuchka) и двух описательных оборотов (the New Russian School; Balakirev Circle). Автор использует вариативность русизма, наличие у него синонимов для более точного перевода, вводя в описание также и кальку с альтернативного наименования коллектива – «(Русская) пятерка» (The Five).

Подобная стратегия параллельного подключения различных средств перевода, одни из которых воспроизводят форму заимствуемого русизма, выступая гарантами точности перевода, а другие служат семантизации, делая перевод более доступным для понимания, широко применяется в прямом межкультурном контакте. Так, в заголовок статьи в Encyclopedia of Contemporary Russian Culture, посвященной журналу «Наш современник», вынесено два способа перевода культуронима – «Nash sovremennik (Our Contemporary)» [12: c. 412].

В современной англоязычной Rossica нередки целые тексты, построенные на этой стратегии:

The Ungrateful Russian Wretch

Every year at the end of November – specifically the fourth Thursday (Thanksgiving Day in the U.S.) – I think about благодарность (gratitude) and ways to express it in Russian. This year I decided to break tradition and write about неблагодарность (ingratitude), expecting to find lots of Russian synonyms. But to my surprise, it's slim pickings. <…> And in much of Russia, people believe gratitude is good for your soul. When disaster comes near but slips by, like a Kamaz that hits the brakes just before crushing your Smart Car, your friends say: Иди в церковь и благодари Бога (Go to church and thank God). Or when you realize that the girlfriend you've been pining over is a harridan, they'll say: Бог отвёл. Иди свечку поставь. (God averted a disaster. Go light a candle.) [11]

Автор – переводчица и писатель-публицист Мишель Бёрди (M. Berdy) – стремится раскрыть русский концепт «неблагодарность» для англоязычного читателя. При этом она не ограничивается просто переводом отдельного слова, но анализирует его в сравнении с парным концептом «благодарность» и в совокупности языковых средств, приводя цепочки слов, выражений, фразеологизмов и неизменно вводя их с помощью комплекса «заимствование + пояснение».

Данная стратегия внутреннего перевода не является характерной только лишь для описания русской культуры. Аналогичные решения принимаются при описании иных культур:

– …a pretty view with Gāyăshāăs or singing-girls, who are good and virtuous;

– Here the geisha, a professional female entertainer, carefully trained in the arts of singing, dancing, and amusing conversation, reigned supreme [3: c. 93].

Примечательно, что приведенные примеры отличаются способом заимствования культуронима, относясь к разным периодам, но не отличаются в принципе – сочетание заимствования и пояснения.

Очевидно, что во всех рассмотренных случаях внутренний перевод ориентирован на исходную культуру и стремится дать описание, адекватно (т.е. точно) воспроизводящее соответствующий ее фрагмент; но в то же время очевидно и стремление учитывать интересы «принимающей стороны», забота о доступности результата такого перевода пониманию. Таким образом, внутренний перевод здесь оказывается верным функции гармонизации экосреды, налаживания эффективного культурного и информационного обмена. Эффективности внутреннего перевода способствуют:

– использование комплексной стратегии перевода культуронимов-русизмов;

– точность номинации, гарантируемая формальным заимствованием;

– доступность номинации, гарантируемая пояснением в виде роднокультурного аналога, общекультурного гиперонима или описательного оборота;

– последовательность и системность подхода и принципов внутреннего перевода в рамках одного текста или авторского корпуса текстов[*];

– «дозирование» сложности текста для восприятия и введение в описание только значимых, культурно-нагруженных русизмов.

Однако, как подсказывает опыт, переводы бывают разные; это верно и для внутреннего перевода.

Рассмотрим отношение к культуронимам-русизмам автора монографии Leningrad. Siege and Symphony Брайана Мойнахана (B. Moynahan) [14]. Для начала объективируем наши ожидания с учетом жанра текста.

Перед нами серьезный научный труд – историко-культурологическая монография, посвященная культурной жизни блокадного Ленинграда. На отнесенность текста к научному стилю указывает помимо его объема (558 с.) наличие справочного аппарата в виде приложений из топографических карт, перечня упоминаемых личностей с краткой биографией, примечаний, библиографического перечня и индекса. В научном культурологическом тексте культуронимы выступают как специальная лексика, термины и несут основную когнитивную нагрузку. А значит, на них распространяются общие требования, предъявляемые к терминологическим единицам, – точность, нейтральность, системность и последовательность [1; 2; 7].

Точность. Применительно к переводу культуронимов точность можно понимать как по возможности точную передачу их плана выражения и/или плана содержания, т.е. точность лингвистическую и точность фактологическую. Притом что различия между языками и культурами делают полную эквивалентность недостижимой, отступления от нее должны быть минимизированы и сведены к объективным различиям.

В рассматриваемом тексте наблюдаются нарушения требования точности во всех ее проявлениях. Приведем отдельные примеры.

1. На карте, предпосланной тексту монографии и призванной повысить точность описания, отмечен «Shpalernaya prospect». В художественном тексте, описывающем возможный мир, автор имел бы на это полное право, но в научном историко-культурологическом тексте подобная номинация не может быть расценена как адекватный перевод, так как она аномальна одновременно по ряду параметров:

– нарушена лингвистическая точность, а именно согласование элементов русизма по категории рода;

– нарушена фактологическая точность, а именно подмена названия – подразумеваемая магистраль на протяжении своей истории много раз меняла название: Первая линия → Первая береговая улица → Воскресенская улица → Воскресенская набережная → Шпалерная улица → улица Воинова → Шпалерная улица; в описываемый в монографии период она носила название улица Воинова (1918–1991);

– нарушен принцип системности, а именно следование одной из принятых систем латинизации (романизации) кириллического письма: при всей общей неупорядоченности в этой области [4] русская буква «к» систематически передается на английский как «k» / «ck», но не как «c»;

– нарушен принцип последовательности: приведенный пример «Shpalernaya prospect» контрастирует с номинациями «Kamennoostrovsky prospekt», «Liteiny prospekt», приведенными на той же карте, где русская буква «к» передана на английский как «k».

2. Отдельные неточности касаются перевода названий фактов русской культуры: наименование «Glinka's *Ruslan*» [14: с. 17] не является точным в силу своей неполноты.

3. Налицо случаи откровенных ошибок в передаче русизмов: «**Drzh**avin» [14: с. 261]; «**Mayk**ovsky street» [14: с. 140]; «Mikhail Lerm**e**ntov» [14: с. 82]; «Men**ch**ikov» [14: с. 56].

Последовательность. Последовательность в данном случае подразумевает согласованность принимаемых в однотипных случаях переводческих решений; она также может касаться формальных и содержательных аспектов культуронима.

Примером сугубо лингвистической непоследовательности является рассмотренный выше случай «prospe**c**t/ prospe**k**t». Аналогично аномальна пара русизмов «simfon**ya** / svidan**iya**», в которых логично было бы ожидать одинакового окончания.

Непоследователен автор и в способе передачи русских имен. Как и в случае с топонимами, о попытке систематизации которых свидетельствует карта, антропонимы автор также пытается систематизировать в отдельном приложении Dramatis Personae. Это удивительным образом не спасает труд от разного рода аномалий:

– непоследовательности в передаче отдельных букв / буквосочетаний: Yevgen**y** [14: с. IX] vs. Lavrent**i** [14: с. 18]; Ale**ks**ander Kosarev [14: с. 16] vs. Glazunov, Ale**x**ander [14: с. IX]; Ale**x**ander Serov [14: с. 409]; Vol**kh**ov [14: с. 128] vs. Goro**h**ovaya [14: с. 140];

[*] Авторы нередко особо оговаривают те принципы, которыми они руководствуются при переводе русизмов, обосновывая принятое решение [13: с. X] или просто отсылая к тому или иному стандарту [12: с. IXV].

– непоследовательности в передаче структуры имени: даже в приложении трехчастная структура русского имени не выдерживается последовательно, некоторые имена приведены в полной форме (Gavrila Romanovich Drzhavin [14: с. 261]), в других же отчество опущено (Valerian Kuibyshev [14: с. 15]);

– непоследовательности в принципе передачи имени: как правило, русские имена автор более или менее точно транслитерирует, однако отдельные имена заменяются на англофонные аналоги (Leon Trotsky [14: с. 15]).

Наблюдается непоследовательность и в использовании культуронимов-терминов. Чередование различных способов перевода одного и того же культуронима (*Repressii* / Terror / 'the Repression' [14: с. 11]; the Maly Opera [14: с. 12], the Maly Operny Theatre [14: с. 299] приводит к тому, что они утрачивают кореферентность и могут быть восприняты не очень осведомленным читателем как несвязанные номинации.

Системность. Системность реализуется как следование системе; причем эта система может быть внешней по отношению к автору и тексту (например, система / стандарт транслитерации) или внутренней, т.е. задаваемой самим автором (система имен, система названий глав).

Выше мы уже отметили, что автор не выдерживает ни одного из общепринятых стандартов романизации русизмов, не давая при этом своего, как это нередко делают другие авторы, неудовлетворенные неопределенностью в этой области.

Не выдерживается автором и внутритекстовая, заданная им же система организации текста по хронологическому принципу. Большинство глав названо по модели «*Yanvar'*». Но в двух случаях деление смещается, что отражают названия типа "*Do serediny sentyabr'*", нарушающие систему названий глав и систему русского языка одновременно. А три названия вовсе выпадают из хронологического принципа, исходя не из дат, а из событий: главы 1 («*Repressii*»), 2 («*Voyna*») и 15 («*Simfonya* Nr. 7») [14].

Не очевидна также система, которой автор руководствуется в отборе подлежащих заимствованию русизмов и выборе способа заимствования. Так, «Red Arrow express» [14: с. 13] переведено методом калькирования, а «the *vertushka* telephones» [14: с. 11] – методом транслитерации. Последний способ отличает бóльшая формальная точность, бóльшая обратимость, но содержание и статус переведенных таким образом русизмов вряд ли диктуют или хотя бы оправдывают выбор способа перевода.

Примечателен в плане системности также фрагмент «my wife had a visitor from Vienna, an aspirant writing a PhD thesis» [14: с. 359]. Здесь в конфликт вступают две разные системы высшего образования: аспирант («aspirant») относится к советской / российской системе, а «PhD thesis» – к западноевропейской; если аспирант учится в советском учебном заведении, то он пишет кандидатскую диссертацию, а «PhD thesis» может писать только «(post-graduate (student)». Эта несистемность скорее всего является результатом непоследовательности в выборе способа перевода: заимствование в одном случае и подбор аналога во втором, но что и где именно определить затруднительно.

Не выдерживает автор и единой системы измерения, о чем свидетельствуют примеры «- 28 degrees Centigrade» [14: с. 2] vs. «78 degrees Fahrenheit» [14: с. 6].

Нейтральность. Само количество аномалий в отборе и способе введения культуронимов-русизмов в этот претендующий на научную ценность текст указывает на то, что их функционирование как минимум не сводится к терминологическому; что точность описания не является основной целью автора. Собственно, автор – Б. Мойнахан – не является ни историком, ни культурологом; по роду занятий он журналист. И такая масштабная и не всегда оправданная эксплуатация русизмов, которые очевидным образом затрудняют понимание текста англоязычным читателем, обусловлена общей установкой автора на негативизацию описания.

Функция негативизации у русизмов обусловлена в англофонном дискурсе идеологически и закрепилась за ними с середины XX в. – эпохи антиутопий (ср. *Bend Sinister* by V. Nabokov; *1984* by G. Orwell; *The Clockwork Orange* by A. Burgess).

Плотный негативный контекст «заражает» своей окраской и культуронимы, оживляя еще свежие в памяти оценочные смыслы: в одном только названии монографии *Leningrad: Siege and Symphony. Martyred by Stalin. Starved by Hitler. Immortalised by Shostakovich* фигурирует лишь одно положительно-окрашенное слово – «*Immortalised*»; «*Symphony*» синтаксически и фонетически включается в один ряд с «*Siege*», и «*Leningrad*» оказывается в сугубо негативном контексте.

Таким образом, принцип нейтральности также не соблюдается.

И в целом общая стратегия внутреннего перевода, задействованная в анализируемом тексте, направлена отнюдь не на гармонизацию экосреды, преодоление межлингвокультурного барьера, а на разжигание межнациональной розни.

Приведенный пример ни в коей мере не дискредитирует ни идею экотранслатологии о месте и функции перевода, ни явление внутреннего перевода.

Заключение. Как мы отметили, одной из важнейших отличительных черт внутреннего перевода является отсутствие собственно переводчика как посредника между лингвокультурами и народами-

носителями – того промежуточного звена, которое является в идеале вхожим в обе лингвокультуры, но не отождествляет себя ни с одной из них, что позволяет ему эффективно снимать возникающие в межкультурном общении противоречия. При внутреннем переводе функции переводчика вынужден взять на себя один из коммуникантов, а вместе с функциями – и обязанность занять наднациональную, надкультурную, надидеологическую позицию, а это не всегда и не для всякого оказывается возможно.

В отсутствие переводчика внутренний перевод рискует оказаться децентрированным и смещенным к тому или иному элементу экосреды, который и учитывается в переводе в ущерб остальным, что приводит к разнообразию отношений, возникающих в результате перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов, С.Н.* Термин как средство и объект описания (знаково-интерпретационный аспект русской лингвистической терминологии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Виноградов Сергей Николаевич. – Н. Новгород, 2005. – 48 с.

2. *Волкова, И.Н.* Стандартизация научно-технической терминологии / И.Н. Волкова. – М. : Изд-во стандартов, 1984. – 199 с.

3. *Иванова, Е.Ю.* Японские заимствования в современном английском языке: орфографическая норма и вариативность / Е.Ю. Иванова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – Т. XIV. Вып. 1. – С. 92–95.

4. *Кабакчи, В.В.* Транслитерация русизмов в англоязычном описании русской культуры (к столетию поисков системы транслитерации русизмов) / В.В. Кабакчи, Н.Г. Юзефович // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2007. – С. 51–70.

5. *Кабакчи, В.В.* Неисследованный вид переводческой деятельности: «Внутренний перевод» / В.В. Кабакчи // Studia Linguistica 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. – СПб. : Тригон, 2000. – С. 65–75.

6. *Кабакчи, В.В.* Реалии русской культуры в Большом оксфордском словаре / В.В. Кабакчи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1 (45). – С. 12–18.

7. *Лотте, Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии / Д.С. Лотте. – М. : АН СССР, 1961. – 158 с.

8. *Прошина, З.Г.* Опосредованный перевод в перспективе экотранслатологии / З.Г. Прошина // Вестник Московского университета. – 2013. – № 4. – С. 9–17. – (Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация).

9. *Прошина, З.Г.* Экопереводоведение как модель переводческой деятельности / З.Г. Прошина // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2016. – № 4. – С. 100–109. – (Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика).

10. *Черняховская, Л.А.* Перевод и смысловая структура / Л.А. Черняховская. – М. : Междунар. отношения, 1976. – 298 с.

11. *Berdy, M.* Неблагодарность: ingratitude [Electronic resource] / M. Berdy // The Moscow Times. – 2017. – November 24. – URL: https://themoscowtimes.com/articles/the-ungrateful-russian-wretch-59688 (accessed: 28.12.2017).

12. Encyclopedia of Contemporary Russian Culture / ed. by T. Smorodinskaya, K. Evans-Romaine and Y. Goscilo. – London and New York : Routledge, 2007. – 734 p.

13. Encyclopedia of Russian History / ed. by J.R. Millar. – Macmillan Reference, 2004. – 1828 p.

14. *Moynahan, B.* Leningrad. Siege and Symphony. Martyred by Stalin. Starved by Hitler, Immortalised by Shostakovich / B. Moynahan. – London : Quercus Editions, 2013. – 558 p.

15. *Toury, G.* In Search of a Theory of Translation / G. Toury. – Tel Aviv: The Porter Institute for Poetics and Semiotics, 1980. – 159 p.

16. *Trivedi, H.* Translating Culture vs. Cultural Translation / H. Trivedi // Translation – Reflections, Refractions, Transformation / ed. by Paul St-Pierre and Prafulla C. Kar. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins, 2007. – P. 277–288.

ВНУТРЕННИЙ ПЕРЕВОД: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОЛЬГИ ГРУШИНОЙ И ИХ ПЕРЕВОДОВ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ

Е.С. Лебедева

Лебедева Екатерина Сергеевна – старший преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Контактный адрес: chaton17@mail.ru

В статье рассматривается такой вид переводческой деятельности, как внутренний перевод, дается определение термина. На примере романов русской англоязычной писательницы Ольги Грушиной описываются приемы, используемые автором при внутреннем переводе для передачи своей национальной и культурной идентичности.

Ключевые слова: внутренний перевод, англоязычное описание русской культуры, русскость.

Традиционно под переводом понимается процесс перевыражения или перекодирования произведения на одном языке знаками другой языковой системы [1: с. 5]. Потребность в этом виде деятельности появляется, когда в процессе межкультурного общения участвуют два разноязычных коммуниканта, которые не могут понять друг друга без посторонней помощи, т.е. без переводчика-посредника. Но в современном обществе, в разных сферах деятельности человека сегодня все чаще мы наблюдаем примеры «бесперевoдной» межкультурной коммуникации, т.е. естественного общения людей [4: с. 60]. Неудивительно, что в результате глобальных процессов, тесных и частых международных контактов самым распространенным языком «бесперевoдной» межкультурной коммуникации стал английский. И очень часто в процессе естественного общения людей английский язык используется в приложении к иноязычной культуре [4: с. 60]. Это легко объяснить, потому что нашим международным партнерам мы интересны не знанием английского языка и иностранного мира (они знают свой мир и без нас), а знанием родного мира, т.е. мира России [9].

Когда в ходе прямого межкультурного диалога человеку приходится передавать специфические элементы иноязычной культуры, автор строит свой оригинальный или аутентичный текст [4: с. 57]. В этой ситуации у автора нет оригинального текста, стилевые особенности которого необходимо сохранять и передавать средствами другого языка, и это значит, что все необходимые языковые операции, связанные с передачей специфики иноязычной культуры, автор осуществляет сам [4: с. 60]. Такой вид переводческой деятельности получил название «внутренний перевод». Термин и понятие «внутренний перевод» были введены и впервые описаны В.В. Кабакчи в статье «Неисследованный вид переводческой деятельности: "Внутренний перевод"» в 2000 г. Под внутренним переводом понимается комплекс разнообразных языковых адаптаций языка в рамках прямого межкультурного диалога при описании внешней (иноязычной) культуры. Результатом внутреннего перевода становится создание оригинального (аутентичного) текста [6]. Внутренний перевод осуществляется непосредственно автором в самых различных жанрах: научном и научно-популярном, публицистике, путевых заметках и репортажах, художественной литературе, путеводителях, заметках и статьях в СМИ. Он имеет место как в ходе устного, так и в процессе письменного общения [5]. Согласно В.В. Кабакчи, внутренний перевод осуществляют как авторы оригинальных текстов, которые описывают на родном языке иноязычную культуру, так и те авторы, которые используют второй язык для описания родной (иноязычной для этого языка) культуры [4: с. 58].

Как уже было сказано выше, международному сообществу интересна Россия и русские, поэтому англоязычное описание русской культуры представляет особенный интерес. В данной статье мы рассмотрим примеры англоязычного описания родной культуры русским транслингвальным автором Ольгой Грушиной. Ольга Грушина родилась в Москве, училась на факультете журналистики МГУ и уехала в США по программе гранта. В США Грушина работала переводчиком и писала короткие рассказы. В 1996 г. Ольга Грушина начала работать редактором одного из исследовательских институтов Гарвардского университета. В 2005 г. выходит в свет первый роман писательницы «Жизнь Суханова в сновидениях» (The Dream Life of Sukhanov), в 2010 г. роман «Очередь» (The Line), а в 2016 г. был опубликован третий роман писательницы «Сорок комнат» (Forty Rooms).

Ольга Грушина является ярким представителем плеяды молодых транслингвальных авторов, так называемых русских дебютантов [13], советских и русских эмигрантов конца 1980-х – начала и середины 1990-х, которые выбрали основным языком своего творчества английский и на русском никогда не писали. В своих произведениях авторам удается сохранять и передавать свою русскую идентичность с помощью

английского языка. Но вместе с этим первые два романа Грушиной отличаются от другой русской транслингвальной литературы тем, что действия ее романов происходят в советской России, в них не прослеживается тема иммигранта, его ассимиляции. Так, Ольга Грушина придает англоязычное звучание русской тематике и обстановке [10: с. 58], поэтому ее произведения изобилуют русизмами, именами собственными, культурно-маркированной лексикой. Помимо лексического уровня национальную идентичность, или, по-другому, «русскость», автора можно проследить на уровне лексико-синтаксической сочетаемости, а также на уровне целого предложения. Изучение языка данной писательницы представляет интерес и является актуальным, так как до настоящего времени английский язык русских авторов не был изучен с точки зрения внутреннего перевода. Помимо внутреннего перевода мы также затронем и некоторые вопросы традиционного перевода, поскольку романы «Очередь» и «Жизнь Суханова в сновидениях» были переведены на русский язык профессиональным переводчиком, в связи с чем представляется интересным рассмотреть, что происходит с авторскими решениями, принятыми в процессе внутреннего перевода, когда текст передается на язык родной культуры не самим автором.

При внутреннем переводе автор вводит заимствование – «варваризм», не нарушая при этом стиля повествования, что в традиционном переводе художественной литературы немыслимо и представляет собой проблему. Ольга Грушина всегда использует курсив для ввода русизмов, но не всегда дает пояснение.

(1) The girl was giggling, and Sukhanov distinctly heard her say *babochka* – "bow tie" or "butterfly" – but the night swallowed the rest of the sentence and… [11: с. 19].

(2) …there would be many butterflies, yellow, white and orange, spiraling like sunspots over these weeds, which Sukhanov somehow knew, were called *ivanchai* – Ivan`s chai, Ivan`s tea – an odd, lyrical name that came back to him all at once… [11: с. 124].

(3) On a bright, windy afternoon in early April, just after five o`clock, she met Sergei at the corner to take his tuba from him and to hand over their number and a *buterbrod* wrapped in a napkin, as she did every day [12: с. 96].

(4) "They`re waiting for you with supper, Anatoly Pavlovich," she said, and smiled shyly, revealing a gap between her front teeth. "I`ve made my *vareniki* with cherries you like so much, this being Sunday and all" [11: с. 54].

(5) A new smell, a slightly acrid smell of fowl droppings, was stealthily seeping into the familiar smells of shortbread cookies and *tvorog* [11: с. 45].

Русские реалии органично вплетены в текст и являются отличительной особенностью произведения, создают колорит, представляют собой проявление культурной и национальной идентичности автора, но интересно, что в переводе на русский язык их особый колорит теряется. Те акценты, которые расставляет автор, выделяя курсивом русизмы, не видны в русском переводе, поскольку переводчик не выделяет их другим шрифтом:

(1) Девчонка захихикала; Суханов явственно расслышал: «… и сбоку бантик», но остальные ее слова проглотила ночь…[2: с. 30].

(2) …летало множество бабочек – желтых, белых, оранжевых, круживших солнечными бликами над этими сорняками, чье название внезапно пришло Суханову на ум: «иван-чай» – странное, лиричное созвучие, так неожиданно всплывшее из глубин отдаленного школьного урока…[2: с. 154].

(3) Солнечным, ветреным апрельским днем, в самом начале шестого, она, как обычно, встретила Сергея на углу, забрала тубу, вручила ему бумажку с их номером и завернутый в салфетку бутерброд [3: с. 119].

(4) ….А я вареников наготовила, с вишнями, как вы любите, – воскресенье все ж таки [2: с. 70].

(5) К знакомым запахам печенья и творога исподтишка примешивался новый – легкий, но едкий запах птичьего помета [2: с. 60].

Представителям русской культуры понятны и близки блюда русской кухни (вареники), типичные для России кисло-молочные продукты (творог), виды перекуса (бутерброды) и флора территории России (иван-чай), поэтому русские читатели переводов романов не нуждаются в их пояснении. Но, интересно отметить, что для передачи заимствования «бабочка» в значении «галстук-бабочка» переводчиком было принято решение подобрать стилистически окрашенный вариант. В данном случае это вторая часть русского разговорного выражения «Чер-те что и сбоку бантик», просторечия, имеющего негативную коннотацию, которое используют, когда хотят сказать о чем-либо странном, несуразном [8]. Такой переводческий выбор не случаен и представляется очень удачным. Дело в том, что герой романа, носивший галстук-бабочку, был действительно странным, а галстук – съехавшим набок. Описание героя автор дает выше в тексте романа.

(6) ….the dreadful velveteen blazer had brown leather patches at the elbows, and an absurd maroon bow tie sat askew at his throat [11: с. 19] / ….немыслимый вельветовый пиджак с коричневыми кожаными заплатами на локтях, а на шее – съехавший набок серо-буро-малиновый галстук-бабочка [2: с. 29].

Еще один характерный прием, используемый автором для описания русской культуры и передачи своей национальной идентичности, – это включение элементов иноязычного диалога. Неожиданный гость появляется на пороге главного героя. Федор Далевич, очень дальний родственник, о ко-

тором Суханов ничего не знает. Когда главный герой открывает дверь, он видит чужого человека с приятным немолодым лицом, а в голубых глазах гостя лучилась мягкая, безыскусная приветливость.

(7) At the sight of Sukhanov, the man swiftly took off his hat. "*Dobryi vecher*!" he said in a voice brimming with emotion, twisting the hat in his hands [11: с. 79].

Ольга Грушина вкладывает в уста героя русскую фразу «Добрый вечер», которая отражает теплоту и искренность намерений гостя. Выше дается описание портрета героя: "…combined with the soft brown hat on his head and the small bulging suitcase at his feet, they made him look altogether as if he had just walked out of a Chekhov tale about some kindly small-town pharmacist on a nice family visit" [11: с. 79]. Перед читателем образ чеховского персонажа, какого-нибудь скромного аптекаря, который пожаловал в гости к родне. Анатолий Суханов в свою очередь не рад встрече, и для него Федор Далевич – чужой человек: "On the landing before their door stood a stranger" [11: с. 79]. Поэтому встречает гостя холодно: "Good evening," Sukhanov replied coldly [11: с. 79]. Чтобы показать разницу настроений героев, чтобы читатель почувствовал теплоту Далевича и холодность Суханова, автор намеренно использует кодовое переключение. Интересно, что переводчику романа на русский язык удалось компенсировать это с помощью инверсии:

– Вечер добрый! – с чувством выговорил он и принялся мять шляпу в руках. – Добрый вечер, – холодно ответил Суханов [2: с. 100].

В следующем примере кодового переключения русская формула прощания «Спокойной ночи» введена в англоязычный текст как раз с обратным намерением автора. Рассерженный Суханов звонит матери и выясняет, кто такой этот Далевич. Он также узнает, что родственник погостит у них недельку-другую:

(8) "…shouldn`t mind too much, since it`s only for a week or two," his mother`s voice returned from afar. "Well, give my regards to Fyodor. *Spokoinoi nochi*, Tolya.". "A week or two?" he shouted in disbelief. "Mother, wait, what do you expect me to – "The line went dead [11: с. 83].

Русским выражением мать дает понять, что разговор окончен, ставит его перед фактом и не дает никаких объяснений. Вполне возможно допустить, что автор меняет язык в данном случае с целью отрезать собеседника, прекратить разговор. Но, к сожалению, в переводе прочувствовать это невозможно, поскольку эта функция нивелируется:

(8) Ладно, Федору от меня привет передавай. Спокойной ночи, Толя [2: с. 104].

При англоязычном описании русской культуры становятся уместными цитаты из известных русских классиков, которые в данном случае вводятся параллельным подключением, т.е. с использованием комплекса компонентов, которые различным образом называют один и тот же элемент внешней культуры [7: с. 53]:

(9) Her hand felt cool in mine, and in my stunned mind, Pushkin`s immortal tribute to his beloved rang out like a clear crystal bell: *Chisteishei prelesti chisteishii obrazets*. The purest image of the purest charm [11: с. 199].

Неудивительно, что в переводе на русский отсутствуют пояснение, выделение курсивом и ссылка на автора цитаты, поскольку строчки из Пушкина знакомы каждому русскому читателю:

(9) Ее ладонь холодила мне руку, и среди смятения моих мыслей хрустальным колоколом звенело: чистейшей прелести чистейший образец [2: с. 243].

Результатом процесса внутреннего перевода также становятся английские лексемы, приобретающие новые значения. Так, в романе «Очередь» присутствуют сцены празднования 37-й годовщины Великой Октябрьской революции, в воспоминаниях и диалогах героев упоминаются события до революции и после. Для обозначения Великой Октябрьской революции 1917 г. автор выбирает английскую лексему change, которая используется на протяжении всего романа с определенным артиклем и с заглавной буквы *the Change*.

(10) My parents were paying for the best musical education, but after the Change, the State enforced open admission to my school [12: с. 152]. / Родители оплачивали мне занятия у лучших педагогов, но после революции в нашу музыкальную школу стали принимать по разнарядке [3: с. 184].

В русской культуре Великая Октябрьская революция дала возможность коренного изменения политических основ общества. Для истории и менталитета русского народа это событие имеет огромное значение, несет определенный смысл, делит жизнь народа на «до» и «после». Поэтому использование существительного с заглавной буквы и определенного артикля перед ним (который указывает на уникальный, единственный в своем роде объект или предмет) вполне понятно и оправдно для русского англоязычного читателя.

(11) Dreams had an unpredictable, shimmering quality to them, seemed to her to be cut from the same illusory, wavering, precarious essence as life before the Change, the way she imagined it from history lessons… [12: с. 10] / В снах всегда была какая-то непредсказуемость, неопределенность, скроенная, казалось, из той же иллюзорной, зыбкой, опасной материи, что и прежняя жизнь, какую она знала по урокам истории [3: с. 19].

(12) She had been only five at the time of the Change [12: с. 118] / Во время великого перелома ей было всего пять лет; она забыла больше, чем запомнила [3: с. 147].

В английском же языке значение лексемы change не имеет таких культурно-исторических ассоциаций и ни в одном толковом словаре англий-

ского языка (OED, CIDE, CED, LDCE) в значении «революция» не встречается. В англоязычных энциклопедических источниках (Encyclopaedia Britannica) мы находим The October Revolution (1917). Таким образом, автор вводит новое значение англоязычной лексемы, которое отражает радикальный, крутой переворот в жизни целого государства.

(13) After the Change, I taught Geography [12: с. 170] / В Новой Жизни стал учителем географии [3: с. 206].

(14) "Automobiles were rare in those days, so people forgot to look. Before the Change" [12: с. 116] / Машины тогда были в диковинку, и люди еще не привыкли смотреть по сторонам. При старом режиме [3: с. 145].

Что же касается перевода данной лексемы на русский язык, нужно отметить, что подобрать подобный вариант переводчику не удалось и в ряде примеров в переводе на русский лексема была опущена:

(15) ….they had been celebrating Three Glorious Decades since the Change, and the city had shaken with garlands of festive flags… [12: с. 17] / ….тогда, помнится, отмечали славную тридцатую годовщину и весь город трепетал от гирлянд и праздничных знамен [3: с. 29].

(16) Her usual street was flooded with spontaneous citizens` parade celebrating the thirty-seventh anniversary of the Change [12: с. 5]. / Обычная дорога к дому была запружена гражданами, которые высыпали на улицу в честь празднования тридцать седьмой годовщины [3: с. 13].

(17) The city was already starting to accumulate air in its lungs in preparation for the trumpet blast of yet another anniversary of the Change [12: с. 221]. / Город уже набирал полные легкие воздуха, готовясь дудеть в трубы, славя очередную годовщину [3: с. 267].

Переводчик также использовал синонимы, которые употребляются в русской культуре для обозначения Великой Октябрьской революции 1917 г.: «великий перелом», «революция», «новая жизнь» (период после революции), «прежняя жизнь», «старый режим» и «былые времена» (период до революции):

(18) Her mother had rented that house the last summer before the Change [12: с. 17]. / Ее мать сняла эту дачу в последнее лето прежней жизни [3: с. 29].

(19) ….before he was ten, before the Change [12: с. 35] / …он вспоминал новогодние праздники былых времен, детской поры, когда ему еще не было десяти… [3: с. 51].

Вышеупомянутые примеры показывают, насколько разнообразна палитра средств описания родной культуры, применяемх автором в процессе внутреннего перевода: русизмы (вводимые разными способами: с параллельным подключением и пояснением, а также и без него), кодовое переключение, которое используется автором с разыми целями, аллюзии на произведения русской литературы (для которых дается пояснение и источник), и, наконец, употребление лексем английского языка для передачи значимых для русской культуры событий (путем придания им культурно-специфичного значения).

Англоязычный текст романов Ольги Грушиной пропитан русскостью автора. В процессе внутреннего перевода реалий русской культуры автор выстраивает англоязычный гармоничный текст, в котором, даже с учетом ввода пояснений к заимствованиям, не нарушена целостность и гармония повествования. А сам текст представляет собой аутентичное англоязычное произведение. Сравнение с переводом на русский язык в очередной раз подтвердило наши наблюдения и выводы: то, что для русского читателя является понятным на эмоциональном уровне и не нуждается в пояснениях, на англоязычного читателя не произведет такого же эффекта, а будет служить особенной культурно-специфичной чертой или характеристикой произведения, так называемой изюминкой, которую интересно увидеть, прочесть и попытаться прочувствовать, чтобы понять другую культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева, И.С.* Введение в переводоведение / И.С. Алексеева. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ; М. : Академия, 2004. – 352 с.

2. *Грушина, О.* Жизнь Суханова в сновидениях : пер. с англ. Е. Петровой / О. Грушина. – М. : Эксмо, 2011. – 432 с.

3. *Грушина, О.* Очередь : пер. с англ. Е. Петровой / О. Грушина. – М. : Эксмо, 2013. – 384 с.

4. *Кабакчи, В.В.* Введение в интерлингвокультурологию / В.В. Кабакчи, Е.В. Белоглазова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2017. – 253 с.

5. *Кабакчи, В.В.* «Инокультурная литература» и «внутренний перевод» / В.В. Кабакчи // Проблемы современного переводоведения : сб. ст. в честь шестидесятилетия профессора В.И. Шадрина / отв. ред. И.В. Недялков ; сост. А.В. Ачкасов. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2011. – С. 78–91.

6. *Кабакчи, В.В.* Неисследованный вид переводческой деятельности: «Внутренний перевод» / В.В. Кабакчи // Studia Linguistica 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. – СПб. : Тригон, 2000. – С. 65–75.

7. *Кабакчи, В.В.* Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В.В. Кабакчи. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 230 с.

8. *Мокиенко, В.М.* Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М. : Олма Медиа Групп, 2007. – 785 с.

9. *Тер-Минасова, С.Г.* Преподавание иностранных языков в современной России: прошлое, настоящее и будущее / С.Г. Тер-Минасова // Молодой ученый. – 2015. – № 15.2. – С. 1–7.

10. *Хансен, Д.* Как понимать трансъязыковой текст: русские имена, культурные аллюзии и игра слов в романе «Жизнь Суханова в сновидениях» Ольги Грушиной / Д. Хансен // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2 (50). – С. 58–69.

11. *Grushin, O.* The Dream Life of Sukhanov / O. Grushin. – New York : Penguin, 2007. – 368 p.

12. *Grushin, O.* The Line / O. Grushin. – New York : Penguin, 2010. – 336 p.

13. *Wanner, A.* Out of Russia: Fictions of a new translingual diaspora / A. Wanner. – Evanston, Illinois, 2011. – 264 p.

ПРАГМАТИКА ТРАНСПОЗИЦИИ И АДАПТИВНОГО ТРАНСКОДИРОВАНИЯ

О.И. Максименко

Максименко Ольга Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета.

Контактный адрес: maxbel7@yandex.ru

В статье рассматриваются причины и способы транспозиции и адаптации при переводе вербального текста в иной семиотический код и при переводе текста с одного языка на другой. Анализируются понятийные и языковые проблемы, возникающие в процессе транспозиции и адаптации. Анализ проводится на материале сказок Г.Х. Андерсена.

Ключевые слова: перевод, адаптация, транспозиция, смысловые потери, сказка.

Пониманием перевода как процесса занималось и продолжает заниматься немало ученых, поразному трактующих как сам термин «перевод», так и то, что происходит в результате этого процесса. В современном мире перевод может осуществляться не только в рамках одной семиотической парадигмы (например, вербальной), но и как процесс смены семиотических парадигм – изложение как минимум содержания и как максимум смысла иными семиотическими кодами. При этом в процессе перевода могут происходить (и происходят) заметные перемены в исходном тексте, поскольку процесс перевода всегда существует в рамках архетипической дихотомии «свое – чужое».

Многие исследователи со времен становления языкознания как науки считают язык выражением миропонимания, характерного для вербального оформления окружающего мира культурой определенного народа или отдельной личностью. В языке хранится накопленный народом опыт, и язык можно рассматривать как своего рода генетическую память общества. Г. Штейнталь еще в 1855 г. писал, что язык по своей сути есть продукт сообщества, народа. Когда мы называем язык инстинктивным самосознанием, инстинктивным мировоззрением и логикой, это означает, что язык является самосознанием, мировоззрением и логикой духа народа [12].

Существует целый пласт текстов, в которых особенно ярко представлено это мировоззрение и дух народа, текстов, характер которых обусловлен культурной спецификой этноса. Термин «культура» при этом включает в себя, словами В.Н. Комиссарова, все особенности исторических, социальных и психологических явлений, характерных для данного этноса, его традиции, ценности, взгляды, поведение, быт, условия жизни – словом, все стороны его бытия и сознания [4]. К таким текстам можно отнести как народные, так и авторские сказки.

В.Я. Пропп отмечал, что чёткой дефиниции (и даже отдельного слова) такого понятия, как сказка, во многих языках мира, точнее у европейских народов, нет. «Есть только два европейских языка, которые создали специальные слова для обозначения этого понятия. Это русский и немецкий языки» [8: с. 32]. Тем не менее любой носитель языка понимает, о чём идет речь, когда говорят о сказке, и что можно ожидать при прочтении текста такого типа. Переведённые сказки разных народов позволяют, в свою очередь, «приоткрыть дверь» в миропонимание и мировосприятие другого этноса, поэтому к переводу сказок нужно подходить особенно осторожно. Перевод народных сказок, фольклора представляет собой особую сложность в силу существенной лакунарности. Перевод авторских сказок также непрост, но при этом переводе нередко возникают особые, часто культурологические [3] и экстралингвистические проблемы.

Поль Рикёр еще в 1998 г. говорил: «Я предлагаю отбросить теоретическую альтернативу *переводимость/непереводимость* текста и заменить её другой, вытекающей из самой практики перевода, т.е. альтернативой *верность/неверность* перевода своему источнику, что, впрочем, не исключает того, что перевод – это рискованная операция, постоянно нуждающаяся в теоретическом обосновании» [9].

Многие исследователи различают два вида языкового посредничества: собственно перевод и языковое транскодирование [7]. При переводе предполагается коммуникативная равноценность оригинального текста и текста перевода, т.е. предполагается, что читатель (реципиент) может отождествить перевод с оригиналом в функциональном, структурном и содержательном отношении. Современный взгляд на проблему перевода добавляет к этим двум видам ещё и транспозицию – процесс и результат преобразования вербального текста в текст (в лотмановском понимании), представленный иными знаками – иконическими, аудиовизуальными и пр.

Прагматика достижения определенных коммуникативных целей перевода требует использования именно адаптивного транскодирования, при котором происходит не только перенос информации с одного языка на другой, но и одновременное преобразование (адаптация) информации, вызванное необходимостью изложить её в иной форме, определяемой конкретной задачей межъязыковой ком-

муникации. Эти задачи, как правило, связаны с ориентацией на конкретную группу реципиентов и целью осуществления такой адаптации.

В пределах адаптивного языкового транскодирования различают два вида: собственно адаптированный перевод и сокращённый перевод. Стоит отметить, что возможно и сочетание обоих этих видов перевода. При подобном транскодировании создаётся текст на переводном языке, содержащий намеренное отклонение от текста оригинала и не предполагающий полноценную «замену» оригинального текста. Коммуникативные цели оригинала и вторичного текста при этом могут как совпадать, так и различаться.

При сокращённом переводе опускаются те части произведения, которые нежелательно воспроизводить по моральным, религиозным и даже политическим причинам, т.е. нередко причины создания такого перевода могут быть социально обусловленными. Адаптивное транскодирование и соответственно получение адаптированного (graded) текста нацелено на упрощение в процессе перевода текста оригинала и нередко определяется целями лингводидактики или переориентированием исходного текста на другого реципиента, например текста, написанного для взрослой аудитории, на детскую аудиторию. Изменение адресата требует соответствующей «перенастройки» текста перевода.

Степень адаптации определяется, как правило, коммуникативной целью, что, в свою очередь, основывается на необходимом объеме передаваемой информации и том воздействии, которое предполагается получить от такого текста. Наиболее частотной является социокультурная адаптация. Особенно заметна роль такой адаптации при переводе произведений с существенной национальной окраской, к которым относятся и сказки.

Стоит отметить, что изучению специфики адаптивного транскодирования, сокращённого перевода и их результата – собственно адаптированного перевода – уделяется на редкость мало внимания. В «Толковом переводоведческом словаре» Л.Л. Нелюбина (2003) адаптация определяется как «прием», а не как тип перевода, что явно указывает на исключение адаптивного транскодирования из сферы активных интересов переводоведов.

1. Прием для создания соответствий путем изменения описываемой ситуации с целью достижения одинакового воздействия на рецептора.

2. Под адаптацией понимается обычно разнообразная обработка текста: упрощение его содержания и формы, а также сокращение текста в целях приспособления его для восприятия читателями, которые не подготовлены к знакомству с ним в его подлинном виде.

3. Приспособление текста для недостаточно подготовленных читателей. Например, «облегчение» текста литературно-художественного произведения для начинающих изучать иностранные языки [6: с. 12–13].

Действительно, требование «перевод должен читаться как оригинал» едва ли выполнимо, так как оно подразумевает полную адаптацию текста к нормам другой культуры. Можно предложить несколько видов адаптации перевода: перевод уже адаптированного или сокращённого в учебных целях текста, адаптация (и сокращение) при расхождениях лингвоэтнического характера (как культурно-исторических, так и актуально-событийных расхождений) и намеренная адаптация при переводе при смене реципиента, что определяется, в первую очередь, прагматикой перевода.

Однако приходится встречаться с намеренной адаптацией и при несовпадении культурно-идеологических коммуникативных целей, приводящей к искажению смысла, заложенного автором произведения. Ярким примером могут послужить переводы сказок Г.Х. Андерсена [1].

Известно, что из 170 сказок Г.Х. Андерсена наиболее популярной в западных странах считается «Русалочка» (Den lille Havfrue) (1837), а в России – «Снежная королева» (Sneedronningen) (1846).

Обе сказки относятся к психологическим сказкам-повестям. В первой, как известно, идет речь о бескорыстной самоотверженной любви фантастического существа к человеку, причем сам образ Русалочки прописан Андерсеном намного скрупулезнее, чем весьма схематично предложенный принц. Русалки как мифические создания часто встречаются в фольклоре разных стран, но обычно как образ прекрасной коварной колдуньи, завлекающей человека в пучину, т.е. образ, как правило, отрицательный. У Андерсена образ Русалочки обладает совсем иной коннотацией, мало того, этот образ несет глубокую христианскую идею, которую чаще всего игнорируют при переводе.

Образ Снежной королевы из второй сказки нередко встречается в скандинавском фольклоре, где её именуют Ледяной девой. Как правило, холодной бесчувственной владычице льдов противостоит тепло человеческих отношений.

Над этими сказками-притчами работали многие переводчики (И. Шустова, А. Ганзен, Т. Граббе, А. Любарская, И. Гусева и др.), но лучшими переводчиками сказок Г.Х. Андерсена на русский язык справедливо считают Анну и Петра Ганзен, которые первыми перевели всего Андерсена в 1893–1895 гг. именно с датского языка, а не с немецкого, как это делали до них.

Перевод, выполненный А. Ганзен (1893–1895), максимально приближен к оригиналу и передает главную христианскую идею этих произведений. Учитывая время, когда был осуществлён перевод,

подобной адаптации не требовалось. Стоит отметить, что суть стереотипного, возникшего в результате адаптивного транскодирования представления сюжета этой сказки состоит в том, что водное существо – Русалочка – стремится стать человеком из любви к прекрасному принцу и желания быть вместе с ним. В таком адаптированно-сокращённом варианте существует подавляющее большинство переводов, по крайней мере, на русский язык. Однако настолько транскодированный вариант принципиально искажает суть сказки Андерсена. По замыслу автора, Русалочка мечтает стать человеком, чтобы обрести бессмертную душу (главное качество человека), а отнюдь не просто для того, чтобы выйти замуж за принца. Известно, что с точки зрения христианской морали, когда люди вступают в брак, они отдают друг другу часть своей души: «Он даст тебе душу и сохранит при себе свою» [1: с. 104]. О бессмертной душе в русских переводах советского времени и снятых по этому сюжету художественных и мультипликационных фильмах (транспозиции сказки) речи не идет. «Мы живем триста лет, но, когда нам приходит конец, нас не хоронят среди близких, у нас нет даже могил, мы просто превращаемся в морскую пену. Нам не дано бессмертной души, и мы никогда не воскресаем; мы – как тростник: вырвешь его с корнем, и он не зазеленеет вновь! У людей, напротив, есть бессмертная душа, которая живет вечно, даже и после того, как тело превращается в прах; она улетает на небо, прямо к мерцающим звёздам! Как мы можем подняться со дна морского и увидать землю, где живут люди, так и они могут подняться после смерти в неведомые блаженные страны, которых нам не видать никогда!» [1: с. 104].

Дальнейшая социокультурная адаптация приводит к тому, что из оригинального текста сказки исчезает персонаж, имеющий принципиально важное значение – «дочери воздуха». Так, когда Русалочка понимает, что её желание быть с принцем неосуществимо, перед ней встает выбор – погубить принца и обрести свой прежний облик (без души) или же погибнуть самой. После принятого решения она, однако, не погибает, превратившись, как обычно бывает с русалочками, в морскую пену, а поднимается в небо, обратившись, в награду за свои страдания, в одну из «дочерей воздуха».

У русалки, как известно из сказки, нет бессмертной души, и обрести её она может, только если её полюбит человек. Её вечное существование зависит от чужой воли. «*Хочешь, чтобы молодой принц полюбил тебя, а ты получила бы бессмертную душу!*» [1: с. 105]. У «дочерей воздуха» тоже нет бессмертной души, но они могут заслужить её добрыми делами. «*Мы прилетаем в жаркие страны, где люди гибнут от знойного, зачумлённого воздуха, и навеваем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и несём людям исцеление и отраду. Пройдёт триста лет, во время которых мы будем посильно творить добро, и мы получим в награду бессмертную душу и сможем изведать вечное блаженство, доступное людям. Ты, бедная русалочка, всем сердцем стремилась к тому же, что и мы, ты любила и страдала, подымись же вместе с нами в заоблачный мир. Теперь ты сама можешь добрыми делами заслужить себе бессмертную душу и обрести её через триста лет!*

Может быть, и раньше! – прошептала одна из дочерей воздуха. – Невидимками влетаем мы в жилища людей, где есть дети, и если находим там доброе, послушное дитя, радующее своих родителей и достойное их любви, мы улыбаемся.

Ребёнок не видит нас, когда мы летаем по комнате, и если мы радуемся, глядя на него, наш трехсотлетний срок сокращается на год. Но если мы увидим там злого, непослушного ребёнка, мы горько плачем, и каждая слеза прибавляет к долгому сроку нашего испытания лишний день!» [1: с. 114].

В большинстве переводных вариантов этой сказки, известных читателям и подвергшихся адаптивному транскодированию, персонаж «дочерей воздуха» отсутствует, идея жертвенности и христианского постулата о вечной душе полностью удалена, что не соответствует этическим и эстетическим намерениям автора. Остается трагический и безнадежный конец – Русалочка превращается в морскую пену. Причин подобного транскодирования, приводящего к редукции смысла, по всей видимости, две: первая, характерная для переводов советского времени, – убрать ненужную христианскую идею, вторая – убрать «взрослый план», адаптировать под детское восприятие (смена реципиента), о чем уже упоминалось.

Стоит отметить, что у волшебных сказок как жанра выделяется пять функциональных задач, обеспечивающих достижение сказочной цели.

1. Побуждение к действию. Эта задача актуализируется в начале сюжета, когда герой

а) наносит вред самому себе и/или окружающим из-за нарушения закона, запрета;

б) получает ущерб от судьбы или в силу сложившихся обстоятельств.

2. Выбор. Удаление героя из привычного социума в условия неизвестные и порой смертельно опасные, чтобы в новых обстоятельствах выработать или проявить качества, необходимые для разрешения возникшего конфликта. При этом он неизбежно должен выбрать путь не только в физическом, но и, прежде всего, в нравственном смысле.

3. Накопление ресурсов. В ходе добывания волшебных средств и приобретения чудесных помощников главный персонаж преодолевает препятствия и/или проявляет «правильное поведение», тем самым наращивая духовный потенциал.

4. Самосовершенствование. Накопление ресурсов имеет значение лишь в случае их успешной реализации, которая осуществляется в ходе испытаний героя сказки. Примечательно, что количеством лишений и мук героя в сказочном мире измеряются расстояния.

5. Преображение. Борьба и победа над сильнейшим врагом является кульминационным моментом преображения героя как цели сказочного сценария. Это преображение приводит к избыванию беды и завершается воцарением как формой социальной фиксации одержанной победы.

Эти задачи в разных вариантах присутствуют в волшебной сказке, давая различные модели поведения и пути, ведущие через самосовершенствование к внутреннему преображению героя [5].

Само действие героя волшебной сказки связывается с тремя основными принципами:

1) испытаниями;

2) жертвенностью;

3) духовным ростом.

Одновременно с этим в волшебной сказке присутствуют три базовых закона:

а) закон любви,

б) закон преобразования смерти в жизнь;

в) закон судьбы, которую можно изменить через свое внутреннее изменение [5].

При сокращении и адаптации текста сказок эти пять функциональных задач не реализуются, а все базовые законы разрушаются. Тем самым сокращение и адаптивное транскодирование приводит как к смысловому, так и к структурному разрушению волшебной сказки.

Сказка Г.Х. Андерсена «Снежная королева» (Sneedronningen) подверглась схожей обработке. Адаптированный, сокращённый текст сказки также потерял всю свою христианскую направленность, что привело к частичному искажению смысла сказки, заложенного автором. В творчестве Андерсена есть еще одна сказка, «Ледяная дева», написанная позже, со схожей темой и с трагическим, в отличие от «Снежной королевы», концом. Этот образ холодной царицы льдов по понятным причинам часто встречается в фольклоре северных народов и так же, как образ Русалочки, является олицетворением сил окружающей эти народы природы.

Адаптивное транскодирование «Снежной королевы» оказалось более «щадящим» и в меньшей степени привело к искажению общего смысла произведения. Как уже упоминалось, творчеству Г.Х. Андерсена характерны христианские мотивы, редуцированные в светских переводах. «*Герда начинает читать "Отче наш"; было так холодно, что дыхание девочки сейчас же превращалось в густой туман. Туман этот все сгущался и сгущался, но вот из него начали выделяться маленькие светлые ангелочки... Когда Герда окончила молитву, вокруг неё образовался уже целый легион*» [1: с. 300]. В дальнейшей истории Герды неоднократно встречается символика христианства – от молитвы, которой Герда усмиряет снежную бурю на своем пути, до рыбы, несущей послание старой лапландки. Околдованный Кай лишается всех человеческих чувств, и даже когда от страха хочет прочитать «Отче наш», в голове его вертится лишь таблица умножения. Этот эпизод также отсутствует в большинстве известных переводов на русский язык. Прекрасной, но безжизненной Снежной королеве Г.Х. Андерсен противопоставляет Герду – символ жизни и горячей любви, которая внесла высшее, подлинное знание сердца в «холодные чертоги абсолютного разума» – и слово «вечность» само сложилось из льдинок, вечность сама открылась Герде и Каю. Андерсен в определенном смысле романтик и, безусловно, человек христианской культуры.

Стоит отметить, что в целом художественный метод Г.Х. Андерсена направлен на создание двух одновременно развивающихся сюжетных линий. На первом плане находится более простой, конкретно-предметный образ, переживающий детски-сказочные приключения, за которым стоит его «взрослый» двойник, история которого, понятная лишь благодаря сложной системе переносных смыслов, в конечном счете более обычная и жизненно реальная. Андерсен был одновременно писателем и для детей, и для взрослых, и рассказывал он свои сказки детям и взрослым одновременно. Точнее, он в первую очередь рассказывал их детям, а уж во вторую – родителям. Именно поэтому в его произведениях постоянно присутствуют две темы, поданные в своеобразном переплетении и соотношении, что образует двуединый сюжет андерсеновской сказки. Дети воспринимают лишь внешнюю, наиболее конкретную форму сказочного события, а взрослые – стоящие за простой сказочной схемой сложные человеческие отношения. Этот второй план повествования, рассчитанный только на взрослых, оказывается тем самым подтекстом, который прочитывается «между строк» [1: с. 25]. Именно за счет этого своеобразного подтекста в значительной мере и оформляется вторая, взрослая, линия андерсеновского повествования. Для многих переводов, издаваемых в советский период, «взрослый», в данном случае несущий христианскую этику, подтекст намеренно убирался.

Детское и взрослое в сказках Андерсена часто идут различными путями, и это один из элементов его поэтики. Так, в концовке сказки «Лён», когда лён, превращённый в бумагу, был брошен в горящую плиту, дети, выбежавшие из школы, запели над мёртвой золой весёлую песенку, на что вылетавшие в трубу «незримые крошечные существа» им

отвечали: «*Песенка никогда не кончается, вот что самое чудесное! Я это знаю и поэтому счастливее всех*!». Автор же по этому поводу добавляет: «*Но дети этого не слыхали, а если бы и расслышали, то ничего бы не поняли. Да это и к лучшему, потому что детям не следует все знать*!» [1: с. 447]. Как бы поддерживая это высказывание автора, при адаптированном для детей переводе «взрослый» план, как правило, редуцируется. Но, как видно, адаптивное транскодирование способно нанести как допустимый (в случае со сказкой «Снежная королева»), так и существенный урон (в случае с «Русалочкой»). Единственная полная публикация сказок Г.Х. Андерсена в советское время была осуществлена в 1969 г. в Ленинграде [1].

Как упоминалось выше, термин «транспозиция», представляя собой один из видов адаптации в широком смысле, соотносится с переносом текста в иной семиотический код, например, в видеоряд (как экранизация какого-либо произведения) или аудиоряд (как в аудиокнигу, нередко предполагающую сокращение текста), или в сочетание пиктографического и вербального рядов (как графический роман, одна из разновидностей комиксов). Сказка «Русалочка» неоднократно подвергалась транспозиции. Известны фильмы, мультипликационные фильмы, снятые в СССР и за рубежом, где в процессе транспозиции происходила серьёзная адаптация исходного текста. Так, «Русалочка» подверглась предельной форме транспозиции – превращению в поликодовый текст: в 1995 г. издательство «Эгмонт» (Москва) выпустило серию комиксов по диснеевскому мультфильму «Русалочка», где от исходного произведения Г.Х. Андерсена осталось только имя главной героини и её среда обитания – океан. Такая же транспозиция постигла и «Снежную королеву» – существуют фильмы, мультфильмы, комиксы, сюжет которых нередко существенно отклоняется от известной сказки, и это отклонение определяется прагматическим посылом – соответствовать запросам реципиента.

Таким образом, адаптивное транскодирование и транспозицию можно рассматривать как, в определенном смысле, «производные» от исходного текста. Henry Whittlesey предлагает такую типологию производных от текста оригинала: перевод понимается как пословное повторение (воспроизводство); транспозиция включает более свободную передачу (интерпретацию) оригинала, а адаптация рассматривается как наиболее удаленная от оригинала [13].

М.М. Бахтин говорил, что суждению предшествует выбор и решение; суждение – это поступок. В таком «поступке» человеческая индивидуальность реализуется и сталкивается с другим «поступком», с другой индивидуальностью. Их диалог, словами Бахтина, – основа не только восприятия литературного произведения, но и культуры вообще. В пространстве и во времени культура и история только и живут в так понятом диалоге, сотканные из самореализующихся индивидуально-жизненных потенциалов [2]. Адаптивное транскодирование, определяемое прагматикой и подаваемое как единственно возможное, способно разрушить этот диалог.

Философ О. Шпенглер [10], предложив свою классификацию культур, подчеркивал, что каждая культура обладает своей уникальной «душой», или формой опыта и творчества, которая выражена в искусстве, мышлении и деятельности. Неправомерное адаптивное транскодирование при переводе произведений художественной литературы приводит к неоправданным искажениям и создает у реципиента неверный образ уникальной «души» той культуры, на языке которой написано произведение.

Дж. Стайнер (G. Steiner) в своей книге “After Babel: Aspect of Language and Translation” (1975) утверждал, что понять – значит перевести [11]. Нам представляется, что эту формулу можно трактовать иначе: перевести – значит понять, адаптивное транскодирование и транспозиция способны разорвать эту логическую цепочку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андерсен, Г.Х.* Сказки и истории. В 2 т. Т. 1 / Г.Х. Андерсен ; сост. Л. Брауде. – М. : Худож. лит., 1969. – 583 с.
2. *Бахтин, М.М.* К философии поступка / М.М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. – М., 1986. – С. 82–138.
3. *Белоглазова, Е.В.* Три вида культурологического перевода / Е.В. Белоглазова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – Т. XIV. № 1. – С. 37–42.
4. *Комиссаров, В.Н.* Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.
5. *Наговицин, А.Е.* Типология сказки / А.Е. Наговицин, В.И. Пономарева. – М. : Генезис, 2011. – 336 с.
6. *Нелюбин, Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 320 с.
7. *Паршин, А.* Теория и практика перевода [Электронный ресурс] / А. Паршин. – Режим доступа: http://teneta.rinet.ru/rus (дата обращения: 1.11.2017).
8. *Пропп, В.Я.* Русская сказка / В.Я. Пропп. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 336 с.
9. *Рикёр, П.* Парадигма перевода [Электронный ресурс] / П. Рикёр. – Режим доступа: http://www.langust.ru/etc/eve_appl.shtml (дата обращения: 1.11.2017)
10. *Шпенглер, О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1993. – 661 с.
11. *Steiner, G.* After Babel: Aspect of language and translation / G. Steiner. – 3rd edn. – Shanghai : Shanghai Foreign Language Education Press, 2001. – 569 p.
12. *Steinthal, H.* Grammatik, Logik und Psychologie. Ihre Prinzipien und ihr Verhältniss zu einander / Heymann Steinthal. – Berlin : F. Dummler, 1855. – 432 p. Reprint : Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 412 p.
13. *Whittlesey, H.* A Typology of derivatives: Translation, transposition, adaptation [Electronic resource] / H. Whittlesey. – URL: http://translationjournal.net/journal/60adaptation.htm (accessed: 1.11.2017).

КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ РЕАЛИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИНДИЙСКОГО АВТОРА ВИКАСА СВАРУПА «ВОПРОС – ОТВЕТ: МИЛЛИОНЕР ИЗ ТРУЩОБ»)

Е.С. Башкарева

Башкарева Екатерина Сергеевна – ассистент академического департамента английского языка Восточного института Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: yekaterina-132@mail.ru

Данная научная статья посвящена проблеме культурно-прагматической адаптации реалий при переводе художественного произведения. Актуальность исследований подобного рода обусловлена интересом современного переводоведения к передаче в переводе специфических черт национальной культуры того или иного народа. В настоящей работе дается определение понятия «реалия», рассматриваются причины трудностей, которые возникают при их передаче в переводе, а также основные способы адаптации реалий на основе анализа примеров, отобранных из художественного произведения.

Ключевые слова: реалия, культурно-прагматическая адаптация, переводческий комментарий, прагматический эффект.

Культура каждого народа уникальна и неповторима. Как известно, существует множество различных подходов к определению данного понятия. Согласно одному из них под культурой понимают совокупность материальных и духовных ценностей нации.

Национальная культура проявляется в деятельности общества, в национальных традициях, духовных ценностях, стиле мышления и установках, моральных нормах, стереотипах и образах межличностного и межгруппового поведения и самовыражения, особенностях языка и образа жизни. Элементы национальной культуры воспринимаются как характерные именно для данной национальной общности. Таким образом, они выполняют этнодифференцирующую и этноинтегрирующую функции одновременно.

Именно культура регулирует поведение человека и определяет коммуникативные стратегии. При коммуникации представителей двух разных народов различия в культурном опыте могут привести к ее сбою. Для того чтобы достичь максимально эффективной коммуникации, переводчик, выполняющий функцию посредника, должен иметь определенные представления о культурных особенностях и ментальности народа, на языке которого он говорит. Ему необходимо владеть определенным «багажом» экстралингвистических знаний. Переводчик сможет успешно справиться со своей функцией посредника, только будучи знакомым с историей, культурой, литературой, обычаями и современной жизнью народа, говорящего на исходном языке.

Особую значимость подобные знания играют сегодня, в эпоху глобализации экономик, когда активно развивается международное сотрудничество между странами. В процессе трансляции переводчик выступает и как полноценный представитель родной культуры, и как представитель другой, иноязычной культуры, являясь при этом бикультурной языковой личностью, задача которой – устранение лингвистической асимметрии и всевозможного межкультурного недопонимания. Благодаря переводчику происходит преодоление лингвокультурного барьера.

Как пишет Р.К. Миньяр-Белоручев, «…перевод будет считаться полноценным, если переводчику удалось познать глубину культуры того народа, на знание языка которого он претендует» [13: с. 172].

Некоторые лингвисты приписывают первостепенное значение культуре при переводе, называя переводчиков кросскультурными специалистами [26] и культурными посредниками [24], а сам перевод процессом сопоставления разных культур [25].

Т.Н. Снитко в своей статье «Встреча языков и культур в переводе» замечает: «…Как известно, язык и культура – своего рода "очки", через которые человек, принадлежащий к той или иной культуре, видит мир. Поэтому любая чужая культура оценивается с позиций своей. Квалифицированный переводчик имеет две пары таких "очков" – для понимания двух культур и двух языков. Однако перевод – это всегда ситуация "конфликта" двух культур и двух языков. Поэтому переводчик вынужден занять третью позицию, внешнюю по отношению и к одной, и к другой культуре» [18: с. 36].

Как известно, национальный и культурный код народа несет язык, являясь зеркалом, в котором находит отражение его менталитет. Язык народа – это не только средство общения, но и аккумулятор накопленного культурного и исторического опыта. В языке национальный колорит выражается с помощью реалий, слов, в значении которых наиболее

ярко прослеживается связь языка и культуры.

Реалия теснейшим образом связана с внеязыковой действительностью, на что указывает в первую очередь этимология самого термина. Слово «реалия» происходит от латинского прилагательного realis, -e, realia – «вещественный», «действительный». Реалия представляет собой наименование отдельных предметов, понятий, явлений быта, культуры, истории данного народа или данной страны [4: с. 78].

О реалиях как о показателях колорита того или иного народа заговорили лишь в середине XX в. Проблемой определения термина «реалия», а также вопросом классификации реалий занимались такие отечественные лингвисты, как Л.Н. Соболев, А.А. Реформатский, А.Е. Супрун, Г.В. Чернов. В 1952 г. Л.Н. Соболев употребляет термин «реалия» в современном его понимании и дает ему следующее определение: термином «реалия» обозначаются бытовые и специфические национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту и в языках других стран [19: с. 281]. О реалиях также пишет Г.В. Чернов, который преимущественно пользуется выражением «безэквивалентная лексика» [22: с. 223]. А.Е. Супрун рассматривает реалии как экзотическую лексику [20].

А.Д. Швейцер в работе «Теория перевода» объясняет реалии таким образом: «Реалии – предметы или явления, связанные с историей, культурой, экономикой и бытом» [23: с. 107]. Сходное определение находим и у Т.А. Казаковой: «Реалии – именования национально-культурных объектов, характерных для исходной культуры и сравнительно мало или вовсе не известных переводящей культуре» [10: с. 36].

Актуальность рассматриваемой нами темы связана с тем, что переводчик нередко сталкивается с определенными трудностями при передаче реалий. Ведь его задачей является введение в текст перевода незнакомой реалии таким образом, чтобы восприятие читателем данной реалии было максимально непринужденное и естественное. В целом вопрос об отражении внеязыковой действительности реалиями – один из самых сложных в теории перевода и вместе с тем исключительно важный для переводчика. Вопрос о различных способах перевода реалий рассматривался в работах таких отечественных переводоведов, как А.Д. Швейцер, В.В. Виноградов, А.В. Федоров, Я.И. Рецкер, Л.С. Бархударов и др.

Реалии составляют основу фоновых знаний и представляют собой национально-специфические элементы текста, что и обусловливает затруднения, которые возникают в процессе перевода как акта межъязыковой и межкультурной коммуникации [2]. Поэтому переводчику приходится адаптировать исходный текст к принимающей стороне. Адаптация необходима для того, чтобы обеспечить «читаемость» исходного текста в другой культуре. По мнению В.Н. Комиссарова [12], при создании текста перевода основные действия переводчика всегда определены прагматической адаптацией.

В современной теории перевода термин «адаптация» используется преимущественно в двух значениях. Во-первых, для определения конкретного переводческого приема, который заключается в «замене неизвестного известным, непривычного привычным» [11: с. 33], во-вторых, «для обозначения способа достижения равенства коммуникативного эффекта в тексте оригинала и тексте перевода» [14: с. 125]. В этом случае адаптация понимается как приспособление текста при помощи определенных процедур к предельно адекватному, «вполне соответствующему, совпадающему, тождественному» его восприятию читателем иной культуры [21: с. 78–79].

Именно в этом значении термин «адаптация» и будет рассматриваться нами в данной статье. Подобная адаптация получила название культурно-прагматической. Она предполагает обязательность приспособления исходящего текста как фрагмента отображения объективной действительности к социально-культурным условиям общественной действительности народа-переводчика [21]. Также она предопределяет стратегию преобразования высказывания, направленную на достижение при переводе комплексной эквивалентности исходного текста и варианта перевода.

В.Н. Комиссаров полагает, что переводчик в любом случае прибегает к прагматической адаптации в переводе, независимо от того, пытается ли он сохранить прагматический потенциал оригинала или добиться того, чтобы текст обладал иным прагматическим потенциалом [11]. Исследователь прагматики, французский языковед Жорж Мунэн считает, что в процессе перевода всякий текст переживает прагматическую адаптацию, т.е. переводчик вносит в свой перевод определенные поправки на социально-культурные, психологические и иные различия между получателями оригинального и переводного текстов. Таким образом, текст оригинала включается в сетку прагматических отношений перевода [12].

Знаменитый американский лингвист Юджин Альберт Найда также занимался вопросом адаптации текста оригинала. В своих ранних работах Ю. Найда подчеркивал необходимость добиваться адекватного понимания рецептором образов, ассоциаций и символов, связанных с культурно-этническими особенностями оригинала, он требовал такой адаптации текста перевода, которая переместила бы его в новую культурную среду и тем самым в значительной степени удалила бы перевод от оригинала. В более поздних работах ученый пе-

ресматривает свои взгляды на адаптацию и делает упор на объяснение культурных реалий с помощью ссылок и примечаний. Таким путем, по его мнению, достигается правильное понимание текста рецептором перевода [12]. Особенно велика роль культурно-прагматической адаптации при переводе художественных произведений, так как именно они отличаются яркой национальной окраской.

Целью данной работы является рассмотрение основных способов культурно-прагматической адаптации при переводе художественного произведения. Материалом для исследования послужил англоязычный роман индийского автора Викаса Сварупа «Миллионер из трущоб», или «Вопрос – ответ» и вариант его перевода на русский язык. Автором текста перевода стала Юлия Моисеенко. Текст романа насыщен реалиями, описаниями явлений индийской культуры, что делает его перевод интересным объектом для исследования.

Нами был проведен сопоставительный анализ текста оригинала и перевода, который показал, что переводчик преимущественно выбирает стратегию перевода, позволяющую перенести читателя в чужую для него культурную среду. Сталкиваясь с культурной асимметрией, переводчик в большинстве случаев принимает решение оставить единицу этнокультурного характера без изменений в тексте перевода. Таким образом, переводчик стремится максимально сохранить культурный фон произведения за счет большого количества экзотизмов в варианте перевода.

Как известно, существует две традиционные диаметрально противоположные стратегии перевода: доместикации и форенизации. Эти понятия ввел в употребление американский переводовед Лоуренс Венути в работе «Невидимость переводчика». Согласно Л. Венути, доместикация представляет собой адаптацию иностранного текста к культурным ценностям языка источника, а форенизация, напротив, заключается в полном погружении читателя в незнакомую ему культуру без адаптации [27].

Споры вокруг доместикации и форенизации ведутся с давних времен, но с новой силой они разгорелись в 1970-е гг., когда исследователи начали рассматривать эту тему с совершенно новых точек зрения – социальной, культурной и исторической. «Полярность» и несовершенство каждой из этих стратегий привели к возникновению третьей стратегии, которая получила название «стратегия золотой середины», в основе которой лежит идея компромисса между передачей формы и смысла [5]. Впервые мысль о возможности комбинирования двух стратегий высказал Дж. Драйден в XVII в. Кроме того, он сформулировал правила, с помощью которых переводчик может достичь той самой «золотой середины». В соответствии с этими правилами переводчик должен, в частности, сохранять смысл оригинала, заставить автора говорить так, как говорит современный читатель, не следовать слишком близко букве оригинала, чтобы не утратить его дух, сохранять привлекательность оригинала без ущерба его смыслу [5].

Согласно В.В. Кабакчи, раньше при переводе реалий предпочтение отдавалось доместикации, сейчас же в свете формирования нового, более грамотного в культурном отношении адресата, а также изменения целей межкультурной коммуникации отмечается тенденция к форенизации [8].

Анализ практического материала позволяет нам сделать вывод о том, что при переводе данного произведения переводчик главным образом сохраняет реалии в тексте перевода, что, безусловно, позволяет продемонстрировать особенности подлинника исходящей культуры. Переводчица вводит реалии с помощью транслитерации, делая при этом сноску внизу страницы, которая содержит переводческий комментарий.

Например, при переводе фразы «…you are now a lakhpati» [28: с. 103] как «теперь вы лакхпати» [17: с. 68] переводчик прибегает к сноске и делает следующий комментарий: «лакхпати – обладатель ста тысяч рупий» [17: с. 68]. В данном примере, безусловно, применение сноски полностью оправдано. Лексическая единица «lakhpati» представляет собой индийскую реалию, и при переводе ее значение необходимо прояснить.

Переводческий комментарий – это один из основных способов компенсации смысловых потерь при переводе, один из переводческих приемов. Отношение к данному приему разное: одни считают данный прием неудачным, однако большинство теоретиков перевода согласны с тем, что применение переводческого комментария необходимо, когда передача смысла в рамках текста оказывается невозможной. Переводческий комментарий носит лингвострановедческий характер, всегда контекстуально ориентирован и способствует более глубокому пониманию текста читателем перевода [15: с. 127–128].

Безусловно, перевод с помощью комментария более удачный по сравнению с простым перенесением «непереводимых» реалий в текст перевода. Ведь последний не всегда дает возможность читателю полностью усвоить информацию, которая содержится в оригинальном тексте, в то время как комментарий позволяет облегчить восприятие и в той или иной степени раскрыть подтекст.

Стоить отметить тот факт, что целесообразность сохранения в переводе реалий вызывала немало споров среди ученых. Так, например, В.С. Виноградов полагает, что «чрезмерное увлечение транскрибированием иноязычных слов, называющих реалии, не только не способствует созданию наци-

онального колорита, а наоборот, уничтожает его, загромождая повествование и заставляя читателя спотыкаться на каждом шагу о ненужные экзотизмы» [3: с. 111].

В.В. Кабакчи придерживается другого мнения и критикует выражение «ненужные экзотизмы», подчеркивая, что реалии (ученый называет их культуронимами) «являются при межкультурной коммуникации носителями самой существенной информации, которая не должна подвергнуться утрате или искажению, что неизбежно при ассимилирующем переводе» [8: с. 72]. В связи с этим ученый предлагает использовать при переводе прием параллельного подключения. «Параллельное подключение – это введение в текст целого комплекса однородных членов предложения и вводных оборотов, которые в своей совокупности … называют элемент описываемой (внешней) культуры» [8: с. 155], «…которые обеспечивают мостик между лицами двух линвокультур» [9: с. 59]. Согласно О.К. Ролиной, параллельные подключения включают в себя постраничные сноски и затекстовые комментарии [16].

Продолжим рассмотрение примеров из анализируемого произведения. Приведем еще один пример перевода реалии: «Now he is holding a live wire in his hand like a sparkler on Diwali» [28: с. 15] и вариант перевода «Теперь инспектор сжимает провод под напряжением, словно бенгальский огонь на Дивали» [17: с. 6]. Данный перевод также сопровожден сноской с подробным комментарием: «Дивали (Дипавали) – один из самых важных фестивалей индусского года. По всей Индии в эти дни зажигаются свечи, лампы и костры в ознаменование возвращения бога Рамы из его 14-летней ссылки. Люди пускают фейерверки, раздают друг другу сладости, украшают двери и пороги домов декоративными гирляндами из листьев манго и ноготков (*торанс*), а также рисунками из разноцветных порошков (*ранголис*). Неотъемлемая часть праздника – почитание Лакшми – богини богатства и изобилия» [17: с. 6].

Несовпадение лингвокультурных пространств, а именно отсутствие в русской культуре праздника Дивали, побуждает переводчика к введению дополнительной пояснительной информации. Данный прием помогает избежать нарушения внутренней логики авторского текста в восприятии читателями текста перевода. Возможно, кто-то посчитает, что комментарий к данной реалии чересчур объемный и перегружает текст. Однако, на наш взгляд, в данном случае это оправдано. Через комментарий переводчик знакомит русского читателя с особенностями индийской культуры и тем самым расширяет его картину мира. Ведь как говорил А.С. Пушкин, переводчики – почтовые лошади просвещения, и их задача – просвещать, переводя.

Однако, несмотря на удачный комментарий, переводчику довольно трудно полностью передать прагматический эффект. Ведь русскоязычный читатель не знает всех особенностей данного праздника, его истории, легенд, которые касаются индуистских религиозных писаний и которые связаны с появлением праздника Дивали. Мы не имеем представления о том, с каким масштабом и энтузиазмом индусы отмечают этот праздник.

Если бы, например, переводчик предложил следующий вариант перевода: «как бенгальский огонь на Новый год», прагматический эффект, создаваемый на языке-источнике, совпадал бы с прагматическим эффектом на переводном языке, но при этом терялся бы культурный фон произведения.

Приведем еще один пример: «….you will be like Kishore Kumar» [28: с. 65] и вариант перевода «скоро ты запоешь не хуже самого Кишор Кумара» [17: с. 40]. Для того чтобы компенсировать смысловые потери, переводчик вводит подстраничную сноску, которая содержит следующий комментарий «индийский актер и певец, восемь раз удостаивался премии Ассоциации кинопроката за лучшее исполнение песен в фильмах» [17: с. 40]. Однако русский читатель не знаком с творчеством данного артиста и не имеет представления о престижности и значимости вышеупомянутой премии. По этой причине он испытывает трудности при оценке популярности певца, его имя не вызывает у читателя никаких ассоциаций. А значит, мы наблюдаем несовпадение прагматических потенциалов текстов оригинала и перевода.

Кроме того, реалии могут передавать определенный тайный смысл и подтекст. Обратимся к следующему примеру: «A young woman bursts into the room. …she wears a large round blue *bindi*. Her dress consists of a white *salwar kameez*, a blue *duppata*…» [28: с. 16] и варианту перевода «В кабинет врывается молоденькая женщина… В середине лба – крупная синяя *бинди*. Одежда состоит из белого *камееза*, синей *дупатты*…» [17: с. 7]. Внизу страницы переводчик дает пояснение каждой из трех реалий индийской культуры: «бинди – приклеивающаяся точка на лбу. В буддизме и индуизме символизирует "третий глаз мудрости". В современной культуре модное украшение», «камеез – традиционная восточная женская одежда – брюки со свободным топом», «дупатта – изящная накидка, прикрывающая голову и тело. Бывает расшита бисером и стразами» [17: с. 7].

Подобное описание расскажет об этой девушке индийскому читателю гораздо больше, чем русскому. Тот факт, что девушка носит бинди и дупатту, свидетельствует о ее религиозности. Дупатта в индийской культуре – символ целомудрия. На девушке надет сальвар камеез, а значит она не замужем. Традиционно считается, что сальвар камеез – это одежда для молодых незамужних девушек, так как она

очень удобная и позволяет девушкам работать, в ней удобно гулять в любую погоду. После свадьбы женщина большую часть времени проводит дома и работает тоже дома, выполняя различные обязанности. Поэтому замужние женщины традиционно носят сари или чуридар-курту. У девушки на лбу синяя бинди, что также говорит, что она не замужем. Ведь замужние женщины носят красные бинди.

В Индии место жительства может рассказать многое о людях, их социальном статусе и их деятельности. Когда автор знакомит читателей с главным героем, он упоминает, что последний живет в *чоуле* («he has tiny room in the *chawl*» [28: с. 21]). Тот факт, что герой живет в чоуле, создает определенный образ у индийских читателей: образ бедного человека из простой семьи, принадлежащего к рабочему классу. Кроме того, индийский читатель сразу поймет, что герой живет в Мумбаи, ведь чоул – это здания, которые были построены в Мумбае (Бомбее) еще в 1897 г. в рамках программы благоустройства города специально для работников фабрик. Индийское «чоул» – аналог русского «общежития».

При переводе реалии «chawl» переводчик, стремясь преодолеть культурологическую дистанцию между автором и русскоязычным читателем, прибегает к постраничной сноске и предлагает следующий комментарий: «чоул – здание, в котором сдаются внаем дешевые комнаты» [17: с. 10]. Безусловно, подобный комментарий облегчает восприятие исходного материала, однако русский читатель не может в полной мере восстановить скрытый автором смысл. Возможно, опустив реалию и предложив вариант перевода «общежитие», переводчик смог бы в определенной степени передать прагматический эффект.

В рассматриваемом нами тексте встречаются предложения с очень высокой концентрацией реалий, которые создают неповторимое своеобразие индийской культуры, с одной стороны, и одновременно осложняют задачу переводчика, с другой стороны. Ведь ему приходится пояснять значение практически каждого слова в предложении. Например, в довольно коротком предложении «We learn the *dohas* of Kabir and the *bhajans* of Tulsidas and Mirabai» [28: с. 66] – «Теперь мы знаем *дохи* Кабира и *бхаджаны* Тульсидара и Мирабаи» [17: с. 42] насчитывается пять реалий. Такое количество слов, значения которых неизвестны русскому читателю, делает вариант перевода немного перегруженным и осложняет восприятие. Возможно, переводчику следовало опустить реалии, воспользоваться приемом генерализации и заменить данные лексические единицы единицами с более широким значением, например, «дохи» и «бхаджаны» на «религиозные писания», «Кабир, Тульсидар и Мирабаи» на «авторы».

Однако здесь уместно вспомнить слова известного советского переводчика Александры Львовны (Лейбовны) Андрес: «В искусстве перевода, как и во всяком другом искусстве, не может быть готовых эталонов, раз и навсегда определенных правил и решений» [1: с. 128].

Основная задача переводчика – максимально полная передача содержания оригинала. Однако различия в системах языка оригинала и переводного языка могут создавать определенные трудности при переводе. Еще бóльшие трудности возникают из-за культурных различий. При работе с текстом переводчику приходится «вписывать» оригинал в чуждую ему языковую и культурную среду. При этом происходит определенная деформация текста. В основе деформации, по словам Н.К. Гарбовского, лежит определенная переводческая концепция, которая «…предполагает осознание цели перевода и выбор в соответствии с этой целью определенной генеральной линии поведения – стратегии перевода» [7: с. 506]. Стратегию перевода определяет характер переводческих потерь, поскольку «перевод – это постоянное жертвоприношение, вопрос лишь в том, что оказывается жертвой и во имя чего эта жертва приносится» [7: с. 508]. Переводчик рассматриваемого нами произведения предпочитает стратегию, которая предполагает максимальное погружение читателя в незнакомую ему культурную среду за счет сохранения в тексте перевода индийских реалий. При этом культурно-прагматическая адаптация осуществляется за счет внедрения комментария и пояснений к реалиям в виде сносок. Однако едва ли возможно адаптировать оригинальный текст и передать прагматический потенциал исходного текста в полной мере.

Безусловно, переводчик – самый внимательный и вдумчивый читатель, и, работая с текстом, он, несомненно, знакомится подробно с культурой, обычаями и особенностями жизни и быта народа, говорящего на исходном языке. Он работает над тем, чтобы его «багаж» фоновых знаний максимально приблизился к знаниям носителей языка. Однако при создании текста перевода невозможно уместить все эти знания на бумаге. В противном случае мы получим сверхтекст, и уже будет непросто понять, где здесь автор, а где переводчик.

Кроме того, нельзя забывать о том, что переводчик является частью своей родной культуры, несмотря на знания языка и культуры другого народа. Он вырос в среде, отличной от той, в которой был воспитан автор исходного текста.

Несовпадение языковых и культурных особенностей оригинала и перевода осложняет процесс понимания переводчиком авторского текста, что и позволяет считать перевод «предельным случаем понимания» [6: с. 121] и ведет к появлению раз-

личных интерпретаций переводчиками одного и того же текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андрес, А.Л.* Дистанция времени и перевод / А.Л. Андрес // Мастерство перевода. – 1966. – № 5. – С. 118– 131.

2. *Вернигорова, В.А.* Перевод реалий как объекта межкультурной коммуникации / В.А. Вернигорова // Молодой ученый. – 2010. – № 3 (14). – С. 184–186.

3. *Виноградов, В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М. : Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

4. *Влахов, С.* Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 343 с.

5. *Войнич, И.В.* Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Войнич Ирина Владимировна. – Пермь, 2010. – 234 с.

6. *Гадамер, Г.Г.* Актуальность прекрасного / Г.Г. Гадамер. – М. : Искусство, 1991. – 364 с.

7. *Гарбовский, Н.К.* Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.

8. *Кабакчи, В.В.* Введение в интерлингвокультурологию / В.В. Кабакчи, Е.В. Белоглазова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 252 с.

9. *Кабакчи, В.В.* Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат / В.В. Кабакчи // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – СПб. : СПбГУЭФ, 2007. – С. 51–70.

10. *Казакова, Т.А.* Художественный перевод / Т.А. Казакова. – СПб. : С.-Петерб. ин-т внешнеэкон. связей, экономики и права, 2002. – 113 с.

11. *Комиссаров, В.Н.* Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М. : Р. Валент, 2011. – 410 с.

12. *Комиссаров, В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.

13. *Миньяр-Белоручев, Р.К.* Как стать переводчиком / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М. : Готика, 2001. – 176 с.

14. *Никонов, В.М.* Социо- и лингвокультурологические проблемы адаптации коннотативных единиц языка в тексте / В.М. Никонов // Проблемы культурной адаптации текста : тез. докл. междунар. науч. конф. – Воронеж : Центр «Русская словесность», 1999. – С. 71–80.

15. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / отд. языкознания ; отв. ред. М.Б. Раренко. – М. : ИНИОН, 2010. – 260 с.

16. *Ролина, О.К.* Адаптация русских культуронимов при переводе на английский язык : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04; 10.02.20 / Ролина Ольга Константиновна. – СПб., 2009. – 170 с.

17. *Сваруп, В.* Вопрос – ответ / В. Сваруп. – М. : Транзиткнига, 2006. – 196 с.

18. *Снитко, Т.Н.* Встреча языков и культур в переводе / Т.Н. Снитко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2009. – № 1 (21). – С. 37–48.

19. *Соболев, Л.Н.* Пособие по переводу с русского языка на французский / Л.Н. Соболев. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1952. – 404 с.

20. *Супрун, А.Е.* Экзотическая лексика / А.Е. Супрун. – М. : Филол. науки, 1958. – 231 с.

21. *Тимко, Н.В.* Культурный компонент лингвоэтнического барьера / Н.В. Тимко // Ученые записки РОСИ. – Курск : Изд-во РОСИ, 1999. – Вып. 2. – С. 37– 48. – (Серия: Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод).

22. *Чернов, Г.В.* К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык / Г.В. Чернов // Ученые записки 1-го МГПИИЯ. Т. 16: Грамматика, лексика, стилистика. – М., 1958. – С. 223–255.

23. *Швейцер, А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.

24. *Bochner, S.* The mediating person: Bridges between cultures / S. Bochner. – Cambridge : Schenkman, 1981. – 209 p.

25. *Nord, C.* Analysis in translation: theory, methodology and didactic application of a model for translation-oriented text analysis / C. Nord. – Amsterdam : Rodopy, 2005. – 274 p.

26. *Snell-Hornby, M.* The professional translator of tomorrow: Language specialist or all-round expert in teaching translation and interpreting: Training, talent and experience / M. Snell-Hornby. – Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins, 1992. – 654 p.

27. *Venuti, L.* The translator's invisibility: A history of translation / L. Venuti. – London : Routledge, 1995. – 366 p.

28. *Vicas, S.* Questions and answers: Slumdog millionaire / S. Vicas. – New Yourk City : Scribner, 2005. – 211 p.

CULTURAL PRESUPPOSITION IN POETRY TRANSLATION

M.A. Karbozova

Makbal Auezovna Karbozova – PhD student, L.N.Gumilyov Eurasian National University.

E-mail: makbal-86@mail.ru

The article considers presuming presupposition of the source text in the target text, which is one of the main factors in translating poetry. The attention given to presupposition in the course of poetry translation can enhance the understanding of translation. In the article, the author shows the ways translators transfer cultural presuppositions or omit them for better understanding of the poem.

Key words: poetry translation, pragmatics, presupposition, cultural presupposition.

Translation plays an important role in fostering awareness and ensuring a better understanding among diverse cultures and nationalities, also as T. Snitko states: "cultures can exchange their cultural values in translation" [10: p. 153].

Cultural understanding during the process of translation is particularly essential in the translation of literary texts especially poetry, which requires an effort on the part of the translator to retain the cultural information of the source text in the target text. Conversely, that would help people with different cultural backgrounds touch each other deeply through their understanding and appreciation of poetry.

The essential conditions for translating a poem from the original language to the target language includes translator's profound mastery of both languages and a deep understanding of the two different cultural backgrounds. However, such culture-oriented translation is known to be one of the most challenging aspects of poetry translation. E. Nida and W. Reyburn point out that: "In fact, difficulties arising out of differences of culture constitute the most serious problems for translators and have produced the most far-reaching misunderstandings among readers" [6: p. 2]. To cope with a great number of difficulties, caused by differences in cultures and languages, a translator has to make adequate translation decisions in each particular case [10: p. 145]. As a help for the translator to come over the difficulties in translation the pragmatics could be a powerful tool due to the fact that it accounts for elements that are not present 'on the face' of the utterance but have to be inferred. Translators need to analyze in depth what the text is trying to convey from the communicative point of view and in order to do that they need to pay special attention to an area that will determine the success of their work and that is meant to fill the 'pragmatic gap' between source text and translation. This area is presupposition [9: p. 114].

Regarding presupposition, R. Stalnaker argues that "a person's presuppositions are the propositions whose truth he takes for granted, often unconsciously, in a conversation, an inquiry, or a deliberation. They are the background assumptions that may be used without being spoken" [11: p. 447] whereas in C. Nord's words "presuppositions comprise all the information that the sender expects (=presupposes) to be part of the receiver's horizon" [7: p. 106]. S. Levinson identifies presuppositions in the following way: "presuppositions refer to those pragmatic inferences or assumptions which seem to be built into linguistic expressions and can be isolated by linguistic texts" [5: p. 168] and then he clarifies that the problem of presupposition is essential in both production and reception of a translation.

Defining presupposition has been a matter of controversy among specialists, its (shades of) meaning differing according to the field in which this category is used and even within the area of the same discipline. Presupposition involves logical (the truth value of utterances), philosophical (the necessary conditions for having utterances), linguistic (it is triggered by linguistic items in an oral or written text) and extralinguistic (social, cultural) aspects. Presupposition, which will be discussed as applied to translation, refers to the last two aspects that are directly related to the situation of communication [3: p. 92].

P. Fawcett has focused on presupposition as a subelement of pragmatics. He defines two types of presuppositions: a) linguistic presuppositions: those which are perceivable by the language used; b) nonlinguistic presuppositions: those which are perceivable by context, knowledge and culture [4: p. 123–124]. Linguistic presuppositions usually come out in translation as clearly as in the original. It is clear that presupposition is such a fundamental component of linguistic communication that no successful translation can occur without an awareness of what it means [9: p. 117]. Nonlinguistic presuppositions are real touchstones for the translators, eliciting their world knowledge and cultural competence. In the case of extralinguistic presuppositions there might be frequent gaps between what the authors/senders assume to be knowledge that they share with their readership and the socio-cultural background of the readers of the translated texts. It is up to translators to explicate, adapt or omit the opaque presupposition of the source. Presuppositions posing translation problems generally refer to cultural terms – common and proper nouns or intertextual instances –

allusions, unmarked quotations, parodies, etc. When dealing with them, translators may often run the risk of 'overtranslating' / 'understraining' (i.e. explaining things that obvious) or 'undertranslating' / 'overstraining' their readers, thus making confusion [3: p. 93]. In translation of poetry, translator may come across both overtraslating and undertranslating risks.

The information presupposed by the author should be made known to the reader of the translation as well, but the translator must be aware of the fact that the explication of implicit information, especially in a poetic text, is bound to cause immense changes in the effect that the text will have on the receiver [7: p. 106].

Yet it is necessary for a translator to explain culturally specific words by adding their own knowledge or sometimes to omit certain elements in the process of translation. These cases could be illustrated in the following examples taken from English and Russian translations of great Kazakh poet – Abai Kunanbaev's poem "Summer". When Kazakhs read Abai Kunanbaev's poems they understand the deep and dual meaning of words. Abai Kunanbaev's poetry is in line with world masterpieces of poetry. Z. Akhmetov fairly noted his view about Abai Kunanbaev's poetry, saying that "Abai's poetry skillfully shows Kazakh people's fate, their national-characteristic features, the way they lived" [1: p. 101]. It is due to this fact that translators find it extremely difficult to translate Abai Kunanbaev's poems. They have implicit meaning that needs to be considered by the translator and the poem 'Summer' is not the exception. The part of the poem under consideration in the Kazakh language is:

Сабадан қымыз құйдырып,
Ортасына қойдырып,
Жасы үлкендер бір бөлек
Кеңесіп, күліп сылқылдап [12: p. 49].

Translation of this part from the Kazakh language to Russian was done by P.Shubin:

Гости в юрту его сошлись,
Бьет ключом из сабы кумыс.
Остроумие в их кругу
Возбуждает кумысный дух [13].

Another translation of the poem to the Russian language is done by M.Abdibayev:

Кумыс из саба наливают,
В середину выставляют
В круг гостей, согласно роду,
Шутят, пьют, конца нет спорам [13].

Translation into English by D. Rottenberg is as follows:

Surrounding the saba in a close ring,
Sipping their heady beverage – kumyss,
Old men sit by a yurta, gossiping yurta
And chuckling at quips rarely amiss [14].

Translation into English by R. McCain reads:

The old men are in a close circle in the tent,
waiting for the aromatic koumiss [12: p. 387].

The translations of this part of the poem except the similarity of using transliteration in translating cultural items like 'saba' and 'kumys'; they have several differences. The first difference is in using addition: P. Shubin in his translation has made more specific of location by adding 'в юрту' which is absent in original; the same is with D. Rottenberg's and R. McCain's translations, they also added 'yurta' or 'tent' to their translations; but M. Abdibayev did not use addition and did not specify the place. Another difference of translations is what people are 'doing': in P. Shubin's translation, people are having joy. In M. Abdibayev's translation additional to having fun they are drinking and having an endless argument, D. Rottenberg describes that people are chuckling and additionally they are drinking and gossiping. In R. McCain's translation, they are only waiting, whereas in the original poem people are discussing and laughing. One more difference is in what kind of people are taking part in the scene: in Russian translations by P. Shubin and M. Abdibayev they are 'guests'; in D. Rottenberg and R. McCain's translation in English they are 'old men' but in Abai Kunanbaev's poem there are old, respected people.

By analyzing these four lines of the poem we can say that the translations differ greatly according to the way translators used cultural information in translation. Furthermore, it affects the transfer of cultural presupposition the original poem has. The cultural presupposition implied in this part of the poem which might not be understood by the representatives of other nationalities are as follows: 1) Kumys poured from saba has the special taste and fragrant smell which is resulted from the technique of making saba, besides it makes people drunk. 2) 'putting in the middle' presupposes the action is happening in 'yurt' and usually Kazakh people used to put round table in the middle of a yurt so people would sit around. 3) one more cultural presupposition that shows Kazakh people's culture is respect of old people, the line 'Old men sitting separately' means old people are respected and gathering could not be disturbed by anyone.

In spite of differences between the translations and original some of them have saved cultural presupposition. For example, the specificity of drink in translation is highlighted by D. Rottenberg. He transformed it by adding the words 'sipping' and 'heady beverage' for kumys. The presupposition of 'yurt' as a place is provided by P. Shubin, D. Rottenberg and R. McCain.

Another example of translating presupposition is taken from the same Abai Kunanbaev's poem "Summer". This part of the poem reads as follows in the Kazakh language:

Білімділер сөз айтса,
Бәйгі атындай аңқылдап,
Өзгелер басын изейді,
Әрине деп мақұлдап, – [12: p. 49]

P. Shubin's translation to Russian language is the following:

Бай кивком одобряет речь,
Говорить не желая вслух;
Но кивку его, лебезя,
Вмиг поддакивает весь круг [13].

M. Abdibayev's translation to Russian reads:

И приживалы лебезят,
Качая головами в такт
Словам ученым – «так, так, так!» [13]

Translation into English by D. Rottenberg has the following form:

One speaks, while others listen and admire
His eloquence and wit [14].

In translating this part, the translators have used omission: they have omitted the simile 'Бәйгі атындай' which in word-for-word translation is 'like a horse in the race' meaning 'to be ready to outrush'. In this part, P. Shubin has used out of place additions which changed the implicative meaning of the original poem. Nevertheless, the cultural presupposition that Kazakh people are characterized by endorsing immediately someone who is wiser and smarter is transferred in translations.

From the above examples, we can notice that both addition and omission were mostly used strategies which just leave some hints for the reader to understand the sentence and grasp the cultural presupposition. However, there can be situations when translators do not share the presupposed knowledge that the author of the original assumed them to have. To this, C. Nord noted: "Presupposition may refer not only to the factors and conditions of the situation and to the realities of the source culture, but can also imply facts from the author's biography, aesthetic theories, common text types and their characteristics metric dispositions, details of subject matter, motives, the topoi and iconography of a certain literary period, ideology, religion, philosophy and musical concepts, cultural and political conditions of the time, media and forms of representation, the educational situation, or the way a text has been handed down" [7: p. 106].

S. Chen in his paper "Cultural Presupposition and Decision-Making in the Functional Approach to Translation" studies the concept of cultural presupposition based on functional translation theories and puts emphasis on the translator's awareness of his reader's background knowledge in regard to cultural concepts and the decisions he makes. He defines 'cultural presupposition' as follows: "in translation, cultural presupposition is the cultural knowledge of source text that a target reader is assumed to have by translators" [2: p. 84] and then he refers to the importance of the cultural presupposition in the following sentence: "Cultural presupposition is considered to play a large role in the impression that a translator makes on the TT readers" [2: p. 83].

Yet a lot of translations are done without considering cultural presuppositions, which leads to misunderstandings. In his paper "Cultural Presuppositions and Misreadings", K. Ping argues that one of the reasons causing misunderstanding of the source text is cultural presuppositions. He pays attention to the relation between a text (cultural) presuppositions and understanding the text because he believes that, since translation consists, at its most basic level, of "understanding and making others understand" [8: p. 133], a misreading by the translator will distort the source message and result in some form or another of communication breakdown between the source writer and the target reader [8: p. 133].

By considering aforementioned we can conclude that while translating poetry, translators need to become fully aware of cultural presuppositions because correct interpretation of the source text relies on an understanding of the relevant features of the source culture. If the source and target cultures differ significantly in this respect, the source message may be wrongly deciphered. Furthermore, cultural presuppositions merit attention from translators because the communicative errors they give rise to are usually more covert and harder to detect than grammatical errors and may, therefore, cause serious misunderstanding in the target reader.

REFERENCES

1. *Akhmetov, Z.* The stages of poetry of Abai / Z. Akhmetov. – Almaty : Gylym, 2010. – 450 p.

2. *Chen, S.* Cultural Presupposition and Decision-Making in the functional Approach to Translation / S. Chen // Journal of Humanities and Social Sciences. – 2008. – Vol. 4. No 1. – P. 83–89.

3. *Dimitriu, R.* The cultural turn in translation studies / R. Dimitriu. – Iasi : Institutul European, 2005. – 264 p.

4. *Fawcett, P.* Translation and Language / P. Fawcett. – New York : Routledge, 2014. – 172 p.

5. *Levinson, S.* Pragmatics / S. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 420 p.

6. *Nida, E.* Meaning Across Cultures / E. Nida and W. Reyburn. – New York : Orbis Books, 1981. – 90 p.

7. *Nord, C.* Text Analysis in Translation. C. Nord. – Amsterdam /Atlanta : Rodopi, 2005. – 274 p.

8. *Ping, K.* Cultural presuppositions and misreadings / K. Ping // Meta. – 1999. – Vol. 44. No. 1. – P. 133–143.

9. *Sanchez, M.* The problems of literary translation: a study of theory and practice of translation from English into Spanish / M. Sanchez. – Bern : Peter Lang, 2009. – 269 p.

10. *Snitko, T.* Meeting of cultures and languages within translation / T.N. Snitko // The Humanities and Social Studies in the Far East. – 2009. – Vol. 21. No. 1. – P. 145–153.

11. *Stalnaker, R.* Presuppositions / R. Stalnaker // Journal of Philosophical Logic. – 1973. – Vol. 2. No. 4. – P. 447–457.

12. Абай. Қара сөз. Книга слов. Book of words. – Алматы : Халықаралық Абай клубы, 2015. – 504 с.

13. Абай институты. Лето [Electronic resource]. 2012. – URL: http://abai-inst.kz/rus/?p=98 (accessed: 29.12.2017).

14. Абай институты. Summer [Electronic resource]. 2012. – URL: http://abai-inst.kz/eng/?p=121 (accessed: 29.12.2017).

ТРЕХСЛОЖНИКИ В ПОЭТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Э.М. РЕМАРКА И ИХ ПЕРЕВОДЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Е.А. Ковынева

Ковынева Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан).

Контактный адрес: elena_kovyneva@mail.ru

Поэтическое наследие Э.М. Ремарка невелико, но достаточно разнообразно и включает в себя множество метров и размеров, в том числе и трехсложные, что нехарактерно для немецкого языка в целом. Стихотворения, написанные трехсложниками, представляют определенную трудность для переводчиков, которым необходимо преодолеть сопротивление оригинального текста и воссоздать на языке перевода вариант, соблюдая адекватную передачу стилистических, лексических, метроритмических параметров исходного стихотворного произведения.

Ключевые слова: поэзия Э.М. Ремарка, стиховая система Ремарка, ямб, хорей, дактиль, анапест, амфибрахий, трехсложные размеры стиха, мера покрытия лексем оригинала, метроритмические параметры, адекватный перевод, адекватный перевод с элементами вольного, закон переводной множественности, закон переводной дисперсии.

Творчество выдающегося немецкого прозаика XX в. Эриха Марии Ремарка (1898–1970) вызывало и продолжает вызывать широкий отклик во многих странах. Его произведения переведены более чем на 60 языков.

Популяризации творчества Э.М. Ремарка во всем мире способствовали многие факторы, среди которых и глубокая выстраданность, и непреходящая актуальность тематики его произведений, их неповторимая форма, их самобытный язык. Если представить творчество Ремарка как единый гипертекст, то следует признать наличие в нем не эксплицированной части, а именно его поэзии. Публикация поэтических произведений Э.М. Ремарка в конце XX в. предоставила новый материал для исследования еще одной важной составляющей его писательского наследия [11].

Ремарк на протяжении всей своей жизни писал стихи, несмотря на прекращение публикаций стихотворений в 1923 г. Его поэтическая продукция не велика по объему. Самыми продуктивными годами Ремарка-поэта оказались 1940–50-е гг., когда были созданы многие стихотворения, составляющие значительную часть его поэтического наследия. Большинство этих текстов до сих пор не опубликованы. Но, тем не менее, поэтическая составляющая в его творчестве не эпизод, а именно та деятельность, которая сопровождала все творчество Ремарка и о которой Ремарк никогда не переставал думать как о своем главном предназначении. Однако после выхода в свет романа «На Западном фронте без перемен» (1929), принесшего автору всемирную известность, поэзия стала носить для Э.М. Ремарка потаенный характер, а его стихотворения перестали быть достоянием общественности и писались им исключительно для себя.

Появление Ремарка-прозаика отодвинуло Ремарка-поэта на второй план, но Ремарк-поэт проявлялся в Ремарке-прозаике на протяжении всего его творчества.

Ф. Роббинс, сравнивая Ремарка с другими писателями-прозаиками, отмечал, что Ремарк «…видит, чувствует и выражает себя как поэт, а не как романист» [12: с. 54].

Стиховая система Ремарка включает в себя все стиховые метры: ямб, хорей, дактиль, анапест, амфибрахий. Самым распространенным является ямб, на него в сумме приходится 84,1 % от общего количества строк. Хореи, будучи на втором месте, составляют 12,2 %. Трехсложники занимают в метрике Э.М. Ремарка незначительное место, что также связано с особенностями морфологической структуры немецкого языка. Первенство здесь принадлежит амфибрахию (4,8 %), этим размером написано стихотворение «Freimädel», состоящее из 39 строк. Дактилических стихотворений у Ремарка всего два («Intermezzo» и «Teekessellied»), что составляет 1,3 %. Строки анапеста (0,3 %) входят в состав полиметрических композиций как единичные вставки [2].

Обратимся теперь к стихотворениям Ремарка, написанным трехсложными размерами. Как мы уже упоминали, трехсложники в его поэтическом наследии редки. Причина кроется в том, что в немецком языке (в отличие от русского) ударения падают относительно часто, ударными нередко являются соседние слоги, и поэтому ударения в двухсложных метрах падают почти на все сильные места, а в трехсложных приходятся на слабые места в качестве сверхсхемных. Еще одной причиной является и сама длина слов, которые в немецком языке короче, чем в русском и, следовательно, процент ударных слогов выше. Именно поэтому трехсложники в немецкой поэзии не приобрели такой популярности, как двухсложники.

Дактилических стихотворений в поэтическом наследии Ремарка всего два («Intermezzo», «Teekessellied»), и одно стихотворение написано амфибрахием («Freimädel»). Рассмотрим сначала дактилические тексты. Несмотря на одинаковый размер, поэтические тексты «Intermezzo» и «Teekessellied» по своим содержательным аспектам не являются идентичными.

Стихотворение «Intermezzo» относится к любовной лирике, и семантика его метра в большей степени приближена к известной характеристике Н.С. Гумилева [1], но здесь нужно оговориться и вновь обратить внимание на различия в языковых системах русского и немецкого языков. Н.С. Гумилев построил свою гипотезу в основном на исследовании русской поэзии, поэтому трехсложные размеры представлены им как протяжные, медлительные и заунывные.

Использование Э.М. Ремарком большого количества сложных слов, состоящих их четырех слогов, привело к тому, что стихотворение имеет трехстопный размер. С точки зрения жанра это текст лирико-эпического характера, где на первый план выступает трагическая судьба обычных людей, пытавшихся найти свое счастье, но так и не достигших своей цели [3].

Первый перевод стихотворения «Intermezzo» на русский язык был выполнен Р. Чайковским в 1999 г. [7: с. 19]. После этого перевода в течение трех лет появилось еще четыре варианта «Intermezzo». Их авторами стали А. Егин, Н. Кан, Г. Киселев и И. Уменко [8].

Рассматривая стилистику оригинала, нельзя не обратить внимание на то, что Ремарк в своем небольшом по объему стихотворении мастерски объединил сюжетность эпического повествования с семантической плотностью стихотворной формы. «Intermezzo» можно назвать микророманом в стихах. В переводческих вариантах это жанровое своеобразие оригинала сохранено. Адекватная передача этого параметра является важным условием диалога культур посредством различных языковых систем [9].

По результатам компаративного анализа образных лексических элементов оригинала и переводческих версий можно сделать следующие выводы: чаще всего к опущениям прибегали Н. Кан и Г. Киселев. Но, допуская опущения, Н. Кан использует меньшее количество добавлений, а мера покрытия лексем оригинала в ее переводе значительно выше, чем в варианте Г. Киселева.

Метроритмические особенности оригинала наиболее близко к авторскому тексту Э.М. Ремарка воссозданы в переводах А. Егина, Н. Кан и Р. Чайковского. В вариантах, предложенных Г. Киселевым и И. Уменко, наблюдаются отклонения от метра и ритма оригинала. В данном контексте будет уместным привести мнение А.А. Павловой, которая считает, что стихотворный метр и размер имеют исключительно важное значение в переводе, поскольку они служат для создания определенного «настроения» текста. Изменение метроритмических особенностей исходного текста может привести к изменению его настроения, а значит, и смысла [6: с. 66–70].

Таким образом, переводчики смогли прочувствовать основную идею ремарковского текста и передать трагическую участь людей, оказавшихся на чужбине в поисках лучшей жизни, но так и не воплотивших свои мечты в жизнь. Переводы А. Егина, Н. Кан и Р. Чайковского являются адекватными, а варианты, выполненные Г. Киселевым и И. Уменко, – адекватными с элементами вольного перевода.

Стихотворение «Teekessellied» совершенно не соответствует параметрам «напевности» и «заунывности», оно, напротив, быстрое и игривое. Приведем текст этого стихотворения:

Summerder Teekessel singt mir ein Lied –
Susela dusela Suselalied –

Noch bist du mein, hast mich noch lieb –
Susela dusela Suselalied –

Wechselt der Mond, bist du schon weit –
Susela dusela Suselareit –

Vergisst mich wohl, hast andre lieb –
Susela dusela Suselalied –

Blieb nur von dir Teekesselgesumm –
Susela dusela Suselarum –

Это поэтический текст шутливого плана, в котором поэт органически сочетает глубокую экспрессивность с живой разговорной речью. Используя неприхотливую, обыденную лексику, лирический герой пытается скрыть свои переживания, связанные с потерей любимой. Таким образом, данному тексту присуща скорее динамика, а не спокойствие и неспешность. К сожалению, это стихотворение не было опубликовано. С данным текстом, а также со многими другими неопубликованными стихотворениями Ремарка можно ознакомиться только в Архиве Э.М. Ремарка в г. Оснабрюк (Германия). Переводов приведенного произведения на сегодняшний день тоже не существует.

Обратимся теперь к самому объемному стихотворению Ремарка, написанному трехсложным размером, «Freimädel». В этом тексте Ремарк повествует о судьбе женщины – представительницы древнейшей профессии. Обращение Ремарка к людям, представляющим дно общества, объяснялось его стремлением и в них найти что-либо человеческое, отобразить их печальную судьбу. Об этом упоминает также В. Штернбург: «Schwule, Lesben, Huren, Zuhälter – das unbürgerliche Gegenleben fesselte seine Phantasien und wurde zum menschlichen Studienobjekt.

Liebe und Tod – die zentralen und existentiellen Punkte menschlichen Seins – waren die Themen dieses Autors» (Геи, лесбиянки, шлюхи, сутенеры – асоциальная жизнь привлекала его и становилась объектом изучения человеческой натуры. Любовь и смерть – основы человеческого бытия – были темами этого автора) (перевод наш. – *Е.К.*) [13: с. 20].

Стихотворение написано амфибрахием, этот размер, по мнению Н.С. Гумилева, – баюкающий и прозрачный, и говорит о покое божественно-легкого и мудрого бытия [1: с. 81]. Относительно стихотворения «Freimädel» мы не можем говорить о «покое божественно-легкого и мудрого бытия». Это своего рода баллада, печальная повесть о судьбе женщины. По жанровым характеристикам данное произведение относится к лироэпическим. В отличие от лирического стихотворения, где превалируют эмоции автора, в этом эпическом поэтическом тексте немаловажную роль играет портрет героини. Поэт описывает картину жизни своей героини, где явления и события соответствуют вещам объективной действительности, и, пользуясь различными стилистическими приемами: характером ритма, сравнениями, своеобразием композиции, стремится дать беспристрастную оценку происходящему. К своим персонажам Ремарк всегда относился с сочувствием, заставляя читателей также сопереживать его героиням и тревожиться за их жизнь.

Ввиду большого объема стихотворения «Freimädel» мы не можем полностью привести его текст, поэтому ограничимся только фрагментом:

Wer wartet im grellen Laternenlicht,
Die Lippen gemalt, geschminkt das Gesicht,
Im wollen Fähnchen, im Schal, im Flanell,
Und wirft freche Blicke, verwegen und schnell?
Wer schreitet in Seiden, Chinchilla und Nerz
Mit flackernden Augen und kühl-kühlem Herz
Elegant und voll Rasse die Straße entlang,
Mit wiegenden Hüften, aufreizend im Gang?
Wer blickt aus gesenkten Wimpern und stockt,
Bleibt stehen, sieht um und lächelt und lockt,
Geschaffen zur Liebe, geschaffen zur Lust,
Die biegsamen Leiber, die bebende Brust?
Freimädel!

Произведение «Freimädel» основано на плавной, неторопливой и уравновешенной интонации и проникнуто глубоким и в то же время сравнительно спокойным лиризмом. В этом стихотворении взаимосвязь метра и семантики не разорвана. Однако и плавность стиха, и лиризм не могут скрыть общего трагического подтекста этого стихотворения: перед глазами читателя проходит жизнь женщины – от ее цветущей молодости до безрадостной старости. Таким образом, стилистические средства стиха вступают в определенное противоречие с его идеей, еще более подчеркивая глубину мысли автора.

В нашем распоряжении имеется только четыре перевода этого стихотворения на русский язык, выполненные Н. Кан, Г. Киселевым, Е. Кравченко [4: с. 234–236] и Р. Чайковским [7: с. 45].

Обратимся к способам воссоздания содержательной стороны оригинала на языке перевода. В стилистическом отношении лироэпическое повествование воссоздано всеми без исключения переводчиками в адекватной форме, поэтому перейдем к анализу лексической стороны оригинала и его переводов.

К сожалению, мы не можем привести лексическую матрицу всего стихотворения из-за его объема, поэтому нами была выбрана первая строфа, на примере которой проследим покрытие лексем оригинала прямыми соответствиями в переводах, опущения в переводе и добавления переводчиков (таблица).

Таблица

Лексические соответствия оригинала и переводов

Ремарк	Кан	Киселев	Кравченко	Чайковский
Laternen-licht	свет улицы	фонарь	свет огней	свет фонаря
Lippe	рот	губа	губка	губа
Gesicht	щека	лицо	–	щека
Fähnchen	юбчонка	юбчонка	одежонка	юбчонка
Schal	шаль	шаль	–	–
Flanell	–	–	–	–
Blick	–	взгляд	взгляд	взгляд
Seide	наряд	шелка	шелка	шелка
Chinchilla	–	шиншилла	–	–
Nerz	мех	норка	меха	–
Auge	глаз	глаз	глаз	глазки
Herz	–	сердце	сердце	сердце
voll Rasse	–	с шиком	гордый	с шиком
Straße	улица	улица	–	улица
Hüfte	бедро	бедро	бедро	бедро
Gang	движенье	походка	походка	походка
Wimper	–	ресница	глаза	–
Liebe	–	–	любовь	любовь
Lust	страсть	страсть	желание	страсть
Leiber	стан	тело	тело	тело
Brust	грудь	грудь	грудь	грудь
Freimädel	гетера	гетера	гетера	гетера
grell	–	–	–	яркий
wollen	–	фланель-ный	–	–
frech	нахально	дерзкий	дерзкий	дерзкий
kühl–kühl	ледяной	лед	лед	–
gesenkt	–	опушен-ный	опустив	робкий
biegsam	гибкий	гибкий	гибкий	гибкий
warten	ждать	–	ловить	ждать
malen	–	в помаде	накрашен-ный	накрашен-ный
schminken	накрасить	в пудре	–	гореть
werfen	глядеть	–	бросать	бросать
schreiten	ходить	шествовать	–	ходить
blicken	взглянуть	–	–	смотреть
stocken	–	–	замолкать	–

Окончание таблицы

Ремарк	Кан	Киселев	Кравченко	Чайковский
stehen bleiben	ждать	–	–	медлить
umsehen	–	–	–	–
lächeln	с улыбкой	улыбка	улыбка	улыбка
locken	манить	манить	поманить	звать
schaffen	создавать	создавать	–	создавать
verwegen	–	острый	–	–
schnell	–	–	–	–
elegant	–	элегантно	изящный	элегантно
flackernd	с усмешкой	зной	огоньки	–
wiegend	–	колыхаться	качаться	колыхаться
aufreizend	призывно	–	дразнящий	–
bebend	–	трепетный	дрожащий	волнующий
wer	кто	кто	кто	кто
Всего слов: 53	36	42	36	39
Опущения в переводе	18	11	18	15
Добавления переводчиков	там исподволь ярко коротенький тугой стоять пред ты (тобой) дорогой душа гулять нас звать взгляд потушить готовый опять ее так пышный как будто в	захватить кольцо быстрый искра вместо пароль тебя смутить стыдливый радость путь ней так кто	удача при нехитрый пусть на ней но ее что она всем подряд только страсть яд услада сулить вдруг во след за собой дело суть	короткий тугой поясок так кругом чей наряд весь кричать манить молчать пароль снова идти нежный суть кто

На рис. 1 отчетливо видно, что перевод Г. Киселева обладает наибольшей мерой покрытия лексем оригинала и примерно одинаковыми процентами опущений и добавлений.

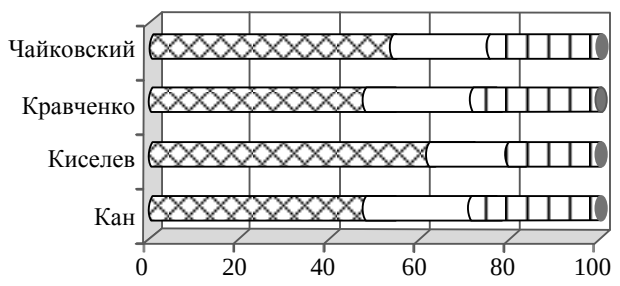

Рис. 1. Лексическое соответствие оригинала и переводов, %: ☒ – мера покрытия лексем оригинала прямыми соответствиями в переводах; ☐ – объем опущений; ◨ – совокупность добавлений

Немногим меньший процент покрытия выявляет версия Р. Чайковского, при этом объем опущений приближен к степени добавлений, но превышает те же параметры перевода Г. Киселева. Варианты Н. Кан и Е. Кравченко показывают наименьший процент покрытия и большую степень добавлений. При переводе некоторых слов оригинала переводчики использовали эквиваленты разной стилистической окраски. Например, глагол *schreiten* Г. Киселев перевел *шествовать*, в то время как Н. Кан и Р. Чайковский выбрали нейтральный вариант *ходить*. При воссоздании существительного *Nerz* Н. Кан и Е. Кравченко использовали прием генерализации, употребив лексическую единицу с более широким референциальным значением *мех* / *меха*, в то время как Г. Киселев выбрал лексическую конкретизацию *норка*. Перевод этой лексемы в версии Р. Чайковского отсутствует. Контекстуальными заменами в версиях Н. Кан, Г. Киселева, Е. Кравченко следует признать передачу немецкого слова *flakkernd – с усмешкой, зной, огоньки* соответственно. Достаточно широкий дисперсионный разброс обнаруживается при воссоздании слова *schminken* – *накрасить* (Н. Кан), *в пудре* (Г. Киселев), *гореть* (Р. Чайковский). Как мы можем видеть, переводчики достаточно широко и разнообразно использовали спектр переводческих трансформаций.

Перейдем к анализу метроритмических параметров переводных версий стихотворения. Как мы уже сказали, это поэтическое произведение написано амфибрахием с перебоем ритма в восьмом стихе первой строфы. Приведем эту строку и ее метрическую схему в контексте:

Wer schreitet in Seide, Chinchilla und Nerz
Mit flackernden Augen und kühl-kühlem Herz
Elegant und voll Rasse die Straßen entlang,
Mit wiegenden Hüften, aufreizend im Gang?

– + – – + – – + – – +
– + – – + – – + – – +
– – + – – + – – + – – +
– + – – + – – + – – +

Стоит отметить, что Г. Киселев и Р. Чайковский в своих переводах учли данную метрическую особенность оригинала, что, к сожалению, не удалось Н. Кан и Е. Кравченко. Так, Н. Кан воспроизвела эту строку, написанную анапестом, тем же метром, что и все стихотворение, т.е. амфибрахием. Ср.:

Кто ходит в нарядах, в мехах дорогих,
С усмешкой в душе и в глазах ледяных,
Гуляет по улице взад и вперед,
Нас бедер движеньем призывно зовет?

– + – – + – – + – – +
– + – – + – – + – – +
– + – – + – – + – – +
– + – – + – – + – – +

Е. Кравченко при переводе этой строки использовала амфибрахий и добавила еще лишнее ударение – спондей, т.е. стопу, состоящую из двух ударных слогов:

Горда и изящна, в шелках и мехах,
В глазах огоньки, только сердце во льдах.
В дразнящей походке ее – страсти яд
И бедра, качаясь, усладу сулят.

– + – – + – – + – – +
– + – – + – – + – – +
– + – – + – – + + – +
– + – – + – – + – – +

Как подчеркивают многие стиховеды, в трехсложных размерах спондеи практически неизбежны, при этом они по своей природе неравнозначны. В одной позиции они приемлемы, а в другой – могут создавать ощущение нарушения ритма. В варианте Е. Кравченко спондей является необходимостью, поскольку тире, поставленное в строке, можно принять за безударный слог. То есть тире в этом случае манифестирует цезуру, представляющую собой ритмическую паузу в стихе. Как известно, в метрических размерах цезура, без которой слух не охватывает длинной моноритмичной строки, необходима.

При анализе синтаксической составляющей оригинала и переводов мы пришли к выводу, что переводческие трансформации заключались в основном в преобразованиях сложных предложений в простые синтаксические конструкции.

Представим теперь процентное соотношение использованных частей речи в оригинале и переводах (рис. 2).

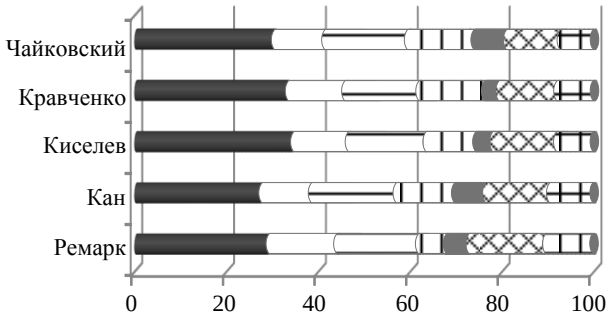

Рис. 2. Соотношение частей речи в оригинале и переводах: ■ – существительные; □ – прилагательные; ▭ – глаголы; ▯ – местоимения; ▩ – наречия; ▨ – предлоги; ▭ – союзы

Согласно приведенным на рис. 2 данным переводчики в целом придерживались частеречного состава исходного текста и не производили существенных переводческих трансформаций.

Исследование существующих переводов этого стихотворения Э.М. Ремарка показывает, что наиболее активно для воссоздания оригиналов использовались такие типологические формы, как адекватный перевод и адекватный перевод с элементами вольного. Переводы Г. Киселева и Р. Чайковского можно признать адекватными, варианты Н. Кан и Е. Кравченко – адекватными с элементами вольного перевода.

Многие переводчики стремились сохранить основные особенности индивидуального поэтического стиля Э.М. Ремарка, что отражается в первую очередь в воссоздании языковых элементов стиха, метра, ритмики, схем рифмы и строфики. Лингвостилистический анализ оригиналов и переводов выявил также и ряд нарушений при воспроизведении названных компонентов средствами русского языка. Такие отклонения нередко связаны с переводом лексики оригинала, с несоблюдением метроритмических схем и рифмы исходного текста.

В данном контексте уместно вспомнить об одном из законов теории художественного перевода, а именно о законе переводной множественности и действующем в его рамках законе переводной дисперсии. Действие этих законов подробно рассматривали в свое время исследователь творчества Э.М. Ремарка, переводчик и переводовед Р.Р. Чайковский [10] и Е.Л. Лысенкова [5]. Появление одного перевода того или иного произведения стимулирует других переводчиков на создание новой версии, более соответствующей, на их взгляд, оригиналу. При этом переводчики прибегают к различным способам передачи лексики исходного текста средствами языка перевода. Возникающая множественность вариантов переводческих решений помогает глубже понять оригинал, получить некий обобщенный, максимально исчерпывающий иноязычный вариант оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гумилев, Н.С.* Стихотворные переводы / Н.С. Гумилев // Принципы художественного перевода. – Петербург : Гос. изд-во, 1920. – С. 54–59.

2. *Ковынева, Е.А.* Метрический справочник Э.М. Ремарка начального периода / Е.А. Ковынева // Язык, культура, перевод : материалы III междунар. очно-заочной науч. конф. (г. Магадан, 30 сентября 2016 г.) / гл. ред. Р.Р. Чайковский. – Красноярск : Научно-инновационный центр, 2016. – С. 74–78.

3. *Ковынева, Е.А.* Стихотворение Э.М. Ремарка «Intermezzo» в переводах на русский язык (лингвостилистические аспекты) / Е.А. Ковынева // Перевод и переводчики: Науч. альманах каф. нем.яз. СВГУ (г. Магадан). – Магадан : Кордис, 2011. – Вып. 7. Теория и история перевода. – С. 84–87.

4. *Ковынева, Е.А.* Поэзия Э.М. Ремарка в русских переводах (историко-типологические, стилистико-сопоставительные и переводоведческие проблемы) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Ковынева Елена Александровна. – Магадан, 2011. – 249 с.

5. *Лысенкова, Е.Л.* О законе переводной дисперсии / Е.Л. Лысенкова // Вестник МГУ. – 2006. – № 1. – С. 111–118. – (Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация).

6. *Павлова, А.А.* Сравнительное источниковедение: выбор размера перевода поэтического произведения / А.А. Павлова // Источники гуманитарного поиска: новое в традиционном. – Белгород : Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2002. – С. 65–70.

7. *Ремарк, Э.М.* Стихотворения : пер. с нем. Р. Чайковского / Э.М. Ремарк. – Магадан : Кордис, 1999. – 75 с.

8. *Ремарк, Э.М.* Intermezzo : пер. с нем. А. Егина, Н. Кан, Г. Киселева, И. Уменко, Р. Чайковского / Э.М. Ремарк // Перевод и переводчики : науч. альманах каф. нем. яз. СВГУ (г. Магадан). – Магадан : Кордис, 2011. – Вып. 7. Теория и история перевода. – С. 88–89.

9. *Харитонова, Е.В.* Язык и культура в переводоведческом аспекте / Е.В. Харитонова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2010. – № 2 (26). – С. 75–79.

10. *Чайковский, Р.Р.* Основы художественного перевода: вводная часть / Р.Р. Чайковский. – Магадан : Изд-во СВГУ, 2008. – С. 34–42.

11. *Remarque, E.M.* Das unbekannte Werk. Bd. 4. Kurzprosa und Gedichte / E.M. Remarque. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1998. – 551 s.

12. *Robbins, F.L.* When a Man Returns / F.L. Robbins // Outlook. – May 13. – 1931. – P. 54.

13. *Sternburg, W.* «Als wäre alles das letzte Mal». Erich Maria Remarque. Eine Biographie / W. Sternburg. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1998. – 512 s.

СОЦИОЛЕКТНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕКСТА В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Е.В. Харитонова

Харитонова Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан).

Контактный адрес: eharitonova@yandex.ru

Статья выполнена в русле контрастивной социолектологии и посвящена рассмотрению специфики социолектного текста с позиций межкультурной коммуникации и художественного перевода. В работе обосновывается необходимость принятия во внимание в процессе перевода социолектной специфики оригинала, объема выполняемых им функций, его внутриструктурной организации и состава языковых средств. Кроме того, делается вывод о том, что переводчику социолектных текстов требуется обладать компетенцией «медиатора социального взаимодействия», под которой понимается владение переводчиком использованным в оригинале социолектом, а также лингвокультурологическими способностями воссоздавать своеобразие исходного социолекта в случае отсутствия его социолингвистического эквивалента в языке перевода.

Ключевые слова: социолект, лагерный социолект, этногетерогенный текст, художественный перевод.

В одном из своих интервью профессор Р.Р. Чайковский высказал мысль о том, что художественный перевод – это «попытка совершить невозможное», поскольку писатель, который пишет на своем языке, уникален, а значит, перевод – это всегда только путь к оригиналу [17]. Разумеется, необходимость правильной интерпретации и передачи всех авторских интенций – это важная, но далеко не единственная задача художественного перевода, призванного в первую очередь выступать связующим элементом между национальными литературами и национальными культурами. При этом, как справедливо указал Р.Р. Чайковский, посредническая миссия перевода в отношении национальных культур реализуется путем формирования в литературе и культуре принимающего языка мировоззренческого, культурологического и литературного отклика среди представителей соответствующего этноса (читатели, переводчики, писатели, критики, философы, культурологи), в результате чего перевод художественного произведения с языка на язык из одностороннего перевода-монолога превращается в перевод-диалог, а затем и в перевод-полилог [24: с. 7]. Вместе с тем восприятие текста на другом языке – языке перевода, – а значит, и формирование отклика среди реципиентов переводного текста определяется целым рядом факторов, среди которых немаловажное значение имеет способность переводчика преодолевать многообразные помехи или барьеры как лингвистического, так и экстралингвистического характера, неизбежно возникающие в процессе межкультурной коммуникации посредством художественного перевода.

Одним из таких барьеров, увеличивающих степень непереводимости инокультурных текстов и тем самым препятствующих полноценной межкультурной коммуникации, осуществляемой посредством перевода, является социолектная специфика оригинала. Пожалуй, не станет преувеличением утверждение, что изучение языка под социальным углом зрения – одна из отличительных черт языкознания XX в. Но несмотря на то что лингвистический интерес к проблемам социальной дифференциации языка не только не ослабевает, но и, как свидетельствуют публикации последних лет, постоянно усиливается, обсуждение ряда теоретических проблем социолингвистики, в общем, и социолектологии, в частности, по-прежнему не завершено. Так, малоизученным направлением современной лингвистики продолжает оставаться контрастивная социолектология, целью которой, как пишет В.П. Коровушкин, является «социолингвистическое, социолексикографическое, социолексикологическое, терминоведческое и дериватологическое изучение просторечной лексической вариативности подъязыков и социолектов» [11: с. 1].

Необходимость выработки основ перевода социально маркированных диалектов обусловлена, как нам представляется, свойствами самого национального языка, который существует не как гомогенное нераздельное образование, а как сложное сочетание диалектически связанных языковых форм (вариантов), обусловленных, с одной стороны, структурными особенностями языка, с другой, экстралингвистическими факторами, среди которых особое значение имеют разнородность социальной структуры общества (диастратические образования), ситуация общения (диаситуативные лексические группы) и территориальная дифференциация (диатопические варианты). Ситуация осложняется также тем, что, как пишет Т.Б. Крючкова, сами по себе языковые варианты никогда не существуют «в чистом виде», соотнесенном только с одним экстралингвистическим параметром [12: с. 431]. В результате в языке возникает гораздо больше языковых

форм, чем это принято описывать в научной литературе. Наряду с такими традиционными понятиями социолингвистики, как жаргон, арго, сленг, профессиональный, условный язык и т.д., исследователи выделяют разного рода «лекты»: фамилиолекты – семейные социолекты [14: с. 31], религиолекты – языки православной сферы [4], «геолекты» – регионально, территориально и локально ограниченные формы существования национального языка [11: с. 12], гендеролекты – мужская и женская речь [15] и т.д.

Расслоение национального языка на множество языковых форм обусловлено гетерогенным характером национальной культуры, следствием которого является выделение в ее рамках различных субкультур. Как писал К. Ажеж, «…за бесконечным разнообразием языков проступает зачаровывающее разнообразие культур» [1: с. 278]. Сказанное в полной мере можно отнести и к национальному этническому языку, состоящему из совокупности различных функциональных страт, называемых также языковыми вариантами, дифференциальными формами существования языка или экзистенциальными формами, отражающими социальную структуру общества и обусловленными ею.

Средством коммуникации культур (и субкультур, в частности) является текст, выступающий в роли уникального культурного кода, требующего особой интерпретации, так как составляющие его языковые знаки наряду с предметным значением пропитаны множеством изменчивых социальных смыслов, которые они приобретают в контексте своих употреблений. Иными словами, текст является важнейшей репрезентацией культуры (субкультуры). Р. Барт образно сравнил социолектную маркированность текста с его тенью, избавиться от которой текст может только «путем последовательного самоистощения»: «Кое-кому хотелось бы, чтобы текст (произведение искусства, живопись) не имел тени, чтобы «господствующая идеология» не оказывала на него никакого влияния; между тем требовать этого – значит требовать бесплодного, непродуктивного, выхолощенного текста» [2: с. 486–487].

Учет социолектной специфики оригинала чрезвычайно важен в процессе его воссоздания на языке перевода. По мысли Р.Р. Чайковского, тексты (поэтические. – *Е.Х.*) можно разделить на преимущественно эквикультурные, т.е. такие, содержание и особенности языкового воплощения которых в целом доступны благодаря переводу представителям других культур, и на неэквикультурные, или этногетерогенные, т.е. тексты, адекватному переводу которых препятствуют лингвокультурные барьеры [23: с. 140]. Данное положение применимо, на наш взгляд, не только к поэтическим текстам, но и к прозе. Социолектная маркированность текста придает ему этногетерогенный характер, а значит, перевод текста, в котором автор намеренно аккумулирует языковой материал, специфический для определенного социума, будет представлять двойную сложность для переводчика: с одной стороны, возникает необходимость правильной интерпретации единиц социально-групповых диалектов, с другой – требуется поиск способов передачи «социолектизмов» средствами языка перевода.

Пути преодоления межкультурных барьеров, связанных с присутствием этнодифференцирующих культурологических признаков в тексте оригинала, в принципе, известны, так как не раз рассматривались и в теории и практике перевода, и в теории межкультурной коммуникации. Вместе с тем выработка стратегии перевода социолектных текстов требует понимания природы социолектного диалекта, объема выполняемых им функций и сферы употребления, его внутриструктурной организации и состава языковых средств, социального статуса, наконец, степени и характера нормирования. Сложность заключается в том, что понятие «социальный диалект», или «социолект», попрежнему остается одним из наиболее терминологически неустойчивых и противоречивых в современной социолектологии. Рассмотрим основные подходы к трактовке данного термина подробнее.

В отечественном языкознании понятие «социальный диалект» начало формироваться в 20–30-е гг. XX в., однако, несмотря на многочисленные исследования в области социальной диалектологии, современное понимание термина «социолект» далеко не однозначно. Достаточно красноречиво об этом свидетельствует, например, тот факт, что в одних исследованиях по социолектике предлагается отказаться от традиционных терминов «жаргон», «жаргонизмы», «профессиональный язык», «профессионализмы» в пользу универсальных терминов «социолект» и «социолектизмы» [10: с. 2–7], в то время как в других работах исследователей, наоборот, предлагается уйти от использования термина «социальный диалект», по причине его «неопределенности» и применять вместо него такие социальные варианты речи, как: профессиональные лексические системы, групповые, или корпоративные, жаргоны, жаргоны деклассированных элементов, а также условные языки [19: с. 478–479].

Причина столь диаметрально-противоположных оценок заключается в том, что, с одной стороны, соотнесенность термина «социальный диалект» с понятием «социальная страта» делает его удобным для обозначения самых разных языковых систем в рамках национального языка, поскольку любое языковое высказывание в той или иной степени содержит социальные индикаторы, отражающие принадлежность говорящего к определенной общественной группе. Толкование термина «социолект»

как некой совокупности «…языковых кодов, которыми владеют индивиды, объединенные какой-либо стратой» [8: с. 5] или разновидности языка, характеризующейся «ее использованием в пределах определенной социальной группы – сословной, профессиональной, возрастной» [20: с. 205], позволяет прийти к выводу о том, что язык любой общественной группы можно назвать социолектом. О центральной роли социолекта при описании подсистем национального языка косвенным образом свидетельствует и прослеживающаяся в работах некоторых ученых тенденция отказаться от традиционного деления диалектов на социальные и территориальные, поскольку «всякая территориальная диалектология должна быть и диалектологией социальной» [9: с. 7–23].

С другой стороны, необходимо учитывать, что проблема социально маркированных языковых вариантов внутри национального языка может носить весьма неоднозначный характер. Связано это, как нам представляется, с тем, что, как пишет Т.Б. Крючкова, «…в последние десятилетия наметился гораздо более широкий подход к пониманию социально обусловленных языковых вариантов. Если раньше к ним относили лишь варианты, являющиеся результатом дифференциации языкового коллектива по полу, возрасту, профессии и т.п., впоследствии к ним добавились варианты, возникающие под влиянием переменных параметров коммуникативного акта: ситуация общения, статус, ролевые характеристики коммуникантов и т.п., то сейчас все чаще в качестве социально обусловленных вариантов рассматриваются и функционально-стилистические разновидности языка» [12: с. 429]. Кроме того, термин социолект уже не является нейтральным в оценочном плане, поскольку, как справедливо указывает Р.В. Рюмин, чаще всего термин «социальный диалект» употребляется как общее родовое понятие для терминов «жаргон», «сленг», «арго», а также «субстандарт» и «нонстандарт» [18: с. 22]. Иными словами, социолект выступает своеобразным гиперонимом по отношению к другим некодифицированным языковым формам. Об этом же пишет и И.В. Бугаева: «…в научной литературе за термином социолект закрепилось значение сниженной разговорной речи не самых элитарных слоев населения» [4: с. 13].

Не вдаваясь в тонкости научной дискуссии об онтологической сущности понятия «социальный диалект», отметим, что, на наш взгляд, определения термина социолект, приводимые во многих источниках, вполне позволяют использовать его для описания внутреннего общения любых социальноограниченных групп, а также утверждать, что любой национальный язык является полисоциолектальным по своей природе, поскольку социальные диалекты – это и есть манифестации или формы реализации языка. Следуя образному выражению Р. Барта, мы все включены в своеобразную «игру социолектов», поскольку «…главная особенность социолектной области в том, что ни один язык не может оставаться вне ее пределов: речь любого субъекта с неизбежностью входит в тот или иной социолект» [2: с. 526].

В тексте социолектная специфика может проявляться двояко: как культура в языке и как культура, описываемая языком. Соответственно проблему перевода социолектных текстов можно рассматривать в двух аспектах: в собственно языковом смысле, когда трудности возникают в процессе перекодировки социолектно-маркированных единиц оригинала в знаки другой языковой системы из-за неизбежной языковой асимметрии, а также в смысле интерпретации и передачи глубины содержания исходного текста. Речь идет о так называемой глубине контекста, под которой понимают «смыслы описываемых автором ситуаций» (см. об этом подробнее: [22: с. 205]).

Р.Р. Чайковский полагал, что коммуникация посредством художественного перевода представляет собой ретиальную коммуникацию (от лат. rete сеть, невод) [23: с. 138]. Однако чтобы в «невод восприятия» социолектного текста попали иноязычные читатели, для зарождения отклика среди представителей инокультурного этноса, переводчик должен обладать компетенцией «медиатора социального взаимодействия» (подробнее об этом см.: [16: с. 268]). Иными словами, переводчику социолектных текстов необходимо, с одной стороны, владеть как исходным литературным языком, так и использованным в оригинале социолектом, а с другой, обладать лингвокультурологическими способностями воссоздавать своеобразие исходного социолекта в случае отсутствия его эквивалентов в языке перевода. Продемонстрируем сказанное, обратившись к практике переводов русских лагерных социолектных текстов на английский язык.

Значительное число лагерных социолектизмов представлено буквенными или слоговыми сокращениями, а также укорочениями, что, как мы полагаем, свидетельствует о речевой экономии, присущей данному типу социальных диалектов. Ср.: контрреволюционер → контра, оперуполномоченный → опер, органы госбезопасности → органы, политический → полит, сталинский вагон → сталин, столыпинский вагон → столыпин и др. По мнению Е.А. Вишняковой, аббревиация может рассматриваться как «один из возможных путей отражения процессов, характеризующих тот или иной социум в плане тенденций проявления особенно-

стей языкового сознания и репрезентации наиболее значимых культурных доминант» [5: с. 21]. Столь широкое распространение сокращений в лагерях можно объяснить различными причинами. Так, Г. Герлинг-Грудзинский писал о том, что буквенные сокращения, ставшие условными знаками статей советского кодекса (КРД – контрреволюционная деятельность, КРА – контрреволюционная агитация, СОЭ – социально-опасный элемент, СП – социальное происхождение, ПС – промышленный саботаж, СХВ – сельскохозяйственное вредительство и т.п.), прочно вошли в неофициальный лагерный жаргон, «…который позволял зэкам быстро и без лишних расспросов разобраться в характере преступлений новоприбывших лагерников» [6: с. 157]. Лаконизм лагерного социолекта отразился и в широком распространении своеобразных формул в общении лагерной администрации с заключенными: «лишить ларьком» или «лишить свиданием» означало «лишить права пользования ларьком» или «…свиданием», команда «с вещами» подразумевала, что арестант полностью уходит из камеры и пр.

Практика переводов показывает, что в большинстве случаев перевод культурно-маркированных лексических единиц требует значительных амплификаций в переводе, разъясняющих суть использованных в оригинале понятий или компенсирующих часть утраченных в переводе значений лексем оригинала. При переводе лагерного социолектного текста переводческие амплификации могут придать тексту излишне экспликативный характер, что существенно усложнит его восприятие. Иными словами, исчерпывающая передача смыслового содержания «темных» мест оригинала исказит социолектную природу текста. Сохранение социолектной специфики подлинника, в данном случае – речевой экономии – зависит от нахождения переводчиком оптимального способа передачи обозначения реалии. В качестве примера приведем переводческие соответствия лагерного социолектизма «доходяга», использованные автором американского перевода «Колымских рассказов» В. Шаламова Дж. Глэдом: *starving man; physically exhausted; emaciated prisoner; on the brink of death; goner; those who had gone through the hell of Kolyma* [26: passim]. Представляется, что приблизительный аналог ‘goner’ в большей степени соответствует речевой структуре текста подлинника, позволяя воссоздать в переводе лаконичность формы и одновременно образность, присущие оригиналу.

Передать лексическую краткость обозначения, характерную для подлинника, позволяет, в том числе, прием транслитерации (транскрипции). Несмотря на неодинаковое отношение к данному приему со стороны исследователей, при переводе лагерных социолектных текстов использование транслитерации (транскрипции) является не только оправданным, но и в ряде случаев оказывается необходимым приемом. Так, перевод социолектизма «зэк», образованного от сокращения «з/к», принятого в официальных документах, приблизительным аналогом *prisoner* или *convict* не способен передать все те ассоциативные нити, которые связывали это понятие со всем советским социумом 20–50-х гг. XX в. Нейтральный приближенный перевод фразы из хроники Е. Гинзбург «*за связь зэка с зэкою*» [7: с. 281] ‘*relations between male and female convicts’* [25: p. 15] хотя и передает предметное содержание, однако не способен воссоздать образную составляющую, присущую оригиналу. Очень точным в этой связи представляется высказывание Е.В. Белоглазовой, по мнению которой, «…лишая содержание связи с исходной формой, облекая его в "одежды", которые понятны носителю другого языка, переводчик культуры … теряет и содержание, превращая оригинал не в перевод, а в пародию на себя: ценности заменяются хулой» [3: с. 38–39].

Транслитерация (транскрипция) позволяет, как правило, достичь необходимого эффекта – воссоздать лаконичность и одновременно подчеркнуть специфичность называемой вещи или понятия. Однако необходимо учитывать, что, попадая в неродственную этносреду, социолектизмы функционируют уже не в качестве номинативных единиц, естественных для общения социальнозамкнутых коллективов, а как инородные лексические вкрапления, восприятие которых будет зависеть от рецептивных возможностей читателей целевой лингвокультуры. Транслитерация (транскрипция) без внутритекстового (послетекстового) комментария или использования переводчиком сразу нескольких переводческих приемов способна существенно затруднить восприятие текста. Например, одна из глав в произведении Е. Гинзбург «Крутой маршрут» озаглавлена «Зэка, эска и бэка» (сокр. от **з**/**к**, **с**пец**к**онтингент, носители **б**ацилл **К**оха. – *Е.Х.*). Я. Боланд [25], переводчик второй и третьей частей хроники на английский язык, не только сумел передать форму оригинала, но и реализовал принцип образования социолектных лексем в подлиннике: *PD’s, SC’s, and KB’s* (PD – prison detainees, SC – special contingent, KB – Koch bacillus). Транслитерация в данном случае потребовала бы включения в перевод поясняющих элементов, что придало бы тексту излишне многословный характер, существенно изменив структуру оригинала.

Удачный выбор переводчиком способов трансляции «чужой» культуры продемонстрировал, на наш взгляд, Г. Уиллетс, британский переводчик, автор шестого по счету перевода «Одного дня Ива-

на Денисовича» [28]. В качестве примера приведем небольшой фрагмент оригинального текста и два его перевода, выполненные Г. Уиллетсом и американским переводчиком Р. Паркером [27][1*]:

Мыть пол в надзирательской было дело специального зэка, которого не выводили за зону, – дневального по штабному бараку прямое дело. Но, давно в штабном бараке обжившись, он доступ имел в кабинеты майора, и начальника режима, и кума, услуживал им, порой слышал такое, чего не знали и надзиратели, и с некоторых пор посчитал, что мыть полы для простых надзирателей ему приходится как бы низко. Те позвали его раз, другой, поняли, в чём дело, и стали дёргать на полы из работяг [21: с. 19].

One Day in the Life of Ivan Denisovich.
Tr. by H. T. Willets

Washing the floor was a job for the hut orderly, a zek who wasn't sent out to work. But he had made himself so much at home in the HQ hut that he had access to the offices of the major, the disciplinary officer and the godfather, made himself useful to them, heard a few things even the warders did not know, so for some time now he'd regarded cleaning floors for mere warders as demeaning. They'd sent for him a time or two, then realized how things stood and started "pulling" one or another of the working prisoners to clean the floor [28: p. 6–7].

One Day in the Life of Ivan Denisovich.
Tr. by R. Parker

Scrubbing the guard-room floor had been the job of a special prisoner who wasn't sent to work outside the camp – a staff orderly. The fellow had long ago made himself at home in the staff quarters; he had access to the offices of the camp commandant, the man in charge of discipline, and the security officer (the Father Confessor, they called him). When working for them he sometimes heard things that even the guards didn't know, and after a time he got uppish, and came to consider scrubbing the floor for rank-and-file camp-guards a bit beneath him. Having sent for him once or twice the guards discovered what was in the wind, and began to pick on other prisoners for the floor-scrubbing [27: p. 12–13].

Первое, на что невольно обращаешь внимание при сравнении двух реплик оригинала, – это более многословный характер перевода, выполненного Р. Паркером, что, на наш взгляд, снижает степень адекватности переводного текста, поскольку не соответствует прагматике подлинника. Несмотря на то что оба переводчика передали содержательную сторону исходного текста, переводческие решения Г. Уиллетса представляются нам более органичными и в большей степени соответствуют транслатологическим характеристикам лагерного социолектного текста. Ср.: штабной барак *HQ hut* (H.W.) / *staff quarters* (R.P.); начальник режима *the disciplinary officer* (H.W.) / *the man in charge of discipline* (R.P.); кум *godfather* (H.W.) / *the security officer* (*the Father Confessor, they called him*) (R.P.).

Как известно, отличительными качествами полноценного перевода являются: 1) исчерпывающая передача (содержания исходного текста); 2) передача содержания равноценными средствами. При этом под равноценностью средств подразумевается их функциональная эквивалентность: «…т.е. переводчик должен использовать в переводе такие языковые средства, которые выполняют выразительную функцию, аналогичную выразительной функции языковых средств подлинника» [13: с. 7]. Приведенные выше примеры призваны показать, что основная задача переводчика при работе с социолектным текстом – не поддаться искушению передать в переводе лишь денотативную составляющую семантической структуры социолектизмов, а предпринять все возможное для достижения адекватного коммуникативного эффекта у реципиентов перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ажеж, К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.

2. *Барт, Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.

3. *Белоглазова, Е.В.* Три вида культурологического перевода / Е.В. Белоглазова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – Т. XIV. № 1. – С. 37–41.

4. *Бугаева, И.В.* Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Бугаева Ирина Владимировна. – М., 2010. – 48 с.

5. *Вишнякова, Е.А.* Отражение ценностных ориентиров социума в специфике языковой номинации / Е.А. Вишнякова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2 (42). – С. 20–26.

6. *Герлинг-Грудзинский, Г.* Иной мир. Советские записки : пер. с польск. Н. Горбаневской / Г. Герлинг-Грудзинский. – М. : Прогресс, 1991. – 240 с.

7. *Гинзбург, Е.С.* Крутой маршрут. Хроника времен культа личности / Е.С. Гинзбург. – М. : Сов. писатель, 1990. – 608 с.

8. *Ерофеева, Т.И.* Социолект: стратификационное исследование : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ерофеева Тамара Ивановна. – СПб., 1995. – 32 с.

9. *Жирмунский, В.М.* Марксизм и социальная лингвистика / В.М. Жирмунский // Вопросы социальной лингвистики : сб. ст. / ИЯ АН СССР ; ред. А.В. Десницкая. – Л. : Наука, 1969. – С. 5–25.

[*] Отметим, что в 1963 г. одновременно было издано сразу четыре перевода «Одного дня Ивана Денисовича» на английский язык, однако именно перевод Р. Паркера многократно переиздавался в большинстве англоязычных стран, вплоть до появления в 1991 г. перевода Г. Уиллетса.

10. *Захаров, В.С.* Взаимодействие центра и периферии лексико-семантической системы (на материале социолектизмов современного немецкого языка) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Захаров Валентин Степанович. – М., 1982. – 22 с.

11. *Коровушкин, В.П.* Основы контрастивной социолектологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Коровушкин Валерий Пантелеймонович. – Пятигорск, 2005. – 48 с.

12. *Крючкова, Т.Б.* Социальная вариативность языка / Т.Б. Крючкова // Язык и общество. Энциклопедия / ред. В. Михальченко. – М. : Азбуковник, 2016. – С. 428–432.

13. *Латышев, Л.К.* Курс перевода (Эквивалентность перевода и способы ее достижения) / Л.К. Латышев. – М. : Междунар. отношения, 1981. – 248 с.

14. *Липатов, А.Т.* Сленг как проблема социолектики : моногр. / А.Т. Липатов. – М. : Элпис, 2010. – 318 с.

15. *Медведева, Т.В.* И снова о гендере: он говорит, она говорит... / Т.В. Медведева // Вестник МГЛУ. – 2012. – Вып. 1 (634) – С. 113–121.

16. *Овчинникова, И.Г.* Переводческий билингвизм. По материалам письменного перевода / И.Г. Овчинникова, А.В. Павлова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. – 304 с.

17. Роман Чайковский: «Магадан меня приковал…» // «Вести города М». Интервью Р. Чайковского Н. Алексеевой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.debri-dv.ru/article/9573 (дата обращения: 10.01.2018).

18. *Рюмин, Р.В.* Социолектная лексикография в теоретическом и прикладном аспектах / Р.В. Рюмин. – Вологда : Изд. центр ВИРО, 2008. – 312 с.

19. *Серебренников, Б.А.* Территориальная и социальная дифференциация языка / Б.А. Серебренников // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / под ред. Б.А. Серебренникова. – М. : Наука, 1970. – С. 452–501.

20. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2006. – 312 с.

21. *Солженицын, А.И.* Один день Ивана Денисовича / А.И. Солженицын // Собрание сочинений. В 30 т. Т. 1. Рассказы и Крохотки. – М. : Время, 2006. – С. 15–115.

22. *Харитонова, Е.В.* Типы межкультурных барьеров и их языковое выражение / Е.В. Харитонова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – № 2 (14). – С. 203–209. – (Серия «Филология»).

23. *Чайковский, Р.Р.* Поэтический перевод как способ межкультурной художественной коммуникации / Р.Р. Чайковский // Вестник Северо-Восточного государственного университета. – 2013. – № 19. – С. 137–145.

24. Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации: (основы теории) : моногр. / Р.Р. Чайковский [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2014. – 224 с.

25. *Ginzburg, E.* Within the whirlwind / E. Ginzburg. Tr. by I. Boland. – New York : A Harvest/HBJ Book, 1982. – 423 p.

26. *Shalamov, V.* Kolyma tales : Tr. by J. Glad / V. Shalamov. – London : Penguin Books, 1994. – 508 p.

27. Solzhenitsyn, A. One day in the life of Ivan Denisovich : Tr. by R. Parker / A. Solzhenitsyn. – Harmondsworth : Penguin Books, 1969. – 143 p.

28. Solzhenitsyn, A. One Day in the Life of Ivan Denisovich : Tr. by H. T. Willets / A. Solzhenitsyn. – Harvill : HarperCollins, 1991. – 150 p.

RENDERING EMOTIONAL SPEECH IN LITERARY TRANSLATION

M.Y. Rodionova

Maria Yurievna Rodionova – Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of English and Translation at Nizhny Novgorod State Linguistic University (Nizhny Novgorod).

E-mail: Maria.Y.Rodionova@gmail.com

The article discusses linguistic and cultural aspects of representing emotional speech in a literary text and of rendering it in translation. The author shows that a translator's choice depends on structural features of the language and culture-specific emotional constructions as well as on the translator's perception of the emotional plane of the text.

Key words: emotional speech, literary text, translation.

Representation of emotions is thought to be one of the main features of a literary text. There are some types of texts that are completely devoid of the emotional element, such as legal documents, technical texts, etc. But literary discourse is penetrated with emotions. According to V.I. Shakhovsky, "literature is considered to be a depository of emotions, as it describes emotional states, verbal and nonverbal emotional behavior and means of representing emotions…"[*] [4: p. 188]. A literary text aims at giving the reader a vivid, picturesque view of the events and at arousing a certain emotional reaction.

Emotions play a significant role in depicting a literary character as they imply a character's emotional response to the events of the plot. They are as important as the events themselves. The image of a literary character without the emotional charge lacks integrity and consistency.

In the text, emotions are represented by various means. They can be named by characters themselves and by the author in the narrative. They can be rendered with the help of descriptions of a character's facial expression, gestures, or manner of speaking. They can be expressed by their physiological embodiment (laughter, tears etc.) and by the choice of words used by characters.

Naming, expressing and describing emotions are the ways of verbalizing emotional states of characters in a literary text. Words that name emotions (*anger, enjoyment* etc.) make up the ***vocabulary of emotions***, whereas phrases *displaying* emotions (*Great!, Cool!, How awful!, What a horrible thing!*) constitute the ***emotive vocabulary*** [4]. Also, there are words which provoke strong associations with emotions without naming or expressing them and help readers to recognize characters' emotional states. They are such words as *to tremble, to blush, wide-eyed, tight-lipped* etc.

However, literary texts written in different languages may not necessarily coincide in the way of rendering characters' emotional states. The choice of expressive means depends on the language itself and on the existing literary and cultural traditions. Nowadays nationally specific ways of expressing and rendering emotions are studied in various aspects. Emotions are rendered not only by words, but also by phraseological units which don't name emotions straightforward but implicitly convey the information about characters' emotional states. They also tinge characters' speech with culture specific emotional colouring. In case of phraseological units, the interpretation of emotional states depends on the background knowledge of cultural background and the level of language competence.

Even the way of naming one and the same basic emotion in English and in Russian may differ because the languages reflect a certain discrepancy in perceiving emotional world by people speaking different languages. Russian words naming basic emotions usually have general meaning, while in English their meanings are usually more specified because often their semantic structure includes components giving additional characteristics to a person's emotional state, such as intensity, duration, behavior and even the cause of the emotion [3].

Differences in the way emotions are described are predetermined by culture specific features of emotional behavior and a diversity of nonverbal elements of communication. These are the so called cultural "scripts" which implicitly tell people what to say and do, and what not to when they feel excited. Comparing Russian and English cultures, scholars say that people of the two cultures differ in their attitude to emotions. In general, even being excited, English people tend to keep a tight control of their emotions and maintain the composure. Russian people feel freer to express their emotions in public and excessive self-control of emotions can be regarded as callousness or even hypocrisy [2].

The means of expressing emotions by people speaking different languages may also diverge because of structural features of the languages and conventional language-specific ways of expressing emotional states.

[*] Translated by M. Rodionova.

Ways of expressing emotions are analysed in various aspects. One of the most interesting of them is the use of certain syntactic structures typical of a person's emotional speech. Analyses of emotive texts show that a certain type of emotions tends to be expressed by a certain communicative type of the sentence. Active or sthenic emotions, such as *anger*, *surprise*, *enjoyment*, are usually expressed with the help of exclamatory sentences, while passive or asthenic emotions, such as *sadness*, are more likely to be expressed by a declarative sentence [4].

As emotions affect mental processes that regulate our speech behaviour, emotional speech is marked by a number of universal specific features which are the characteristics of emotional speech irrespective of the language a person speaks. Such structures only indicate the emotional state of a person without specifying it. Nevertheless, they possess a significant emotive potential. A person whose speech is influenced by emotions often experiences some difficulties in expressing themselves, which results in spontaneous repetitions, pauses of hesitation, and use of "empty" words which only serve to fill these pauses. Emotional speech is marked by incoherent and grammatically incomplete phrases, by the use of elliptical sentences, break-in-the-speech (aposiopesis), question-in-the-speech, detached constructions, repetitions. All these deformations are characteristic of the speech of a person in the state of excitement. And practically all of them alter syntactical structures.

But sometimes the way of altering syntactic structures depends on structural peculiarities of the language the person speaks. Rendering this type of emotional speech presents a considerable difficulty for a translator.

In different languages structurally similar syntactic constructions may play different roles in expressing emotions. In the English language, which has fixed word order, inversions become one of the most expressive syntactical means. In the Russian language the word order is comparatively free, so inversion lacks expressiveness and is mainly used for organizing the functional sentence perspective. So, inversion used in the English text to render the speaker's excitement can hardly be translated with an inversion in Russian. It should be somehow compensated by other expressive means.

Elliptical sentences, typical of emotional speech both in English and in Russian, have different patterns of omission. While in Russian it is possible to omit the subject of the sentence without omitting the predicate, in English in the majority of cases they omit the whole predication core of the sentence, i.e. both the subject and the predicate. In translation, elliptical sentences are usually preserved, but the pattern of omission is more likely to be different.

A comparative analysis of literary texts in the source language (SL) and in the target language (TL) shows that translators do not always follow the techniques used in the original to render emotional speech even if they are typical of both SL and TL.

To see how emotional speech can be rendered in translation from Russian into English, F. Dostoevsky's novel "The Idiot" was chosen because it is known for its emotional impact on the readers. The author reveals psychological depths of his characters which are reflected in their emotions. The novel presents a vast number of emotional dialogues. The complex of various emotions is mapped through different means of expression, which constitutes a challenge for a translator. There are 11 translations of the novel. The earliest one appeared in 1887 when the novel was translated by *Frederick Whishaw*, while the latest one (by Ignat Avsey) was published in 2010. To analyse rendering emotional speech, we've chosen two translations of "The Idiot" – by Alan Myers in 1992 and by David McDuff in 2004. The choice can be explained by the following reasons. The two translations are close enough chronologically, so they are supposed to reflect the same language tendencies and social expectations. But at the same time, they differ radically in the way the translators render the emotional charge of the novel, which makes the comparative analysis very interesting. The difference is especially evident when it comes to reproducing the characters' emotional speech.

We will start with the example when the way characters speak is characterised by deformations typical of emotional speech in both the SL and the TL – phonetically marked repetition.

Князь молча подал ему его записку. Ганя остолбенел.

– Как? Моя записка! – вскричал он: – он и не передавал ее! О, я должен был догадаться! О, пр-р-ро-клят… Понятно, что она ничего не поняла давеча! Да как же, как же, как же вы не передали, о, пр-р-ро-клят… [1].

Ganya, who got furious because of Prince Myshkin's behaviour, is shouting at him. The emotion of anger is expressed both lexically and phonetically and is intensified with the help of repetition. D. McDuff does the same in his translation:

The prince silently handed him the note. Ganya was speechless.

'What? My note!' he exclaimed. 'He didn't even deliver it! Oh, I should have guessed! Oh, damn-ation… Now I see why she didn't understand anything just now! But why, why did you not deliver it, oh, damn-ation…' [6].

But in the translation by A. Myers the set of expressive means is different. He avoids full repetition of the phonetically emphasised word and uses a purely lexical means of expressing the greatest intensity of the character's emotion (*d-da-damnation…. Oh, double damn …*).

The prince silently handed him the note. Ganya froze.

'What? My note?' he cried. 'He didn't give her it! Oh, I should have guessed! Oh, d-da-damnation ... Of course she didn't understand a thing just now! But why, why, why on earth didn't you give it to her? Oh, double damn ...' [5].

In this episode, the choice of a different means of expressing the emotion of anger doesn't ruin the emotional effect in the translation. Here is one more example of the same effect achieved by different means: *Да как же, как же, как же вы не передали*. [1] In this episode, the emotional speech is marked by the repetition of a part of the utterance, showing that the character needs some time to cope with his emotions and only then manages to finish the sentence. Following the original text, the translators use the same means of expressing emotions – repetition: But why, why, why on earth didn't you give it to her? [5].

However, as can be seen from this example, the translator considers the repetition insufficient for rendering the same level of emotional colouring, so he intensifies it with the phrase *why on earth* which makes the phrase sound more natural.

The next example demonstrates the case of rendering the emotional speech by a language-specific expressive means. In the English language, the emotional charge of a sentence can be intensified by the use of the emphatic *do* before a notional verb in affirmative sentences. In the original, the emotional colouring is emphasized lexically (… *ей богу* …):

– Лжешь, батюшка, по своему обыкновению, никогда ты ее на руках не носил, – отрезала она ему в негодовании.

– Вы забыли, maman, ей богу носил, в Твери, – вдруг подтвердила Аглая. – Мы тогда жили в Твери. Мне тогда лет шесть было, я помню. Он мне стрелку и лук сделал, и стрелять научил, и я одного голубя убила. Помните, мы с вами голубя вместе убили? [1].

To render the emotional coloring, D. McDuff compensates for the loss of expressiveness in the word honestly by emphasizing the predicate (*did carry*) and repeating the emphatic construction:

My dear, you're lying as usual: you never carried her in your arms,' she snapped at him in indignation.

'You've forgotten, Maman, he did carry me, honestly he did, in Tver,' Aglaya suddenly said, in support of the general's claim. 'We were living in Tver at the time. I was six years old then, I remember. He made me a bow and arrow, and taught me to shoot, and I killed a pigeon. Do you remember, we killed a pigeon, you and I?' [6].

But such language specific constructions are not always chosen by translators to render the emotional charge. In the English language, a specific type of constructions (I wish I had done…) is used to express the feeling of sorrow, disappointment or vexation about the events that took place some time ago. In both translations the constructions like «Жаль, что…», «Как жаль, что…» are rendered with the help of «It's a pity I …», «A pity I…», «What a pity…». So, translators prefer to preserve lexical means rather than use grammatical ones.

– Как жаль, что вы немного выпили, Лебедев! А то бы я вас спросил.

– Ни-ни-ни, ни в одном глазу! Лебедев так и наставился [1].

'What a pity you've been drinking, Lebedev! Otherwise there is something I would have asked you.'

No, no, no, not a drop!' [6]

'It's a pity you've had a few to drink, Lebedev! I was going to ask you something.'

'No-no-no, not a bit drunk.' [5]

It is noteworthy that neither D. McDuff nor A. Myers use the constructions *I wish I do* and *I wish I had done something* in their translations the verb *wish* is usually followed by infinitive constructions which are less emotional. The reason for this may be the interference of the SL, which influences the choice of the expressive means.

Thus, rendering emotional state of characters is the uphill task for a translator. There are some examples when emotional colouring of characters' speech is completely lost in translation.

– Да, да! – с жаром подтвердил князь. – Значит не признаваться и выносить не давать [1].

'Yes, yes!' the prince agreed. 'That means there'll be no confession and we won't let them take her out.' [6]

In the original Prince Myshkin is greatly excited as he pronounces his abrupt phrase fervently. In the translation, his speech is well-balanced and syntactically complete and as a result cannot be associated with a person who speaks in great excitement.

Moreover, the translator omits the word which describes the manner Prince Myshkin speaks («с жаром»). So, in this episode the main character Prince Myshkin is perceived by readers of the ST as a person who is excited and agitated about the course of events, but to the recipients of the translation he appears to be calm and relaxed. His emotions are neither rendered through his speech nor described in the narrative. Preserving specific structures of emotional speech, as it is done in the translation by A. Myers, helps to avoid such loss of emotional aspect: *"Yes, yes!' the prince assented fervently. So no confessions and no taking her away"* [5].

Another example:

– Купить разве… – пукетами и цветами всю обложить? Да думаю, жалко будет, парень, в цветах-то! [1].

Perhaps if I were to buy some, and put bouquets and flowers all round her? But, friend, I think I'll feel sorry for her, seeing her all covered in flowers!' [6]

The grammatically incomplete and logically incoherent phrase of the original is rendered by a phrase which is logically built and grammatically well-formed. That seems quite inappropriate in speech of a person who is perplexed and embarrassed. In the original the character is surely puzzled because he is not quite sure what to do. In the translation, he appears to be cool-headed and sensible and is capable of considering the situation reasonably.

The same episode is rendered differently by A. Myers who preserves the incoherence of the character's speech. And the picture which is portrayed in the translation is emotionally equal to that of the original:

Should I buy some – set bouquets and flowers all round her? But I think it would be a pitiful sight, all flowers, eh?' [5]

The analysis shows that the choice of expressive means depends not only on structural peculiarities of the language and culture-specific constructions but also on a translator's perception of the text, which presupposes a certain combination of rational and emotional components and which prioritizes either emotions and feelings or logic and motives of the speech behavior.

REFERENCES

1. *Достоевский, Ф.М.* Идиот [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: https://aldebaran.ru/author/dostoevskiyi_fedor/kniga_idiot/

2. *Куличенко, Ю.Н.* Национально-культурные особенности коммуникативного поведения / Ю.Н. Куличенко // Перевод и сопоставительная лингвистика : сб. науч. тр. – Волгоград, 2015. – Вып. 11. – С. 90–92.

3. *Родионова, М.Ю.* Семантические и грамматические аспекты функционирования слов, называющих эмоции, в современном английском языке (на материале англоязычных переводов романа Ф.М. Достоевского «Идиот») : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Родионова Мария Юрьевна. – Н. Новгород, 2015. – 22 с.

4. *Шаховский, В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 208 с.

5. *Dostoevsky, F.* The Idiot : Translated and edited by Alan Myers / F. Dostoevsky. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 652 p.

6. *Dostoevsky, F.* The Idiot / F. Dostoevsky. – Wordsworth : Penguin Books, 1996. – 578 p.

БИБЛЕЙСКИЙ МИР В КОНТЕКСТЕ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БИБЛЕЙСКИХ, АВТОРСКИХ И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СМЫСЛОВ

Н.И. Серкова

Е.Ю. Рябко

Серкова Нелли Исидоровна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: serkovanelli@gmail.com

Рябко Елена Игоревна – старший преподаватель кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: elena-r.kha@mail.ru

Статья посвящена исследованию процесса воспроизведения смыслов библейских сюжетов в художественных целях на примере романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на английский язык. Эти процессы рассматриваются в рамках методологии сопоставительной герменевтики.

Ключевые слова: герменевтика, интерпретация, оригинал / исходный текст, переводной текст / выходной текст, параллельные тексты, единица перевода, сюжетная линия, историко-литературный контекст, библейский мир.

Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», впервые опубликованный в России сравнительно недавно (1966–1967) и традиционно оцениваемый как сложный и многогранный, вызывает живой интерес в теории перевода и переводческой деятельности, о чем свидетельствует большое количество его переводов на разные языки, а также статьи, монографии и другие научные работы, посвященные изучению этих переводов.

Для отечественного переводоведения в исследовании художественных переводов характерен подход, основанный на понимании диалектической противоречивости художественного переводческого процесса и учитывающий сложное взаимодействие исследуемых объектов (исходный и переводной тексты), исследуемого языкового материала (исходный и переводящий языки), среды обитания оригинального и переводного текста (исходная и принимающая культуры) и учете особенностей личностного творческого самовыражения автора и самовыражения реципиента-переводчика.

Отсюда – комплексная методология и симбиоз методов: герменевтический аспект перевода, предполагающий со стороны и переводчика, и исследователя художественного перевода активную речемыслительную деятельность и глубинное понимание оригинального произведения; технологический аспект перевода, обеспечивающий межъязыковое и межкультурное посредничество в воспроизведении смыслов подлинника в другом материале (языке) и в контексте другой среды (культуры); сопоставительный анализ исходного и переводного текстов, изучающий соотношение изначальных авторских смыслов и образов в сравнении со смыслами и образами, представленными в переводных произведениях.

Возвращаясь к роману М.А. Булгакова и его переводам, отметим, что перевод библейских интерполяций, с одной стороны, облегчается тем, что значительный объем когнитивного опыта и метаязыка Библии разделяется представителями разных человеческих цивилизаций. Но, с другой стороны, в контексте художественного произведения перевод библейских смыслов с языка оригинала на переводной язык, конечно же, затрудняется существующей межъязыковой и межкультурной асимметрией.

В данной статье ставятся задачи, касающиеся, главным образом, соотношения смыслов, т.е. того, как осуществляется многоуровневый процесс воспроизведения смыслов библейских сюжетов в романе и в переводе, т.е. прослеживается цепочка: Библия – оригинал романа – текст перевода.

Объектом исследования являются указанные параллельные тексты, предметом наблюдения и единицей исследования – параллельные сюжетные линии из Библии, романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его английских переводов. В рамках упомянутых единиц предполагается выявить соотношения между системами смыслов, заключенных в интерпретируемых и интерпретирующих текстах.

В постановке и решении указанных задач используются идеи, базирующиеся на исследованиях по теории перевода, сопоставительной стилистике, сопоставительной лексикологии, сравнительной типологии отечественных ученых А.В. Федорова [14], В.Н. Ко-

миссарова [6], А.Д. Швейцера [15], Я.И. Рецкера [10], Р.К. Миньяр-Белоручева [7], В.Г. Гака [3; 4], Ю.С. Степанова [12], Н.К. Гарбовского [5] и др.

Методика сопоставления является комплексной и предполагает: (1) прием сравнения параллельных текстов, имеющих «функциональную аналогию» [5: с. 201], состоящий, в нашем случае, в вычленении сопоставимых сюжетных линий и интерпретации их глубинных смыслов; (2) изучение языковых и текстовых ресурсов в изображении сопоставляемых сюжетных линий; (3) привлечение данных внешней среды, свидетельствующих о влиянии общества и участии человека и создающих вкупе историко-литературный и социокультурный контекст.

Поясним суть каждого из упомянутых приемов. Во-первых, мы исходим из определения процесса перевода как сложной герменевтической деятельности, ставящей в центр внимания вопросы понимания и интерпретации смыслов и интенций, выражаемых вербально в исходных и финальных текстах. Это означает, что сопоставление исходного и финального текстов базируется на предположении, что эти тексты содержат некие аналогичные системы смыслов изоморфного или/и гомоморфного характера. В первом случае речь идет о равенстве, тождестве систем смыслов (изо – одинаковый), во втором случае – об уподоблении, но не о тождестве (гомо – равный) [5: с. 243–244]. Если сюжетная линия в финальном тексте полностью соответствует своему прообразу в исходном тексте, то между ними устанавливаются отношения изоморфизма; если же сюжетная линия в интерпретирующем тексте не содержит всего, что есть в прообразе, либо привносит нечто, чего в нем нет, то между текстами складываются асимметричные отношения гомоморфизма, указывающие на смысловые изменения.

Подчеркнем, что речь идет именно о сохранении или изменении смысла (в противовес значению отдельных слов) как целостного мысленного содержания текста или его фрагмента, рождающегося в реальных текстах на базе значений языковых знаков, но не сводимого к их сумме, а связанного с их индивидуальным употреблением в данных совокупностях знаков и контекстов. Согласно герменевтической интерпретации «…смысл существует не в самом знаке, но составляет интенцию автора, вне положенную самому тексту, но воплотившуюся в нем и давшую этому тексту онтологические основания существовать как факт культуры» [16: с. 576–577].

Поясняя второе положение, отметим, что познание сложной человеческой деятельности, какой является процесс перевода, реализуется на материале ее продуктов, материальных «следов» самой деятельности, т.е. на базе языковых ресурсов, представленных в структуре текстов. Это может осуществляться как через изучение семантических, стилистических, текстовых категорий, так и через по-уровневое сопоставление, изучение языковых и речевых форм – морфем, лексем, предложений, дискурсов.

Вместе с тем – и в этом смысл третьего положения – исследование перевода как герменевтической деятельности нуждается не только в лингвистических данных, но и в привлечении историко-литературной информации и данных социокультурных условий, в которых этот феномен существует. Должна быть исследована культурно-языковая картина мира в исходном тексте и то, как она представлена в своем аналоге – переводном тексте; параллельно с историко-культурным контекстом должны быть выяснены индивидуально-авторские мироощущения и переводческие возможности и предпочтения.

На настоящий момент нам известны шесть переводов романа «Мастер и Маргарита» на английский язык. Переводчиками являются Мирра Гинзбург (1967), Майкл Гленни (1967), Диана Бургин и Кэтрин Т. О'Коннор (1993), Ричард Пивер и Лариса Волохонская (1997), Майкл Карпельсон (2006), Хью Эплин (2008).

В данной статье используется материал двух текстов-переводов романа, выполненных М. Гинзбург (Mirra Ginsburg) и Х. Эплином (Hugh Aplin). Их разделяет временной промежуток в 41 год, что с точки зрения развития общества, культуры, национального сознания, языка может быть значимым. Перевод М. Гинзбург, открывший неизвестного Булгакова англоязычным читателям, создавался при еще недостаточной базе научных исследований переводческой деятельности. Х. Эплин же, вероятно, уже мог учитывать результаты научных работ, посвященных роману и его переводам за эти годы. Помимо этого, оба варианта перевода – продукт творчества двух переводчиков, разных по национальной принадлежности, образованию, профессиональной деятельности, горизонту жизненного опыта, ценностям, мировосприятию и т.д., и их сопоставление может представить интерес для исследователя.

Мирра Гинзбург – автор самого первого перевода романа «Мастер и Маргарита» на английский язык. Переводчик русской литературы XX в. на английский язык, издатель, лингвист, автор собственных рассказов и книг для детей, М. Гинзбург родилась в Белоруссии. В раннем возрасте переехала с семьей в Литву, впоследствии – в Канаду и США. В основу ее перевода был положен текст романа, опубликованный в 1966–1967 гг. (через 26 лет после смерти писателя) в сокращенном журнальном варианте (журнал «Москва»). В результате в переводе отсутствуют эпизоды, вырезанные цензурой.

Профессор Х. Эплин возглавляет факультет русского языка в Вестминстерском колледже Лондона. Будучи студентом, он жил несколько лет в России, известен в Англии своими переводами рус-

ской классики (А. Чехов, Н. Гоголь, И. Тургенев, Ф. Достоевский, И. Бунин, Е. Замятин).

Роман «Мастер и Маргарита» занимает одно из первых мест в русской литературе по числу содержащихся в нем интертекстуальных знаков. Особое место среди интертекстуальных источников романа занимают библейские тексты и исторические тексты с библейской тематикой. Библия выступает религиозной, исторической и философской основой «Мастера и Маргариты». М.А. Булгаков использует в романе значимые для христианского мира сюжеты и образы. Независимо от вероисповедания, читатель, даже далекий от религии, знает, кто такой Иисус из Назарета, Понтий Пилат, Иуда, первосвященник Каиафа и какова была их судьба. Однако писатель значительно видоизменяет библейские сюжеты и образы, трансформирует их, полемизирует с первоисточником. Библейские сюжеты и образы наполняются авторским смыслом, личным внутренним восприятием, видением и переживанием мира. Задача переводчиков – распознать этот не всегда лежащий на поверхности смысл и передать его в тексте принимающей культуры.

В качестве примера сопоставляемых сюжетов в статье представлен разбор сюжетной линии о мироустройстве и управлении мировым процессом. Этот сюжет развивается в романе через ряд мотивов: мотив веры в существование высшей силы, мотив всемогущества высших сил и мотив возмездия.

Мотив веры в существование высшей силы. Религиозная тема появляется в романе в первой главе, в диалоге Берлиоза и Бездомного. Литератор критикует написанную поэтом поэму о Христе. Бездомный «очертил <…> главное действующее лицо своей поэмы, т.е. Иисуса, очень черными красками» [2: с. 5], но Берлиоз не доволен результатом: поэт должен был поставить под сомнение само существование сына Божьего.

В Библии существование Иисуса Христа – непреложная истина, неоспоримый факт, догмат, на котором строится все христианское учение. В художественном мире романа Булгаков описывает современную ему советскую Россию, невероятно сложный для страны период времени. Россия пережила несколько потрясений: Первую мировую войну, революцию 1917 г., Гражданскую войну, смену политического режима, пересмотр духовно-этических ценностей, изменение отношения к религии, идеологическую пропаганду и т.д. Советская идеология старалась опровергнуть церковные догматы: закрывались храмы и церкви, изымались церковные ценности, подвергались гонениям священнослужители, проводились массовые антирелигиозные мероприятия, издания того времени с говорящими названиями (такими как журнал «Безбожник», издательство «Атеист») выпускали атеистические публикации. Антирелигиозную поэму и должен был «сочинить» Иван Николаевич. Его творение должно было соответствовать основным идеям советской идеологии. И Берлиоз «*хотел доказать поэту, что <…> Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете*» [2: с. 5].

М.А. Булгаков тонко передает ироничное и пренебрежительное отношение Берлиоза к вопросу веры посредством частицы «то», указательного местоимения «этого» («Иисуса-то этого»), просторечной лексемы «вовсе». Эта лексика намеренно используется Берлиозом: знающий, эрудированный литератор обращается в своей речи к просторечным словам, чтобы объяснить ключевую идею неопытному поэту на доступном тому уровне. Бездомный, в свою очередь, должен будет сделать эту идею массовой.

М. Гинзбург не удается сохранить в переводе небрежный тон персонажа и его высокую самооценку: “*Berlioz wanted to prove to the poet that <…> he [Jesus] had never existed as an individual*” [18]. Переводчик использует нейтральную лексику, передавая лишь предметно-логическое значение фразы.

Вариант Х. Эплина звучит более экспрессивно: “*And Berlioz wanted to demonstrate to the poet <…> this Jesus, as a person, had not existed in the world at all*” [19]. Эмоциональную окраску фразе придает сохранение синтаксической структуры оригинала, полная форма “had not”, усилитель “at all”. Переводчику удается передать и ироничное отношение Берлиоза: “this Jesus”.

Ивану необходимо сделать акцент на отсутствии «личности» Иисуса. Он должен показать, что Иисус не существовал биологически и что он не был тем неординарным, особенным человеком, каким он представлен в Священном Писании. Каждый из переводчиков распознает лишь одну составляющую смысла: “individual” – the one with unique characteristics, “person” – a human being that thinks and walks [22].

К разговору поэта и издателя присоединяется незнакомец. Его удивляет мировоззрение москвичей: «*Простите мою навязчивость, но я так понял, что вы, помимо всего прочего, еще и не верите в бога?*» [2: с. 10].

В художественном мире романа Воланд – часть высшей силы, которая имеет непосредственное отношение к управлению мировым порядком. Он единственный участник разговора, который знает истинное положение дел. Его речь подчеркнуто учтива, за клишированными вежливыми фразами скрывается ирония, которую Берлиоз трактует как изумление и испуг. Берлиоз терпеливо, снисходительно и любезно «объясняет» иностранцу:

Да, мы не верим в бога, – чуть улыбнувшись испугу интуриста, ответил Берлиоз. – Но об этом

можно говорить совершенно свободно. / <…> мы – атеисты, – улыбаясь, ответил Берлиоз <…> / В нашей стране атеизм никого не удивляет, – дипломатически вежливо сказал Берлиоз, – большинство нашего населения сознательно и давно перестало верить сказкам о боге [2: с. 10].

В этом эпизоде сталкиваются два противоположных мировоззрения: вера и неверие. Воланд обладает истинным знанием, Берлиоз лишь думает, что его знание истинно. Рассмотрим, как эта идея отражена в текстах перевода:

(1) "*Forgive my importunity, but I understood that, in addition to all else, you don't believe in God either?" <…> / "No, we do not believe in God," Berlioz replied, smiling faintly at the tourist's fear. "But we can speak of it quite openly. / "<…> we are atheists," Berlioz answered <…> / "In our country atheism does not surprise anyone," Berlioz said with diplomatic courtesy. "Most of our population is intelligent and enlightened, and has long ceased to believe the fairy tales about God*" [18].

(2) "*Forgive my persistence, but my understanding was that, apart from anything else, you don't believe in God either?" <…> / "No, we don't believe in God," replied Berlioz with a faint smile at the fright of the foreign tourist, "but it can be spoken about completely freely." / <…> we're atheists," replied Berlioz <…> / "In our country atheism surprises no one," said Berlioz with diplomatic politeness, "the majority of our population consciously and long ago ceased to believe in fairy tales about God*" [19].

Оба переводчика передают вежливо-ироничный тон Воланда вариантными соответствиями. Речь Берлиоза в обоих вариантах эмоционально насыщена. Х. Эплин, помимо выразительных средств, передает синтаксическую структуру предложений оригинала.

Интересен выбор переводчиков при передаче словосочетания «совершенно свободно». М. Гинзбург переводит его как "quite openly" (букв. «достаточно открыто»), хотя в оригинале романа Берлиоз стремится убедить иностранца, что гласность в его стране существует, по крайней мере, в отношении этого вопроса. Возможно, на выбор переводчика повлияло мнение, сложившееся в западной культуре о советской России: опасно свободно выражать свои мысли, необходимо быть осторожным в выборе слов, даже если они соответствуют идеям действующей идеологии. В варианте Х. Эплина это значение передано более определенно, как "completely freely" (букв. «совершенно свободно»). Этот выбор может свидетельствовать в пользу того, что отношение Запада к России могло несколько измениться с течением времени, и переводчик, который провел несколько лет в СССР, не увидел в словах Берлиоза скрытых опасений и соответственно не наделил этим смыслом текст перевода.

Отличия в восприятии нашей страны в разные эпохи проявляется также в вариантах перевода фразы «большинство нашего населения сознательно и давно перестало верить сказкам о боге». М. Гинзбург расширяет текст перевода: "*Most of our population is intelligent and enlightened, and has long ceased to believe the fairy tales about God*" [18]. В ее видении население советской России позиционирует себя перед иностранными туристами как превосходящее по уровню развития общества и культуры, более просветленное (intelligent and enlightened). Можно предположить, что на выбор переводчика повлияло стремление советского правительства всеми возможными способами убедить западный мир в правильности выбранного пути развития, ведущего в светлое будущее. В варианте Х. Эплина данная коннотация отсутствует.

Подводя итог дискуссии, Воланд говорит:

Имейте в виду, что Иисус существовал. /<….> просто он существовал, и больше ничего. / Но требуется же какое-нибудь доказательство…– начал Берлиоз. / И доказательств никаких не требуется, – ответил профессор [2: с. 18].

Слова Воланда соответствуют библейскому догмату: существование Иисуса Христа принимается за истину, которая не нуждается в подтверждении. Бог обретается и познается только через веру. Эта идея очень точно отражена в обоих вариантах перевода:

"Bear it in mind that Jesus did exist." / <…> "He simply existed, that is all." / "But there must be some proof < . . .>" began Berlioz. / "There is no need for proof, either," answered the professor [18].

"And keep in mind that Jesus existed."/ <…> "simply he existed, and that's all there is to it." / "But some sort of proof is required," began Berlioz. / "And no proofs are required," replied the Professor <…> [19].

Фразы Воланда в тексте оригинала лаконичны и просты, ведь он сообщает истину. Истина, как известно, проста и немногословна, красноречие излишне. Помимо того, его высказывания звучат уверенно и авторитетно, он знает, о чем говорит. Но в них чувствуется предостережение: «имейте в виду», – обращается он к своим собеседникам, предупреждая о последствиях их неверия.

Переводчики точно передают синтаксическую структуру, Х. Эплин даже использует частичную инверсию, чтобы сохранить порядок слов оригинала (simply he existed) и акцентировать, насколько проста правда. Результирующие тексты, как и оригинал, предостерегают, передают ощущение надвигающейся опасности. Фраза «имейте в виду» переведена вариантными соответствиями "bear it in mind" и "keep in mind". Однако Воланд Х. Эплина говорит, используя краткие формы: "don't need", "that's all". Несомненно, сокращенные формы ха-

рактерны для современной разговорной речи, но в данном случае образ авторитетного, знающего цену своим словам Воланда не совсем соответствует его речи в переводе. М. Гинзбург избегает кратких форм, придает речи персонажа больше торжественности, используя эмфатическую конструкцию “did exist”, синтаксический повтор: “There is no need for points of view … There is no need for proof, either”. Речь Воланда в ее интерпретации звучит так же убедительно и солидно, как и в оригинале.

Мотив всемогущества высших сил. Воланд заводит разговор о том, какие силы регулируют и определяют жизнь человека и мировой порядок.

В христианстве бог является не только началом бытия, творцом, создавшим наш мир. Согласно христианскому учению он заботится о своем творении, принимает непосредственное или опосредованное участие в управлении мировым процессом. Эта идея и представлена в оригинале романа. Она звучит в дискуссии Воланда и Берлиоза. Воланд говорит о существовании неких высших сил, которые «управляют», «распоряжаются» жизнью человека. При этом он неоднократно использует глагол «управлять», словоформы: «управляет», «управление», «управил», «управился», а также синоним «распоряжаться». Лексический повтор не кажется здесь случайным. Он подчеркивает ключевую идею фрагмента, идею о существовании сверхъестественной силы, которая управляет судьбами людей:

– Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели бога нет, то, спрашивается, кто же ***управляет*** *жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?*

– Сам человек и ***управляет****, – поспешил сердито ответить Бездомный на этот, признаться, не очень ясный вопрос.*

– Виноват, – мягко отозвался неизвестный, – для того, чтобы ***управлять****, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же вас спросить, как же может* ***управлять*** *человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день? И, в самом деле, – тут неизвестный повернулся к Берлиозу, – вообразите, что вы, например, начнете* ***управлять****,* ***распоряжаться*** *и другими и собою, вообще, так сказать, входить во вкус, и вдруг у вас ... кхе ... кхе ... саркома легкого ...< ...> да, саркома, – жмурясь, как кот, повторил он звучное слово, – и вот ваше* ***управление*** *закончилось! <...> А бывает и еще хуже: только что человек соберется съездить в Кисловодск, тут иностранец прищурился на Берлиоза, – пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может, потому что неизвестно почему вдруг возьмет – поскользнется и попадет под трамвай! Неужели вы скажете, что это он сам собою* ***управил*** *так? Не правильнее ли думать, что* ***управился*** *с ним кто-то совсем другой?* [2: с. 12].

Перевод фрагмента М. Гинзбург:

“But what troubles me is this: if there is no God, then, you might ask, who ***governs*** *the life of men and, generally, the entire situation here on earth?”*

“Man himself ***governs*** *it,” Homeless angrily hastened to reply to this frankly rather unclear question.*

“Sorry,” the stranger responded mildly. “But in order ***to govern****, it is, after all, necessary to have a definite plan for at least a fairly decent period of time. Allow me to ask you, then, how man can* ***govern*** *if he cannot plan for even so ridiculously short a span as a thousand years or so, if, in fact, he cannot guarantee his own next day? “And really,” the stranger turned to Berlioz, “imagine yourself, for example, trying* ***to govern****,* ***to manage*** *both others and yourself, just getting into the swing of it, when suddenly you develop ... hm, hm ... cancer of the lung…” <...>“Yes, cancer…” he relished the word, closing his eyes like a tom cat. “And all your* ***management*** *is done with!”<...> “Or it may be even worse. A man may plan to go to Kislovodsk,” and the stranger squinted at Berlioz. “A trifling undertaking, one might think. But even this is not within his power to accomplish, for he may suddenly, for no known reason, slip and fall under a streetcar! Would you say that he had* ***managed*** *this himself? Would it not be more accurate to think that it was someone else entirely who* ***had disposed*** *of him?”* [18].

Перевод фрагмента Х. Эплина:

“But this is the question that’s troubling me: if there’s no God, then who, one wonders, is ***directing*** *human life and all order on earth in general?”*

“Man himself is ***directing*** *it,” Bezdomny hastened to reply angrily to this, to be honest, not very clear question.*

“I’m sorry,” responded the stranger mildly, “in order to be ***directing*** *things, it is necessary, for all that, to have a definite plan for a certain, at least reasonably respectable period of time. Permit me to ask you then, how can man be* ***directing*** *things, if he not only lacks the capacity to draw up any sort of plan even for a laughably short period of time – well, let’s say, for a thousand years or so – but cannot even vouch for his own tomorrow? And indeed,” here the stranger turned to Berlioz, “imagine that you, for example, start* ***directing*** *things,* ***managing*** *both other people and yourself, generally, so to speak, getting a taste for it, and suddenly you have… heh… heh… a lung sarcoma…” <...> “yes, a sarcoma,” narrowing his eyes like a cat, he repeated the sonorous word, “and there’s an end to your* ***directing****! <...> But it could be even worse: a man will have just decided to take a trip to Kis-*

lovodsk," here the foreigner screwed his eyes up at Berlioz, "a trifling matter, it would have seemed, but he can't accomplish even that, since for some unknown reason he'll suddenly go and slip and fall under a tram! Surely you won't say it was he that ***directed*** *himself that way? Isn't it more correct to think that someone else completely* ***dealt*** *with him directly?"* [19].

В переводе М. Гинзбург доминантному глаголу «управлять» соответствует глагол "govern" (5 раз), синонимичному глаголу «распоряжаться» – "manage", кроме того, используются словоформы "management", "managing", "managed". Словоформа «управился» переведена как "had disposed".

Х. Эплин останавливает свой выбор на глаголе "direct", который используется на протяжении всего эпизода, за исключением "managing" в значении «распоряжаться» и "dealt with" в значении «управился».

Выбор соответствий для ключевого глагола «управлять» вносит разные оттенки смысла во фрагмент. Обратимся к словарным дефинициям.

Govern – 1) to control and manage an area, city, or country and its people: rule; 2) to control the way that things happen; 2a) if something governs people or their behaviour, it controls or strongly influences them; 3) to control the way that an organization such as a business or society operates [25: с. 616].

Direct – 1) to aim something at a particular person or thing; 2) to control or organize how a person or group of people does something; 3) (*formal*) to give someone instructions to do something; 4) (*theatre, cinema*) to be in charge of making a film or programme, or getting a play ready for performance, esp. by telling the actors and technical staff what to do; 5) to tell or show someone the way to a place or where to go by giving them instructions or by pointing [25: с. 388].

В каждом значении глагола "govern" присутствует сема «контролировать», при этом контроль носит всеохватывающий характер: управление организацией, территорией, установленным мировым порядком, обществом, людьми, а также влияние, воздействие на них. У читателя этого варианта перевода возникает ощущение, что некая сверхъестественная сила обладает могуществом тотального контроля за всеми сторонами жизни человека. Эта сила определяет жизненный путь человека, не оставляя ему возможности изменить что-либо.

Глагол "direct" имеет сему «контролировать» только в одном из своих значений, и он менее экспрессивен. Его значения включают семы «руководить», «направлять», «указывать», «организовать», «инструктировать». Соответственно меняется восприятие фрагмента: божественная сила предопределяет жизнь человека, сопровождает его на протяжении всей жизни, однако человек не является безучастным лицом в этом процессе. Он может прислушаться к «указаниям» и «инструкциям», а может и пойти своим путем.

Возможно, подобное разночтение объясняется временным промежутком между переводами. Несмотря на консервативность церкви, толкование и восприятие идей Священного Писания обществом и самими священнослужителями изменяется с течением времени. На современном религиозном портале вопрос о предопределении Богом жизни человека комментируется следующим образом: «Библия учит, что судьба человека – это чудесный замысел любящего небесного Отца. Бог дает нам право принять Свой замысел или отвергнуть» [13]. Создается впечатление, что перевод Х. Эплина больше соответствует современному пониманию этого вопроса.

Мотив возмездия. Михаил Берлиоз сурово наказан за свое собственное неверие и за распространение ложных истин.

Христианство учит о загробном бессмертии души и о воскресении тела. Бессмертие души связано в Библии с вопросом о спасении человека. Берлиоз, будучи типичным представителем своего времени, является приверженцем материалистической теории, отрицающей существование души. Его теория, согласно которой существование человека невозможно после его смерти, основывается на, казалось бы, логике и фактах. Воланд, беседуя с отрезанной головой издателя, показывает, насколько тот ошибался:

Все сбылось, не правда ли? – продолжал Воланд, глядя в глаза головы, – голова отрезана женщиной, заседание не состоялось, и живу я в вашей квартире. Это – факт. А факт – самая упрямая в мире вещь. Но теперь нас интересует дальнейшее, а не этот уже свершившийся факт. Вы всегда были горячим проповедником той теории, что по отрезании головы жизнь в человеке прекращается, он превращается в золу и уходит в небытие. Мне приятно сообщить вам, в присутствии моих гостей, хотя они и служат доказательством совсем другой теории, о том, что ваша теория и солидна и остроумна. Впрочем, ведь все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере. Да сбудется же это! Вы уходите в небытие, а мне радостно будет из чаши, в которую вы превращаетесь, выпить за бытие [2: с. 291].

Варианты перевода данного эпизода:

(1) *"Everything has come to pass, hasn't it?" Woland continued, looking into the eyes. "You were beheaded by a woman, the meeting was not held, and I am living in your apartment. That's a fact. And a fact is the most stubborn thing in the world. But now we are interested in something else, and not in the already accomplished fact. You have always been a fervent proponent of the theory that, once a head is severed, man's life ceases, he becomes ashes and sinks into*

nonbeing. I am pleased to inform you, in the presence of my guests–though, indeed, they serve as proof of a very different theory–that your idea is both solidly based and witty. However, one theory, on the whole, is about as good as another. There is even a theory which says that every man will be given according to his belief. May it be fulfilled, then! You will sink into nonbeing, and I shall be delighted to drink from the vessel into which you are transformed–to drink for being!" [18].

(2) *"Everything came true, didn't it?" Woland continued, gazing into the head's eyes. "Your head was cut off by a woman, the meeting didn't take place, and I'm staying in your apartment. That is fact. And fact is the most obstinate thing in the world. But now we're interested in what happens next, and not in this already accomplished fact. You were always an ardent advocate of the theory that upon the severance of the head, life ceases in a man, he turns to ashes and departs into unbeing. It's pleasant for me to inform you, in the presence of my guests, although they actually serve as proof of a quite different theory, that your theory is both well-founded and witty. However, one theory is worth the same as any other. There's even one amongst them, whereby everyone will receive in accordance with his beliefs. Let it come to pass! You depart into unbeing, and I shall take joy in drinking to being from the goblet into which you turn."* [19].

В этом эпизоде писатель противопоставляет материалистическое мировоззрение Берлиоза христианскому учению о том, что вера в Бога дарует человеку вечную жизнь, а неверие ограничивает его жизнь лишь земным существованием, за которым следует «небытие». Вера выступает как нравственная ценность, духовный путь, по которому следует человек на протяжении своей жизни.

Воланд кратко и лаконично перечисляет страшные для издателя, но неоспоримые факты: «голова отрезана женщиной», «заседание не состоялось», «и я живу в вашей квартире». М. Гинзбург передает цепочку фактов, отдавая предпочтение формам страдательного залога "were beheaded", "was not held", подразумевающим вмешательство со стороны другого лица. Возможно, переводчик стремился напомнить читателю спор Берлиоза и Воланда на Патриарших прудах, во время которого сатана объясняет материалистически настроенному издателю, что есть факты, от него никак не зависящие.

Констатировав факты, Воланд обращается к будущему: «Но теперь нас интересует дальнейшее». Фраза важна для понимания смысловой нагрузки эпизода, она отсылает к библейской теории о продолжении жизни после физической смерти человека. Что же будет с Вами дальше, спрашивает Воланд у головы Берлиоза. В первом переводе читаем: "But now we are interested in something else", теряется при этом отсылка к библейскому учению. В переводе Х. Эплина отсылка распознана: "But now we're interested in what happens next".

Булгаков отсылает читателя к Библии как к первоисточнику, включая в монолог Воланда устаревшую, книжную лексику, типичную для текстов религиозного содержания: «сбылось», «горячий проповедник», «по отрезании головы жизнь в человеке прекращается», «уходит в небытие», «бытие», «приятно сообщить», «ваша теория и солидна и остроумна», «сбудется», «чаша». Благодаря этому монолог насыщен эмоциональной информацией, взывает к чувствам читателя, наставляет, поучает. Воланд обращается к присутствующим на балу и к читателю, словно священник к своей пастве. Анализируемый фрагмент очень напоминает проповедь.

Эмоциональное воздействие на читателя достигается также при помощи синтаксических средств: риторического вопроса «Все сбылось, не правда ли?», восклицания «Да сбудется же это!», повтора-подхвата «Это – *факт*. А *факт* – самая упрямая в мире вещь. Но теперь нас интересует дальнейшее, а не этот уже свершившийся факт».

Рассмотрим, насколько заложенный во фрагменте смысл и возвышенный тон переданы в текстах переводов, сохранена ли интенция автора.

У М. Гинзбург лексическая единица «сбылось» переведена устаревшей идиомой с архаичной окраской "has come to pass" – (archaic) to take place [21]; (old use) to happen [20]. Архаичная окраска идиомы задает торжественную атмосферу всему фрагменту. Выбор Х. Эплина – нейтрально окрашенная идиома "come true", не соответствующая стилистике текста.

Риторический вопрос «Все сбылось, не правда ли?» оба переводчика передают формой разделительного вопроса: "Everything has come to pass, hasn't it?" / "Everything came true, didn't it?". Воланд не ждет ответа, отрезанная голова издателя – свидетельство свершившегося факта.

Ключевые контрастные понятия эпизода «бытие – небытие» переведены сходными эквивалентами "being – nonbeing"/ "being – unbeing". Выражению «уходит в небытие» в первом переводе соответствует "sinks into nonbeing" – дословно «кануть в небытие». Возможно, М. Гинзбург стремилась вложить в свой вариант перевода скрытую аллюзию, отсылку на греческую мифологию: "sink into" / «кануть» ассоциируется с выражением "sink into the Lethe" / «кануть в Лету». В древнегреческой мифологии Лета – одна из рек, протекающая в подземном царстве Аида, река забвения. Испив воды из Леты, умерший забывал свою земную жизнь. Таким образом, выражение «кануть в Лету» означает быть совершенно забытым, преданным забвению. Это и есть страшный приговор, наказание Берлиозу и тем, кто запрещает думать, свободно творить, учит

мыслить «правильно» в рамках дозволенной идеологии. У Х. Эплина “departs into unbeing” лишь подчеркивает возвышенный тон приговора.

«*Мне приятно сообщить вам*», – обращается Воланд к Берлиозу. В переводах находим: *“I am pleased to inform you” / “It’s pleasant for me to inform you*”. Выбор единицы inform соответствует официальной торжественной обстановке, Воланд намерен не просто передать информацию, он раскрывает истинное положение дел, объясняет, учит, проповедует библейскую истину.

Сатана продолжает: «…ваша теория и солидна и остроумна». В тексте оригинала Воланд иронизирует, насмехается над мировоззрением Берлиоза, называя его атеистическую теорию солидной, т.е. важной, авторитетной, известной [9: с. 328]. Теория Берлиоза – не результат его личных размышлений и убеждений, за ней стоит авторитет советской идеологии, политики государства. Булгаков вкладывает в слова своего героя личное восприятие.

М. Гинзбург подбирает перевод “solidly based”. Solid – reliable because it is based on facts; the basis for a policy or support for an organization when it is strong, because it has been developed carefully and slowly [21]. Выбор Х. Эплина – прилагательное “well-founded”, которое является вариантным соответствием “solidly based”. Well-founded – based on facts, good reasons, information, judgment, or grounds [25: с. 1627]. В обоих вариантах перевода передается смысловая нагрузка оригинала: вслед за автором переводчики напоминают читателю о формальном подходе к обсуждаемому вопросу: теория Берлиоза основана лишь на фактах, вопрос веры и нравственности исключен.

Восклицание «Да сбудется же это!» обладает высокой эмоциональной окраской. Оно служит кульминацией всего фрагмента. Это страшный приговор Воланда Берлиозу. Эмоциональная окраска достигается использованием устаревшего глагола «сбудется» в значении «случиться, произойти» [9: с. 312].

Кроме того, структура восклицательного предложения, начинающегося с частицы «да», напоминает читателю текст 1-й главы Книги Бытия Ветхого Завета, в которой описывается начало вселенной, акт божественного творения: И сказал Бог: да будет свет. И стал свет (Книга Бытие 1:3) <…>. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды (Книга Бытие 1:6) <…>. Структура аллюзийного предложения подразумевает власть и могущество, которыми наделяет писатель своего персонажа.

Х. Эплин распознает и сохраняет аллюзию: “Let it come to pass!”, воспроизводя ее по каноническому тексту авторитетной Библии короля Якова (King James Version), где божественная воля передается следующим образом: Then God said, "Let there be light"; and there was light (The Book of Genesis 1:3) <…>. And God said, "Let there be a dome in the midst of the waters, and let it separate the waters from the waters" (The Book of Genesis 1:6) [17].

В переводе М. Гинзбург восклицательное предложение “May it be fulfilled, then!” не менее эмоционально. Переводчик начинает фразу с модального глагола, используя структуру, типичную для официальной речи и высокого стиля, и фраза звучит как судебный приговор. Однако аллюзия утеряна.

Провозгласив приговор, Воланд пьет из «чаши», в которую превращается голова Берлиоза. Чаша – старинный сосуд для питья в форме полушария (*истор.*), пиршественный сосуд для вина (*поэт., ритор.*) [9: с. 582]. Как видно из словарной дефиниции, лексема «чаша» относится к разряду исторической лексики и характерна для высокого поэтического стиля. Этот атрибут дополняет торжественную атмосферу эпизода.

М. Гинзбург подбирает соответствие “vessel”.

Vessel – 1) (formal) a curved container that is used to hold liquid; 2. (literary) a person who has a particular quality or who is used for a particular purpose [20]. В словаре Oxford Living Dictionary находим следующую интерпретацию: (chiefly in biblical use) a person regarded as having or embodying a particular quality [23].

Эквивалент “vessel” не только соответствует стилистике оригинала, но и имеет дополнительную коннотацию, отсылку к библейскому тексту. В Библии vessel – сосуд, существо, человек. В библейских текстах лексема используется в словосочетаниях the weaker vessel – (*библ.*) сосуд скудельный, бренное существо; chosen vessel – (*библ.*) избранный сосуд, (божий) избранник; broken vessel – (*библ.*) сосуд разбитый, конченый человек; vessels of wrath – (*библ.*) сосуды гнева; vessels of mercy – (*библ.*) сосуд милосердия [8: с. 662]. Таким образом, для английского читателя перевода М. Гинзбург чаша в руках Воланда не просто старинный изысканный предмет посуды, соответствующий случаю, это все то, что осталось от бренного, прожившего свою жизнь, руководствуясь ложными ценностями, существа, каким является Берлиоз.

У Х. Эплина чаша Воланда – “goblet”. Goblet (*mainly old use*) – a container from which drink, especially wine, is drunk, usually made of glass or metal, and with a stem and a base but no handles [21]. Переводчик передает архаичную тональность оригинала, не привлекая библейских аллюзий.

Особенностью проповеди является использование цитат или скрытых цитат из Священного Писания. Выражение «каждому будет дано по его вере» является отсылкой к высказыванию Христа из Евангелия от Матфея: «по вере вашей да будет вам» (9:29) [1]. В классическом английском тексте: “According to your faith be it unto you” [24].

В этой главе Священного Писания рассказывается об исцелении Иисусом двух слепых людей. Они следовали за Христом, умоляя вернуть им зрение. «Когда же Он [Иисус] пришел в дом, слепые приступили к Нему. И говорит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: ей, Господи!» (9:28) [1]. Он возвратил им зрение. Их вера была искренней, они не сомневались в том, что Иисус может их исцелить. Назвав его «Господом», они признали его божественность.

Этот библейский сюжет может быть истолкован как духовный путь, путь к свету, который возможен только через веру. В романе Берлиоз не смог пройти этот путь, в его жизни отсутствовали духовные искания. Булгаков показывает читателю, что этот персонаж прожил всю свою жизнь во тьме и заблуждении, конец его существования соответствует его убеждениям и образу жизни.

В заключение отметим, что библейский мир играет важную роль в контексте романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», что не могло не найти отражения и в его переводах на английский язык. Но библейские включения не являются простой цитацией. Священное Писание как «центральный текст культуры» [11: с. 39] выступает духовным фоном, сакральным подтекстом романа. Однако в романе традиционный сюжет наполняется новыми смыслами в соответствии с авторским мировоззрением, замыслом романа и его философско-тематическим содержанием. В переводах же библейские мотивы воспроизводятся по тексту романа так, как они прочитываются каждым переводчиком с позиции того, что называется в герменевтике «горизонтом жизненного мира».

В целом между исследуемыми текстами (Библия, оригинал, перевод) складываются преимущественно отношения гомоморфизма, предполагающие подобие и допускающие смысловые изменения, а между исследуемыми переводами – отношения вариативности в выборе переводческих решений.

Временной промежуток, разделяющий анализируемые варианты переводов, является существенным фактором. Для более раннего перевода М. Гинзбург характерна более высокая степень стилизации текста, переводчик в изобилии использует устаревшую, архаичную, книжную лексику, лексику официально-делового стиля для придания торжественности обстановке, убедительности образов героев. Перевод Х. Эплина звучит современнее. Переводчик нередко останавливает свой выбор на лексических единицах, которые приобрели в современном обществе новые оттенки значений, в диалогах чаще используются краткие формы глаголов. Текст перевода доступен современному (часто менее взыскательному) читателю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия Онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bibleonline.ru (дата обращения: 21.08.2017).
2. *Булгаков, М.* Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – Симферополь : Таврия, 1994. – 404 с.
3. *Гак, В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак. – Л. : Просвещение, 1976. – 288 с.
4. *Гак, В.Г.* Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков / В.Г. Гак. – М. : Международные отношения, 1977. – 264 с.
5. *Гарбовский, Н.К.* Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
6. *Комиссаров, В.Н.* Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М. : ЭТСМ, 2002. – 424 с.
7. *Миньяр-Белоручев, Р.К.* Теория и методы перевода / Р.К. Миньяр-Белоручев,. – М. : Московский лицей, 1996. – 298 с.
8. Новый Большой англо-русский словарь. В 3 т. / Ю.Д. Апресян [и др.]. – М. : Рус. яз., 1998. – 832 с.
9. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 21-е изд. – М. : Мир и Образование, Оникс, 2011. – 736 с.
10. *Рецкер, Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я.И. Рецкер. – М. : Auditoria, 2016. – 244 с.
11. *Снитко, Т.Н.* Встреча культур и языков в переводе / Т.Н. Снитко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2009. – № 1. – С. 37–47.
12. *Степанов, Ю.С.* Французская стилистика (в сравнении с русской) / Ю.С. Степанов. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 359 с.
13. Твоя Библия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bible.com.ua/ (дата обращения: 01.08.2017).
14. *Федоров, А.В.* Очерки общей и сопоставительной стилистики / А.В. Федоров. – М. : Высш. шк., 1971. – 196 с.
15. *Швейцер, А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.
16. *Шрейдер, Ю.А.* Смысл [Электронный ресурс] / Ю.А. Шрейдер // Новая философская энциклопедия. – М. : Мысль, 2000. – Т. 3. – С. 576–577. – Режим доступа: http://fege.narod.ru/termini/schreider.htm (дата обращения: 13.10.2017).
17. Book of Genesis [Electronic resource]. – URL: http://www.vatican.va/archive/bible/genesis (accessed: 21.07.2017).
18. *Bulgakov, M.* The Master and Margarita / M. Bulgakov // Translated from the Russian by Mirra Ginsburg. – New York : Grove Press, 1967. – 402 p.
19. *Bulgakov, M.* The Master and Margarita / M. Bulgakov // Translated from the Russian by Hugh Aplin. – Alma Classics Ltd, 2008. – 432 p.
20. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – URL: http://dictionary.cambridge.org/ru (accessed: 21.07.2017).
21. Collins English Dictionary [Electronic resource]. – URL: http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english (accessed: 21.07.2017).
22. Difference Between Person and Individual [Electronic resource]. – URL: http://www.differencebetween.com/ difference-between-person-and-vs-individual (accessed: 10.08.2017).
23. English Oxford Living Dictionaries [Electronic resource]. – URL: https://en.oxforddictionaries.com (accessed: 18.08.2017).
24. King James Bible Online [Electronic resource]. – URL: https://www.kingjamesbibleonline (accessed: 24.08.2017).
25. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners: International Student Edition. – London : Macmillan Education, 2002. – 1744 p.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ И ПЕРЕВОД

К.Я. Авербух

Авербух Константин Яковлевич – доктор филологических наук, профессор кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Контактный адрес: averkon@yandex.ru

Рассматриваются некоторые достижения современного терминоведения в аспекте их применения для решения переводческих проблем. Предлагается вариологическая концепция термина как единицы перевода.

Ключевые слова: терминология, терминолексика, перевод, вариантность, денотат, сигнификат, знак, инвариант, синоним, омоним.

Современная прикладная лингвистика – одна из самых разветвленных и многоаспектных научных дисциплин и областей деятельности. Среди них терминоведение занимает особое, систематизирующее место, ибо терминология играет (в особенности в сфере профессиональной коммуникации) главенствующую роль, являясь семантическим ядром специальных текстов.

Научно-технический перевод во все времена противостоял художественному, однако лишь после того как терминологическая наука обогатилась теорией подъязыков науки и техники, а национальный язык подвергся стратификации на общелитературный язык и многочисленные языки для специальных целей, эта дифференциация приняла эксплицитные формы. Стало принято говорить об общелитературном языке (LGP) и языках для специальных (специфических) целей (LSP).

Кроме того, исследовательская парадигма постоянно обогащается (см., например, работу Т.Н. Снитко «Встреча культур и языков в переводе», где в эксплицитной форме развивается культурологический аспект переводоведения [7]).

Прежде чем обсуждать проблематику перевода, в особенности научно-технического перевода, имеет смысл уточнить некоторые основополагающие понятия, находящиеся на стыке терминологии, терминографии и переводоведения.

Достижения современной терминологической науки, думается, на новом этапе взаимодействия с теорией переводоведения могут способствовать не только уточнению, но в ряде случаев и теоретико-методологическому обоснованию деятельности переводчика.

Вначале определимся с терминами.

Терминология и терминолексика. Термины «терминологическая лексика (терминолексика)» и «терминология» повсеместно используются как дублетные наименования. Между тем анализ показывает, что выражаемые ими понятия не только не тождественны, но едва ли не являются взаимоисключающими.

В сфере действия литературного языка используется лексика, зафиксированная (и тем самым нормированная) в различных словарях современного литературного языка; в сфере специального общения основную смысловую нагрузку несет терминология, сфера фиксации которой – многочисленные отраслевые словари, стандарты и сборники рекомендуемых терминов.

Мы живем в век информации, когда достижения современных науки, техники, производства, спорта и многих других областей деятельности становятся достоянием широчайших слоев общества. Благодаря средствам массовой информации мы постоянно получаем все более новые сведения не только о политике, но и об авиации и космонавтике, сельском хозяйстве и промышленности, изобретениях и открытиях, культуре и медицине и т.д. Сообщения о политических событиях и достижениях в области культуры, не говоря уж об общественно значимой информации из научно-технической сферы, не могут обойтись без некоего минимума специальных слов (терминов), называющих новые реалии.

Вряд ли кто-то станет возражать против утверждения, что в литературном языке функционируют термины; достаточно вспомнить, что один из разделов лексикологии посвящен именно терминологической лексике. Но те ли это термины? И можно ли поставить знак равенства между термином в LSP и термином в LGP, даже если они совпадают как фонетическое слово (номема)? Таким образом, мы подошли к проблеме различения «термин в специальной (профессиональной) сфере использования – термин в общелитературном окружении», или, другими словами, дифференциации «терминология – терминологическая лексика (терминолексика)».

Начнем с констатации достаточно известной истины: далеко не все термины специальной сферы использования входят в литературный язык, а лишь те немногие, которые выражают понятия, преодолевшие профессиональную ограниченность и приобретшие с течением времени общечеловеческую значимость. Упомянем в этом смысле, например, терминологию современной космонавтики: *ракета, космонавт, астронавт, прилунение* и т.д. Дальнейшее освоение подобных понятий, связанное с более глубоким проникновением в их суть, остается прерогативой специалистов, общеязыковая же сфера, как правило, ограничивается лишь констатацией того или иного факта научной или другой сферы профессиональной деятельности либо регистрацией с помощью средств номинации определенного социально осознанного феномена. Именно поэтому термины общеязыковой сферы, как правило, однословны, а содержащие более одной словесной позиции – либо «фразеологического происхождения» (*железная дорога, роза ветров*), либо воспринимаются скорее как сочетание лексических единиц (*летчик-космонавт, ракета-носитель, космический корабль, открытый космос*). Очевидно, именно здесь находятся истоки той традиции, в соответствии с которой термин в течение долгого времени рассматривался как однословная лексическая единица и сообразно этому описывался в сфере фиксации.

Еще одним аргументом в пользу различения терминологии и терминолексики, а также подтверждением весьма ограниченного вхождения терминов в литературный язык может послужить их количественное сопоставление: общеизвестно, что количество терминов в LSP исчисляется миллионами, тогда как наиболее полное собрание лексики, например, современного русского литературного языка немногим превышает 160 тысяч лексических единиц.

Множество лексических единиц и множество единиц номинации национального языка – лишь частично пересекающиеся множества: далеко не все лексические единицы являются единицами номинации (например, междометия ничего не называют); с другой стороны, едва ли не большая часть единиц номинации не может быть в собственном смысле охарактеризована как лексическая единица, так как содержит в своем составе более одной словесной позиции. Квалифицировать многословные термины как фразеологические единицы, относя их в разряд так называемой неидиоматической фразеологии, в принципе можно, это подчеркнет особую связанность терминологических словосочетаний и цельность их номинации.

Однако в данном случае это никак не продвинет нас в определении их статуса как единицы описания, ибо принципы описания фразеологизмов существенно отличаются от сложившихся традиций описания единиц номинации в терминологических словарях (особенно системного типа). Понятие «терминолексика» правомерно лишь для однословных терминов, а потому использовать его в специальной сфере нецелесообразно и, скорее всего, следует ориентироваться на дихотомию: терминолексика литературного языка – терминология языков для специальных целей.

Рассмотрим еще одно весомое различие термина LGP и термина LSP в отношении к системности. Общепризнанной и едва ли не хрестоматийной является точка зрения на терминологию как, безусловно, системный объект. Утверждается, что термин существует лишь постольку, поскольку является членом этой системы, этой совокупности. Но данное утверждение справедливо лишь для термина в LSP, так как терминология, членом которой он является, изоморфно отображает систему понятий данной предметной области.

Любой из видов терминологической деятельности от простого описания до упорядочения и стандартизации неизбежно предполагает построение некой классификации понятий, ибо без нее невозможно установление ни родовидовых связей, столь необходимых при формулировании определений, ни осмысления всей иерархии и структуры предметной области.

Что же касается термина в LGP, то он свойством системности не обладает. О его системности можно говорить, лишь исходя из системности окружающего нас мира, но это совсем другой уровень осмысления системности.

Будучи членом определенной терминологической системы, термин в LSP, как правило, многосоставен, т.е. насчитывает в своем составе более чем одну словесную позицию, ибо не может не быть оснащен атрибутами, определяющими его координаты в классификационной иерархии. Исключение может составлять только очень ограниченное число терминов, представляющих понятия самых высоких уровней классификации. В свою очередь, в LGP термин почти всегда однословен, поскольку в общеязыковом общении нам важно, например, что мы летим на самолете, и, как правило, безразлично, что это – *пассажирский турбореактивный четырехмоторный самолет* и т.д.

Итак, с учетом отмеченной дифференциации «терминология – терминолексика» мы можем утверждать, что терминолексика в общелитературном языке являет собой ту же самую единицу перевода, что и слово.

Термин как единица перевода. Начнем с того, что трактовок понятия «термин» великое множество, и дабы не уходить в сторону от решения основной задачи, возьмем наиболее ортодоксальное определение этой единицы номинации, данное в

свое время Б.Н. Головиным: термин – это «…слово или словосочетание (образованное на базе подчинительных связей), имеющее профессиональное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие, которое применяется в процессе (и для) познания и освоения некоторого круга объектов и отношений между ними – под углом зрения определенной профессии» [3: с. 52].

Добавим к этому, что ближайший род в дефиниции «слово или словосочетание…» при детальном рассмотрении в подавляющем числе случаев оказывается словосочетанием. Действительно, как показали результаты лингвостатистических исследований (Авербух, Кобрин, Гринев и др.) текстов по химическому машиностроению, ядерной физике, строительству, медицине и т.д., термины в них функционируют в виде более чем однословных единиц номинации, которых насчитывается 90–95 % от всего числа зафиксированных в тексте. А если вспомнить о повсеместном действии закона языковой экономии в специальной сфере, то этот процент возрастает еще больше.

Таким образом, термин как единица перевода предстает словосочетанием/словом, характеризующимся цельностью номинации и устойчивой воспроизводимостью, а с учетом того, что вариативность – это форма существования всего сущего, в том числе и лингвистических единиц, имеет смысл проанализировать вопрос об их вариологической сущности. Нельзя не отметить, что в последние десятилетия спектр использования вариологических методик в лингвистике необычайно расширился (см., например, [4]).

Если рассматривать каждый из реально функционирующих в речи представителей класса однородных предметов как **вариан**т некоторого термина, то обобщенное представление обо всем классе этих единиц будет **инвариантом**.

Языкознание – языковедение – лингвистика – варианты одного (!) термина, инвариантом которого является понятие «наука о языке». Важно понимать, что вариант и инвариант – негомогенные объекты, вариант – материален, инвариант – идеален.

Лексическая и терминологическая вариантность. При исследовании явления терминологической вариантности следует иметь в виду, что к языковым фактам может быть два подхода: физический (субстанциональный) и функциональный. При функциональном варьировании «…диапазон варьирования лексических единиц значительно расширяется: в качестве лексических позиционных вариантов предстанут не только однокоренные слова с разными, но омосемичными суффиксами (*лиса – лисица, зал – зала – зало*), а в равной степени и разнокоренные слова (т.е. слова с совершенно разными означаемыми), которые до сих пор никто не признавал вариантами (*языкознание – языковедение – лингвистика*)» [2: с. 36–37].

Термин же – понятие функциональное, и естественным в этой связи представляется функциональный подход к исследованию вариантности термина, ибо именно установление тождества функций у сопоставляемых единиц номинации является необходимым и достаточным для констатации отношений вариантности между ними, хотя это не исключает возможности применения и физического подхода к изучению терминологической вариантности, который, кстати, до настоящего времени использовался даже чаще.

Исходя из того, что функция термина – быть знаком профессионального понятия, инвариантом для ряда вариантов термина, различающихся в плане выражения, будет план содержания, точнее та его часть, которая соотносится с выражаемым понятием (сигнификатом).

Специфика терминологической вариантности обусловлена различиями между словом – единицей субстанциональной и термином – единицей функциональной. И если для слова варьирование его знаковой формы возможно в пределах тождества самой себе (ноль – нуль), то для термина возможности варьирования плана его выражения богаче и шире, они (эти возможности) ограничены лишь способностью выражать то же самое понятие (архитектор – зодчий, пестициды – средства защиты растений). Только в том случае, когда выражаемое варьирующейся единицей понятие становится отличным от функционально обусловленного, можно говорить о появлении нового термина – функционально иной единицы номинации.

В общеязыковой сфере различающиеся знаки (синонимы) имеют все-таки разные (хотя и близкие) значения, а омонимичные знаки приобретают каждый иную дистрибуцию.

Что же касается терминов, у которых различается сфера фиксации (словари, терминологические стандарты) и сфера функционирования (реальные тексты), где термины вплетаются в общеязыковое окружение, то для описания различающихся знаков, выражающих тождественные понятия, потребовалось введение понятия дублетности (абсолютной синонимии), а термины-омонимы в одном контексте, как правило, не встречаются.

Если говорить о сфере фиксации терминов, то в ней с помощью целого ряда приемов, успешно освоенных современной терминографией, устраняются и синонимия, и полисемия, и омонимия терминов.

Как уже было отмечено, вариантность поразному реализуется в общеязыковой и специальной сферах: слово как двусторонняя сущность, имеющая свои план содержания и план выражения, в качестве инварианта имеет двустороннюю аб-

стракцию, **лексему**. Лексема, таким образом, – это абстрактная сущность, репрезентирующая данный план содержания и всю совокупность единиц плана выражения, находящихся в отношениях физической вариантности, не исключая при этом все словоизменительные формы (*ноль – нуль, зал – зала – зало, лиса – лисица, электрОфикация – электрИфикация* и т.п.). Для общеязыкового слова в процессе номинации план содержания един и неделим. Обозначение предмета и выражение понятия о классе подобных предметов совмещается в слове как лексико-семантическое единство.

Что же касается термина, то у него практически все иначе. Во-первых, у термина качественно другой инвариант – это идеальная (нематериальная) сущность – сигнификат данной единицы номинации. Доминантой в процессе терминологической номинации выступает понятийная соотнесенность термина, ибо обозначаемые им реалии науки, техники, производства, искусства могут рассматриваться под совершенно разными углами зрения, с позиций разных наук и взглядов научных школ. Например, химическое вещество «метан» может быть названо *горючим газом, бытовым газом*, поскольку используется в домашних газовых плитах, *болотным газом* (так как скапливается в болотах), но все эти термины, обозначающие один денотат, не являются взаимозаменимыми, так как выражают разные понятия (сигнификаты). Они, как правило, используются в разных, хоть и сопредельных областях деятельности и в различных контекстах, и, следовательно, не связаны отношениями вариантности.

Какова же причина, каков внутренний механизм варьирования терминов? На наш взгляд, таких причин, по крайней мере, две:

1) языку, в том числе и специальному, внутренне присуще варьирование – важный фактор в развитии языка, в процессе которого продуцируются новые речевые единицы, ассимилирующиеся в конкретном знаковом окружении и постепенно становящиеся фактами языка. Это причина парадигматической вариантности;

2) в языке действует принцип экономии усилий, языку присуща лапидарность. Это причина синтагматической вариантности.

Парадигматические отношения – это, как известно, отношения между языковыми единицами, могущими занять место друг друга в одной и той же позиции. В немногочисленных опубликованных до последнего времени работах, посвященных проблеме парадигматической вариантности терминов (см., например, [5; 6]), не все представляется бесспорным с позиций вариологии.

Что прежде всего обращает на себя внимание в сфере парадигматической вариантности?

С нашей точки зрения, это индуктивный подход к ее изучению, когда исследователь идет от частных проявлений вариантности. При этом в поле его зрения оказываются, как правило, лишь традиционные, общепринятые и выступающие в наиболее очевидной форме проявления вариантности. Полную их картину можно, как нам кажется, создать, лишь идя дедуктивным путем от общего к частному, исследуя все логические возможности варьирования.

Следуя идее семантического треугольника, разложим на составляющие знак специальной сферы использования, проанализируем условия появления различных комбинаций этих составляющих и определим их (комбинаций) лингвистический статус.

Итак, в плане выражения термин – знак (фонетическое слово, номема), в плане содержания он обозначает некоторый объект (денотат) и выражает понятие о нем (сигнификат).

Как отмечалось раннее, инвариантом для определенного парадигматического ряда является значение (сигнификат). А теперь попытаемся определить лингвистический статус вариантов номинативных единиц, появившихся в результате изменения знака (фонетического слова) и предметной соотнесенности (денотата) при стабильном сигнификате. С другой стороны, имеет смысл определить также и лингвистический статус единиц номинации, не являющихся вариантами (по причине различающихся сигнификатов у сопоставляемых терминов, поскольку эти единицы должны быть четко противопоставлены вариантам).

Сразу же исключим из рассмотрения как тривиальные и достаточно очевидные комбинации: первую (когда у терминов сигнификат, денотат и материальный знак совпадают, т.е. единица номинации тождественна самой себе) и последнюю (когда все три характеристики терминов различны, т.е. отсутствует базовый показатель для сопоставления, чему в сфере специальной номинации соответствуют два совершенно разных термина различных терминосистем). Отметим также, что в данном случае для наглядности взяты примеры с однословными терминами, хотя все дальнейшие рассуждения могут быть экстраполированы и на любой n-словный термин.

Как видно из таблицы, в качестве вариантов термина могут рассматриваться только вторая, третья и четвертая комбинации: абсолютные синонимы (дублеты), а также синонимы и омонимы по сигнификату, т.е. только эти номинативные единицы могут выступать в специальной сфере вариантными названиями конкретного профессионального понятия (остальные – функционально различающиеся термины).

Самой очевидной и простой по критериям выделения среди других групп терминов-вариантов

является группа номинативных единиц, которые лингвисты называют абсолютными синонимами, а терминологи стали именовать дублетами. Характерным для дублетов является то, что они идентичны по своим денотату и сигнификату, а знаки (фонетические слова) этих терминов различны, например, правописание – орфография, шнек – червяк, рукопись – манускрипт. Как видно из примеров, основным условием появления дублетов является сосуществование в языке исконных и заимствованных терминов. Возможность параллельного функционирования дублетов в тексте общеизвестна и давно утверждена практикой.

Таблица

Варьирование составляющих знака специальной сферы номинации

№ п/п	Характеристики терминов*			Лингвистический статус терминов	Пример терминов
	Сигнификаты	Денотаты	Знаки (номемы)		
1	=[11]	=	=	Тождественные термины	–
2	=	=	≠	Абсолютные синонимы (дублеты)	Языкознание – лингвистика, шнек – червяк
3	=	≠	≠	Синонимы по сигнификату	Прогностика – футурология, лексика – словарь
4	=	≠	=	Омонимы по сигнификату	Память – память (ЭВМ), гусеница – гусеница (танка)
5	≠	=	=	Омонимы по денотату	Гидроэлектростанция (энерг. и гидротехн.), религия (церк. и атеист.)
6	≠	≠	=	Полные омонимы	Морфология (естеств. и лингв.), операция (воен., банк., медиц.)
7	≠	=	≠	Синонимы по денотату (эквиваленты)	Метан – болотный газ, укол – инъекция
8	≠	≠	≠	Абсолютно разные термины	–

Еще одну разновидность дублетов (абсолютных синонимов) дают нам предметные области, в которых сосуществуют две системы обозначения реалий: словесная и символическая (*вода – H_2O, медь – Cu, градус Цельсия – °C, длина – L, масса – M, процент – %, промилле – ‰*). Это явление не может быть описано с позиций традиционной общеязыковой синонимии, ибо это следствие многовекового развития **дублетных** систем номинации, обозначающих одну и ту же систему понятий в рамках одного подъязыка. Появление, развитие и успешное сосуществование дублетных систем номинации вызвано настоятельной необходимостью в компактном представлении информации. Обычно принято считать, что принцип экономии усилий действует в процессе коммуникации, а в данном случае можно думать, что он начал действовать на докоммуникативном уровне в сфере номинации, на парадигматическом уровне. Выбор способа номинации: железо или Fe представляется едва ли не вкусовым, а выбор способа представления того или иного уравнения реакции в органической химии будет обусловлен принципом экономии, ибо несопоставимы для химика по объему и времени, затраченному на написание, строчка уравнения и две страницы его словесного описания.

В вопросе о праве дублетов на параллельное существование в текстах нет единой точки зрения, статус дублетов-символов, думается, – еще один аргумент в пользу возможного их сосуществования в языках науки и техники.

Вторая группа терминов-вариантов – так называемые синонимы по сигнификату, т.е. лексические единицы, у которых при совпадающем сигнификативном значении различны и знаки, и обозначаемые реалии (денотаты), например, *прогностика – футорология, война – вооруженный конфликт, религия – вера*. Синонимы по сигнификату часто параллельно используются в публицистике и научно-популярной литературе как взаимозаменимые наименования. Что же касается использования их в научной литературе, то это обязывает говорящего или пишущего прибегать к каждому из терминов дифференцированно в зависимости от обозначаемого денотата. Так, прогностика – это наука о методах исследования тенденций развития тех или иных объектов, а футурология – наука о будущем (о чем говорит и этимология этого термина). Но вследствие заметного сходства в методах и результатах исследований представляется возможным параллельное их использование при условии некоторого **метонимического** переосмысления привлеченного термина.

В основе синонимии по сигнификату лежит метонимия, возникающая в результате ассоциаций по смежности одного из компонентов синонимической пары (или ряда), например, *лексика – словарь* (нетрадиционное использование термина *словарь*: ассоциация «одно в другом»); *пища – стол* (нетрадиционное использование термина *стол*: ассоциация «одно на другом»); *конфигурация* (*крыла*) *– геомет-*

* В графе с соответствующей характеристикой ставится знак =, если данная характеристика у сопоставляемых терминов совпадает, и знак ≠ в случае их несовпадения. Однако констатировать несовпадение или совпадение сигнификатов (а в ряде случаев, и денотатов) можно весьма относительно, поскольку в условиях реального функционирования их = или ≠, как правило, явления переходные.

рия (*крыла*) (нетрадиционное использование термина геометрия: ассоциация «отрасль знания – объект знания»). Ср. также многочисленные случаи совпадения (полного или частичного) выражаемых понятий у терминов, соотносимых с разными реалиями (*космонавт – астронавт, предприятие – фирма*).

Третья группа терминов-вариантов – омонимы по сигнификату, лексические единицы, принадлежность которых к вариантам обеспечивается идентичностью их сигнификатов, а принадлежность к омонимам – тождеством их знаковой формы. Различаются они лишь обозначаемым денотатом. Примеров подобного рода в специальной сфере более чем достаточно: *память – память (ЭВМ), гусеница – гусеница (танка), ножка – ножка (мебели), стакан – стакан (деталь)* и т.п. В основе явления омонимии по сигнификату в сфере терминов лежит **метафорическое** переосмысление, связанное с переносом наименования с одного предмета на другой на основе сходства объектов. Омонимы по сигнификату в одном контексте практически не используются.

Такова группа терминов-вариантов.

Несомненный интерес представляет также предпринятое в работе [1] исследование трех оставшихся в таблице комбинаций, не являющихся вариантами в собственном смысле. Однако это предмет отдельного рассмотрения.

Как явствует из таблицы, все логические возможности варьирования составляющих знака специальной сферы могут быть описаны весьма компактно и унифицированно в терминах всего лишь двух лексико-семантических явлений: синонимии и омонимии. Этот вывод согласуется с тезисом Ю.С. Степанова о том, что омонимия и синонимия – две оси в системе языка [8: с. 34–37].

И, наконец, синтагматическая вариантность. Если полагать, что синтагматические отношения – это «отношения по горизонтали», то в сферу синтагматической вариантности попадают явления варьирования физической, «горизонтальной» протяженности единиц номинации и все случаи замещения терминов нетерминологическими единицами: дейктическими словами и перифразами, т.е. специфически речевые проявления вариантности.

Действующий в языке закон экономии есть основная причина синтагматической вариантности, материальные проявления которой – эллипсис, аббревиация и различные неязыковые приемы сокращения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авербух, К.Я.* Общая теория термина / К.Я. Авербух. – М. : Изд-во МГОУ, 2006. – 252 с.

2. *Бережан, С.Г.* К проблеме лексической вариантности / С.Г. Бережан // Вариантность как свойство языковой системы. – М. : Институт востоковедения АН СССР, 1982. – С. 36–37.

3. *Головин, Б.Н.* О некоторых проблемах изучения терминов / Б.Н. Головин // Вестник МГУ. – 1972. – № 5. – С. 64–67. – (Сер. 10. Филология).

4. *Д'Анджело, Дж.* Японский вариант английского языка? Направляя дискуссию в новое русло / Джеймс Д'Анджело // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2 (42). – С. 32–43.

5. *Даниленко, В.П.* Русская терминология: Опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 248 с.

6. *Лейчик, В.М.* Термины – синонимы, дублеты, варианты, эквиваленты / В.М. Лейчик // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования / отв. ред. К.А. Тимофеев. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1973. – С. 103–107.

7. *Снитко, Т.Н.* Встреча культур и языков в переводе / Т.Н. Снитко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2009. – № 1 (21). – С. 36–46.

8. *Степанов, Ю.С.* Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.

ОСТОРОЖНО – ТЕРМИН: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Г.Н. Ловцевич

А.С. Трифонов

Ловцевич Галина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: glovtsev@yandex.ru

Трифонов Александр Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: al.s.trifonov@gmail.com

Статья является частью более широкого исследования по формированию микроструктуры учебного переводного терминологического словаря и посвящена проблеме переводной эквивалентности терминов гуманитарных наук в межкультурной профессиональной коммуникации. Обнаружено наличие трех типов эквивалентов между терминами экологического права Канады и Российской Федерации, требующих дифференцированного подхода при переводе.

Ключевые слова: межкультурная профессиональная коммуникация, перевод терминов, терминологическая эквивалентность, полные эквиваленты, частичные эквиваленты, безэквивалентные терминологические единицы.

Профессиональная межкультурная коммуникация в области гуманитарных наук являет собой особую сложность, суть которой кроется в глубоких различиях пространственно-географического и национально-исторического характера. Тот факт, что научные традиции и понятийный аппарат гуманитарных наук в течение долгого времени развиваются в социокультурно и географически ограниченном ареале, обусловливает присутствие в них четко выраженной национальной специфики, полностью или частично незнакомой носителям других лингвокультур и представляющей собой сложность в межкультурной профессиональной коммуникации. Все это приводит к тому, что при переводе терминов данной области знания приходится сталкиваться не столько с необходимостью подбора верных эквивалентов между разноязычными терминами, сколько решать задачу устранения неоднозначного или неверного понимания иноязычного термина [3; 4; 9]. Вследствие того, что в фокусе внимания социальных наук оказывается политическое, правовое, экономическое и государственное устройство определенного общества в определенный исторический момент, некоторые исследователи считают недостижимым однозначное соответствие между разноязычными терминами. Особенно показательной в этом отношении является терминология права, которая состоит из терминов, связанных с определенной национально-правовой системой и культурой. По этой причине хорватский терминовед С. Шарцевич оспаривает традиционную практику составления переводных словарей [10].

Объектом рассмотрения в предлагаемой статье является частный случай терминологии гуманитарных наук – термины экологического права Канады и их интерпретация в словарной статье для российских специалистов по экологическому праву. Необходимо отметить, что наличие двух составляющих – экологии и юриспруденции – оказывает влияние на особенности исследуемой терминологии. Так, экологические термины обозначают объективно существующие предметы, встречающиеся в любой части света, что позволяет нам говорить об их универсальном характере: *contaminated site / загрязненный участок, waste disposal facility / полигон для хранения отходов*. Юридические же термины несут в себе специфические национальные особенности канадского социокультурного ареала: *municipal services corporation / коммунальное предприятие, unitization order / приказ о юнитизации*. Вышесказанное позволяет нам говорить о существовании трех типов переводных эквивалентов терминов экологического права Канады и Российской Федерации – полных эквивалентов, неполных эквивалентов и безэквивалентных терминологических единиц. Кроме того, такие экологические международные соглашения, как «Конвенция о биологическом разнообразии» [1], делают возможным существование полных эквивалентов. В подобном документе стандартизируются основные понятия, например: *biological diversity / биологическое разнообразие, sustainable development / устойчивое развитие*.

Очевидно, перевод англоязычных терминов канадского экологического права на русский язык не мыслится без межъязыкового сопоставления терминов экологического права Канады и Российской Федерации, являющегося центральным понятием сопоставительной лингвистики. В настоящей статье предлагается сопоставление англоязычных и русскоязычных терминов экологического права по признаку различия формы и содержания в двух языках и выявление степени эквивалентности терминов. Выявление степени терминологической эквивалентности осуществляется на основании дефиниционного анализа англо- и русскоязычных терминов, отобранных из законодательных актов экологического права Канады и Российской Федерации.

Основываясь на различных классификациях степеней эквивалентности лексики [2; 3; 5], под полными эквивалентами мы понимаем две разновидности переводных эквивалентов. В первом случае одной единице в исходном языке соответствует лишь одна единица в языке сопоставления; в таком случае лексические единицы, принадлежащие к полным эквивалентам, не обладают синонимическими рядами между сравниваемыми языками: *agricultural operation – сельскохозяйственное производство, adverse effect – негативное воздействие, cutting permit – лесорубочный билет, fur-bearing animal – пушной зверь, sustainable development – устойчивое развитие*. Другая разновидность полных эквивалентов характеризуется тем, что единице исходного языка соответствуют несколько единиц в языке сопоставления: *air contaminant – загрязнитель воздуха, вредное вещество в атмосфере, загрязняющее вещество в атмосфере; air pollution – загрязнение воздуха, загрязнение атмосферного воздуха, атмосферное загрязнение; processing – обработка, переработка*.

На наш взгляд, полные эквиваленты представляют наименьшую сложность для русскоязычных пользователей, поскольку здесь речь идет лишь о переводе англоязычного термина на русский язык. С понятийной точки зрения отношения полной эквивалентности характеризуются отсутствием каких-либо социокультурно обусловленных различий, и словарные статьи таких терминов не содержат информации о несовпадении значений таких терминов. В словарной статье мы предлагаем обозначить полную эквивалентность знаком равенства:

air pollution = загрязнение воздуха, загрязнение атмосферного воздуха, атмосферное загрязнение.

Однако совершенно очевидно, что наибольшую проблему при переводе терминов экологического права Канады представляют термины, не совпадающие по значению с русскоязычными терминами, а также термины, обозначающие понятия, которые отсутствуют в терминосистеме российского экологического права. В настоящей статье неполные эквиваленты трактуются нами как две лексические единицы, обладающие идентичным содержанием при том, что одна из них обладает одним или несколькими дополнительными свойствами [10]. Данная группа терминов также представляет собой распространенный случай при сопоставлении терминов экологического права Канады с русскоязычными терминами. В случае с неполными эквивалентами речь уже идет о социокультурно обусловленных различиях семантики, когда значения двух терминов обладают схожим, но не идентичным содержанием. При этом дополнительной особенностью неполных эквивалентов является регулярная воспроизводимость в процессе перевода. Данное утверждение возможно проиллюстрировать с помощью определений терминов adverse effect и «негативное воздействие на окружающую среду», отобранных на материале следующих правовых актов – «Environmental Protection and Enhancement Act» (Alberta) [7] и Федерального закона «Об охране окружающей среды» [6]:

Environmental Protection and Enhancement Act (Alberta)

«adverse effect» means impairment of or damage to the environment, human health or safety or property

Федеральный закон об охране окружающей среды

«негативное воздействие на окружающую среду» – воздействие хозяйственной и иной деятельности, последствия которой приводят к негативным изменениям качества окружающей среды.

Характер отношений эквивалентности между данными терминами позволяет судить о том, что частичное совпадение их значений в английском и русском языках заключается в описании общего характера явления – вреда, оказываемого человеком на окружающую среду. В то же время мы обращаем внимание на несовпадение значений, состоящее в том, что а) в определении англоязычного термина более широко обозначается круг объектов, на которые оказывается негативное воздействие, который, помимо нематериальных ценностей, включает здоровье человека и б) в определении русскоязычного термина дается несколько более подробное указание на характер воздействия на окружающую среду.

В случае с терминами – неполными эквивалентами необходим анализ дефиниций терминов, представленных в законодательных актах обеих стран. Важность подобного анализа состоит в большей сложности подобных терминов для русскоязычного специалиста по экологическому праву, что обусловлено социокультурным контекстом. Особая сложность данной категории терминов, на наш взгляд, заключается в том, что пользователь терминологического словаря, не знакомый в достаточной мере с

особенностями внешнего по отношению к нему лингво- и социокультурного ареала, может а) выбирать неверный терминологический эквивалент в процессе перевода или б) строить неточные или неверные предположения о значении английского термина с позиции своего социокультурного ареала.

Ярким случаем неполной эквивалентности в рамках экологического права Канады является термин *non-municipal year-round residential drinking water system* [8], имеющий в русском языке неполные эквиваленты *автономный водопровод и частный водопровод*. Данный термин в канадском экологическом праве интерпретируется следующим образом:

система подачи питьевой воды, в течение года безостановочно осуществляющая подачу воды в объекты жилой застройки, в составе которых не менее шести частных домовладений (таких как многоэтажное жилое здание, земельный участок в личном пользовании, кондоминиум, малоэтажный жилой дом, стоянка жилых полуприцепов) или трейлерный парк, в течение всего года обеспечивающий водой не менее шести других мобильных жилых объектов посредством водопроводной сети[1].

Русскоязычные термины *автономный водопровод и частный водопровод* так же, как и англоязычный *термин non-municipal year-round residential drinking water system*, противопоставляются термину *городской* (*муниципальный*) *водопровод* и имеют значение «система подачи воды, организованная на жилом участке при отсутствии подключения к централизованному водопроводу». Общим признаком у англо- и русскоязычных терминов является то, что они обозначают систему подачи воды, независимую от системы центрального водопровода. Однако русскоязычные термины *автономный водопровод* и *частный водопровод* отличаются от их англоязычного эквивалента по следующим признакам: а) осуществляется подача воды лишь для одного жилого участка и б) осуществляется подача не только питьевой воды, но и технической воды для бытовых целей. Для разъяснения названных различий в зоне комментария словарной статьи указываются различия значений данных терминов и там, где это возможно, чем они обусловлены. В случае с сопоставляемыми терминами, между которыми существуют отношения неполной эквивалентности, на примере термина *non-municipal year-round residential drinking water system* мы предоставляем возможные соответствия данного термина в русском языке, снабдив их пометой приблизительного равенства ≈ , означающей, что значения данных терминов могут совпадать лишь частично. Особенности значения данного термина и сравнение его со схожими русскоязычными терминами реализуются в зоне комментария словарной статьи:

non-municipal year-round residential drinking water system ≈ автономный водопровод, частный водопровод.

! Общей чертой между термином «non-municipal year-round residential drinking water system» и его русскоязычными соответствиями «автономный водопровод» и «частный водопровод» является то, что они используются для обозначения системы водопровода, функционирующей независимо от системы городского водопровода и обслуживающей частные владения. Однако термин «non-municipal year-round residential drinking water system» обозначает систему частного водопровода, используемую только для обеспечения доступа к питьевой воде объектов жилой застройки, включающих в себя не более шести частных домовладений, либо трейлерный парк, обеспечивающий доступ к воде не менее шести другим объектам. Данные термины в экологическом праве Российской Федерации используются для обозначения системы водопровода, обслуживающей единичное частное владение и предоставляющей доступ как к питьевой, так и к технической воде.

В качестве безэквивалентных терминологических единиц (в числе которых рассматриваются как термины, так и номены, составляющие значительную долю эквивалентов данного типа), представленных в текстах экологического права Канады, можно назвать термины *irrigation district* и *provincial officer*, безэквивалентность которых обусловлена различным государственным устройством Канады и Российской Федерации.

Работу над таким типом переводного соответствия, как безэквивалентная терминологическая единица, можно проиллюстрировать термином Crown reserve area. Заметим, что важность описания случаев безэквивалентности сопоставляемых терминологических единиц заключается в необходимости описания «пустого места» с точки зрения содержания того, что не имеет соответствия в сопоставляемом языке [2; 5]. Термин *Crown reserve area*[2] является безэквивалентным, так как описывает реалии, нехарактерные для правовой системы Российской Федерации. Безэквивалентность данного термина обусловлена политическими и географическими факторами. Конструирование словарной статьи безэквивалентного термина затрагивает как его понятийный аспект, поскольку требуется разъяснение особенностей значения рассматриваемого термина и описание отсутствующей в

[1] A «non-municipal year-round residential drinking water system» is a drinking water system that supplies water on a year-round basis to a residential development with six or more private residences (e. g., apartment buildings, private subdivisions, condominiums, townhouse complexes, mobile home parks) or a trailer park that is supplying water year-round to six or more sites with water service hookup.

[2] «Canada-Newfoundland and Labrador Atlantic Accord Implementation Act; Canada-Nova Scotia Offshore Petroleum Resources Accord Implementation Act»: *Crown reserve area* means portions of the offshore area in respect of which no interest is in force.

русском языке реалии в зоне комментария словарной статьи, так и его формальный аспект, поскольку отсутствие в русском языке понятия со схожим значением обусловливает и отсутствие соответствующего термина. В подобном случае также обязательно кодирование термина пометой эквивалентности, указывающей на отсутствие соответствий для данного термина в русском языке, следующим образом: **≠.**

Crown reserve area ≠ резервные территории короны

Участки прибрежных акваторий, не используемые для коммерческой деятельности и контролируемые государственными органами.

! Данная территория находится под властью монарха Великобритании, формально являющегося главой государства. В настоящий момент данный пост занимает королева Великобритании Елизавета II. Полномочия королевы в Канаде на федеральном уровне представляются генерал-губернатором и вице-губернатором в каждой из провинций и территорий.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- интерпретация терминов экологического права Канады, представляющего собой разновидность гуманитарных наук, для русскоязычного специалиста представляет сложность вследствие детерминированности терминов социокультурными факторами;
- при переводе англоязычных терминов канадского экологического права на русский язык целесообразно выделение трех типов переводных эквивалентов:

– полных эквивалентов;

– неполных эквивалентов;

– безэквивалентных терминологических единиц;

- наибольшую проблему при переводе представляют термины, характеризуемые отношениями неполной и отсутствующей эквивалентности:

– при этом можно говорить о большей трудности для понимания именно неполных эквивалентов, которые, обладая определенной степенью содержательного сходства с тем или иным термином на русском языке, заставляют русскоязычного пользователя словарем принимать неверное решение о полном совпадении значений терминов двух языков или строить неверные предположения о значении таких терминов на основе своего социокультурного контекста. Безэквивалентные же терминологические единицы экологического права Канады описывают правовые реалии, ввиду причин исторического и социокультурного характера, полностью отсутствующие в системе экологического права Российской Федерации, однако в то же время не вводят пользователя словаря в заблуждение относительно их значений;

– тип эквивалентности определяет характер интерпретации термина в словарной статье терминологического словаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о биологическом разнообразии / Организация Объединенных Наций, 1992. – С. 199–225.

2. Контрастивная лексикология и лексикография : моногр. / под ред. И.А. Стернина и Т.А. Чубур. – Воронеж : Истоки, 2006. – 341 с.

3. *Ловцевич, Г.Н.* Кросскультурный терминологический словарь как способ репрезентации терминологии гуманитарных наук : моногр. / Г.Н. Ловцевич. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – 264 с.

4. *Снитко, Т.Н.* Встреча культур и языков в переводе / Т.Н. Снитко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2009. – № 1(21). – С. 36–46.

5. *Стернин, И.А.* Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики преподавания / И.А. Стернин. – М. : АСТ-Восток-Запад, 2007. – 288 с.

6. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : федер. закон : [принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г.: одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г.] / Интернет-портал Российской газеты, 12 янв. 2002 г. – Режим доступа: https://rg.ru/2002/01/12/oxranasredy-dok.html (дата обращения: 24.12.2017).

7. Environmental protection and enhancement act: [Revised statutes of Alberta, 2000, c. E-12, act current to 17.12.2014]. – Edmonton : Alberta Queen's Printer, 2014. – 160 p.

8. A guide for owners and operators of non-municipal year-round residential drinking water systems [Electronic resource]. – URL: https://files.ontario.ca/final_nmyrr_guide_sep_2017.pdf (accessed: 24.12.2017).

9. *Riggs, F.* Terminology and lexicography: their complementarity / F. Riggs // International Journal of Lexicography. – 1989. – Vol. 2. № 2. – P. 90–110.

10. *Šarčević, S.* Conceptual dictionaries for translation in the field of law / S. Šarčević // International Journal of Lexicography. – 1989. – Vol. 2. №. 4. – P. 277–293.

TRANSLATOR BEHIND THE BARS (COURT TRANSLATION QUALITY ASSESSMENT IN LAW AND TRANSLATION STUDIES)

A.A. Larin

L.B. Obidina

V.V. Sdobnikov

Alexander Alexandrovich Larin – Candidate of Law, Associate Professor, Director, Alba Translation Agency (Nizhny Novgorod).

E-mail: admin@alba-translating.ru

Lyudmila Borisovna Obidina – Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Process, School of Law, N.Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod.

E-mail: Lobidina@mail.ru

Vadim Vitalievich Sdobnikov – Doctor of Philology (Habil.), Professor, Chair of the Department of Translation Studies and Practice at Nizhny Novgorod State Linguistic University.

E-mail: Artist232@rambler.ru

This paper considers different approaches to defining the concept of "incorrect translation" used in law and translation studies. Based on the analysis of a particular criminal case in which the translator was involved as a defendant, a conclusion is made on certain discrepancies in interpretation of this concept in law and translation theory. Objective and subjective reasons for translation errors are outlined.

Key words: court translation, incorrect translation, translation error, criminal liability.

Involvement of a translator or interpreter in criminal proceedings is an important guarantee of protection of the rights of individuals who do not know the language of the court proceedings. Judges and investigators regularly face the necessity to involve a translator, however, the legislator does not offer a clear procedure for selecting one and assessing his or her qualification. At the same time, a translator ensures communication between the participants of criminal proceedings and facilitates mutual understanding by producing an accurate translation. The investigator's and judge's perception of evidence is formed based on the translation, which affects directly the assessment of the collected evidence. Thus, the translator's role in the delivery of justice is evident that is why the legislation creates criminal liability for intentional incorrect translation (Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation). There is virtually no experience of practical application of the above article, which makes the example we propose to analyse even more interesting.

In summer 2016, one of the district courts of St. Petersburg gave a sentence in accordance with part 2 of Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation. A citizen of the Russian Federation, born in Sukhumi of the Abkhazian Autonomous Soviet Socialist Republic, was found guilty of intentional incorrect translation in a preliminary investigation joined with the accusation of a person of the commission of a grave crime. Fluent in Georgian, the accused was involved in the criminal proceedings as a translator. When translating the indictment and the letter of accusation from Russian into Georgian, she distorted the meaning of the case materials being translated, in particular:

a) instead of "money in the amount of RUB 4,000" she translated "property in the amount of RUB 4,000";

b) instead of the words "black minx fur coat worth RUB 54,000" she translated "black worth RUB 54,000";

c) instead of "laptop computer Sony, black, worth RUB 40,000" she wrote "black laptop Sony worth RUB 40,000";

d) when translating a part of the text, instead of the phrase "…and for the total amount of RUB 153,187, thereby causing M. substantial damage for the said amount, after which he left the crime scene with the stolen things, i.e. for committing a crime as provided by clause 'a' of part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation," she produced an in-

correct translation, allowed free interpretation and distortion of the meaning of the letter of accusation and specified an incorrect national criminal law omitting the clause of the part of the Article of the Criminal Code of the Russian Federation: "… And for the total amount of RUB 153,187. Which is the cause for M., substantial damage to the applicant, then leaving the crime scene. This is the crime provided by part 3 of Article 158 of the Criminal Code of Georgia."

In the court hearing, the accused admitted her guilt partly and stated that the investigator pressured her by making multiple calls and demanding an immediate translation. Such pressure was due to the expiration of the preliminary investigation period and the necessity to refer the case to court. The time given to produce the translation was only one day. In the night, when she was working on the translation, the defendant's lawyer came to her place to get the translation. As the translation had not been ready yet, she used Google translator to finish the job and did not proofread the text due to the lack of time. According to the accused, she did not have direct intent to mistranslate and the errors she made resulted from the lack of time to proofread the final version of the translation.

The case materials evidence that the accused was an experienced translator, her employer gave a her a positive characteristic and the quality of interpretation she performed during the investigations was not questioned.

In the court's opinion, indirect intent of the accused was that while being an experienced translator, knowing her responsibilities provided by Articles 59 and 169 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and having been warned about criminal liability for incorrect translation pursuant to Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation, the translator used an imperfect computer program and did not check the correctness of the translation. Thus, as she did understand the importance of work she had been entrusted with, she could foresee socially dangerous consequences and, although not willing to cause such consequences, she consciously let them occur or was carelessly indifferent in this respect. The court gave her a 2-year suspended prison sentence.

Let us analyse the structure of the norm of Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation. The legislator uses the term "intentional incorrect translation" without clearly defining it. Criminal law science offers various definitions of this term. Thus, the clause-by-clause commentary to the Criminal Code of the Russian Federation edited by A.A. Chekalin, V.T. Tomin, V.V. Sverchkov defines incorrect translation as "misrepresentation of testimonies or documents of evidential importance that can harm the interests of justice." In such a case, the translator "has a clear understanding of his or her responsibility to produce an accurate translation, but, knowing of the misleading nature (incorrectness) of the information he or she provides, still intends to provide it to the court or preliminary investigation bodies" [3: p. 684].

The commentary edited by V.M. Lebedev defines incorrect translation as "intentional distortion of the content of testimonies of interrogated persons, examined documents, expert opinions" [4: p.617]. At the same time, according to the authors of this commentary, the subjective side of this crime is characterised only by a direct intent and the purpose of crime should be "to improve or, vice versa, to worsen the situation of the suspect, accused, plaintiff, defendant" [4: p. 617]. Hence, the "liability should be excluded where it is established that … incorrect translation resulted from a mistake in perception of the facts, events, etc. due to subjective reasons, which may include, in particular, memory defects, sight or hearing disorders of the witness or the victim, lack of experience or qualification … of the translator" [4: p. 618].

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation A.P. Kuznetsov adheres to the same position (see the clause-by-clause commentary edited by L.L. Kruglikov) and defines intentional incorrect translation as "distortion, perversion, misinterpretation of the meaning of translated case materials or documents (testimony of a witness, victim, defendant, expert opinion, etc.)" [5: p. 323].

Supporting the point of view that such a crime can be committed only with direct intent and providing a similar definition of incorrect translation ("intentional distortion of the content of statements or documents"), L.V. Inogamova-Khegai [6] clarifies that a person can be held liable only where he or she distorts information about substantial circumstances, i.e. those affecting the court ruling.

Academician V.N. Kudryavtsev has a different point of view in respect of the form of guilt for this crime (see the commentary edited by A.V. Naumov [7]). In his opinion, it can be committed both with direct and indirect intent. In such a case, he believes, mistakes in translation that are not deliberate but due to negligence or a good faith misunderstanding shall not result in criminal liability.

Thus, a conclusion can be drawn that most authors define "incorrect translation" as "translation that is not consistent with the reality" while its "deliberate nature" is understood as the translator's knowledge of the error and intention to provide false information to the court or preliminary investigation bodies.

This is the lawyers' opinion. However, if we examine the translation theory literature, we will see that such a traditional approach of lawyers contradicts the conclusions made by the modern translation theory that offers a deeper understanding of the problem of translation quality assessment. The reason for this contradiction is the lack of cross-disciplinary studies in this area.

Today, translation studies provide a holistic theory of translation quality. Active consideration of this problem led to creation of a separate section of the translation theory – translation erratology – that studies the reasons for errors in translation and interpretation and their classification [1]. Key theoretical approaches to addressing this problem may vary but they do have one similarity: when creating classifications of translation errors, scholars record any deviations from the original text (first of all, distortion of the content) and from the standards of the target language. As a section of erratology, one can consider a set of recommendations that a translator should follow to produce a quality translation, a set of expectations, if you wish, in respect of what a translation should be to meet the established requirements and what defects it must not contain.

It should be noted that a conventional theoretical approach generally accepted in translation studies evidences that errors in translation are viewed as a possible, although an unwanted, phenomenon. Development of recommendations on how to avoid errors in translation and formulation of general requirements for translation (full functional, communicative and meaningful consistency with the original "to the smallest details and the finest meaningful emphases" [8: p. 118], the correctness and accuracy of the terminology used, stylistic consistency of this type of texts, absence of spelling and punctuation errors, etc.) reflect the aim of society – and that of translation studies scholars – to achieve the highest quality of translation. However, the objective reality is the evident fact that errors in translations do occur due to both objective and subjective reasons. In general, the translation studies admit that any translation is a continuous movement towards perfection and that a perfect translation as an ideal is basically unachievable. One can come close to it but can never reach it.

However, we mentioned subjective reasons that prevent a translator from reaching the ideal, i.e. from creating a perfect translation. It is clear that these reasons are mainly related to the personality of translators themselves. Taking into account the specifics of the precedent in question, it is useful to consider the reasons for translation errors. The renowned Russian translation studies scholar N.K. Garbovsky offers a general classification of reasons for translation errors occurring at the stage of perception (analysis) of the original text: 1) insufficient knowledge of the source language, 2) lack of knowledge in the field described in the original text, 3) careless attitude towards the system of meanings contained in the original text, 4) inability to identify the individual style of the author of the source verbal work [2: p. 514]. In other words, the translator's insufficient knowledge of the language and absence of sufficient experience and cognitive information may act as preconditions for translation errors. These are the translator's specific features that manifest themselves in an insufficient level of quality of his or her translations and cannot be used as evidence that the translator deliberately, even with "indirect intent", translates worse that he or she is able to. The translator is just unable to translate better.

At the stage of producing the translation, the reasons for errors include the translator's insufficient language and translation competences. As N.K. Garbovsky states, "at the stage of re-expression, errors occur mostly due to the insufficiently deep knowledge of the target language, and the inability to find in the target language forms equivalent to the relevant original forms" [2: p. 527]. Again, we deal with certain personal features of the translator that inevitably manifest themselves in translation activities: no matter what the translator translates, the shortfalls of his or her language proficiency and professional qualification will still manifest themselves as translation errors, defects and all sorts of imperfections. These translation imperfections may be annoying for the recipient but under no circumstances may they be treated as the grounds for accusing the translator of intentional lowering the translation quality or exercising insufficient care to improve such quality. The quality of translation can be higher only where the translator's qualification is higher.

However, translation quality can also be affected by objective circumstances. One of them is the organisation of the translation, "production" process itself. In accordance with the globally accepted practice, a translator should be given sufficient time to produce a translation (in the end, each action takes as much time as it is needed for it to be performed) and to proofread it; it is recommended that the translation is edited and corrected by an editor and corrector as it is normally done in translating agencies. It is quite evident that these conditions were not met in the case in question, which was not the translator's fault.

Turning back to the court sentence we are analysing, we can see that a whole set of factors led to the incorrect translation. The translator made errors due to the lack of time and the pressure put by the investigator. By no means attempting to justify the unprofessional behaviour of the fellow translator, we would like to note that the errors can be substantially explained by the absence of conditions needed for high-quality performance of her obligations.

One of such conditions is the time for performance of procedural actions regulated by the Criminal Procedure Code. However, such timeframes do not take into account the volume and complexity of the written translation of such procedural documents as an indictment, letter of accusation, court sentence, etc. The necessity to translate these documents is not treated as the grounds for extending the procedural timeframes. Hence, the translator has to work under serious time pressures.

When a translator assumes the responsibility to produce translations in criminal proceedings, he or she may not foresee the volume and nature of materials that he or she will have to translate within the framework of this criminal case. The more so, not all materials exist at that moment. Therefore, the translator is unable to pre-assess whether his or her qualification is sufficient to perform good quality work. This is not only about knowledge of the language (native and foreign) but also about knowledge of the thematical fields that he or she will deal with when producing translations. When interpreting in investigations and court proceedings, the interpreter is often unable to use dictionaries, reference books or other supporting literature.

Summing up the above, the following conclusions can be made.

First, attention should be paid to interpretation of the criminal and legal term "incorrect translation." In our opinion, such interpretation would be incomplete without regard to the newest conclusions of translation studies; therefore, to ensure its deeper understanding, further cross-disciplinary studies in this field are required. The concept "incorrect translation" should include not only deliberate distortion of the subject-related and logical (cognitive) content of the text but also violations of the norm and usage of the target language (punctuation, spelling, grammar) that complicate the perception of the text by its recipient and, therefore, create a possibility of misunderstanding the content. Any such violations of the norm and usage of the target language, regardless of whether they were committed by the translator intentionally or accidentally, result in distortion of the objective reality. As already noted above, a perfect translation as an ideal is basically unachievable. Taking all of the above into account, it appears that the existing wording of Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation creates excessively wide possibilities for court discretion as it does not take into account the objective and subjective reasons that could lead to "incorrect" translation.

Second, translators should be given a chance to refuse to perform the obligations where their competence does not allow them to perform high-quality work within the required timeframes. A similar right, for example, is granted by Article 59 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to experts who are allowed to refuse to give an opinion on matters beyond their special knowledge, if the provided materials are insufficient to give such an opinion.

Third, to ensure high-quality translation in court proceedings, it is required to provide normative regulation of the translator's status and to develop the procedure for engaging a translator that would guarantee the creation of conditions for high-quality performance of his or her obligations.

The authors of this paper have prepared and proposed for public discussion the draft "Regulation on the Sworn Translator" and amendments to be made to the procedural legislation that will be required should this document be adopted [9]. The draft document envisages the creation of a single information base containing information on individuals who have successfully passed a qualification examination, thereby confirming their translator skills. It appears that such a register should be created in an electronic form and should be available to judges, prosecutors, lawyers, investigators and officials of other law enforcement agencies. The register should contain up-to-date information necessary to find a specialist translator of a required qualification.

The draft document also details the rights and obligations of a court translator, including those required to ensure the high-quality performance of his or her obligations. For example, the right to demand that officials of court and law enforcement authorities give necessary time to produce the translation. It is also essential that a translator is granted the right to obtain information he or she needs to ensure the quality of his or her performance.

In our opinion, such a system could reduce the risk of a court error due to a poor translation and raise to a new level the effectiveness of court proceedings in general.

REFERENCES

1. *Бузаджи, Д.М.* Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д.М. Бузаджи [и др.]. – М. : Р. Валент, 2009. – 119 с.

2. *Гарбовский, Н.К.* Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 543 с.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.А. Чекалин ; под ред. В.Т. Томина, В.С. Устинова, В.В. Сверчкова. – М. : Юрайт-Издат, 2002. – 1015 с.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. – 3-е изд., доп. и испр. – М. : Юрайт-Издат, 2004. – 917 с.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В.К. Дуюнов [и др.] ; отв. ред. Л.Л. Кругликов. – Волтерс Клувер, 2005. – 480 с.

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Проспект, 2004. – 620 с.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.В. Наумов. – М. : Юристъ, 1996. – 824 с.

8. *Орёл, М.А.* Передача терминологии как основа качества экономического перевода / М.А. Орёл // Проблемы перевода, лингвистики и литературы : сб. науч. тр. – Н. Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2012. – Вып. 15. Т. 1. – С. 116–130. – (Серия «Язык. Культура. Коммуникация»).

9. Draft Regulation on the Court Translator [Electronic resource]. – URL: http://translation-school.ru/index.php/ru/ archive/2015/sworntranslator (accessed: 09.10.2017).

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ИМПЛИЦИТНОСТИ В УСТНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.А. Татауш

Татауш Елена Александровна – магистр лингвистики, аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Контактный адрес: elena-tataush@yandex.ru

Данное исследование посвящено оценке возможности осуществления корректного перевода высказываний с имплицитностью в рамках устного политического дискурса. В работе рассмотрены как эффективные решения синхронистов, так и переводческие ошибки. В ходе анализа используется ряд положений лингвистической прагматики, что доказывает перспективность применения интегративного междисциплинарного подхода. Результаты исследования подтверждают следующее: как правило, для качественной работы с высказываниями подобного типа необходимо верное декодирование импликации.

Ключевые слова: имплицитность, коммуникативная интенция, политический дискурс, синхронный перевод, переводческие ошибки, декодирование прагматики.

Как отмечает Дж. Остин, «…многие высказывания, похожие на утверждения, вовсе не предназначаются для сообщения или записи прямой информации о фактах (или предназначены для этого лишь частично)» [3: с. 24]. Например, какую сложность для только что избранного главы государства может представлять протокольный звонок бывшего оппонента? Однако 45-й президент Соединенных Штатов Америки Дональд Трамп начинает свое первое в новом статусе выступление (здесь и далее высказывания обозначены цифрами в порядке их произнесения) со слов: «*Sorry to keep you waiting – complicated business, complicated* (№ 1). <…> *I've just received a call from Secretary Clinton. She congratulated us – it's about us – on our victory*» [22]. Вероятно, данное высказывание содержит импликацию. Согласно определению Г.П. Грайса имплицитным называется высказывание, в котором то, что говорящий «…подразумевал, имел в виду, на что он намекал и т.д., отличается от того, что он сказал» [1: с. 220]. Импликатом (*implicatum*), или формой выражения, является непосредственно сказанное президентом, а имплицируемый элемент (*what is implied*) в соответствии с коммуникативным намерением отправителя должен быть декодирован получателем сообщения самостоятельно [1: с. 220].

В настоящей статье рассматривается ряд примеров синхронного перевода высказываний со скрытой коммуникативной интенцией в устном политическом дискурсе. Данный вид дискурса является уникальным по релевантности материалом для изучения обозначенной категории высказываний, представляя большой интерес в силу некоторых его характерных особенностей: по мнению Е.В. Тереховой, «…умелый политик оперирует такими лингвистическими межкультурными средствами, которые могут помочь ему пробиться к большому количеству адресатов» [7: с. 47]. К этим инструментам, как нам кажется, следует отнести и высказывания с имплицитностью. В ходе анализа практического материала были выявлены возникающие при трансформации высказываний данного типа трудности, а также обнаружены эффективные переводческие решения, которые успешно применялись синхронистами. В работе также предпринята попытка интеграции ряда положений теории речевых актов и теории импликатур в практику перевода: в частности, они используются для объяснения некоторых особенностей речевого поведения авторов высказываний и переводчиков.

В качестве рабочей гипотезы в рамках настоящего исследования было принято следующее утверждение: при осуществлении устного синхронного перевода высказываний со скрытой коммуникативной интенцией *необязательно*, выражаясь в терминах Г.П. Грайса, «вычислять» импликатуры («компоненты смысла, существование которых следует предположить, чтобы сохранить презумпцию соблюдения Принципа Кооперации»[*]) [1: с. 237]; для корректной передачи «неясных» в смысловом отношении моментов синхронисту вполне достаточно так называемого дословного перевода [2: с. 13] (иногда – синтаксически трансформированного / грамматически дополненного в соответствии с нормами и узусом принимающего языка). Следует отметить, что такой перевод, строго говоря, нельзя называть дословным, так как определяющая и классифицирующая черта данного вида перевода есть «следование языковой форме оригинала», т.е. «…семантико-структурные характеристики языка подлинника воспроизводятся на языке перевода» [2: с. 13]. Однако в рамках данной статьи углубляться в вопросы

[*] «Коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, которого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [1: с. 222].

терминологии или вводить новые единицы в и без того обширное терминологическое поле теории перевода было бы излишним, поэтому для целей настоящего исследования предлагаем принять (с оговоркой) термин «дословный перевод».

Вернемся к анализу фрагмента речи Д. Трампа. Полагаем, оратор здесь говорит не (только) о телефонном разговоре. Так, президент мог ссылаться на перипетии завершившейся предвыборной гонки (следующее высказывание): «*And I congratulated her and her family on a very hard-fought campaign – I mean, she fought very hard*» (№ 2) [22]. Более того, дальнейшее развитие темы подсказывает, что смысл высказывания может быть еще глубже: «*Now it's time for America to bind the wounds of division* (№ 3). *We have to get together. To all Republicans and Democrats and independents across this nation I say: it's time for us to come together as one united people. It's time*» (№ 4) [22]. В пользу этой версии свидетельствует и вертикальный контекст: получить поддержку многочисленной части населения, голосовавшей против его кандидатуры, заслужить доверие каждого американца и работать вместе с бывшими соперниками будет действительно непросто. Однако Д. Трамп подчеркивает, что это его главный приоритет. Выбрав определенную формальную структуру, оратор в то же время стремится дать своей аудитории понять: буквально только что он уже заложил основу сложного процесса объединения нации.

Цепочка решений синхрониста выглядит следующим образом (нумерация оригинальных отрезков сохранена, буквенное обозначение «П» используется для идентификации перевода): «*Простите, что я заставил вас ждать так долго, но это было непростое дело* (№ 1П). <…> *Я только что получил телефонный звонок от Госсекретаря Клинтон. Она поздравила нас – всех нас – с нашей победой. И я также поздравил ее и ее семью с очень тяжелой кампанией, которую она преодолела. Она боролась очень усердно* (№ 2П) <…> *Сейчас же пришло время для того, чтобы Америка зарастила все те раны, которые на ней возникли* (№ 3П), *чтобы все демократы и республиканцы, все независимые кандидаты и все, кто их выбирали, объединились. Пришло время, чтобы мы все объединились как один, единый народ. Время пришло* (№ 4П)» [16]. К сожалению, триада выделенных выше смысловых уровней оригинала (условно: «непростой телефонный разговор» – «тяжелая предвыборная кампания» – «сложный процесс преодоления разногласий и объединения нации») в переводе теряется. Это происходит в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, имеет место неоправданная экспликация: эллиптическая конструкция высказывания № 1 дополнена противительным союзом «*но*» и глаголом прошедшего времени «*было*» (№ 1П), что нивелирует потенциал смыслового уровня будущего времени. Потере смыслового компонента «*объединение в будущем*» также способствует опущение в № 3П лексической единицы *division* (*disagreement among the members of a group that makes them form smaller opposing groups* [13]). Во-вторых, из сильного оппонента и весьма достойного соперника (№ 2) Х. Клинтон превращается в уставшего от предвыборной гонки политика (в № 2П добавлен глагол «*преодолела*», ср. «*преодолела очень тяжелую кампанию*»). Высказывание № 4П вне контекста можно считать корректным переводом № 4, однако смысловая связь с первой частью (№ 1) в нем уже не прослеживается: в русском переводе Д. Трамп, по большому счету, называет сложным только телефонный разговор. Возможно, коммуникативная интенция может быть передана полнее, если в переводе сохранить эллиптическую конструкцию оригинала, воздержаться от ввода глаголов прошедшего времени на отрезках № 1П и № 2П, а для высказывания № 3 предложить контекстный перевод (нумерация оригинальных отрезков сохранена, буквенное обозначение «$П_2$» используется для идентификации альтернативного варианта перевода): «<…> *все непросто / задача сложная* (№ $1П_2$) <…> *с завершением очень сложной / непростой кампании / гонки – она боролась очень достойно / она была сильным соперником / противником* (№ $2П_2$) <…> *Америке пора залечить раны разногласий / преодолеть раздоры, израненные / терзающие ее / наносящие ей вред* (№ $3П_2$)».

Как показывает анализ, в данном случае оптимальным решением был бы более близкий (в том числе и формально) к оригиналу перевод. Это, однако, не является достаточным основанием для принятия рабочей гипотезы. Она, например, не учитывает таких крайне неоднозначных ситуаций, когда синхронист вынужден предлагать фактически неверный, но корректный с точки зрения прагматики и общего контекста перевод. Так, отвечая на вопрос о вероятности ввода российских войск на территорию Украины, президент России В.В. Путин делает несколько спорное в этическом отношении заявление: «*Я хочу, чтобы Вы однозначно меня понимали: если мы примем такое решение, [то] только для защиты украинских граждан. И пускай попробует кто-то из числа военнослужащих стрелять в своих людей, за которыми мы будем стоять сзади, не впереди, а сзади*» [14]. В буквальной трактовке получается, что русские войска будут скрываться за спинами мирных граждан, женщин и детей, однако контекст подсказывает, что оратор не может иметь в виду ничего подобного. Форму реализации приходится признать весьма неудачной, однако смысл высказывания, вероятно, таков: Рос-

сия будет вынуждена вмешаться в дела соседнего суверенного государства, если украинская армия начнет стрелять в собственный народ. Нарушены фундаментальные принципы коммуникации Г.П. Грайса – в частности, Принцип Способа, один из постулатов которого гласит: «Избегай неоднозначности» [1: с. 223]. Как ни парадоксально, ошибочное решение синхрониста выглядит уместнее: «*Our soldiers will be standing in front of them*» [26]. Безусловно, смысл оригинала несколько искажен, однако англоязычный вариант не допускает двойного толкования и соответствует цели коммуникации. К сожалению, в переводе прямо указан актант: вместо абстрактного «мы» исходного высказывания, для которого допустима множественность интерпретаций и оттенков (наша страна / русский народ / армия и т.д.), что могло входить в коммуникативное намерение автора, появляется словосочетание «*наши солдаты*». Текстовое *имплицитное* содержание (его «передача <…> отвечает явным коммуникативным намерениям отправителя текста»; классификация М.Ю. Федосюка [9: с. 159]) переходит в *эксплицитное* содержание, чего при переводе импликаций допускать не следует.

Резюмируем: стратегия, оправдывающая подобные переводческие ошибки и кардинальную трансформацию оригинала ради сохранения коммуникации в целом или достижения желаемого эффекта, иногда может быть уместна и даже необходима. Обязательным условием, однако, является полное понимание скрытой интенции автора сообщения, семантико-синтаксической и смысловой структур, условий коммуникации и контекста, что противоречит принятой нами рабочей гипотезе. В то же время нужно отметить, что при переводе имплицитных высказываний лексическую трансформацию в форме конкретизации рекомендуется использовать с осторожностью.

Разумеется, в качестве релевантной стратегии не стоит рассматривать опущение импликации. «*Господин Президент, тогда, может быть, я могу попросить Вас поделиться с нами Вашим видением того, как в данный момент происходит развитие связи в глобальном мире? <…>*» [18]. «*Вы имеете в виду в отраслевом плане связь? У нас есть министр связи, он сейчас придёт и вам всё расскажет профессионально, лучше, чем я. Чем больше начальник, тем меньше ему нужно знать*» [18]. «*Do you mean the industrial areas, the communication area, or…? You know, our Communication Minister could probably share that with you. He could have that better than I could*» [23].

Экспликация (прямое объяснение – или нивелирование – импликатуры) в переводе также не соответствует коммуникативному намерению отправителя. В следующем высказывании акцент сделан на парадоксальности сложившейся ситуации: Э. Сноуден скрывается именно в России, хотя в советское время русская интеллигенция уезжала из нашей страны в США. «*In the case of Edward Snowden <…> That is not an ordinary criminal. He is a refugee, a political refugee of some kind. He is exactly the kind of person who used to run to the United States.*» / «*В случае со Сноуденом <…> Это не обычный уголовник. И здесь есть некоторое политическое убежище для него. Ну, понятно, что человек, который выступил против Соединенных Штатов Америки…*» [21]. Адресанту приходится постепенно добавлять информацию, все больше раскрывая смысл исходного высказывания: «*He is the kind of person who used to run away, say, from Russia and go to the United States [пауза для перевода, перевод некорректен]. The United States used to take in people like Snowden from other countries [пауза для перевода, перевод некорректен]. But they cannot except the idea that they have dissidents*» [*пауза для перевода, перевод по-прежнему некорректен*] [21]. Разумеется, это крайний случай (автор сообщения понимает язык перевода и неоднократно пытается объяснить скрытый смысл собственного высказывания), однако он интересен еще и тем, что в нем ярко иллюстрируется справедливость концепции П.Ф. Стросона, который дополняет триаду намерений автора сообщения, предложенную Г.П. Грайсом. Исследователь добавляет элемент i_4 – «желание, чтобы А [адресат] узнал его намерение i_2» [5: с. 138], где i_2, согласно теории Г. Грайса, есть желание, чтобы А (адресат) вычислил (опознал) намерение U (говорящего) вызвать у А (адресата) определенную реакцию при помощи произнесения данного высказывания [10: с. 151].

Следующий пример демонстрирует возможности использования в устном политическом дискурсе приема «наложение / совмещение» (juxtaposition), при помощи которого посредством формального совмещения идей можно добиться смысловой транзитивности, когда каждая последующая идея приобретает дополнительную смысловую нагрузку за счет предыдущих [11: с. 95]. Так, говорящий намекает, что на российском государственном телевидении нет самостоятельности мышления, остроты, борьбы мнений и свободы дискуссий: «*Also, we have a state-owned broadcaster, it is the best, most combative, controversial journalism in the country. And don't take it the wrong way, but your state-owned television channels are not the most… They don't produce the best newscasts, political news*» [20]. К сожалению, на фоне недостаточно точного понимания синхронистом смыслового содержания оригинала заметна «неловкость» синтаксической конструкции дословного перевода: «*У нас есть также и государственная телерадиокомпания, и вот в этой*

компании происходят, может быть, самые мощные, самые страшные битвы между журналистами противоположных взглядов. Вы бывали в телекомпаниях, нет? Ну, я думаю, что они не производят лучшие информационные передачи» [20].

Как известно, косвенный речевой акт есть случай опосредованного осуществления одного иллокутивного акта через осуществление другого [4: с. 196, 198]. Они несут дополнительную информацию, которая добавляется непосредственно говорящим в определенной речевой ситуации, т.е. ее невозможно выявить в ходе формального или семантического анализа [4: с. 206–207]. Алгоритм выведения («вычисления») первичной иллокуции подробно описан в работе Дж. Серла «Косвенные речевые акты»: ключевым этапом мыслительного процесса исследователь считает осознание адресатом несоответствия между формальной или буквальной (вторичной) целью высказывания и его реальной целью. В следующем фрагменте был задан общий вопрос о причинах разработки Прибалтикой секретных планов по сотрудничеству с США (официально велись переговоры о партнерстве с Россией): «*Они боятся Россию или спекулируют на несуществующем страхе? Потому что какому человеку действительно придет в голову, что Россия имеет планы или имеет желание напасть, ударить по странам Балтии?*» [19]. Конвенционально предполагается однозначность ответа («да» / «нет»), однако он сформулирован с осторожностью: «*Ok, well, in fairness, this happened right after the Georgia war*» [19]. Смысл может быть следующим (любое умозаключение подобного рода, как мы помним, вероятностно): соответствующая международная обстановка, в частности военный конфликт в Грузии, вполне могли оказать влияние на некоторые решения стран Балтии в области внешней политики. Тем не менее русскоязычная аудитория на данное заявление отреагировала весьма негативно. Для нее оно звучало следующим образом: «*Эта ситуация возникла сразу после вторжения в Грузию*» [19]. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, «*вторгнуться*» означает «*войти силой*» [12]; тем самым предполагается наличие стороны-агрессора (ей оказывается Россия, участвовавшая в конфликте) и потерпевшей стороны (Грузия). Очевидно, что в оригинале используется другая текстовая импликация, которая в этом отношении весьма обтекаема, так как выстроена вокруг более нейтральной лексической единицы *war* (*when there is fighting between two or more countries or between opposing groups within a country, involving large numbers of soldiers and weapons* [13]). Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что даже понимание смысла оригинального высказывания не является гарантией успеха коммуникации, если переводчик ошибется в выборе ключевой лексической единицы.

Так, в следующем примере перевод вновь оказывается не оптимален из-за неудачного выбора лексики. Оратор ссылается на громкий дипломатический скандал: лайнер президента Боливии Эво Моралеса сделал вынужденную остановку в аэропорту Австрии. По одной из версий, на борту его самолета был проведен обыск [17]. «*Вот он [Сноуден] оказался на нашей территории – я считаю, что из-за непрофессиональных действий самих американцев <…> Зачем они напугали весь мир? Если они уже самолеты сажали принудительно с президентами на борту, то с господином Сноуденом на борту они могли посадить в любом месте*» [18]. / «*He turned out on our territory because of nonprofessional actions of the Americans themselves who tried to catch him <…> Why did they scare the entire world? They downed the planes with presidents on board and the plane with Snowden on board – they could down [it] anywhere»* [25]. *Глагол down (to knock or force someone to the ground* [13]*) ближе по значению к русскому «сбить» («заставить упасть, сшибить, ударом сдвинуть с места. Сбить с ног. Сбить вражеский самолет*» [12]). Можно сравнить коллокации *to down / to shoot down / to bring down a plane («сбить самолет») и to force down / to force to land a plane* («*заставить самолет совершить посадку*»).

Разумеется, следует также обращать внимание на стилистические особенности оригинала. Замечательный во многих отношениях перевод может остаться неэквивалентным из-за неточного стилистического оформления – одного из критериев репрезентативности С.В. Тюленева, наряду с прагматикой, семантикой и позицией автора [8: с. 146–147]. Перспективы их практического применения для оценки устного перевода рассматривались в статье «Проблема корректности устного перевода в общественно-политической сфере» [6]. Так, в следующем примере тон, на наш взгляд, более «занижен» по сравнению с исходным высказыванием (на восприятие влияет и интонационное оформление). «*Вы готовы с ним [Порошенко] иметь дело, несмотря на то, что он выступает за более тесное сотрудничество с Европой?*» [18]. «*Где деньги? Пусть деньги вернут. Мы же на бизнес-форум приехали, правильно? Давайте говорить конкретными категориями: 3,5 миллиарда они нам должны. Пусть вернут деньги для начала разговора, чтобы создать благоприятные условия*» [18] / «*Where is the money? Where is the money, you know? It's a business forum, let us be very specific. They owe us 3.5 billion! Give us our money back! You know, that would create a very good environment for further discussions*» [23].

Несмотря на очевидную сложность задачи, исследование подтверждает, что в некоторых случаях синхронисты успешно справляются с межъязыковой трансформацией высказываний со скрытой

коммуникативной интенцией. Вот, по нашему мнению, весьма удачный перевод импликации: «*Я вообще не понимаю, чем вы будете топить? Газа не хотите, атомную энергетику не развиваете. А что вы будете, дровами топить? Но дрова – тоже в Сибирь надо ехать. За дровами тоже в Сибирь надо ехать, понимаете? У вас же и дров тоже нет*» [15]. / «*I don't understand what are you going to use for heating? You don't develop your nuclear power – what are you going to use? Firewood? You'd have to get it from Siberia too*» [24]. Пресуппозиция данного высказывания («компоненты содержания предложений, которые, судя по их оформлению, отправитель текста считает уже известными адресату» [9: с. 161]): Сибирь – часть России (предполагается, что это известно любому образованному человеку). Отсюда адресат легко выведет смысл: несмотря на то что Европа полностью зависит от России в энергетическом плане, ее политика в этом вопросе в настоящий момент строится крайне нерационально. В процессе перевода синхронист использовал следующие трансформации: изменение порядка слов, субституция существительного «*дрова*» местоимением *it* (прием компрессии в синхронном переводе), субституция предикативного наречия «*надо*» модальным глаголом *have to*, а также компенсация категории лица глагола «понимаете» местоимением *you*. Синхронист также отдает предпочтение условному наклонению. Помимо перечисленных грамматических использована лексическая трансформация: «ехать за» в результате модуляции (логического развития) выражено сочетанием *get from*.

Следующий перевод также заслуживает положительной оценки. «*Ваша компания имеет долгий опыт работы на этом рынке, но <…> если бы Вы сейчас вкладывали деньги в Россию как иностранный бизнесмен, угроза санкций как-то Вас сдерживала бы? Или Вас сдерживало бы что-то другое, например бегство капиталов из страны? Или Вы вкладывали бы в Россию сейчас?*» [18]. «*It's been a tremendous development in the economy over those twenty years – twenty years plus, no doubt about that. But how do we move from here? And, of course, without this experience right now, would we have done the same under these conditions, maybe because we are neighbors, but it may also be not, because of underlying issues that were so well described by my colleague. So I think it's more difficult situation for newcomers*» [23]. / «*За эти 20 лет экономика развивалась очень значительно, тут нет никаких сомнений. Без этого опыта сейчас… Сделали бы мы это сегодня, потому что мы соседи, или же нет – из-за тех проблем, о которых Вы сказали, которые хорошо были описаны моими коллегами? Я думаю, что ситуация сейчас для новичков сложнее*» [18]. При переводе данного высказывания синхронист прибегает к грамматическим трансформациям: помимо изменения порядка слов, в наречии «сейчас» находит выражение настоящее время глагола is.

Удалось сохранить импликацию и в следующем высказывании (хотя в целом в переводе есть неточности): «*Вы признаете легитимность выборов, которые состоятся на Украине?*» [18]. «*<…> Без всяких сомнений, мы с уважением отнесёмся к выбору украинского народа. Будем смотреть, конечно, что происходит. <…> Вот сегодня будут проходить выборы президента Украины. <…> Строго говоря, по действующей конституции нельзя избирать, потому что есть президент Янукович, который не отстранён конституционным способом от власти. <…> Ну зачем самим себе создавать новые проблемы, которые наводят на мысль о нелегитимности будущих выборов?*» [18]. «*We will have respect for the choice that Ukrainian people will make. We'll watch very closely what will happen. <…> Imagine presidential election takes place in Ukraine today. <…> In accordance with the today's constitution that would not be legitimate, because Yanukovich remains President, he hasn't been withdrawn from power legitimately. <…> So why create new problems that could question the legitimacy of election?*» [23]. При работе с импликацией переводчик использует субституцию настоящего времени глагола «*происходит*» будущим временем в переводе, а на уровне лексики задействует модуляцию (частица «конечно» и наречие *closely*).

Таким образом, в ходе проведенного исследования был рассмотрен ряд примеров синхронного перевода высказываний с имплицитным смыслом в устном русскоязычном и англоязычном политическом дискурсе. Можно с уверенностью говорить о том, что ряд положений теории речевых актов и теории импликатур интегрируется в теорию и практику перевода, помогая объяснять речевое поведение участников коммуникации и конкретные решения, принимаемые синхронистами. Результаты детального анализа практического материала в целом не подтверждают рабочей гипотезы о необязательности декодирования импликации, однако здесь следует сделать несколько дополнительных развернутых замечаний.

Сложность задачи не вызывает сомнений: как правило, имплицитные высказывания «выбиваются» из общего смыслового ряда, сформированного последовательными репликами оратора. Драгоценные секунды (известно, что синхронист оперирует секундами) уходят на осознание сложившейся речевой ситуации: эту паузу почти всегда можно было заметить при прослушивании. В силу ограниченности временного ресурса часто непросто корректно декодировать смысл, проанализировать возможные варианты и выбрать наиболее опти-

мальный. В результате переводчик либо полностью опускает импликацию, либо искажает смысл высказывания, либо выводит имплицитную информацию на уровень эксплицитной, либо ошибается в выборе лексики, либо, прибегая к дословному переводу, использует неуклюжую синтаксическую структуру, привязанную к форме оригинала, – именно такие проблемы обнаружены в ходе анализа практического материала.

В то же время был выявлен ряд эффективных решений, которые могут быть использованы синхронистами при работе с имплицитностью: это различные переводческие трансформации, реализуемые как на грамматическом, так и на семантико-компонентном уровне. В частности, в работе рассмотрены такие приемы, как изменение порядка слов, субституция (в том числе модуляция или логическое развитие) и компенсация. Несомненно, при условии полноценного понимания смысла оригинального высказывания переводчик волен действовать по своему усмотрению, подключая весь арсенал имеющихся в его распоряжении инструментов: как любая переводческая задача, высказывания со скрытой коммуникативной интенцией требуют «ситуационного» подхода, допуская креативное и творческое использование разнообразных переводческих приемов, поэтому универсальные рецепты здесь давать нецелесообразно. При обучении устному синхронному переводу необходимо отрабатывать со студентами различные переводческие трансформации, акцентировать внимание на стратегиях и приемах синхронного перевода в целом, а также разбирать конкретные примеры перевода импликаций. Основным требованием остается сохранение импликации и передача ее равноценными средствами. Стилистическое оформление высказывания также должно соответствовать оригиналу. Это вопрос профессионализма, опыта, глубокого понимания контекста, знакомства с тематикой и владения соответствующими фоновыми знаниями.

Если же смысл импликации переводчику неясен, сама возможность осуществления корректного перевода подобного (как и любого другого) высказывания оказывается под вопросом. Считается, что озвучивать можно только ту информацию, в понимании которой специалист полностью уверен. Однако если «проблемную» часть высказывания невозможно опустить (она является ключевой, аудитория ждет следующую реплику), дословный перевод может иногда оказаться самым оптимальным – вернее, наиболее безопасным – решением. Подчеркнем, что данные рассуждения касаются исключительно практики перевода, т.е. являются релевантными в такой обстановке синхронного перевода, когда положения теории и общепринятые стандарты качества могут учитываться, но, к сожалению, не всегда реализуемы и объективно бесполезны. Как показывает исследование, при пессимистическом сценарии переводчику лучше воздержаться от кардинальных изменений синтаксиса оригинала, добавления новых лексических единиц, конкретизации понятий и неоправданного продвижения по синонимическому ряду, помня о прагматике коннотационных оттенков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грайс, Г.П.* Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. № 16. – С. 217–236.
2. *Нелюбин, Л.Л.* Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект) / Л.Л. Нелюбин. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 216 с.
3. *Остин, Дж.* Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. – С. 22–129.
4. *Серль, Дж.* Косвенные речевые акты / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. – С. 195–222.
5. *Стросон, П.Ф.* Намерение и конвенция в речевых актах / П.Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. – С. 130–150.
6. *Татауш, Е.А.* Проблема корректности устного перевода в общественно-политической сфере / Е.А. Татауш // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2 (50). – С. 150–156.
7. *Терехова, Е.В.* Транслингвальность композитов в политическом дискурсе / Е.В. Терехова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2 (50). – С. 46–51.
8. *Тюленев, С.В.* Теория перевода / С.В. Тюленев. – М. : Гардарики, 2004. – 334 с.
9. *Федосюк, М.Ю.* Синтаксис современного русского языка / М.Ю. Федосюк. – М. : Инфра-М, 2012. – 432 с.
10. *Grice, H.P.* Utterer's Meaning and Intention / H.P. Grice // The Philosophical Review. – 1969. – Vol. 78. № 2. – P. 147–177.
11. Politically speaking: A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere / O. Feldman & C. de Landtsheer. – London : Praeger, 1998. – 212 p.
12. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов. – Режим доступа: http://slovarozhegova.ru/ (дата обращения: 05.09.2017).
13. Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]. – URL: http://www.ldoceonline.com/index.html (accessed: 5.08.2017).
14. В.В. Путин: встреча с журналистами [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента РФ. – 04.03.2014. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/20366 (дата обращения: 05.09.2017).
15. Германии предложили на выбор: дрова или энергетическое сотрудничество [Электронный ресурс] // Вести.RU. – 26.11.2010. – Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=409641# (дата обращения: 07.09.2017).
16. Д. Трамп: первое заявление в новом статусе [Электронный ресурс] // Россия 24. – 09.11.2016. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=M9XNCbccgFw (дата обращения: 05.09.2017).
17. Дипломатический скандал: на борту самолета Эво Моралеса искали беглого сотрудника ЦРУ [Электронный

ресурс] // Первый канал. – 03.07.2013. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2013-07-03/61564-diplomaticheskiy_skandal_na_bortu_samoleta_evo_moralesa_iskali_beglogo_sotrudnika_tsru (дата обращения: 07.09.2017).

18. Пленарное заседание 18-го Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс] // Сайт Администрации Президента РФ. – 23.05.2014. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/21080/videos (дата обращения: 10.09.2017).

19. Программа «Иностранцы» [Электронный ресурс] // Русская служба новостей. – 10.12.2010. – Режим доступа: http://www.rusnovosti.ru/popupplayer?type=release&id=123451&param1=106844 (дата обращения: 12.12.2014).

20. Программа «Иностранцы» [Электронный ресурс] // Русская служба новостей. – 14.06.2013. – Режим доступа: http://www.rusnovosti.ru/popupplayer?type=release&id=266843&param1=106844 (дата обращения: 12.12.2014).

21. Программа «Иностранцы» [Электронный ресурс] // Русская служба новостей. – 08.08.2013. – Режим доступа: http://www.rusnovosti.ru/popupplayer?type=release&id=275963&param1=106844 (дата обращения: 12.12.2014).

22. Donald Trump Victory Speech [Electronic resource] // ABC news. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=Qsvy10D5rtc (accessed: 5.09.2017).

23. St. Petersburg International Economic Forum 2014 [Electronic resource] // Kremlin. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=PePDXoFGkHw (accessed: 10.09.2017).

24. Vladimir Putin On Nuclear Energy [Electronic resource] // Russia Today. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=PtAbmvbG4mk (accessed: 7.09.2017).

25. Vladimir Putin On Snowden: Russia not kind of country which gives up those who fight for human rights [Electronic resource] // Russia Today. – URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=3&v=vZ9N1wHAPdk (accessed: 7.09.2017).

26. Vladimir Putin Press Conference On Ukraine Crisis [Electronic resource] // RealClearPolitics.com. – URL: http://www.realclearpolitics.com/video/2014/03/04/ full_video_vladimir_putin_holds_press_conference_on_ukraine_crisis.html (accessed: 5.09.2017).

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА ПРИ ЛОКАЛИЗАЦИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

К.Ю. Каширина

И.В. Крыкова

Каширина Ксения Юрьевна – редактор переводов компании Logrus IT (г. Москва).

Контактный адрес: ksenia.cashi@gmail.com

Крыкова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» (г. Москва).

Контактный адрес: krykova_irina@mail.ru

В статье описываются различные подходы к оценке качества перевода и приводятся ограничивающие факторы, препятствующие созданию универсальной и объективной системы оценки качества перевода. Исследование проводится на основе анализа особенностей и трудностей перевода имен персонажей при локализации компьютерных игр. Делается вывод о необходимости создания более гибкой и практически применимой системы оценки качества перевода на основе четкой классификации ошибок. Предлагаются новые критерии оценки качества перевода и формулируются требования к новому подходу к критике переводного текста.

Ключевые слова: оценка качества перевода, локализация компьютерных игр, переводческая ошибка, научная критика перевода.

Что представляет собой «хороший перевод»? Почему один текст перевода воспринимается носителем языка перевода как оригинал, а другой – как переводной? Почему даже абсолютно безошибочный с точки зрения норм и узуса языка текст перевода кажется менее удачным, в то время как некоторые погрешности в другом тексте перевода не привлекают внимание на фоне его общей притягательности.

Проблема оценки качества перевода на сегодняшний день является одним из главных объектов внимания переводоведов. Данной проблеме посвящено множество теоретических исследований, и в настоящее время существуют различные подходы к ее решению [8; 14–16; 20; 21]. Оценочные параметры и их характеристики варьируются в зависимости от переводческой школы, в связи с чем как в академической, так и в рабочей среде нет универсальной общепринятой системы оценки качества перевода. В большинстве научных трудов, посвященных этому вопросу, выделяется определенный нормативный аспект, на который должен ориентироваться критик текста перевода. Существуют бихевиористические теории, где внимание прежде всего уделяется прагматическому аспекту [20]. Приверженцы функционалистического подхода выделяют функциональную составляющую текста и его ориентированность на реципиента [21].

Основной проблемой существующих систем оценки качества перевода является чрезмерная теоретизация процесса оценки. Описанные выше подходы к критике перевода отличаются долей субъективности и не выделяют четких критериев отличия качественного переводного текста от некачественного, как отмечает в своей книге Ю. Хаус [16: с. 13]. Того же мнения придерживается и Е.А. Ковальчук [7]. Она подчеркивает, что ни одна из теоретических или прикладных систем оценки качества перевода не может быть признана универсальной.

В своей статье «Новые подходы к оценке качества перевода» М.В. Вербицкая отмечает, что самым перспективным термином в области оценки качества перевода является репрезентативность, так как охватывает наибольший спектр особенностей текста с точки зрения перевода [3]. Кроме того, концепция репрезентативности представляет набор четких требований для качественного текста перевода и предусматривает глубокий анализ текста и отдельных его компонентов (макроуровень и микроуровень). Несмотря на указанные преимущества, такой подход также обладает некоторой долей абстрактности, хотя и может быть применен к любому типу текстов.

Одним из примеров модели оценки качества перевода, а не совокупности норм, которым должен соответствовать текст, является модель Ю. Хаус [16: с. 21], которая полагает, что главным параметром оценивания является функционально-прагматическая эквивалентность текста перевода. Перевод, по мнению Ю. Хаус, представляет собой реконтекстуализацию текста оригинала в прагматически, семантически и текстуально эквивалентный текст перевода. Кроме того, Ю. Хаус подчер-

кивает, что стоит разграничивать лингвистическую и общественную оценку текста перевода [16: с. 25]. Под общественной оценкой (social assessment) при этом понимается восприятие текста реципиентом–носителем языка перевода, возможно, не обладающим специфическими лингвистическими навыками.

Немаловажным для построения системы оценки качества перевода является создание четкой, теоретически обоснованной и практически применимой классификации переводческих ошибок, что также представляет собой существенную проблему. Наиболее полно существующие фундаментальные исследования отечественных и зарубежных ученых на тему «Новые подходы классификации переводческих ошибок» рассматриваются в одноименной статье С.А. Корольковой [9]. Автор анализирует преимущества и недостатки самых перспективных систем классификации и их применимость к учебной среде. В настоящее время также разрабатываются государственные стандарты оценки качества переводных текстов определенного направления. Для точного определения количества переводческих ошибок и их природы используются европейские компьютерные программы BlackJack и J2450 Translation Quality Metric. Данные программы имеют широкое практическое применение, однако, как замечает в своей статье Е.А. Ковальчук, они обладают некоторыми погрешностями, которые так или иначе связаны с абстрактностью в системе оценивания [7].

Четкая классификация переводческих ошибок («неправильного») представляет собой основу эффективной системы оценки качества перевода, так как позволяет выявить отклонения от некоторых общепринятых норм перевода. Сложность создания такой классификации заключается прежде всего в трактовке самого понятия «переводческая ошибка», так как не существует его общепринятого определения. Поэтому, как замечает Е.А. Гильмуллина, ошибка трактуется различными авторами либо как неправильно выполненное действие, либо как результат такого действия, или же принимается как однозначно понимаемое всеми явление [4: с. 28]. Важно учитывать природу ошибки и то, на каком из двух этапов порождения переводческого текста она возникла (ошибки понимания и перевыражения соответственно), что действительно может помочь составить более верное представление о работе переводчика, однако такой анализ редко осуществим на практике. Во-первых, в связи с тем что причина совершения ошибки бывает неоднозначна даже для самого переводчика. Во-вторых, процесс создания текста перевода во многих аспектах является творческим, особенно в случае с компьютерной игрой (КИ), а любое творчество предполагает размытость норм. Кроме того, ввиду широкой вариативности средств передачи информации часто нельзя назвать однозначно «правильный» вариант перевода. Таким образом, представляется более объективным ориентироваться на результат. В этом случае классификация переводческих ошибок будет базироваться на том, на каком языковом уровне языка и при каких обстоятельствах допущена ошибка.

Проблема оценки качества перевода в рамках локализации рассматривается в монографии М. О'Хаган и К. Мангирон [18], а ранее упоминается в работах Э. Пима [19]. Согласно утверждению первых существует явная необходимость в проведении эмпирических исследований с целью унификации требований, предъявляемых к переводу как одному из этапов процесса локализации. Новая система оценки должна быть основана на биометрических исследованиях и сочетать в себе параметры анализа общей объективной оценки и индивидуальной реакции реципиента. Такой способ является принципиально новым направлением в прикладных аспектах переводоведения [18: с. 13]. Э. Пим, рассуждая об эквивалентности как параметре оценки качества текста, утверждает, что при ориентировании на данную норму теряется связь текста оригинала с оригинальной культурой, в связи с чем достижение формальной эквивалентности не всегда ведет к улучшению качества перевода [19: с. 57].

Как уже было сказано, теории оценки качества перевода привязаны к одной из переводческих школ или имеют большую степень абстрактности ключевых понятий. Так, общеизвестные критерии эквивалентности и адекватности, предложенные В.Н. Комиссаровым [8], не могут быть признаны универсальными, поскольку, во-первых, они не отражают некоторых технических особенностей и ситуации перевода, а во-вторых, являются достаточно абстрактными, в связи с чем их трудно интерпретировать однозначно и использовать в рабочей обстановке [6]. Данные понятия больше применимы к оценке качества перевода в академической среде, так как предполагают глубокий анализ текста с научной точки зрения и носят теоретический характер. Кроме того, критерии В.Н. Комиссарова не основаны на четкой классификации переводческих ошибок. Многие переводоведы (например, С.В. Тюленев [14], И.С. Алексеева [1]) также признают, что эквивалентность текста оригинала и текста перевода, как правило, недостижима ввиду различий между языковыми системами. Достижение тождественности плана содержания текстов оригинала и перевода также нередко не является первостепенной целью заказчика. К примеру, в случае с компьютерными играми достижение необходимого прагматического эффекта часто важнее, чем точная передача фактической информации. К тому же весь процесс локализации выполняется в сжатые сроки, в связи с чем на первое место часто

выходит сам факт выполнения работы, а не качество или эффект, производимый на реципиента.

Абстрактность существующих критериев не является единственной проблемой, затрудняющей создание улучшенной системы оценки качества перевода. Немаловажную роль в оценке качества играет фактор субъективности оценивающего, или критика. В идеальной ситуации критик представляется третьим лицом (не заказчиком и не самим переводчиком), которое остается абсолютно беспристрастным при оценке качества проведенной работы. Однако такая ситуация встречается так же редко, как и абсолютное согласие между двумя людьми из-за различных точек зрения и способов мышления, а также полноты экстралингвистических знаний и особенностей социокультурной среды, в которой вырос человек. Большинство теорий оценки качества перевода основываются на том, что в роли критика чаще всего выступают преподаватели или редакторы. Однако в современном мире большую роль в оценке результатов перевода играет реакция потребителя, и ярким подтверждением этого является перевод в рамках локализации компьютерных игр. Критиками перевода в данном случае являются игроки, ведь именно они ощущают на себе последствия переводческой ошибки или по достоинству оценивают мастерство перевода. Игроки пишут критические статьи [5], где делятся своим мнением по поводу качества перевода локализационной версии игры, потому что прежде всего учитывается мнение потребителей.

Стоит также отметить, что подход к оценке качества перевода значительно зависит от условий ее проведения. Например, оценка качества перевода в дидактических целях отличается от оценки качества перевода при приеме переводчика на работу. Также стоит снова упомянуть разницу между глубоким теоретическим анализом текста перевода и его общественной оценкой или оценкой, осуществляемой носителем языка перевода, не знакомым с теоретическими аспектами переводоведения. Основное различие заключается в том, кто осуществляет роль критика: редактор, преподаватель, сотрудник отдела кадров, рецензент, носитель языка. В рабочих условиях критик в некоторых случаях не является профессионалом в области перевода и, таким образом, воспринимает текст на интуитивном уровне как носитель языка перевода. Рамки профессиональных обязанностей часто бывают размытыми; кроме того, нет единого толкования понятия «переводческой стратегии», т.е. инструменты, которыми пользуется переводчик, трудно определить с точностью.

Таким образом, ни одна из существующих теорий оценки качества перевода не может быть признана универсальной для какого-либо конкретного переводческого направления по причине субъективности, узкой направленности или высокой степени абстрактности параметров, а также низкой практической значимости [12]. Именно поэтому стоит обратиться к лингвистическому анализу отдельных единиц текста, синтезу их ключевых особенностей и функций, к существующим способам их перевода, а также к классификации переводческих ошибок, чтобы на основе полученных данных сформулировать конкретные параметры оценки качества перевода единиц в рамках определенного дискурса. Важно также учесть некоторые другие сложившиеся тенденции в переводческой индустрии, особенности процесса перевода, а также различия между языками. Так, при оценке качества перевода должны учитываться вариативность понимания текста оригинала и вариативность средств выражения переводящего языка. Концепция вариативности является основой формирующейся сегодня нормы множественности вариантов текста перевода [13]. Кроме того, мыслительный процесс недостаточно изучен, хотя в этом направлении предприняты решительные шаги при помощи исследований, проводимых в рамках когнитивной лингвистики [10]. Только эти два фактора ставят под сомнение возможность определения природы переводческой ошибки и возможность установления знака равенства между сообщением текста оригинала и текста перевода. В работах С.В. Тюленева и И.С. Алексеевой было доказано, что между оригиналом и переводом существуют несомненные различия, в связи с чем энтропия неизбежна [1; 14] из-за ряда причин, связанных как с процессом создания текста оригинала, так и с созданием текста перевода:

– логические и формальные ошибки в тексте оригинала;

– различия в формах языкового выражения;

– культурные и этнические различия источника и реципиента.

Различия языковых систем, норм и узуса языков также являются основными лингвистическими факторами, ограничивающими возможность достижения эквивалентности, а также препятствующими объективной оценке качества перевода, так как они затрудняют определение «правильного» и «неправильного».

Таким образом, главными требованиями к системе оценки качества перевода должны быть:

– объективность оценивания;

– универсальность;

– понятная и точная классификация переводческих ошибок;

– конкретная система норм;

– четкая шкала присвоения оценок;

– применимость на практике.

Однако не все вышеизложенные требования могут быть осуществимы в полной мере. Идеальная ситуация, предполагаемая каждым вышеуказанным требованием, представляется крайне редко. Этому препятствуют некоторые ограничивающие факторы, а именно:

– принципиальное отличие коммуникативных заданий;

– обстоятельства выполнения перевода (сроки, технические ограничения и т.д.);

– субъективность критики;

– вариативность средств выражения;

– особенности мыслительного процесса человека;

– различия языковых систем, норм и узуса языка;

– неоднозначность роли критика (кто осуществляет оценку качества перевода);

– сложность выяснения и трактовки интенции автора;

– условия и цель проведения оценки качества перевода (в дидактических целях; тестовое задание при приёме на работу; текст, предназначенный к публикации; общественная оценка);

– разница в трактовке некоторых понятий («ошибка», «норма», «правильный/неправильный»);

– относительность «веса» ошибки (причисление к категории «грубая» или «незначительная»);

– изменчивость языковых норм.

Каждый из вышеперечисленных факторов является ограничивающим для одного или нескольких требований к идеальной системе оценки качества перевода. Условно все факторы можно разделить на три категории:

– лингвистические особенности (языковые особенности текста оригинала; различия между языками; изменение языка; особенности текста перевода);

– технические особенности (особенности переводческой ситуации; обстоятельства, при которых выполняется перевод и его оценка; общие тенденции и сложившийся порядок в переводческом сообществе);

– человеческий фактор (разница в мышлении и восприятии; психологические особенности личности критика).

Наиболее перспективными для создания оценки качества перевода представляются нормативные критерии репрезентативности текста на макро- и микроуровне. Репрезентативность понимается как способность перевода замещать собой оригинал в языке и культуре перевода [14: с. 153]. Самым главным преимуществом данной концепции является выделение минимальных требований к тексту перевода:

1) перевод должен точно передавать фактическую информацию, содержащуюся в тексте оригинала;

2) коммуникативная цель перевода должна совпадать с целью создания оригинала;

3) текст перевода должен верно указывать на принадлежность оригинала к тому или иному функциональному стилю;

4) перевод должен точно воспроизводить авторское отношение к излагаемому в переводимом тексте материалу [14: с. 146].

Репрезентативность на микроуровнях достигается посредством постоянной верификации транслатем с учетом следующих критериев:

1) содержания языковой единицы (сохранение в тексте перевода конкретного, реализованного в определенном контексте содержания языковой единицы);

2) интенции автора при выборе определенной языковой единицы (сохранение в тексте перевода цели, которую преследовал автор, выбирая ту или иную языковую единицу);

3) стилистической окраски языковой единицы (сохранение в тексте перевода стилистической маркированности языковой единицы) [14: с. 151].

На наш взгляд, основой для нового подхода к оценке качества перевода может стать один из новых видов перевода, а именно перевод в сфере локализации компьютерных игр. Индустрия производства и реализации продуктов развлекательного характера является одним из самых динамично развивающихся секторов экономики, а услуги переводчиков в данной сфере всё более востребованы в связи с необходимостью расширения рынка сбыта за счет включения других стран и регионов [19: с. 16].

Перевод текстов компьютерных игр представляет несомненный интерес для исследования в связи с особенными переводческими трудностями и требованиями к качеству выполненного перевода. Стоит отметить тесную связь лингвистического и технического компонентов: выбор стратегии перевода часто определяется особенностями игрового жанра, спецификой сложившихся общественных конвенций и технической средой. К тому же текст сюжетных компьютерных игр содержит большое количество окказионализмов, сложных имен, разнообразных стилистических приемов и других лингвистических особенностей. Некоторые игры имеют свой собственный терминологический аппарат и в них широко используется компьютерный сленг, подверженный постоянным изменениям. Появление таких черт в игровом тексте связано с тем, что основная коммуникативная цель большинства компьютерных игр – эмоциональное воздействие на реципиента, завладение вниманием и увлечение процессом игры.

В статье мы рассмотрим особенности перевода отдельных единиц текста компьютерных игр, выбранных в качестве материала для исследования проблемы оценки качества перевода: это имена персонажей популярной ролевой компьютерной

игры Fallout New Vegas [11]. Имена собственные в текстах компьютерных игр представляют собой новый предмет исследования с точки зрения переводоведения как многокомпонентная и функционально значимая категория. Наряду с основной номинационной функцией [17] имя персонажа в компьютерных играх реализует следующие функции:

– информативную: предоставление общей игровой информации (принадлежность к фракции, расе и т.п.);

– характеризационную: указание личных особенностей персонажа (причисление к «добрым» и «злым», особенности характера, род деятельности, статус и т.п.);

– идентификационную: обозначение принадлежности персонажа к определенной национальности, намек на его происхождение.

Конкретные примеры реализации каждой функции персонажа с указанием части речи, выполняющей функции именования, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Примеры функций имени персонажа в компьютерной игре

Имя персонажа (ориг.)	Часть речи	Функция	Толкование
Isaac	Существительное (антропоним)	Номинационная	Языковая единица выполняет только функцию именования
Ignacio Rivas	Существительное (антропоним)	Идентификационная	Этимология имени указывает на расовую принадлежность персонажа
Yes Man	Междометие; существительное	Характеризационная	Имя отражает ключевую особенность персонажа. Данный персонаж – робот, всегда соглашающийся с человеком
Little Buster	Прилагательное; существительное	Характеризационная	Кличка характеризует персонажа, выделяя негативную сторону его характера
Scavenger	Существительное	Характеризационная, информативная	В имени содержится информация о деятельности персонажа и имеет негативную коннотацию; отсутсвие имени собственного у персонажа говорит о его второстепенной роли в сюжете игры

В игровой среде имена персонажей помогают игроку получить определенные сведения, необходимые для дальнейшего понимания сюжета, и создают общий образ персонажа. Так, видя персонажа по имени *Legate Lanius*, опытный игрок понимает, что это член потенциально агрессивной фракции *Ceasar Legion*, где он занимает высокое положение в иерархии, а также, скорее всего, является одним из ключевых действующих лиц сюжетной линии, так как второстепенные персонажи этой фракции именуются по званию (например, *Recruit Legionary, Praetorian Guard* и др.). В компьютерной игре присутствуют новые традиции именования, основанные на сложившихся особенностях компьютерного дискурса (имена, включающие дополнительную лексическую единицу или состоящие из имен нарицательных), а также новые категории имен собственных (имена роботов, мутантов и существ других разумных рас). Как и в литературном произведении, правильно воссозданный лингвистический образ персонажа в компьютерной игре создает общее впечатление о качестве перевода.

Именно эти особенности и создают новые трудности при переводе имен персонажей, что влечет за собой появление новых категорий ошибок и несоответствий. Чаще всего сложные проблемы возникают на культурологическом уровне и уровне малого синтаксиса. Ярким примером труднопереводимой единицы является имя персонажа *Drill Sergeant*. Для жителей США этот персонаж представляет собой образ недалёкого и грубого военного, занимающегося муштрой новобранцев. Данный оним имеет четкую негативную и ироничную коннотацию. Предположительным вариантом перевода может быть использование традиционного именования («*Сержант-инструктор*») либо использование функционального аналога («*Прапор*»). Так или иначе, аллюзия будет потеряна, что нарушит репрезентативность на микроуровне, так как у русскоговорящей аудитории имя не вызовет нужных ассоциаций (первый случай), или же имя потеряет свой американский колорит (второй случай).

В некоторых случаях сложно отнести ошибки к определенной «классификации», ввиду того, что иногда представляется невозможным точно выяснить их природу или определить, каким приемом пользовался переводчик. Например, в игре встречается имя *Gilles*. Это может быть фамилия французского происхождения, которая имеет различные варианты произношения. Кроме того, *Gilles* – французское мужское имя, которое имеет соответствие «*Жиль*» в русском языке. Так как имя и пол персонажа не указаны, а в игре вслух имя ни разу не произносится, трудно определить вариант перевода. Также относительным можно назвать определение «веса» ошибки, так как ошибка, критичная для одного случая, может оказаться несущественной для другого. Так, излишне «вольный» перевод имени персонажа КИ может быть обусловлен двумя факторами. Во-первых, длина строки, в которую должно быть умещено имя, часто ограничена. Во-вторых, перевод имен персонажей осложняется

наличием стилистических приемов (табл. 2), использующихся не только в целях усиления прагматического эффекта, но и для информирования игрока о характере персонажа («плохой» / «хороший»), что помогает игроку определить стиль поведения в процессе прохождения игры и ориентироваться в сюжете.

Таблица 2

Примеры использования стилистических приемов в именах персонажей компьютерной игры

Оригинал	Стилистическое средство
Jean-Baptiste Cutting	Негативная коннотация
Easy Pete	Антономазия
Trash	Аллюзия на вымышленного персонажа; негативная коннотация
Sergeant Bitter-Root	Антономазия
Chomps Lewis	Звукоподражание
Mister Holdout	Антономазия
Vulpes Inculta	Антономазия
Cook-Cook	Повтор

Итак, если мы сосредоточимся на оценке качества перевода имен персонажей конкретной компьютерный игры, то столкнемся с множеством сторонних факторов, влияющих на сам процесс перевода. Это трудности в определении интенции автора (наличие или отсутствие дополнительной коннотации или отсылки), технические трудности (отсутствие у переводчика сведений о персонаже; особенности технической среды; специфика игры), широкая вариативность средств выражения, а также роль творческого подхода при создании прагматически адекватного перевода. Все это указывает на то, что достигнуть должного уровня объективности при оценке вряд ли возможно, а ведь именно этот критерий является наиболее важным.

Мы приходим к выводу о том, что создание полностью четкой, объективной и универсальной системы оценки качества перевода является практически невозможным. В связи с этим, предположительно, стоит создать предельно гибкую систему категоризации и классификации ошибок для каждого конкретного направления перевода, ориентируясь на нормы технологии перевода, сложившиеся в определенной сфере. Для причисления тексту перевода статуса «хороший», «приемлемый» или «плохой» предлагается использовать термины «репрезентативность», «нерепрезентативность» и «неполная репрезентативность». Статус присваивается тексту перевода в зависимости от коммуникативного задания и обстоятельств выполнения перевода. Кроме того, стоит принимать во внимание реакцию реципиента, так как во многих случаях именно правильная с точки зрения цели реакция является показателем качества выполненного перевода.

Репрезентативный перевод не только отражает все критерии репрезентативности на макро- и микроуровне, описанные С.В. Тюленевым, но и не содержит ошибок, характерных для конкретной переводческой среды. Характеристика «нерепрезентативность» может быть присвоена переводу только в случае наличия определенного количества ошибок, которые являются грубыми для конкретного контекста. Примером такой ошибки может быть искажение смысла или потеря прагматического эффекта при наличии у переводчика сведений о персонаже и отсутствии технических ограничений. Например, персонаж по имени *Muggy* – робот, который имеет характерную особенность: одержимость кофейными кружками. Имя было переведено как «*Кружок*», что разрушает образ персонажа и не соответствует интенции автора. В соответствии с сюжетом робот был создан в качестве насмешки над антагонистом игры, поэтому имя передает иронию. Для сохранения этого эффекта представляется возможным использовать один из характерных для русского языка способов образования имени или фамилии, например, «*Кружкин*», или же передать имя калькой: «*Кружка*». Также возможно использовать диминутивную форму имени для обозначения иронии: «*Кружечка*». Наиболее удачным функциональным аналогом также может стать вариант перевода «*Кружкоман*».

Перевод, обладающий «неполной репрезентативностью», имеет ряд лингвистических или технологических проблем, но при этом отвечает общим требованиям направления (например, более короткий вариант, который, однако, соответствует размеру графического объекта, куда будет помещен). Данный статус также может быть причислен к неоднозначному варианту перевода. Для примера обратимся к уже указанному имени *Drill Sergeant*: вариант переводчика («*Сержант-инструктор*»), с одной стороны, не обладает прагматическим эффектом для большинства русскоговорящих игроков. Однако, с другой стороны, вариант более близкий к смыслу помогает репрезентировать культуру исходного языка, показать американские реалии, что, как отмечает в своей статье переводовед Е.В. Белоглазова [2], является наиболее важным аспектом процесса перевода. Сложно признать один из вариантов однозначно «правильным» или «неправильным». Таким образом, перевод может быть охарактеризован как обладающий «неполной репрезентативностью» в следующих случаях:

– вариант перевода не может быть однозначно охарактеризован как «ошибочный» или «правильный»;

– степень грубости ошибки в данном конкретном случае не высока (по мнению критика);

– интенция автора или природа возникновения ошибки не ясна;

– присутствует энтропия, переводчику не известны некоторые экстралингвистические подробности;

– перевод отвечает лингвистическим нормам, но нарушает некоторые технические требования, не отражает специфики среды, для которой предназначен, или не производит нужного эффекта на аудиторию.

Критерии «репрезентативность», «неполная репрезентативность», «нерепрезентативность» предлагается сделать основой для формирования гибкой системы оценки качества перевода, которая основана на подробном анализе ошибок, характерных для конкретного типа текста и направления перевода. Кроме того, мы предполагаем привлекать конечного потребителя текста к формированию окончательной оценки. При оценке предлагается учитывать специфику текста, тенденции направления, предпочтения аудитории, а также технические особенности среды перевода. При таком подходе субъективность оценки снижается, критерии перестают быть абстрактными. Подобная система оценки отражает неоднозначность процесса перевода и вариативность средств передачи авторской мысли, а также допускает размытость норм и существование различных точек зрения, что позволит вывести процесс оценки качества перевода на более практический уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева, И.С.* Введение в переводоведение / И.С. Алексеева. – СПб. : Академия, 2004. – 352 с.
2. *Белоглазова, Е.В.* Три вида культурологического перевода / Е.В. Белоглазова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – № 1. – С. 37–41.
3. *Вербицкая, М.В.* Новые подходы к оценке качества перевода / М.В. Вербицкая // Сб. науч. тр. в честь юбилея засл. проф. МГУ С.Г. Тер-Минасовой. – М. : Гнозис, 2008. – С. 159–162.
4. *Гильмуллина, Е.А.* Оценка качества перевода: квантитативно-системный подход : дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Гильмуллина Евгения Андреевна. – СПб., 2016. – 695 с.
5. Интернет-журнал «Игромания» [Электронный ресурс] : рецензии. – Режим доступа: https://www.igromania.ru (дата обращения: 24.11.2017).
6. *Княжева, Е.А.* Оценка качества перевода: проблемы теории и практики [Электронный ресурс] / Е.А. Княжева. – Режим доступа: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2010/02/2010-02-36.pdf (дата обращения: 22.11.2017).
7. *Ковальчук, Е.А.* Оценка качества перевода: проблема поиска эффективных методов, стандартов и параметров / Е.А. Ковальчук // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2010. – № 11–2 (2). – С. 81–85.
8. *Комиссаров, В.Н.* Общая теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
9. *Королькова, С.А.* Переводческие ошибки: классификация и критерии оценивания в дидактике письменного перевода / С.А. Королькова // Иностранные языки в высшей школе. – 2012. – № 1(20). – С. 78–85.
10. *Кочетова, О.А.* Проблемы и задачи когнитивной лингвистики [Электронный ресурс] / О.А. Кочетова. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru (дата обращения: 1.12.2017).
11. Персонажи Fallout New Vegas [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ru.fallout.wikia.com (дата обращения: 26.11.2017).
12. *Петрова, О.В.* Существуют ли универсальные критерии оценки качества перевода [Электронный ресурс] / О.В. Петрова. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/otsenka-kachestva-perevoda-i-ispolzovanie-adekvatnosti-i-ekvivalentnosti-kak-kriteriev-otsenki-kachestva-perevoda (дата обращения: 15.11.2017).
13. *Солдатова, Л.А.* Межъязыковая коммуникация и множественность перевода / Л.А. Солдатова // Альманах современной науки и образования. – 2010. – № 1(32). – С. 139–143.
14. *Тюленев, С.В.* Теория перевода / С.В. Тюленев. – М. : Гардарики, 2004. – 336 с.
15. *Швейцер, А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.
16. *House, J.* Translation quality assessment: Past and Present / Juliane House. – London and New York : Routledge, 2015. – 160 p.
17. *Nord, C.* Proper names in translations for children: Alice in wonderland as a case in point [Electronic resource] / Christiane Nord. – URL: https://www.erudit.org/fr/revues/ meta/2003-v48-n1-2-meta550/006966ar/ (accessed: 28.11.2017).
18. *O'Hagan, M.* Game localization / Minako O'Hagan, Carmen Mangiron. – Amsterdam : John Benjamin's, 2013. – 387 p.
19. *Pym, A.* Moving Texts / Antony Pym. – Amsterdam : John Benjamin's, 2004. – 245 p.
20. *Toury, G.* Descriptive Translation Studies and Beyond / Gideon Toury. – Amsterdam : John Benjamin's, 1995. – 350 p.
21. *Williams, M.* Translation Quality Assessment: an argumentation-centered approach / Malcolm Williams. – Ottawa : University of Ottawa Press, 2004. – 210 p.

СВЯЗНОСТЬ ДИСКУРСА И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПЕРЕВОДУ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ

А.А. Блюднева

Блюднева Александра Александровна – магистр лингвистики, аспирант кафедры теории преподавания иностранных языков Факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Контактный адрес: aleksandra.bliudneva@gmail.com

В статье дискурсивные маркеры рассматриваются как элементы, образующие вспомогательную систему дискурса и обеспечивающие его связность на трех уровнях: связь между высказываниями дискурса, связь дискурса в целом с его авторами и связь дискурса в целом с реальной ситуацией, в которой он производится. Отмечается, что в целях сохранения связности текста в процессе перевода необходимо выработать способ адекватной передачи дискурсивных маркеров. Предполагается, что поиск переводческих соответствий должен осуществляться на основании функции, которую дискурсивный маркер выполняет в данном лингвистическом и экстралингвистическом контексте. Для оценки переводческой эквивалентности предлагается параметр функциональной общности.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивные маркеры, связность, функциональная эквивалентность, художественный перевод, киноперевод.

Современный этап развития целого ряда социально-гуманитарных наук отмечен устойчивым интересом к дискурсу. Так, термин «дискурс» можно встретить в научно-исследовательских работах не только по лингвистике, но и по философии, антропологии, социологии, психологии и журналистике. При этом каждая наука располагает своим комплексом методов и средств при исследовании дискурса и, как следствие, делает акцент на разных аспектах его функционирования.

В самой же лингвистике под дискурсом понимается «связная последовательность предложений, произнесенных или записанных одним человеком или несколькими людьми в конкретной ситуации» [30: с. 3]. Иными словами, дискурс – это речевое произведение, устный или письменный текст, созданный одним или несколькими авторами. При этом отмечается, что дискурс – это, во-первых, связный текст, а во-вторых, текст, связанный с определенными реальными условиями (автор, тематика, стиль общения и т.д.), которые, как правило, устойчиво влияют на свойства текста и закономерно соотносятся с его структурой [30: с. 1–3]. Таким образом, для анализа дискурса ключевым понятием является связность – термин, который обозначает (1) связность предложений внутри дискурса, а также связь дискурса в целом с (2) его автором и (3) ситуацией, в которой текст произведен.

Связность дискурса, главным образом, достигается с помощью дискурсивных маркеров, а именно таких элементов, как «actually», «anyway», «I mean», «I see», «now», «sort of», «that's right», «you know», «you see», «well»; «можно сказать», «наверное», «просто», «скажем», «соответственно», «таким образом» и т.д. На основании аналитического обзора трудов как отечественных, так и зарубежных исследователей [3; 6; 18; 21; 32; 35] формулируем следующее определение дискурсивного маркера. Дискурсивные маркеры – это класс структурно неоднородных вспомогательных единиц дискурса, которые объединены по ряду характеристик: они лишены или почти лишены пропозиционального значения, не включены или слабо связаны с соответствующей синтаксической структурой, не имеют четкой грамматической функции и не являются (грамматически) обязательными единицами, являются стилистически окрашенными и присущи чаще устной, чем письменной речи, характеризуются высокой частотностью, часто фонологически редуцируются, являются полифункциональными единицами, выполняющими функции на текстовом и прагматическом уровне дискурса.

Отметим, что в научно-исследовательской литературе используются разные термины для обозначения дискурсивных маркеров. Так, в зарубежной лингвистике встречаются такие термины, как прагматическая частица [28], дискурсивная частица [18; 38], прагматический маркер [19; 27] и др. Однако, по нашим наблюдениям, термин «дискурсивный маркер» является наиболее частотным [23; 28; 33; 36].

В российской лингвистике вышеперечисленные термины встречаются наряду с терминами «метатекстовые единицы» [16], «рефлексивы» [2], «дискурсивы» [3; 15] и др. Самое широкое распространение получил термин «дискурсивные слова», вошедший в употребление после издания монографий «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка» [1] и «Дискурсивные слова русского языка» [5; 6], написанных коллективом сотрудников Института русского языка РАН. Однако отечественные исследователи неоднократно отмечали [3], что термин «дискурсивные слова» неоправданно сужает круг единиц, высту-

пающих в качестве вспомогательных единиц дискурса, так как помимо отдельных слов (например, «соответственно», «well») эту функцию могут выполнять словосочетания (например, «можно сказать», «so to speak») и простые предложения (например, «обратимся к следующему вопросу», «there is no doubt that…»). В данной связи ряд отечественных исследователей стали предпочитать термину «дискурсивные слова» термин «дискурсивные маркеры», взятый из англоязычной литературы по теме [7; 11; 14]. Следует также указать на то, что хотя дискурсивные маркеры стали специально изучаться в России только с 1990-х гг., сами единицы, которые включаются в данный класс (частицы, модальные и служебные слова), безусловно, изучались отечественными исследователями и раньше [4; 8; 13].

Несмотря на кажущуюся тривиальность дискурсивных маркеров, их изучение оказывается проблематичным, в первую очередь из-за отсутствия у них предметного значения, а также их структурной неоднородности и полифункциональности. Но если применительно к отдельным языкам многие аспекты функционирования дискурсивных маркеров уже довольно глубоко и всесторонне изучены, то в области сопоставительного изучения и перевода дискурсивных маркеров остается еще немало вопросов.

Прежде всего, как за рубежом, так и в России исследователи задаются вопросом, стоит ли считать передачу дискурсивных маркеров особой проблемой перевода [12; 17; 29]. Исходя из того, что дискурсивные маркеры не имеют пропозиционального значения, т.е. в строгом смысле не влияют на то, что сообщается в высказывании, и могут быть опущены без видимого вреда, в качестве очевидного решения часто предлагается игнорировать дискурсивные маркеры в переводе.

Более того, в силу того же отсутствия пропозиционального значения, а также тесной связи с контекстом и полифункциональности дискурсивных маркеров порой утверждается их «непереводимость» [13]. Отмечается, что дискурсивным маркерам в тексте оригинала крайне редко удается найти однозначные соответствия в языке перевода. Поиск переводческих соответствий осложняется тем, что непонятно, по какому параметру оценивать эквивалентность оригинального дискурсивного маркера и его перевода [10]. Очевидно, в качестве такого параметра не может быть выбрана ни одинаковая линейная протяженность, ни морфологическая близость, ни семантическая общность.

Отвечая на первое замечание, мы утверждаем, что, несмотря на то что дискурсивные маркеры не несут пропозиционального содержания, они, тем не менее, выполняют важные текстовые и прагматические функции в дискурсе и должны находить такое же отражение в переводе, как и полнозначные слова.

Прежде всего, дискурсивные маркеры [28; 33; 36; 37] выступают в качестве операторов текстовой связности (связность в смысле 1), указывая на отношения соседних высказываний («local coherence» [37: с. 31]) и более крупных фрагментов дискурса («global coherence» [37: с. 31]). Образуя между компонентами дискурса отношения соотнесенности, противопоставления, вывода, уточнения и т.д. [28], дискурсивные маркеры обеспечивают важную строевую функцию, делая дискурс организованным и понятным для восприятия. Следовательно, частое опущение дискурсивных маркеров в переводе или их неадекватная передача приводит не только к тому, что в переводе теряется ощущение естественности реального общения, но и к нарушению логической связи между высказываниями и в конечном итоге к потере коммуникативного эффекта перевода.

Далее, дискурсивные маркеры выполняют важную роль в установлении связи дискурса с его авторами (связность в смысле 2). С одной стороны, они позволяют заглянуть в процесс построения и оформления мысли говорящим (внутренняя логика размышлений, причинно-следственные связи, временная соотнесенность и т.д.) [38] и служат показателями «металингвистической осведомленности» собеседников относительно того, «…в каком речевом взаимодействии они участвуют, все ли идет гладко в этом процессе, и как они к нему относятся» [19: с. 4]. Очевидно, подобная информация может пригодиться переводчику и в ряде случаев должна находить отражение в тексте перевода. Неадекватная же передача дискурсивного маркера может привести к изменению «социальной динамики» [29] переводного текста.

С другой стороны, дискурсивные маркеры существенно облегчают интерпретацию высказывания слушающим [23; 39], так как дают ему «инструкции» относительно того, как воспринимать получаемое сообщение, и таким образом делают это сообщение более релевантным. Например, в высказывании «*I can't, you know, I can't be a burden*» дискурсивный маркер «*you know*» сообщает об эмоциональном состоянии говорящего и указывает на то, что реплику нужно воспринимать как призыв к сопереживанию и участию [39]. Таким образом, благодаря дискурсивным маркерам осуществляется «прагматическая инференция» [29], т.е. из эксплицитного содержания высказывания выводится имплицитное содержание. Очевидно, если переводчику для передачи дискурсивного маркера удается найти такие средства, благодаря которым «прагматическая инференция» будет возможна, коммуникативная ценность перевода существенно повышается.

Наконец, дискурсивные маркеры указывают на связь дискурса с ситуацией, в которой он произведен (связность в смысле 3). Неоднократно отмечалось [20; 39], что между структурой и свойствами дискурса (и,

как следствие, выбором дискурсивных маркеров, частотой их употребления в тексте и т.д.) и конвенциональной ситуацией общения, в которой дискурс производится, есть устойчивая связь. Следовательно, присутствие в тексте дискурсивных маркеров помогает переводчику в определении стиля и жанра текста. Пренебрежение же дискурсивными маркерами может привести к изменению регистра текста в переводе, смещению стилистических акцентов и т.п.

Отвечая на второе замечание, отметим, что мы не находим основания для утверждения о «непереводимости» дискурсивных маркеров. Несмотря на то что для дискурсивных маркеров одного языка действительно не существует устойчивых однозначных соответствий в другом языке [31], мы убеждены, что каждый язык неизменно предлагает палитру компенсирующих средств, позволяющих передать тот или иной аспект значения дискурсивного маркера. Опущение же дискурсивных маркеров в переводе ставит под угрозу коммуникативный успех переводного текста.

С нашей точки зрения, поиск переводческих соответствий для дискурсивных маркеров может идти на следующих основаниях. Исходя из того, что дискурсивные маркеры – это функциональный класс слов, для их перевода ключевое значение имеет функция, которая должна определяться в каждом конкретном дискурсе в зависимости от лингвистического и экстралингвистического контекста. Эквивалентность между дискурсивным маркером в оригинале и его переводом может оцениваться не на основании одинаковой протяженности, структурной близости или семантической близости, а на основании общности выполняемых функций.

Отдельно отметим, что, несмотря на то что утверждение о «непереводимости» дискурсивных маркеров осталось в прошлом, переводоведческих работ по теме по-прежнему публикуется немного. Тем не менее в ряде исследований получены ценные результаты, существенно проясняющие специфику перевода дискурсивных маркеров.

Так, на материале художественного перевода за рубежом было опубликовано три крупных исследования, посвященных передаче дискурсивного маркера «*well*» с английского языка на итальянский [22], шведский и датский [20], норвежский и немецкий языки [31]. В России на материале художественных же переводов написаны диссертации А.Г. Минченкова, рассматривающего «дискурсные частицы» русского и английского языка с точки зрения их функциональной эквивалентности в рамках коммуникативного подхода к переводу [10], и Е.А. Марковой, анализирующей соответствия английских и русских частиц с позиций системной лингвистики [9].

Особый интерес представляют исследования, посвященные передаче дискурсивных маркеров при переводе кинофильмов. Нам встретилось несколько таких работ, опубликованных за рубежом [24; 25; 29; 34], аналогичных отечественных исследований пока обнаружено не было.

Между тем перспективы дальнейшего изучения дискурсивных маркеров и способов их функционального перевода мы связываем именно с рассмотрением кинодискурса. Разыгрываемая в кино сцена максимально приближена к ситуации спонтанного общения и отражает «коммуникативные модели, используемые носителями языка в реальной жизни» [26: с. 31]. Следовательно, при изучении дискурсивных маркеров на примере кинодискурса, с нашей точки зрения, удается найти баланс между «диванным подходом» к лингвистике, оперирующим сконструированными примерами, и полевыми методами, которые берут за основу ситуации реального общения, и таким образом повысить достоверность получаемых результатов.

Более того, мы предпочитаем кинодискурс не только письменному (художественному) дискурсу, но и неподготовленному устному дискурсу. По нашим наблюдениям, функции дискурсивного маркера проще определить, когда он встречается в драматическом диалоге, нежели в ситуации реального общения. Кинодискурс «…тщательно прорабатывается, прежде чем разыгрывается» [34: с. 2], следовательно, можно быть уверенным, что использование каждого лингвистического средства (в том числе дискурсивных маркеров) скрупулезно выверено и несет смысловую нагрузку. К тому же по сравнению с ситуацией реального речевого общения при рассмотрении кинодискурса проще собрать информацию о предшествующем дискурсе, социальном статусе, происхождении и личностных характеристиках участников диалога, что оказывается незаменимым при трактовке и определении функции дискурсивного маркера, а также выработке способа его функционального перевода.

Завершая настоящую статью, еще раз подчеркиваем, что дискурсивные маркеры организуют вспомогательную систему дискурса, отвечающую за сообщение ему связности, понимаемой нами в следующих смыслах: (1) связь высказываний внутри дискурса, (2) связь дискурса с его авторами и (3) связь дискурса с реальной ситуацией, в которой он произведен. В интересах сохранения связности текста дискурсивные маркеры не должны опускаться, а должны адекватно передаваться в процессе межъязыкового перевода. Поиск переводческого соответствия должен осуществляться на основании функции, которую дискурсивный маркер выполняет в конкретном лингвистическом и экстралингвистическом контексте. Для оценки переводческой эквивалентности предлагается параметр функциональной общности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баранов, А.Н.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А.Н. Баранов, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. – М. : Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.

2. *Вепрева, И.Т.* Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении (на материале высказываний рефлексивов 1991–2002 гг.) : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / Вепрева Ирина Трофимовна. – Екатеринбург, 2003. – 372 с.

3. *Викторова, Е.Ю.* Вспомогательная система дискурса: проблемы выделения и специфики функционирования : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / Викторова Елена Юрьевна. – Саратов, 2016. – 617 с.

4. *Виноградов, В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1972. – 601 с.

5. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство : сб. ст. / сост. К. Киселева, Д. Пайар. – М. : Азбуковник, 2003. – 206 с.

6. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания : моногр. / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. – М. : Метатекст, 1998. – 446 с.

7. *Каменский, М.В.* Когнитивно-функциональная модель дискурсных маркеров [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Каменский Михаил Васильевич. – Ставрополь, 2015. – 548 с. – Режим доступа: http: //www.adygnet.ru/sites/default/files/_ %D0 %9C. %D0 %92..pdf (дата обращения: 06.04.2017).

8. *Крейдлин, Г.Е.* Значение и синтаксические свойства союза *а* / Г.Е. Крейдлин, Е.В. Падучева // Научно-техническая информация. – 1974. – № 9. – С. 31–37. – (Сер. 2).

9. *Маркова, Е.А.* Английские эквиваленты русских частиц с позиций системной лингвистики : дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Маркова Елена Андреевна. – М., 2017. – 148 с.

10. *Минченков, А.Г.* Дискурсная частица: анализ переводческих соответствий в английском и русском языках : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04, 10.02.20 / Минченков Алексей Генриевич. – М., 1999. – 157 с.

11. *Мишиева, Е.М.* Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Мишиева Елена Михайловна. – М., 2015. – 233 с.

12. *Моргун, Н.Л.* Прагматические ошибки при переводе дискурсивных маркеров: работа с корпусом студенческих переводов / Н.Л. Моргун // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сб. конф. В 2 т. Т. 1. – 2015. – С. 378–380.

13. *Николаева, Т.М.* Функции частиц в высказывании: на материале славянских языков / Т.М. Николаева. – М. : Наука, 1985. – 158 с.

14. *Подлесская, В.И.* Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования [Электронный ресурс] / В.И. Подлесская, А.А. Кибрик // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог». – М. : Изд-во РГГУ, 2009. – Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/digests/ dialog2009/materials/pdf/60.pdf (дата обращения: 06.04.2017).

15. *Сиротинина, О.Б.* Дискурсивные слова как проблема пунктуации / О.Б. Сиротинина // Предложение и слово : сб. науч. тр. – Саратов : Наука, 2008. – С. 341–345.

16. *Харламова, Т.В.* Текстообразующие средства в устной речи : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Харламова Татьяна Валериевна. – Саратов, 2000. – 241 с.

17. *Шилихина, К.М.* Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики / К.М. Шилихина // Вестник ВГУ. – 2015. – № 3. – С. 120–125. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация).

18. *Aijmer, K.* English discourse particles: Evidence from a corpus / K. Aijmer. – Amsterdam : John Benjamins, 2002. – 298 p.

19. *Aijmer, K.* Pragmatic markers / K. Aijmer, A.-M. Simon-Vandenbergen // Handbook of Pragmatics / Jef Verschueren, Jan-Ola Östman, Eline Versluys. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins, 2009. – P. 1–29.

20. *Aijmer, K.* The discourse particle well and its equivalents in Swedish and Dutch / K. Aijmer, A.-M. Simon-Vandenbergen // Linguistics. – 2003. – № 41(6). – P. 1123–1161.

21. *Andersen, G.* Pragmatic markers and sociolinguistic variation: A relevance theoretic approach to the language of adolescents / G. Andersen. – Amsterdam : John Benjamins, 2001. – 366 p.

22. *Bazzanella, C.* Discourse markers and the indeterminacy of translation / C. Bazzanella, L. Morra // Argomenti per una linguistica della traduzione. On linguistic aspects of translation / I. Korzen & C. Marello (eds.). – Torino : Edizioni dell'Orso, 2000. – P. 149–157.

23. *Blakemore, D.* Relevance and linguistic meaning: The semantics and pragmatics of discourse markers / D. Blakemore. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 212 p.

24. *Chaume, F.* Discourse markers in audiovisual translating / F. Chaume // Meta. – 2004. – № 49 (4). – P. 843–855.

25. *Cuenca, M.-J.* Pragmatic markers in contrast: the case of well / M.-J. Cuenca // Journal of Pragmatics. – 2008. – № (40) 8. – P. 1373–1391.

26. *Dynel, M.* Stranger than fiction? A few methodological notes on linguistic research in film discourse / M. Dynel // Brno Studies in English. – 2011. – № 37(1). – P. 41–61.

27. *Fraser, B.* Pragmatic markers / B. Fraser // Pragmatics. – 1996. – № 6 (2). – P. 167–190.

28. *Fraser, B.* Towards a theory of discourse markers / B. Fraser // Approaches to discourse particles / Kerstin Fischer (ed.) – Amsterdam : Elsevier Press, 2005. – P. 189–204.

29. *Furko, B.* Perspectives on the translation of discourse markers / B.P. Furko // Acta Universitatis Sapientiae, Philologica. – 2014. – № 6 (2). – P. 181–196.

30. *Harris, Z.S.* Discourse analysis / Z.S. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28. No. 1. – P. 1–30.

31. *Johansson, S.* How well can well be translated? On the English discourse particle well and its correspondences in Norwegian and German / S. Johansson // Pragmatic markers in contrast / K. Aijmer & A.-M. Simon-Vandenbergen (eds.). – Amsterdam : Elsevier, 2006. – P. 115–137.

32. *Jucker, A.* Discourse markers: descriptions and theory / A. Jucher, Y. Ziv. – Amsterdam & Philadelphia : John Benjamins, 1998. – 373 p.

33. *Lenk, U.* Discourse markers and global coherence in conversation / U. Lenk // Journal of Pragmatics. – 1998. – Vol. 30. – P. 245–257.

34. *Mattsson, J.* The subtitling of discourse particles: A corpus-based study of well, you know, I mean, and like, and their Swedish translations in ten American films [Electronic resource] / J. Mattsson // PhD. University of Gothenburg, 2009. – 293 p. – URL: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/21007/1/gupea_ 2077_21007_1.pdf (accessed: 14.03.2017).

35. *Östman, J.-O.* You know: A discourse-functional approach / J.-O. Östman. – Amsterdam : John Benjamins, 1981. – 91 p.

36. *Redeker, G.* Discourse markers as attentional clues at discourse transitions / G. Redeker // Approaches to discourse particles. / Kerstin Fischer (ed.) – Amsterdam : Elsevier Press, 2006. – P. 339–358.

37. *Schiffrin, D.* Discourse markers / D. Schiffrin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 364 p.

38. *Schourup, L.* Common discourse particles in English conversation / L. Schourup. – New York : Garland, 1985. – 178 p.

39. *Watts, R.* Relevance in conversational moves: a reappraisal of well / R. Watts // Studia Anglica Posnaniensia. – 1986. – № 19. – P. 37–59.

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА

ТОМАС МОР И УИЛЬЯМ ТИНДЕЛ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРЕВОДА

Л.В. Кульчицкая

Кульчицкая Лариса Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: koulchitskaya@mail.ru.

В статье обсуждаются взаимоотношения Томаса Мора и Уильяма Тиндела, касающиеся создания Библии на английском языке. Предлагаемая точка зрения аргументируется на основе первоисточников, что позволяет пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды на роль данных личностей в истории перевода.

Ключевые слова: Томас Мор, Уильям Тиндел, история теории перевода, перевод Библии на английский язык.

Томас Мор (1478–1535) вошел в историю как гуманист, канцлер Англии и писатель. По свидетельству Дугласа Робинсона, видного теоретика и переводчика, составителя уникальной хрестоматии по истории теории перевода, англоговорящие потомки помнят Мора, прежде всего, по афоризму: “Thomas More is the man who preferred beheading to recognizing King Henry VIII as head of the church of England” [8: с. 75] («Мор – это тот, кто предпочел остаться без головы, чем признать Генриха VIII главой англиканской церкви»[1]). В России широкому кругу читателей, особенно старшего поколения, Мор больше известен как «человек на все времена» – по словам Роберта Уиттингтона, послужившим авторитетному историку, доктору наук И.Н. Осиновскому эпиграфом к его книге «Томас Мор»: «Мор – это человек ангельского ума и редкостной учености. Равных ему я не знаю. Ибо где еще найдется человек такого благородства, скромности и любезности? И, если то ко времени, предающийся удивительной веселости и потехе, в иное же время – грустной серьезности. Человек для всех времен[2]» [3: с. 3]. Однако следует отметить, что вопрос о вкладе Томаса Мора в развитие перевода и переводческой мысли остается во многом открытым. Обращение к первоисточникам в оригинале [6] позволило автору данной статьи увидеть неоднозначность личности Мора и утверждать, что в вопросах теории перевода объективно роль Мора состояла в формировании и выражении официального (читай отрицательного) отношения властей к английским переводам Библии. Высказываемая здесь точка зрения расходится с устоявшимся в России мнением о прогрессивности Т. Мора во всех отношениях.

На сегодняшний день в отечественной и зарубежной специальной литературе роль Т. Мора в истории перевода освещается по-разному. Отечественная теория перевода, начинавшаяся с теории художественного перевода, во многом унаследовала свое отношение к Т. Мору из литературоведения и истории советского периода. Следуя исторической традиции, по понятным идеологическим соображениям литературоведение представляло Мора *исключительно* прогрессивным человеком (поиск идеального общества в «Утопии», дружба с гуманистом Эразмом Роттердамским, обличение многожёнца Генриха VIII и т.д.). Одностороннему изображению Т. Мора способствовало и отсутствие доступа к первоисточникам в подлиннике. О Томасе Море пишут либо хорошее, либо обходят стороной всё, что может разрушить сложившийся образ.

В свое время И.Н. Осиновский достаточно однозначно выразил свое отношение к личности Т. Мора: «Приверженцы Реформации, как, например, У. Тиндел и первый переводчик "Утопии" на английский язык Р. Робинсон, … упрекали Мора в непоследовательности, измене здравому смыслу и лицемерии за его последующую прокатолическую позицию. Подобное отношение к Мору позднее унаследовали английские историки протестантской ориентации, подчеркивавшие противоречивость поведения Мора и его взглядов. По мнению этих историков, у автора «Утопии» с гуманистическими идеалами уживались черты изуверства и "безжалостного фанатизма"» [3: с. 6]. В примечании ниже И.Н. Осиновский добавил: «Ныне эта точка зрения решительно оспаривается» [3: с. 6]. Книга снабже-

[1] Здесь и ниже перевод мой. – *Л.К.*

[2] “More is a man of an angel’s wit and singular learning. He is a man of many excellent virtues; I know not his fellow. For where is the man (in whom is so many goodly virtues) of that gentleness, lowliness, and affability, and as time requires, a man of marvelous mirth and pastimes and sometime of steadfast gravity – a man for all seasons.” Robert Whittington, 1520.

на приложением – «Письмом знаменитейшего мужа Томаса Мора, в котором он опровергает яростное злословие некоего монаха, столь же невежественного, сколь и самонадеянного» [3: с. 135–160], нападавшего на новое латинское издание Нового Завета в переводе Эразма Роттердамского. Письмо делает честь Мору, вставшему на защиту друга, однако оно не исчерпывает письменного наследия Мора. Нет упоминания о других работах, в которых Мор раскрылся бы иначе, особенно в деле создания английской Библии.

В современных изданиях постперестроечного периода Мора справедливо упоминают в числе блестящих представителей ренессансной традиции греко-латинских переводов, т.е. переводов с языков оригиналов [2: с. 76]. О Томасе Море пишут в связи с переводом Библии Тинделом: «…современники … находили в его (Тиндела. – *Л.К.*) переводах немало неточностей и ошибок. Мор написал семь томов обличительных статей против Тиндела. В них отмечался спорный характер его комментариев на полях, подвергались критике некоторые замены. Говорится, … что Тиндел необоснованно заменил некоторые устоявшиеся церковные термины…» [1: с. 63–64]. «Томас Мор весьма враждебно отнесся к переводу Библии на английский язык, принадлежавшему У. Тинделу, прежде всего потому, что видел в нем еретика и врага католической церкви» [2: с. 99]. Сказанное теоретиками не противоречит фактам и укрепляет нас в мысли о правом деле Мора в вопросах перевода Библии. Однако при этом вопреки действительности невольно приуменьшается заслуга Уильяма Тиндела, роль которого в становлении литературного английского языка сопоставима с ролью Лютера для немецкого языка[3].

Наконец, можно встретить и мнения о том, что Мор, якобы, не был против Библии на английском языке: «Томас Мор … считал, что англичане должны иметь возможность читать Священное Писание на своем родном языке…» [2: с. 99]. Действительно, у Мора имеются цитаты типа «…it were convenient to have the Bible in English» [6: с. 79] («было бы удобно иметь Библию на английском»), но вне контекста они вводят в заблуждение, так как неоднократно повторяются и сторонником, и оппонентом.

В зарубежных изданиях, основанных на первоисточниках, Т. Мор предстает более реалистично. В частности, говорится, что он не только выступал против английской версии Нового Завета в переводе Тиндела, но и требовал смерти для него [10: с. 174]. Дуглас Робинсон в комментарии к сочинению Мора заявляет, что позиция последнего в вопросах перевода «авторитарна» и «ограниченно средневековая», а его вклад в развитие переводческой мысли – «весьма скромен», и Мор «весьма неохотно соглашается принять английскую Библию» [8: с. 76].

Известно, что в 1528 г. епископ Тунстолл (Tunstall) поручил Мору прочитывать все еретические сочинения и выносить по ним решение. Так появился объемный «Диалог о ересях» [6], направленный против Уиклифа, жившего веком раньше, и Тиндела, современника Мора. Тиндел парировал «Ответом на диалог сэра Т. Мора» (1531) [11], а Мор ответил самой объемной из своих работ – двухтомным «Опровержением» («Confutation of Tyndale's answer», 1532–1533). В 1533 г. он написал еще две книги в защиту закона против еретиков.

Последуем призыву гуманистов эпохи Возрождения *ad fontes!* (к первоисточникам!) и обратимся к «Диалогу о ереси». Ниже в цитатах сохранены стиль и орфография Мора. Следует заметить, что стиль Мора, на наш взгляд, тяжеловат. Некоторые места удавалось понять лишь после обращения к ответному письму Тиндела «Ответ на Диалог сэра Томаса Мора» [11: с. 90–91], в котором тот повторял мысль Мора, упрощая сложные синтаксические построения оппонента. В отличие от Тиндела, который для удобства восприятия диалога перед репликой помещал имя говорящего, Мор вставлял выражения «сказал я/ сказал он»: «Who told you this tale said I? И тут же реплика собеседника: "Forsooth diverse honest men said he that saw it…" – "Forsooth said I of good substance he was." – "…said he…" – "I had went [в значении thought] said I that I had proved you plainly that…" – "You said well said he." – "That is very truth said I…" и т.д. Такое построение диалога затрудняет восприятие текста и определение авторства мысли, что, возможно, объясняет приписывание той или иной цитаты не тому собеседнику.

Идейного противника в своем «Диалоге» Мор называет просто Messenger (Вестник, Посланник). Прототипом послужил учитель, служащий в доме одного из знакомых Мора, который связался в университете с лютеранами. В смятении он приходит за советом к Мору. По содержанию вопросов, мучающих Посланника, нетрудно догадаться, что его устами говорит Тиндел. По иронии судьбы на протяжении последующих четырех столетий читатели отдавали предпочтение Посланнику, а не его советчику, хотя трагическая кончина самого Мора тоже снискала ему сочувствие многих современников. Даже если Мор не вкладывал в слово «Messenger» особого смысла, со временем оно приобрело положительный смысл «предтеча», «посланник» и т.д.

[3] У. Тиндел – ученый-богослов, получивший образование в Оксфорде и Кембридже; в совершенстве владел восемью языками (из пояснительной записки к переводу Нового Завета Тинделом [12]). Он первым перевел Ветхий Завет (не полностью) с древнееврейского языка на английский. О весомости вклада Тиндела в перевод Библии свидетельствует тот факт, что, по подсчетам [7], в Библии короля Якова (1611) Новый Завет на 83 % и Ветхий Завет на 76 % состоят из переводов Тиндела (см. также [9: с. 16]).

Основным вопросом, который участники диалога обсуждают на нескольких страницах (главы xiv и xv), является указ архиепископа Томаса Арундела, оглашенный в Оксфорде. Относительно перевода указ гласил следующее (глава xiv): «Постановляем, что отныне и впредь никто не сможет по собственному волеизъявлению переводить ни один из текстов Священного Писания на английский или иной язык и издавать его книгой, брошюрой или трактатом; запрещаем любые [переведённые] книги, памфлеты и трактаты такого рода, сочинённые сообща или частным образом во времена выше упомянутого Джона Уиклифа и после него, под угрозой отлучения от церкви, если только этот перевод не получил одобрения местного епископата, или в нем не возникла нужда» [6: с. 77; 8: с. 90] (здесь и ниже перевод мой. – *Л.К.*).

Как государственное лицо Мор – на стороне архиепископа. Отстаивая правоту указа, он пишет: «Сколь опасно переводить текст писания с одного языка на другой, по свидетельству св. Иеронима, столь же трудно полностью сохранить содержание» [6: с. 77]. Ссылаясь на Иеронима, Мор лукавит, ошибочно или намеренно подменяя слова. Там, где у него «опасно», у Иеронима «трудно» [5: с. 25–30], например: “it is **hard** to preserve the beauty of idiom which in the original is most distinguished” [5: с. 26].

Далее Мор пишет: «В этом законе не вижу ничего предосудительного. Он ведь не против переводов, выполненных до Уиклифа; а Библию Уиклифа прокляли вовсе не за то, что она новая, а за то, что ненужная; и Закон не против новых переводов, он позволяет их читать, но лишь после тщательной проверки, разумеется, если только это не переводы "архиеретика" Уиклифа или Тиндейла, выполнявших их в столь злонамеренном состоянии ума, что усилия всякого, вознамерься он их исправить, были бы потрачены впустую» [6: с. 76].

Злонамеренность Уиклифа Мор видит в том, что тот «возродил ереси, ранее осужденные церковью», «отвратил от истинной веры и хорошей жизни целые народы» (намек на Яна Гуса и события в Богемии), повинен в гибели тысяч людей, дурно влияет на других: «все плохое в Лютере от Уиклифа» [6: с. 76–77]. *Вредность* Библии Уиклифа в том, что тот «…намеренно исказил святой текст, делал это не только переводом, но прологом и глоссами на полях» [6: с. 76]. *Ненужность* английской Библии Мур (главы xv, xvi) обосновывает тем, что до перевода Библии Уиклифом уже существовала английская Библия. В действительности же это были псалмы, литургические тексты и отдельные истории о жизни Иисуса (бытовавшие на народных наречиях). Мор же считает такую аргументацию убедительной. Глава заканчивается словами: «Как в таком простом вопросе люди зашли настолько далеко, что сочли закон неправильным?!» [6: с. 77].

В главе xv Посланник сетует: хотя нет закона, запрещающего читать английскую Библию, ее наличия у человека вполне достаточно, чтобы духовенство сожгло и книгу, и даже её владельца. В качестве примера он приводит дело Ричарда Гунна, попавшего в тюрьму за отказ заплатить налог на помин души своего усопшего младенца. В тюрьме Гунна повесили. Когда в причастности к его смерти был обвинен высокопоставленный чиновник – канцлер Лондона, следствие посмертно обвинило Гунна в ереси и приговорило тело и якобы найденную в доме погибшего еретическую литературу к сожжению. Мысль Посланника прозрачна: наличие английской Библии у Гунна оправдало его убийц. Аргументы Мора и на сей раз кажутся нам неубедительными: 1) он сам хорошо знает это дело (“so well I know it from top to toe”); 2) делом занимались долго; 3) присутствовали уважаемые люди; 4) он сам участвовал в разбирательстве, после которого книги и тело были сожжены (“one day was it examined at great length… And this examination was had before diverse great lords… and other of the king’s honourable counsel… I was also myself present at the judgment…” [6: с. 77–78]). Эти доводы Мор считает достаточными, чтобы усомниться в истинности истории о Гунне: «тот, от кого ты это услышал, рассказал тебе истории, далекие от истины» [6: с. 78].

В главе xvi Посланник спрашивает, почему церковнослужители отнимают английскую Библию у простых людей, которые знают только английский (“why the clergy should keep the Bible out of the laymen’s hands, that can[speak] no more than their mother tongue?”). Мор отвечает: «[О]ни не отбирают их, если это только не переводы, не получившие ещё одобрения или порицаемые за их вред, такие как Уиклиффа или Тиндела» (“[T]hey keep none of them but such translations as be either not yet approved for good or such as be already reproved for nought, as Wycliff’s was and Tyndale’s” [6: с. 79]. В остальном Мор не против: “it were (было бы) convenient to have the Bible in English [6: с. 79] и далее: “…I never yet heard any reason laid… why it were not convenient to have the Bible translated into the English tongue [6: с. 81]. Мор не сомневается в богатстве английского языка, но не видит надобности в новых переводах.

Вопреки декларируемому Мором согласию на английскую Библию, объективное звучание диалога и исторические факты биографии Тиндела убеждают в обратном. Трагические события в его жизни происходили не без участия Т. Мора (см.: [4: с. 155–282]: часть 3 «Преследования и полемика», особенно гл. 10 «Сэр Томас Мор», с. 250–282). Напомним, что именно от преследований Томаса Мора Уильям Тиндел спасался бегством из Британии, вопреки запрету Мора переводил Библию на английский язык, не без влияния Мора – прямого или косвен-

ного – закончил жизнь на костре в возрасте 42, по другим сведениям – 46 лет.

Неоднозначность позиции Мора – следствие двойственности его общественного положения. С одной стороны, он защитник католицизма, противник Реформации (англиканской церкви) и обличитель ересей. С другой – гуманист, мечтающий улучшить мир. Мор склонен признать право ученого на филологический анализ текста Писания, но право создавать переводную версию он признает только на латинском языке, да и то эта уступка делается в поддержку своего друга – Эразма Роттердамского, пожелавшего выполнить новый перевод. Наконец, при всех симпатиях к личности Мора исследователь должен оставаться беспристрастным и в своих суждениях опираться, прежде всего, на первоисточники, ничего не принимая на веру без проверки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гарбовский, Н.К.* Теория перевода / Н.К. Гарбовский – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.

2. *Нелюбин, Л.Л.* Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней) / Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни. – М. : Флинта : МПСИ, 2006. – 416 с.

3. *Осиновский, И.Н.* Томас Мор / И.Н. Осиновский – М. : Мысль, 1985. – 174 с.

4. *Daniell, D.* William Tyndale: A biography / David Daniell. – New Haven, CT : Yale University Press, 1994. – 458 p.

5. *Jerome (Eusebius Hieronymus)* The best kind of translator. Letter to Pammachius, #57, 395 н.э. / English translation by Paul Carroll / Jerome (Eusebius Hieronymus) // D. Robinson. Western Translation Theories. – Manchester, UK : St. Jerome Publishing, 1997. – P. 23–30.

6. *More, T.* A dialogue concerning heresies and matters of religion (1529) (chapters xiv–xvi) / Thomas More // Robinson D. Western Translation Theories. – Manchester, UK : St Jerome Publishing, 1997. – P. 46–83.

7. *Nielson, J.* How much of the King James Bible is William Tyndale's? An estimation based on sampling / J. Nielson, R. Skousen // Reformation. – 1998. – № 3. – P. 49–74.

8. *Robinson, D.* Western translation theories / D. Robinson. – Manchester, UK : St. Jerome Publishing, 1997. – 337 p.

9. *Tadmor, N.* The social universe of the English Bible: Scripture, society, and culture in Early Modern England / N. Tadmor. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 208 p.

10. Translators through history / J. Delisle, J. Woodsworth (eds.) – Amsterdam : John Benjamins : Unesco Publishing, 1995. – Vol. 13. – 346 p.

11. *Tyndale, W.* An answer unto Sir Thomas More’s dialogue (1531), (chapter xiv) / William Tyndale // Robinson D. Western Translation Theories. – Manchester, UK : St. Jerome Publishing, 1997. – P. 90–91.

12. William Tyndale's New Testament [Electronic resource] // British Library. Collection items. – URL: http://www.bl.uk/collection-items/william-tyndales-new-testament, 2017 (accessed: 24.12.2017).

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА XVIII ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

К.И. Таунзенд

Таунзенд Ксения Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и практики перевода английского языка Переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета (г. Москва).

Контактный адрес: townsendX@yandex.ru

Правление Екатерины II – век Просвещения в России, который отразился как в государственной и общественной жизни, так и в переводческой деятельности. В статье проводится разбор примечаний русских переводчиков XVIII в., рассматривавших перевод как свою трибуну публициста, филолога, просветителя.

Ключевые слова: история перевода, примечания переводчика, эпоха Просвещения, история России, XVIII в.

XVIII в. ознаменовал собой эпоху Просвещения, семена которой были брошены на русскую почву рукой Петра I. Великий русский историк и писатель Н.М. Карамзин так оценил деятельность государя на этой ниве: «Путь образования или просвещения один для народов; все они идут им вслед друг за другом. (…) Немцы, французы, англичане были впереди русских по крайней мере шестью веками; Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их» [4: с. 68–69]. Так, прорастая на протяжении всего столетия, эти семена укоренялись в национальной культуре и, расцветая в гении М.В. Ломоносова, дали обильные плоды в царствовании Екатерины II, 34 года которого (1762–1796) стали кульминацией исторического развития России в XVIII в. Исследования последующих столетий подтверждают, что «…в XVIII в. Россия стала одним из ведущих игроков на европейской политической арене, что определило интерес к ее истории, географии и культуре» [7: с. 143]. В этот период страна расширила и укрепила свои границы, упрочила позиции во внешней политике с европейскими державами и обратилась к внутреннему государственному строительству, учреждая губернии вокруг столиц, определяя права сословий, развивая экономику. Среди пяти «предметов», или принципов правления, Екатерина II поставила на первое место необходимость «просвещать нацию, которой должен управлять» монарх (цит. по: [5: с. 24]). Согласно этому принципу императрица значительно изменила систему образования в России, учредила Академию словесности, которая, в свою очередь, выпустила первый систематический словарь русского языка – Словарь Академии Российской (1789–1794), осуществляя тем самым языковую политику в стране. «Петр Великий хотел возвысить нас на степень просвещенных людей; Екатерина хотела обходиться с нами как с людьми просвещенными» [3: с. 112]. Итак, к концу XVIII в. в государственной и общественной жизни России проявились все основные черты эпохи Просвещения: вера в силу человеческого разума и проистекающее из нее стремление устроить развитую систему образования, идея примата законов и попытка упорядочить законодательство в стране, внимание к словесности с целью усвоения опыта других народов посредством перевода, а также с целью изучения и обогащения национального языка, открытие учебных заведений, расширяющаяся издательская деятельность и т.д.

Для осуществления этих задач требовались образованные государственные деятели. «Вот почему среди первых губернаторов-сподвижников Екатерины II были Яков Сиверс, Алексей Мельгунов, Гавриил Державин, Михаил Кречетников, И. Захаров, т.е. те, кто состоял при Академии наук, был ученым, привлекался к написанию Словаря Академии Российской, т.е. составлял научную и культурную элиту русского общества» [1: с. 9–10]. Именно к этому кругу следует отнести и многих переводчиков в России XVIII в., которые, как правило, совмещали переводческую и научную, просветительскую, государственную деятельность. Среди таких людей укажем Семена Ефимовича Десницкого (ок. 1740–1789) и Андрея Михайловича Брянцева (1749–1821), которых объединяет перевод с английского языка сочинения У. Блэкстона «Истолкования аглинских законов», выполненный ими «по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской» в 1780–1782 гг. [2].

Оба переводчика были родом из российской провинции: С.Е. Десницкий происходил из мещан г. Нежина, а А.М. Брянцев родился в семье причетника в Одигитриевской пустыни Вологодской губернии. Оба получили первоначальное образование в духовных семинариях, и оба впоследствии стали профессорами Московского университета [6]. При этом отметим, что по окончании Вологодской духовной семинарии А.М. Брянцев, подобно М.В. Ломоносову, пешком дошел до Москвы и поступил в Славяно-греко-латинскую академию, где прошел курс богословия и философии, а затем в Москов-

ском университете изучал юриспруденцию, естественные и точные науки и языки. В 1787 г. он получил степень магистра философии и свободных наук, защитив диссертацию «О критерии истины». После чего А.М. Брянцев стал экстраординарным, потом ординарным профессором логики и метафизики, а также директором Педагогического института при Московском университете. «Брянцев – один из первых профессоров, популяризировавших в России философию И. Канта, не будучи чистым кантианцем», о чем можно судить по составленным им торжественным речам, в которых «отчетливо прослеживается влияние Г.-В. Лейбница» [6: с. 126]. Переводческая деятельность А.М. Брянцева охватывала книги по лингвистике, юриспруденции, этике и философии. Он также интересовался историей и литературой, имел обширную библиотеку книг и рукописей, которая погибла в московском пожаре 1812 г.

Жизненный путь С.Е. Десницкого отмечен тем, что он, будучи студентом Московского университета, был отправлен в университет Глазго с 1761 по 1767 г., где изучал математику, медицину и юриспруденцию и где по окончании курса получил вначале звание магистра, а потом степень доктора гражданского и церковного права. «Особое влияние на мировоззрение Десницкого оказали лекции А. Смита по "нравственной философии", благодаря которым Десницкий усвоил зачатки историко-сравнительного метода в юриспруденции» [6: с. 260]. Вернувшись в Россию, С.Е. Десницкий стал профессором юриспруденции в Московском университете, читал лекции по римскому праву применительно к русскому праву, а также в течение нескольких лет преподавал английский язык. Несомненной заслугой С.Е. Десницкого является использование русского языка вместо латинского в университетском преподавании. Проявляя особый интерес к отечественной словесности, он делал выборки из древнерусских юридических памятников для Словаря Академии Российской [6]. Собственные сочинения С.Е. Десницкого представлены в основном торжественными речами, написанными в традициях «духовной проповеди 1740-х гг. с учетом достижений М.В. Ломоносова и академического красноречия» [6: с. 261]. Среди его переводов наиболее известны «Истолкования аглинских законов» У. Блэкстона, о которых положительно отозвался А.Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву».

Именно этот перевод был выбран нами для анализа примечаний с целью уяснения просветительской позиции русских переводчиков XVIII в. Сам оригинал представляет собой 4-томный труд английского юриста, правоведа, профессора Оксфордского университета Уильяма Блэкстона (1723–1780), который впервые в Европе составил полное и наиболее детальное описание системы английского права на основании курса лекций, прочитанных им в Оксфорде в 1753 г. Русский перевод, изданный в трех книгах [2], охватывает только первый том сочинения У. Блэкстона, посвященный правам физических и юридических лиц. Как указывают библиографические источники, перевод был выполнен С.Е. Десницким при участии А.М. Брянцева, что означает, что основная роль в составлении перевода и примечаний принадлежит именно С.Е. Десницкому, особенно если учесть его шестилетнее обучение в Англии и научные интересы в области юриспруденции. Наш выбор данного перевода был обусловлен, во-первых, его содержанием, столь характерным для эпохи Просвещения, и, во-вторых, обилием и разнообразием примечаний переводчика XVIII в., отражающих мировоззрение его времени.

Прежде чем переходить непосредственно к результатам нашего исследования, необходимо указать, что мы называем примечанием в переводах XVIII в. К ним мы относим как перевод авторских сносок, так и собственные добавления переводчика либо внутри текста, либо за его пределами, т.е. на полях или внизу страницы. При этом следует отграничить внутритекстовые примечания от описательного перевода, который хотя и является толкованием отдельных частей содержания оригинала, все же не несет в себе дополнительных тем и понятий, отсутствующих в исходном тексте. В свою очередь, примечания переводчика внутри текста всегда содержат дополнительную фактическую информацию и нередко бывают выделены другим шрифтом. Такой графический способ обозначения добавлений в тексте показывает, что русский переводчик XVIII в. четко отграничивал свою роль комментатора от собственно переводческой деятельности, целью которой он считал полное и точное воспроизведение оригинала. Итак, содержательный и графический критерии определяют примечания переводчика в русском тексте эпохи Просвещения. Отметим также, что английский оригинал изобилует краткими постраничными сносками, в которых автор указывает, на какие источники он опирается в изложении материала. Однако русский переводчик XVIII в. опускает все авторские сноски за очень редким исключением, руководствуясь, вероятно, соображениями прагматики перевода, чтобы не перегружать русский текст указаниями на незнакомые читателю источники.

В рассматриваемом переводе нами было обнаружено 38 примечаний, из которых только 6 соответствуют сноскам автора, а 32 являются добавлениями самого переводчика. Из указанных 38 примечаний 32 представляют собой постраничные сноски и 6 – внутритекстовые. Объем примечаний варьируется от нескольких слов до нескольких страниц текста. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что русский переводчик XVIII в. принимал живое участие в содержании иноязычного оригинала и рассматривал создаваемый им рус-

ский текст как свою трибуну публициста, филолога, просветителя. Исходя из содержания, среди 38 примечаний мы выделили следующие группы:

- 15 примечаний посвящены описанию и объяснению реалий английской жизни;
- 10 примечаний связаны непосредственно с порядком изложения и содержанием самого текста оригинала;
- 7 примечаний представляют собой сугубо лингвистическое толкование отдельных слов, обозначающих какое-нибудь специфически английское понятие либо контекстуально-значимое наименование;
- 6 примечаний отличаются философско-публицистическим содержанием, в котором русский переводчик XVIII в. высказывает свою позицию по отдельным историческим, философским и общественным вопросам.

При этом укажем, что примечания из последней группы являются наиболее объемными и никогда не встречаются внутри текста, но всегда выносятся за его пределы. Среди внутритекстовых примечаний можно найти примеры из всех других групп, кроме вышеуказанной, что вполне объясняется ее особенным содержанием, подчас мало связанным с текстом оригинала.

Обратимся теперь к более детальному рассмотрению каждой конкретной группы примечаний русского переводчика XVIII в. Самая многочисленная из них представлена толкованиями реалий английской жизни, что, безусловно, объясняется характером оригинала, который являет собой подробное описание системы английского права, ее исторических и социальных предпосылок, что неразрывно связано с культурно специфическими понятиями и наименованиями. Так, переводя английское слово *juries* как *Джуры* или свидетели присяжные судопроизводств, переводчик указывает внизу страницы, что «*Джуры или Джурымен в Аглинских судах употребляются из поместных и поземельных владельцев и вотчинников, иногда 16, иногда 12, которых должность есть быть при судопроизводствах свидетелями присяжными, и на последок утвердить судимого виноватым или не виноватым*» [2: кн. 1, с. 19]. Или передавая *a peer in honour* как *всякий Вельможа Великобританский по чести*, переводчик поясняет, что «*Пиры или Вельможи Великобританские, на подобие Сенаторов Римских, quibus ipsa dignitas conciliat fidem, без присяги и клятвы судят и подают свои голоса, подняви руку и выговорившии сии слова "quilty or not quilty such a one upon honour" т.е. виноват, или не виноват такой-то именем, по моей чести*» [2: кн. 1, с. 31]. Интересен пример, когда русский переводчик XVIII в. объясняет в примечании значение им самим созданного слова *обеззаконенные* для передачи безэквивалентной лексической единицы outlaws. Вот что он пишет: «Обеззаконенным в Англии называется человек, который по троекратному позыву на суд не явился, и чрез то исключается вовсе и из всех прав и законов государственных так, что всякому позволяется и убить его» [2: кн. 1, с. 270]. При изучении подобных примеров обращает на себя внимание их энциклопедический характер, охватывающий самые разные явления английской культуры, которые прямо или косвенно входят в область юриспруденции. При этом важно подчеркнуть, что, не имея в своем распоряжении никаких страноведческих справочников, русский переводчик XVIII в. по сути сам создавал краткую энциклопедию по истории и культуре Великобритании, основываясь исключительно на собственных знаниях и опыте. Можно с большой долей вероятности заключить, что, описывая процедуру заседания в английском парламенте, С.Е. Десницкий передает то, что он видел своими глазами, узнал и понял во время личного присутствия в парламенте, где "*their speaker … comes down from his woolsack to receive the bill*" [8: с. 183], что в русском переводе звучит как «*Лордский Глаголатель … вставши с своего, овечею шерстью набитого мешка принимает оное при всех присутствующих в палате Лордах*» и сопровождается длинным комментарием, из которого мы приведем лишь часть. «*Для разумения сих мешков читателю надлежит знать порядок заседания парламентского и оныя Парламентския в Лондоне палаты, сделанные на развалинах старинного Королевского дворца, который при Генрике VIII от пожару в пепел почти весь был обращен. Из остатков сего дворца возобновлены наивеликолепнейшим образом две большие палаты (…) В Лордской палате несколько уступя от стены стоит трон Королевский (…) По правую сторону от трона по всей стене места имеются для Дюков, Маркизов и Эрлов или Графов, каждое всякому по его старшинству и чину. (…) На каждой же стороне соприсутствуют … двенадцать судей, которые для того и сидят на мешках, овечею шерстью набитых, чтоб они членам Парламентским беспрестанно напоминали о суконных фабриках, как наиважнейшую коммерцию в Англии составляющих*» [2: кн. 2, с. 116–117]. Сегодня различные печатные, электронные и видеоресурсы легко предоставляют получателю в любом конце мира информацию самого разного объема о парламенте Великобритании и порядке заседаний в нем. Но в России XVIII в. таким источником выступал переводчик-просветитель, который через свои примечания пополнял запас русского знания о мире. Надо сказать, что он делал это целенаправленно, стремясь адаптировать новые сведения в родной культуре, проводя параллели с отечественными реалиями. Так, говоря, что «*сии правления называются третинами, по-аглински трайтынгс trithings*», переводчик добавляет внутри текста в квадратных скобках «[*так как у Новгородцев в старину называ-*

лись пятины]» [2: кн. 1, с. 300]. Или упоминая в переводе «*высшего военачальника, который назывался Графом, по-латински Comes, спутник или последователь за главным военачальником*», переводчик в примечании приводит следующее сравнение: «*Такое или подобное сему есть разделение людей, удержанное и поднесь в Малороссии, которая разделяется на полки, а полки на сотни, управляемые своими Полковниками или Сотниками, из которых не токмо Полковники, но даже и Сотники в рассуждении многолюдства, управляемого ими, могли бы в старину еще и преимущественно перед Французскими называться графами*» [2: кн. 1, с. 298]. Итак, приведенные примеры наглядно показывают, что примечания переводчика XVIII в., поясняющие реалии иноязычной культуры, носили энциклопедический просветительский характер и имели целью обогащение знаний русского читателя о стране, к которой принадлежал оригинал.

Вторая смысловая группа примечаний охватывает комментарии, которые помогают читателю лучше ориентироваться в тексте, понять связи и порядок изложения материала. Неудивительно, что из 10 примечаний, входящих в группу, 6 являются переводом авторских сносок, и лишь 4 принадлежат русскому переводчику. Так, вслед за автором С.Е. Десницкий сообщает читателю, что «…*чрез сие г. Блакстон разумеет свою изданную прежде книжку An Analysis of the Laws of England, т.е. краткия наставления Аглинских законов. Сея книжки в его Комментариях не имеется, а печатается оная особо, и в ней содержится одно токмо разделение Аглинских прав по главам и статьям, на которые он после свои толкования писал, и оныя учебными лекциями преподавал студентам по прочтении сперва кратких наставлений им*» [2: кн. 1, с. 81]. Рассматривая основания бракоразводных процессов, английский автор кратко ссылается на Евангелие от Матфея (19:9), а русский переводчик приводит в примечании полную цитату из соответствующей главы священного текста [2: кн. 3, с. 282]. От себя С.Е. Десницкий добавляет комментарий о заслугах автора – профессора Блэкстона – и мецената Вайнера в создании и продвижении лекционного курса по английскому праву [2: кн. 1, с. 88]. Или указывает, что «*должность Лорда Кипера и Вестминстерских судей будет довольно объяснена, когда их начало и происхождение будет описываемо в особенности*» [2: кн. 1, с. 28]. Таким образом, примечания из этой группы служат непосредственно целям прагматической адаптации текста для читателя как на языке оригинала, так и на языке перевода.

Следующая группа примечаний переводчика XVIII в. вызывает чрезвычайный интерес у исследователя-филолога, так как она представлена собственно лингвистическими комментариями слов, как правило, заимствованных русским языком в разные периоды и из разных источников. В отдельных случаях, если заимствуется название явления, специфичного для английской культуры, примечание переводчика может содержать также толкование значения самой реалии. Но мы выносим такой комментарий в отдельную группу по принципу наличия в нем непосредственно лингвистического рассуждения русского переводчика о конкретной языковой единице. Например, когда английский автор говорит об используемой им терминологии: “*I call it municipal law, in compliance with common speech; for though strictly that expression denotes the particular customs of one single municipium or free town, yet it may be with sufficient propriety applied to any one state or nation, which is governed by the same laws and customs*” [8: с. 44], русский переводчик XVIII в. добавляет внутри текста перевода следующее: «*По свойству Латинского языка сей закон называется Ius civile, Ius municipale et Ius patrium, т.е. законом гражданским, городским и отечественным. Ибо оные прилагательные на Латинском civile, municipale et patrium происходят от своих существительных имен civitas главный город, municipium привилегированный город и patria отечество, и все оныя три наименования, данные закону гражданскому, значат область или государство, управляемое собственными законами и обыкновениями*» [2: кн. 1, с. 110]. Здесь очевидно, что и автор, и переводчик объясняют значение термина «внутригосударственное право», но в отличие от оригинала в переводе предлагаются ряды однокоренных слов и на основании общих сем выводится значение понятия. С.Е. Десницкий пошел значительно дальше У. Блэкстона в лингвистическом рассуждении о природе этого термина. В другом случае, где в оригинале говорится: “*the King grants to a set of men to have guildam mercatoriam, a mercantile meeting or assembly*” [8: с. 473], русский переводчик XVIII в. передает: «*король пожалует известному числу людей иметь купеческую гильдию gildam mercatoriam или купеческое где-либо собрание*» и добавляет внизу страницы: «*Gild у древних Саксонцев значило братство, и сие слово произошло от глагола Саксонского Гилдан Gildan, плачу; по сему глаголу и слово Гильдия названа от того, что всякой, записавшийся в такое братство или купечество, платил соразмерную или указанную часть на иждивения всего общества. От сего обстоятельства и самый тот дом, где оныя деньги платимы были, и где сие братство собиралось, прозван по-аглински Gild Hall, а по-русски Гильдия или платежное общество, братство, купечество*» [2: кн. 3, с. 383]. В данном примере текст русского перевода содержит исчерпывающее объяснение понятия «купеческая гильдия» как «купеческое собрание», и по этой причине примечание переводчика об истории слова и понятия необязательно. Но

С.Е. Десницкий вносит в свой перевод это добавление, исходя, вероятно, из собственного интереса к словесности и сообщая читателю энциклопедические сведения не только страноведческого, но и филологического характера. То, что примечания русского переводчика XVIII в. несли в себе информацию о сравнении лексических ресурсов двух языков, подтверждает и такой пример, в котором английское выражение *several degrees of nobility* переводится как *различные степени Аглинского Вельможства* с постраничной сноской: «*Слово Вельможство хотя еще и не совсем обрусело, однако другим словом русским вразумительнее перевесть не можно Аглинских слов nobility, peerage and grandee. Ибо есть ли сии слова от слова перевесть благородством, то в России и всякой находящийся в обер офицерском чине может назваться благородным; и потому за нужное почитаю напомянуть читателю, что чрез употребленныя часто в сем переводе слова Вельмож и Вельможства разумеются особы первоклассные в государстве*» [2: кн. 3, с. 155]. В этом примере помимо сопоставительного анализа значений русских и английских слов обращает на себя внимание непосредственное указание на читателя, для которого переводчик, по его собственному признанию, пишет данный лингвистический комментарий. Это еще раз подтверждает общую просветительскую направленность примечаний в переводе XVIII в. Интересен здесь и критерий выбора переводческого соответствия, который заключался в степени «обрусения» того или иного эквивалента. Очевидно, что переводчик отдавал предпочтение исконно русским словам и употреблял иноязычные заимствования только в случае необходимости. В качестве доказательства приведем пример текста перевода и примечания в нем, где С.Е. Десницкий создает новое слово из исконно русских корней в противовес имеющемуся в языке иностранному слову: «*В котором гражданском законоположении оныя общества и названы были единовсемственностьми universities, т.е. составляющими из всех частных людей единого, представляющего их, в котором смысле и в России имеется Императорский Московский Университет или по-русски единовсемственность*» [2: кн. 3, с. 366]. Переводчик предлагает окказионализм «единовсемственность» вместо иностранного слова «университет», заимствованного от латинского universitas со значением «совокупность». Этот пример отражает филологические искания русских переводчиков XVIII в., предварившие последующую полемику карамзинистов и шишковистов о том, какие слова нужны русскому языку: тротуар или топтальник, фортепиано или тихогромы, галоши или мокроступы.

Однако самым интересным, выразительным и не лишенным самобытности среди лингвистических комментариев нам представляется пример, в котором русский переводчик XVIII в. излагает свои рассуждения об этимологии названия *dome-book or liber judicialis*, переданного в переводе как *судебник, Дом-Бук по-аглински* с примечанием: «*Дом-Бук или Дум-Бук происходит от Саксонского слова "дом" или "дум", которое значит суд или приговор, и от которого в Аглинском языке произошел и глагол to doom «ту дум», судить или думать. От сего в старинном Русском языке, как то думать можно, назывались Думными Дьяками Секретари, и Думными Боярами Министры. А может быть сие слово и Саксонцы от древних Славян заняли*» [2: кн. 1, с. 161]. Хотим отметить, что к таким этимологическим выводам XVIII в. не следует подходить с современными критериями научной достоверности, возникшими через пару столетий в результате кропотливой систематической работы нескольких поколений и школ языковедов. Ценность подобных филологических рассуждений заключается в том, что они доносят до нас свидетельство лингвистических знаний эпохи и того живого интереса, который переводчик-просветитель проявлял к науке о языке. «Словесность (…), которая разносит из страны в страну великие и полезные идеи (…) – словесность была предметом особенного благоволения и покровительства Екатерины: ибо она знала ее сильное влияние на образование народа и счастие жизни» [3: с. 155–156].

К последней выделенной нами группе примечаний относятся философско-публицистические комментарии русского переводчика XVIII в., касающиеся вопросов философии и актуальных для того времени общественных проблем. Как указывалось выше, к этой группе принадлежат самые объемные примечания, занимающие по несколько страниц, которые в совокупности могли бы составить небольшой сборник статей или эссе самого переводчика. Это представляется возможным, особенно если учесть, что в некоторых таких комментариях С.Е. Десницкий критикует позицию автора по отдельным вопросам и аргументированно выражает свое несогласие. Иными словами, русский переводчик XVIII в. здесь выступает как самостоятельное лицо, использующее перевод в качестве трибуны мыслителя и публициста. Вот, к примеру, как он начинает свое рассуждение о трояком предмете законов: «*Права и преступления полагает г. Блакстон только двумя предметами законов. Некоторые законоучители полагают еще и одно только доставление правосудия предметом законов. Но из таких безмерно обширных разделений выходит больше мелких и затмевающих смысл разделений. Лучшего и удобнейшего разделения законов нет того, которое Юстиниан установил, и которое ныне уже и во всем законоучении европейском принято; по сему разделению полагается троякий предмет законов, то есть: персоны, вещи и обязательства с принадлежащими к сим*

последним челобитными» [2: кн. 1, с. 310–311]. Далее следует подробное описание каждой составляющей законоучения. Другое рассуждение С.Е. Десницкий начинает с открытой критики в адрес автора: «*Господин Блакстон в сем толковании начал, полагаемых основанием закону естественному, весьма невразумительным покажется читателю, и потому за нужное почел здесь приобщить объяснение переводчик Российский следующее* (…)» [2: кн. 1, с. 97], и продолжает собственным изложением оснований этики и юриспруденции.

Если примечания русского переводчика XVIII в. о предмете законоучения или о содержании понятий этики и юриспруденции можно отнести к области философии, то в так называемых публицистических замечаниях он отзывается на современные ему общественные проблемы и пороки. К примеру, С.Е. Десницкий обличает распространенную практику мошенничества при передаче прав на землю, когда «*сие везде равномерно, как в Англии делается по оному обманывающему закон и народ ложному перепродаванию и перезакладыванию имения. И сей обман и в Англии тем же законным прикрывается правилом, в которое все как в громогласную трубу трубят, что крепостному быть по крепостям; не разбирая при том, хотя бы в оном крепостном было сущее дарение или и сущий обман и воровство, кроющееся под видом отчуждения имений политического*» [2: кн. 2, с. 87–88]. Здесь переводчик проводит параллель между разными способами обмана в обход закона в Англии и в России XVIII в. и использует перевод как основу для привлечения внимания читателя к актуальной проблеме российской действительности. В другой части текста переводчик-публицист говорит об аморальности отмены родительского завещания, которая, хотя и допускалась позднее в римском праве, была «*еще хуже и грешнее … тем паче, что в оной и дети просили на своих родителей, и судьи по просьбе детей своими толкованиями судили родителей при всем их разуме не инако, как вне ума бывших и злобно мысливших о своей крови, когда они такое несправедливое и обидное для детей делали завещание с исключением их от наследства*», при том, что, как настоятельно напоминает русский переводчик, изначально в римском законе утверждается незыблемое правило, по которому «*сыну с отцом суда нет*» [2: кн. 3, с. 300–301]. Таким образом, на страницах перевода С.Е. Десницкий выражал свое мнение по насущным вопросам общественной морали и нравственности.

Однако завершить обзор публицистических примечаний русского переводчика XVIII в. нам бы хотелось его комментарием о «сокровищенствующих миллионщиках», который звучит сегодня поистине пророчески: «*Ибо сокровищенствующие миллионщики ужасное во всем правительстве могут делать наваждение, influence, и могут нечувствительно тмы народов от себя зависящими сделать; и это знак не токмо дурной, но и весьма опасной коммерции, когда оная вся перевалится в руки немногих богачей, которые своим безмерным достатком задавляют всех прочих, и делают такую нечувствительную во всем монополию или единопродавство, которого ни самое премудрое правительство предусмотреть и отвратить не может. Кратко сказать: у сокровищенствующих миллионщиков даже и самое правосудие может быть нечувствительно на откуп*» [2: кн. 2, с. 137–138]. Спустя 235 лет в эпоху глобализации и возрастающей роли мировой финансовой закулисы эти слова С.Е. Десницкого поражают своей прозорливостью и показывают глубину мысли, которую русский переводчик XVIII в. выражал в своих примечаниях. А такая роль публициста и мыслителя со страниц перевода подтверждает мнение, что «1780–1790 гг. – это та ступень общественного развития, когда в обществе не было равнодушия к образованию, правде и нравственному добру» [1: с. 10].

Подводя итог, необходимо отметить, что для современного исследователя примечания переводчика любого исторического периода представляют прежде всего документальное отражение мировоззрения, научной мысли и культуры того времени. И обращаясь к этому живому свидетельству эпохи Просвещения в России, мы пробуждаем интерес к неизвестным страницам отечественной истории, осуществляя тем самым связь времен и поколений переводчиков, филологов, патриотов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богатова, Г.А.* Путь России. Словарь Академии Российской и идеология науки, культуры, образования в XVIII веке / Г.А. Богатова // Словарь Академии Российской. 1789–1794. В 6 т. Т. 5. Р–С. – М. : МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2005. – С. 9–12.

2. Истолкования аглинских законов г. Блакстона, переведенныя по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской. С подлинника аглинскаго. [Перевел С.Е. Десницкий при участии А.М. Брянцева]. – Кн. 1–3. – М. : Унив. тип. у Н. Новикова, 1780 –1782.

3. *Карамзин, Н.М.* Историческое похвальное слово Екатерине II / Н.М. Карамзин // О любви к Отечеству и народной гордости / отв. ред. О.А. Платонов. – М. : Ин-т русской цивилизации, 2013. – С. 92–170.

4. *Карамзин, Н.М.* Письма русского путешественника / Н.М. Карамзин // О любви к Отечеству и народной гордости / отв. ред. О.А. Платонов. – М. : Ин-т русской цивилизации, 2013. – С. 59–76.

5. *Семенова, А.В.* Политика Екатерины II в области языка и литературы / А.В. Семенова // Словарь Академии Российской. 1789–1794. В 6 т. Т. 6. Т–V. – М. : МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2006. – С. 24–27.

6. Словарь русских писателей XVIII века. – Л. : Наука, 1988. – Вып. 1 (А–И). – 358 с.

7. *Ульянова, М.В.* Картографическая карикатура: взгляд на Россию из-за рубежа (XIX – начало XX века) / М.В. Ульянова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – № 2 (54). – С. 143–150.

8. Blackstone, W. Commentaries on the Laws of England in four books / W. Blackstone. – Oxford, at the Clarendon Press, 1773.

МЕТАЛИТЕРАТУРНАЯ РЕФЛЕКСИЯ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ЭМИГРАНТОВ

Е.В. Сенина

Сенина Екатерина Владимировна – аспирант кафедры религиоведения и истории Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

Контактный адрес: katya-senina@mail.ru

В статье сделана попытка изучить образы восприятия Китая и китайцев дальневосточными писателями-эмигрантами сквозь призму металитературной рефлексии китайской традиционной культуры. Определяются способы металитературной рефлексии китайской культуры: переводы, стилизации, имитации, переосмысление китайских классических текстов, жанровое синтезирование русской и китайской литературных традиций, гибридные формы стилизаций. Особое внимание в работе уделяется малоизученным произведениям Г. Кочурова и В.А. Качоровского.

Ключевые слова: литература дальневосточной эмиграции, литература русского Шанхая, литература русского Харбина, художественный образ восприятия, металитературная рефлексия, стилизация, имитация, гибридные формы стилизации.

В данной работе сделана попытка изучить образы восприятия Китая и китайцев дальневосточными писателями-эмигрантами сквозь призму металитературной рефлексии китайской традиционной культуры.

Под *образами восприятия* мы понимаем результат формирования дифференцированного целостного представления о «другом», зависящий от этнической картины мира, этнического сознания, констант и этнических стереотипов, социального статуса, прошлого опыта межэтнических контактов воспринимающего субъекта, пространственно-временных условий процесса восприятия [8]. Когда мы говорим об образах восприятия одного этноса другим в *литературе*, то в первую очередь имеем в виду результат действия исключительно преднамеренного – художественного – восприятия. Феномен *взаимного восприятия этносов в литературном творчестве* является результатом двойной интенциональности – этнической и художественной. Переживание феномена этничности *писателем* при встрече с инокультурой выражается в соответствии с логикой работы этнического сознания, направленного в первую очередь на постижение своей природы. То есть сознание писателя, рефлектирующего инокультуру, «переходя от одного явленного факта этничности к другому, классифицирует их по степени близости или чуждости так, что в итоге создает комбинацию этнических феноменов, в которых узнает само себя или чуждое, иноэтничное» [13]. В процессе возникновения *художественного образа восприятия представителем одного этноса другого* авторская точка зрения на отображаемую действительность (точка зрения на представителя «чужого» этноса) напрямую будет зависеть от этнической установки писателя, его способности к восприятию этноинтегрирующих признаков «чужого» этноса. В литературе ***образы восприятия*** этносами друг друга (***образы взаимного восприятия***) представляют собой *художественную проекцию этнического сознания на другой этнос*. Художественные образы взаимного восприятия обусловлены исторической ситуацией, в которой происходит встреча этносов, этническими константами воспринимающих культур, этническими, политическими, социокультурными установками каждого конкретного автора.

Не случайно литература признается одним из способов познавательной деятельности, и не в меньшей мере, чем наука. Воспринимающий чужой этнос писатель может идти двумя путями – во-первых, опираясь на непосредственное погружение в чужую культуру, ее быт, традиции, обычаи; во-вторых, постигая культурную и литературную традицию другого этноса посредством книжного знания. В отличие от ученого-этнографа, вооруженного в идеале знанием языка изучаемого этноса и исследованиями ученых-предшественников, писатель имеет большую свободу действий. В его распоряжении, помимо арсенала научных знаний, литература и литературная традиция изучаемого этноса.

Приступая к художественному освоению чужой страны и населяющих ее народов, русские писатели-эмигранты в Китае осуществляли свои интенции разными путями, в зависимости от художественной установки, предшествующего опыта, возможностей. Одни, имеющие за плечами богатый эмпирический багаж общения с населением Северной Маньчжурии и Дальнего Востока, опыт научной работы, владея, как правило, китайским языком, продолжили свои изыскания уже в беллетристическом ключе (Н.А. Байков, П.В. Шкуркин, М.В. Щербаков); более молодые обратились к изучению китайского языка в высших учебных заведениях Харбина (В. Перелешин, Н. Светлов и др.) [3: с. 249; 33: с. 258], некоторые сами отправились собирать этнографический мате-

риал (В. Март, позднее – Б. Юльский), увлеклись восточными религиями (А. Хейдок) [11]. Но в целом книжно-ориентированная русская культура, которую русские писатели-изгнанники наследовали и развивали в зарубежье, подвигала их практически всех к обязательному освоению и усвоению литературы приютившей их страны, насчитывающей более 5000 веков только письменной культуры.

Китайская литература стала для русских писателей-эмигрантов не просто источником знаний о Китае – она стала мощным источником *металитературной рефлексии* [41]. Под *металитературной рефлексией* понимается восприятие писателями-эмигрантами литературной традиции Китая, т.е. создание *образа восприятия литературы* Китая. Речь идет об усвоении тем, мотивов, образов, сюжетов, жанровых и стилевых форм китайской литературы в целях обогащения своего писательской арсенала традицией чужой культуры и обнаружения точек соприкосновения этой чужой культуры со своей.

Процесс металитературной рефлексии начинается с ***переводов китайской классической литературы***. Первыми к литературным переводам обратились востоковеды и переводчики И.Г. Баранов («Узник», 1920), Ю.К. Граузе («Книга перемен»), профессор С.М. Широкогоров переводил китайский фольклор (1924), журналист Л.В. Арнольдов и др. [38]. Однако для дальнейшего вживания в чужую культуру и творческой адаптации в ней литераторам был необходим самостоятельный опыт переводов. К сожалению, китайским языком владели совсем немногие, и тем не менее переводческой деятельностью поэты-эмигранты стали заниматься уже в начале 20-х гг.

Первоочередное внимание они обратили на «безбрежный океан» китайской классической поэзии [23: с. 19]. Одним из первых поэтов, обратившихся к переводу китайской классики на русский язык, стал представитель старшего поколения эмигрантов Федор Камышнюк (1894–1940) [3: с. 114]. Хорошее знание китайского языка позволило молодому поэту делать «талантливые переводы, которые часто привлекали внимание читателей своей глубинной проникновенностью и красочной музыкальностью стиха» [5: с. 74], – отмечал Диао Шаохуа. В 1922 г. были опубликованы его переводы стихотворения китайского поэта Ли Тайбо «Пьянство втроем» и поэмы Бо Цзюйи «Вечная печаль», посвященной китайской красавице Ян Гуйфей [3: с. 114].

Известным поэтом, переводившим китайскую классику, был Яков Аракин (1878–1945) [3: с. 111]. В 1926 г., отмечая 20-летний юбилей своей литературной деятельности, Я. Аракин выпускает книгу «Неприятности в небесах. Из китайской мифологии» (Харбин) и самый значительный труд – первую антологию китайской поэзии на русском языке «Китайская поэзия», которая включала более 100 стихотворений 33 поэтов Китая. Как отмечал Дияо Шаохуа, выполненные белым стихом переводы «…сохранили их близость к подлиннику и дали возможность почувствовать особенности китайской поэзии и ее прелесть» [5: с. 85]. Я. Аракин хорошо понимал специфику восточной поэзии и подчеркнул это в предисловии к книге: «В отличие от европейской поэзии, в большей части являющейся плодом индивидуальных переживаний авторов, китайская поэзия является по преимуществу отображением типичности, не отмеченной индивидуальностью, – например, отражением старости, молодости, печали, ревности и т.п. Китайские поэты-классики изображают душевные переживания в образах явлений природы, неба, воды, луны…» [1: с. 6].

Одним из немногих, кто выучил китайский язык и пробовал себя в качестве переводчика китайской лирики, был Николай Светлов (1909–1970) [6]. Мастером переводческого искусства китайской лирики был, без сомнения, Валерий Перелешин [6: с. 186]. Увлечение Перелешина китайской культурой привело к публикации ряда переводов китайской классической поэзии. Среди них в конце 1930-х гг. в журналах «Рубеж», «Прибой», «Сегодня» опубликованы стихотворения поэтов Ли Бая Хо Чжи-чжа, Ду Фу [43].

Отечественные литературоведы отмечают, что В. Перелешин «имел собственный взгляд на китайскую поэзию и в переводах старался передать не только содержание, но и ритмический рисунок стиха» [33].

По мнению В.С. Макарова, «его [В. Перелешина] переводы навсегда останутся единственными в своём роде, ибо такое редкое сочетание талантов, как китаевед и поэт, встречается крайне редко» [27]. Мнение китайских ученых современников не совпадает с этой точкой зрения. Исследователи Ли Иннань и Ли Мэн считают, что в переводах Перелешина множество неточностей и несоответствий [33].

Переводы китайской классической поэзии осуществлялись поэтами не только с языка оригинала, но и с английского языка, в частности супругами А.Н. и И.И. Серебренниковыми и А. Ачаиром. А.Н. Серебренникова и И.И. Серебренников в 1938 г. выпустили сборник «Цветы китайской поэзии»[*], который имел большой успех у публики [6].

Популярным и творчески плодотворным способом жанровой рефлексии китайской лирики стала ***стилизация*** [36]. Среди поэтов дальневосточного зарубежья, переосмысливающих китайские образы и аллегории путем стилизации китайской лирики, следует назвать А. Ачаира («Ханьчжоу»), Л. Ан-

[*] Серебренникова А.Н., Серебренников И.И. Цветы китайской поэзии. Тяньцзин, 1938.

дерсен («Нарцисс»), М. Щербакова («Стихи императора Юань-Хао-Сянь»), Вс. Иванова («Дракон») и др.) [7: с. 136; 23: с. 20–32]. В частности, М.В. Щербаков пробовал себя в стилизации стихов-ши («Стихи императора Юань-Хао-Сянь»), стихов-цы («Фонтан. Китайская вышивка», 1921), стихов цзюэцзюй («Курильщик» (1921), «Женьшень», «Соответствие») [18] и оды-фу («Шанхайские наброски», 1924–1930) [35]. Наряду со стилизациями можно упомянуть случаи «псевдостилизации». К этой форме металитературной рефлексии относится лирика, «построенная на китаизированном "воляпюке", имитирующем китайский язык и реалии, им обозначаемые» [7: с. 136].

Образ восприятия «чужого» и в этническом, и в художественном сознании предполагает, в первую очередь, проекцию внутрь «своего». Среди типологических форм, отражающих процесс металитературной рефлексии китайской культурной традиции в лирике (переводов, двойных переводов, стилизаций, имитаций), Ли Иннань называет использование художественной образности китайской поэзии (В. Перелешин, В. Янковская, А. Несмелов) [23: с. 26–27]. При анализе металитературной рефлексии необходимо обратить внимание на *переосмысления китайских классических текстов* (Б. Волков, Ю. Крузенштерн-Петерец) [23: с. 28].

Помимо указанных типологических форм, А.А. Забияко выделяет жанровое синтезирование русской и китайской литературных традиций – «скрещение экзотических реалий и семантических ореолов знаковых метров русского стиха» («Маньчжурские ямбы» Б. Бета, «Беженец» Л. Ещин, «В фруктовой лавчонке» А. Ачаир, лирика Н. Светлова, «Миниатюры в рифмах» А. Паркау, Л. Андерсен, Н. Щеголева) [39]. Переосмысление «чужих» форм, «чужих» образов традиционной поэзии, «вдыхание» в них «своих» коннотаций становится наиболее плодотворным способом восприятия китайской лирической традиции. Ярким примером создания отрефлектированного сквозь призму собственной культуры и литературы образа восприятия китайской культуры и философии становятся «Лаконизмы» А. Ачаира (1939). В этом сборнике, вместившем 52 стихотворения сверхкраткой формы, соединились литературная мистификация (адресация к неведомому Тину или неведомой Тин в эпиграфе), рефлексия даосской и конфуцианской этики, жанровое синтезирование китайской и русской лирики [12: с. 94].

ИНОГДА
Иногда голубая волна
Утром плещет тревогой заката.
Иногда покоренное: – На! –
Меньше любит, чем любит – Не надо! [2: с. 6]

Помимо обращения к лирике, русские писатели-эмигранты осуществляли переводы китайской прозы. Уже в начале 20-х гг. П.В. Шкуркиным был сделан художественный перевод китайских легенд [40], сопровождающийся этнокультурными заметками [10]. Легенды, изданные Шкуркиным, основаны на сюжетах романа «Троецарствие», написанного в XIV в. и являющегося памятником средневековой китайской литературы. П.В. Шкуркин в доступной для массового читателя форме излагает классические сюжеты «Троецарствия», ведь, по словам Шкуркина, в легендах «спрятана душа восточного народа» [37; 40: с. 3]. Не случайно харбинское издание сразу же попало в круг чтения и советских деятелей – в музее в «Ленинских горах» эта книга представлена одной из последних, прочитанных В.И. Лениным.

Талантливым «воспринимающим сознанием» в отношении переводов с китайского обладал М. Щербаков (1890–1956). В частности, в «Балтийском альманахе» [42] публикуются его «Шанхайские миниатюры» с подзаголовком «Переводы с китайского» (при этом авторский подзаголовок – «Из китайских анекдотов»). В эти миниатюры входят истории из жизни «китайских замечательных людей» (например, Ли Бо), явно переводные, и очерки – философско-лирические зарисовки китайской жизни [9].

Практически первым из русских писателей-переводчиков Щербаков обратился к творчеству Лу Синя – зачинателя новой китайской литературы [14: с. 15–19; 25; 26: с. 7–20]. В предисловии к «китайской новелле» «Завтра» он писал: «Лу Синь (или Лу Шун) является одним из современных китайских беллетристов. Особенной славой он пользуется в жанре новелл, – коротеньких рассказов из китайской жизни. Чувство человечности, редкое богатство характерных бытовых черточек, тонкая наблюдательность и глубокий анализ психологии китайского народа, которые дает Лу Синь в своих вещах, делает этого писателя интересным и для западного читателя» [14: с. 15–19]. Как видно, русских писателей-эмигрантов привлекала не только китайская древность, но и творчество писателей-современников. Скорее всего, это были двойные переводы (М. Щербаков свободно владел французским языком). Проблемы современной китайской культуры будут освещены им как переводчиком в работе Чань Юэнь Е («Проблемы китайского театра») [32: с. 3–8]. В заметке «От переводчика» говорится, в частности, о том, что лекция «…привлекла наше внимание не только имеющимися в ней сведениями об истории китайского театра, но также и попыткой автора, обладающего широкой эрудицией в области драматического искусства, построить своеобразную философию театра вообще. Проводя

все время параллели между Западным и Восточным театром, он часто находит оригинальный подход ко многим кардинальным задачам драматического искусства и дает им неожиданные решения. Кроме того, его статья является очень выпуклой характеристикой китайского театра и знакомит нас с теми вопросами, которые волнуют сейчас умы передовых китайских театралов» [32: с. 3].

Переводы Лу Синя и Чань Юэнь Е, сделанные Щербаковым (пусть даже двойные переводы), свидетельствуют не только об интересе русских писателей к древней китайской традиции, но и об их внимании к современным тенденциям в китайской культуре и литературе, стремлении связать древность и современность Китая воедино. Обратим внимание, что процессы металитературной рефлексии китайской культуры с начала 1930-х гг. активизируются в Шанхае – там русские беженцы получают возможность соприкоснуться с китайской ученостью напрямую, соотнести свой интерес к Китаю с интересом других европейцев, побывавших в этом азиатском Вавилоне.

На наш взгляд, именно эта специфическая сторона культурной жизни русского Шанхая способствовала появлению совершенно оригинальных с точки зрения металитературной онтологии произведений. В первую очередь речь идет о романах Г. Кочурова «Ли-чжоу» (1939) и «Последняя китаянка» (1941), определяемых писателем как «романы из китайской жизни».

Несмотря на то что о творчестве Г. Кочурова уже написано несколько работ [28; 29], истории создания его произведений и сама биография писателя до сих пор остаются малоизученными. Известно только, что Герман Кочуров был участником Японо-китайской войны [44]; издал сборник стихов «Искры под пеплом» (Шанхай, 1936), романы «Иви: эротический роман» (Шанхай, 1936), «Ли-чжоу» (1939), «Последняя китаянка» (Шанхай, 1941), жил и умер в Шанхае [28; 47].

Произведения этого автора целиком погружены в жизнь южного Китая, в центре изображения – обычный человек в своем повседневном бытии. Обратимся к роману «Ли-чжоу» [20]. Название романа носит имя главного героя – бедняка-торговца Ли-чжоу, ставшего впоследствии богатым и уважаемым человеком. Действие происходит в Шанхае и его окрестностях. В произведении нашла свое отражение жизнь самых разных социальных слоев Китая в период кардинальных политических трансформаций (описываются события 1920–30-х гг.). Писатель размышляет о многообразии проблем китайского общества, о судьбе «маленького человека». В центре повествования – простой китаец, его мысли, его настоящее и будущее. Художественная идея романа довольно проста: из простого работяги, которого пятилетним бросила мать, которому в юности не на что было даже похоронить отца, и его гроб целый месяц простоял, почерневший, на берегу канала, благодаря трудолюбию и упорству вырастает один из уважаемых и богатейших людей Шанхая. Эта сюжетная линия развивается на фоне внутренних раздумий и воспоминаний героя и подробного описания жизни простых китайцев: бедняков, крестьян, торговцев, женщин, чиновников и т.д.

Композиция произведения основана на соположении глав из жизни Ли- чжоу с главами о Фун-ин. Вторая сюжетная линия повествует о трагичной судьбе его возлюбленной Фун-ин. Чтобы добиться расположения отца Фун-ин, Ли-чжоу оставляет девушку и отправляется на заработки. Узнав о своей беременности, а затем из-за гнева отца потеряв ребенка, Фун-ин сбегает из дома и становится «женщиной из гостиницы». Получив тяжелую болезнь, девушка трагически погибает от рук будущего мужа – землевладельца Чин- Лу-хоу, совсем немного не дождавшись возвращения своего возлюбленного.

Бытовые подробности жизни традиционных китайцев, их привычки и традиции, включенные в роман, весьма познавательны для европейского сознания. Но, безусловно, не развитие сюжетных линий, довольно предсказуемое с точки зрения социальной тематики европейской прозы конца XIX – начала XX в., выделяет роман Кочурова в контексте эмигрантской литературы 1930-х гг. Особый интерес вызывает жанровая природа произведения. Произведение словно написано двумя разными людьми либо соединяет в себе два произведения. Роман с подзаголовком «роман из китайской жизни» предваряет многозначительный эпиграф: «Я не хотел бы, чтобы этот печальный рассказ Китая был последним…». Далее следует пространное лиризованное вступление, где резюмируются итоги жизни героя: «...Так и прошли его годы, сухие и запекшиеся твердой корой денег, ценных бумаг и фруктов, – так запекаются губы далеко и долго идущего человека, – беспечальные и безрадостные, как капли винограда похожие; полные тяжелой мысли и широкой однообразной работы…» [20: с. 161] Метафорика и поэтический синтаксис текста сразу настраивают русскоязычного читателя на инокультурный контекст, воспринимающее сознание «спотыкается» о необычность сравнений и сложный рисунок параллельных конструкций. Экспозиция произведения задает особый характер повествовательной стратегии всего романа, когда развитие сюжета постоянно будет натыкаться на подобного рода лиризованные отступления.

Повествовательная организация романа «Ли-чжоу» напоминает китайский роман конца XIX – начала XX в., соединяющий в себе повествование в

духе критического реализма и лиризованные фрагменты (как рудименты традиционных стихотворных форм, включенных в классический роман). Устремленные к реформированию классической литературы, китайские писатели тех лет (Ху Ши, Линь Шу, Цзи И-хуэй, Чэнь Лэнсе, Цзэн Пу, Су Маньшу и др.) стали использовать разговорный язык байхуа со значительными включениями традиционного письменного языка вэньяня и т.д. [16; 30].

Синтаксическая организация художественного языка романа «Ли-чжоу» также заставляет задуматься – не является ли произведение переводом с китайского. Дело в том, что китайский язык – изолирующий топиковый язык с предикативным характером связи [22: с. 71–140]. В построении синтаксических периодов романа мы обнаруживаем необычную для русского языка, но характерную для китайского литературного языка конца XIX – начала XX в. прагматику – вэньянь в сочетании с байхуа [15; 16]. Рассмотрим несколько примеров.

1. Для книжного языка вэньянь отсутствие подлежащего является нормой. Это происходит потому, что подлежащее, выражаемое в русском языке (или даже в байхуа) местоимением третьего (иногда и первого лица) или указательным местоимением, в вэньяне никак не выражается [16: с. 25]: «Затуманенным взором смотрел на узкую ленту дорог, низко сидящих с ворохами соломы и теперь горевшими на солнце золотыми искрами. Как и раньше. Стоял в четырех шагах от моста. И под ногами снова ощущал рыхлую мягкую вместо твердого, как железо покатого склона» [20: с. 339].

2. Предложения наличия с глаголами 有 yǒu «иметь», 無 / 没有 mó / méiyǒu «не иметь» на русский язык лучше передавать глаголом «быть» [16: с. 35]. В романе «Ли-чжоу» предложения наличия написаны по китайскому образцу: «И также имел лодку и хижину» [20: с. 163], «В этой стороне земли, где живут люди из чужих стран. Много имеют. И имеют лучших богов» [20: с. 164], «Я не имею ни хорошей жены, ни денег. Ты не будешь иметь мужа» [20: с. 171] и т.д.

3. Неопределенность границ предложения – еще одна особенность вэньяня [16: с. 33], которая широко представлена в романе: «В пятнах резких мужских лиц, точеных головок женщин, сладкого бездумия чистых детских глаз, под мелькающим вихрем огневых вывесок, пляшущих в темном, густом саване ночи, бежало сознательно считавшее себя осмысленным, существо, именуемое человеком – крошечная материальная мозговая частица, сумевшая вобрать в себя силу желания и чувства соседних подобных частиц – силу, окутанную такой же крошечной и материальной, но бесконечно сильнейшей частицей-амфибией, денежной единицей серебра, – чудилась страшная тень нищеты и безнадежности, чудовищной человеческой уживчивости» [20: с. 131].

Те же художественные особенности организации повествовательной структуры мы обнаруживаем и в романе «Последняя китаянка» (1941) [21]. В нем рассказывается о жизни молодой девушки, которая волею судьбы из крестьянки превратилась в хозяйку знатного дома – стала женой известного чиновника. На примере ее жизни показаны те глобальные социальные и политические изменения, которые происходили в Китае, в частности в Шанхае, в 20–30-е гг. прошлого века. Это противостояние политических сил Севера и Юга Китая, борьба китайского народа за свободу, за освобождение от гнета иностранных держав; это проблема развития новой культуры в Китае и ее взаимодействие с традициями и т.д. Также, как и в «Ли-чжоу», Г. Кочуров ставит в центр романа проблему «маленького человека».

После написания «Ли-чжоу» прошло два года – стиль автора стал более совершенным, в романе уже не столь явно бросается в глаза дискурсивная разноголосица. Тем не менее, обращаясь к жанровой природе романа «Последняя китаянка», отметим, что он снова возвращает нас к традиции китайского романа. Его вновь предваряет стихотворный эпиграф, криптограмматизм которого никоим образом не связан с русской поэтической метафорикой:

«Знаю: встретив не раз неожиданно – удивитесь…
И дико бросите в сторону вопрошающие глаза…
Быть может, узко и злобно улыбнетесь, как и просмеялись всю свою короткую, недолгую жизнь…
Я отвечу: здесь живут люди из чуждого вам мира…» [21: с. 4].

В произведении отмечается частотность употребления сравнений (иносказаний): «И глазам его, обвеваемым свежим воздухом, чудилось, что словно из-под навеса быстро несущейся повозки, пробегала перед ним вся певучая, зеленая страна его отцов и дедов» [21: с. 19].

Умело использует Г. Кочуров традиционный для китайской литературы прием метафоризации: «Каплей расплавленной меди горела среди душной зеленой равнины деревушка Хуа-лу. Желто-бурыми, мохнатыми кровлями, большими змеями дорог, да изумрудом безгранного молодого рису легла на горячей земле, распластавшись вширь» [21: с. 10].

Использование олицетворений как одного из распространенных изобразительно-выразительных средств китайской литературно-художественной речи делает повествование образным и живописным, позволяет усилить художественное воздействие речи: «С севера шли полчища гаоляна – его густая стена подступала вплотную на всю длину деревни к низкому глиняному забору двора богато-

го землевладельца <…> С востока высилась реденькая роща вязов, загибаясь дугой в сторону деревни; дышала за ней полымем, несказанным, пахучим, глубокая, буйная, звонкая степь радости великой земной, без озер и тропинок» [21: с. 10].

В своем романе Г. Кочуров большое внимание уделяет объемным пейзажным зарисовкам, свойственным традиционной китайской литературе: «Ранними, свежими, как вода родника, зорями, задыхающимися полднями и тихими вечерами до лилово-багряных закатов, когда далекие холмы уже гасли в синей мгле и с полей поднимался дрожащий вздох испарений земли, густые стада лошадей, свиней вперемежку с кучами детей возвращались домой» [21: с. 12].

Так как в историко-литературном процессе дальневосточной эмиграции биография Г. Кочурова представляет собой лакуну, мы не нашли подтверждений тому, что «романы из китайской жизни» Г. Кочурова являются переводами из китайской литературы. Можно предположить, что Кочуров, осуществляя столь художественно выполненные стилизации в стиле вэньянь, должен был хорошо знать китайский язык и прекрасно владеть книжной культурой Китая. Написать такие романы, не зная традиционной синтаксической и морфологической структуры китайского языка, не владея базовыми теоретическими основами китайского языка, не чувствуя стилистических особенностей китайской художественной речи, на наш взгляд, – практически невозможно. Потому в контексте нашего исследования романы «Ли-чжоу» и «Последняя китаянка» рассматриваются как мастерские стилизации либо гибридные стилизованные формы – синкретические соединения собственно авторского повествования и переводных фрагментов. С точки зрения металитературной рефлексии данный путь проникновения в китайскую культуру и создания образа восприятия Китая представляется оригинальным и весьма плодотворным для русской литературной традиции.

Наособицу стоит опыт еще одного русского писателя, связанного не просто с китайской темой в своем творчестве, а, на наш взгляд, именно с металитературной рефлексией китайской литературы. Речь идет о В.А. Качоровском – писателе, не принадлежащем к «восточной ветви» эмиграции [38: с. 150], но оставившим в ее пестром художественном пространстве свой значительный след. Качоровский Владимир Андреевич (1889–1984) родился на Кавказе, в 1907 г. окончил Одесский кадетский корпус, в 1910 г. – Константиновское артиллерийское училище, служил в лейб-гвардии. Получил звание полковника артиллерии, награжден георгиевским оружием. Участник Гражданской войны. Во время эвакуации белых частей вынужден был уехать в Европу. Жил в Италии, Франции, Австралии, на Таити, в США. Качоровский был постоянным литературным сотрудником и корреспондентом газеты «Русская жизнь» в Сан-Франциско [34], информационные материалы, воспоминания о военной службе и боевых действиях публиковал в изданиях «Вестник Гвардейского Объединения», «Оповещение по объединению лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады» и бюллетене «Объяснительная записка – "Бюллетень горя"» [4: с. 64, 73, 91].

Длительное время Качоровский работал в Шанхае. Свои впечатления о путешествиях по Китаю опубликовал в газете «Новая заря» (1929) и журнале «Современная женщина». В Шанхае были изданы его книги «Зачумленный рай» (1933), «По чужим краям» (1944), «Сьё Ви Цан» [19; 4: с. 323] (предположительно 1945/1947). Последний роман, изданный на излете существования русской художественной мысли в Китае, является весьма репрезентативным с разных точек зрения.

Композиция произведения представляет собой этнографические фрагменты с чередованием истории жизни главной героини Сьё Ви Цан. В романе Качоровского присутствуют две сюжетные линии. Первая посвящена жизни молодой китаянки в большом городе. Из-за тяжелого материального положения семьи Сьё Ви Цан с матерью уезжают из деревни. В городе она находит настоящих верных подруг, пробует себя в роли танцовщицы, впервые разочаровывается в мужчинах, по родительскому расчету выходит замуж за нелюбимого ею соседа, встречает настоящую любовь, из-за которой погибает. Вторая сюжетная линия развивается на фоне путешествия главного героя Славина по большому китайскому городу. Славина интересует в Китае всё: быт, нравы, законы, культура.

Роман В.А. Кочаровского «Сьё Ви Цан» можно назвать литературным путеводителем в мир китайской психологии. Исследователи отмечают «выпуклый», зримый образ восприятия Китая [31]. Это удается благодаря подробнейшим этнографическим зарисовкам, представляющим собой целые блоки, последовательно рассказывающие о наблюдениях героя, от лица которого идет повествование. Главными темами романа становятся познание Китая, изображение жизни разных социальных слоев китайского общества, живущих бок о бок с европейцами, взаимоотношения между мужчиной и женщиной.

В романе «Сьё Ви Цан» восприятие писателем быта и нравов китайского народа определил статус «стороннего наблюдателя» [31]. В первую очередь в глаза бросается абсолютная нейтральность авторской точки зрения, выражающаяся в простой констатации этнографических реалий. Такой стиль вполне соответствует и жанру национального бытового романа, и жанрам этнографической прозы.

Но «маневры» повествовательной техники Качоровского заключаются не в этой стилизованной нейтральности повествования.

В ходе работы над текстом произведения нами было обнаружено, что большинство этнографических фрагментов – это не личные наблюдения писателя, а вкрапления вольного перевода книги известного китайского писателя, ученого, философа Линь Юйтана «Моя страна и мой народ» [45]. В мировом китаеведении книга получила широкое признание и причислена к разряду классических исследований благодаря своей оригинальности и информативности. Автор выделил характерные особенности китайской истории, психологии, духовной культуры, религии, философии, проследил эволюцию материальных и духовных ценностей китайцев с древнейших времен до XX в., впервые познакомил европейцев и американцев с особенностями китайского менталитета [24: с. 1]. Книга Линь Юйтана была опубликована в США в 1935 г. на английском языке и стала одним из бестселлеров по версии «The New York Times» [46: p. 28], благодаря чему китайский писатель стал известным. Отметим, что на китайский язык книга была переведена лишь в 1994 г. и была опубликована под названием «Китайцы: моя страна и мой народ». Так как Качоровский долгое время проживал в США (Сан-Франциско), он вполне мог познакомиться с книгой китайского мыслителя на английском.

Сопоставим отрывки из романа Качоровского с оригиналами Линь Юйтана на английском и китайском языках и переводом Н.А. Спешнева.

«“Лицо” имеет психологический характер, а не физиологический. Его нельзя ни мыть, ни брить, но можно приобрести, потерять; за него можно бороться и получить в дар» [17: с. 309]. «That face is psychological and not physiological. <…> It is not a face that can be washed or shaved, but a face that can be “granted” and “lost” and “fought for” and “presented as a gift”» [45: p. 209]. «这面子是心理作用的 <…> 它不是一张面孔，可以揩洗或刮须，却是可以‘得’ “失” “争取’，更可以当礼物一样‘赠送’» [46: p. 219]. «Это Лицо психологические, а не физиологическое. <…> Это Лицо нельзя мыть или брить, но можно "получить", "завоевать", "поднести в дар"» [24, с. 190].

Отрывок о традиции бинтования ног женщинам:

«Несомненно, популярность бинтования ног базировалась на желании женщин идти навстречу фантазии мужчин, создавших себе любовный фетиш из маленьких ножек и туфелек <…> Еще при Тунге появилась мода на маленькие ножки у женщин, которые воспевались в стихах вместе с их дугообразными туфельками. Эти туфли, носки которых загибались кверху наподобие древних римских галер, носились танцовщицами того времени в роскошной обстановке богатых дворцов, залитых волнами редкой парфюмерии, возбуждавшей сексуальных гурманов того времени не в меньшей степени, чем сами ножки в гондолообразных туфельках. Развивая в этом направлении свою эротическую фантазию, правитель Нантанга, из династии южных Тунгов, слывший к тому же эстетом и поэтом, впервые выпустил одну из своих танцовщиц показать балетное искусство в забинтованных ногах. Он приказал ювелирам вылить из золота цветок лилии в шесть фунтов высотой, увешанный со всех сторон золотыми нитками, драгоценными камнями и жемчугом. С тех пор и родилась мода на эти ножки…» [17: с. 424]. «…its popularity with men was based on the worship of women’s feet and shoes as a love-fetish and on the feminine gait which naturally followed, and its popularity with women was based on their desire to curry men’s favour <…> Rapturous praise of women’s small feet and their “bow-shoes”, with upturned heads like the bow of a Roman galley, were the beginnings or rudimentary forms of footbinding. These were used by the dancing girls of the court, and in this luxurious atmosphere of female dancing and court perfume and beaded curtains and rare incense, it was natural that a creative mind should have appeared and put the last finishing touch to this sensual sophistication. This creative mind belonged to the ruler of Nant’ang (Southern T’ang, a short-lived dynasty), who was an exquisite poet besides. One of his girls with bound feet was made to dance with light tiptoe steps on a golden lily six feet high, hung all over with jewels and pearls and golden threads. Thereafter, the fashion was set and imitated by the public…» [45: p. 158–159]. «它的所以获得男子的欢迎，乃缘于男人崇拜金莲和跳舞时作为恋爱的偶像，并欣赏其婀娜的步态，其所以能获得妇女的欢迎，则缘于她们的欲以动男人的爱悦而已。<…>
疯狂的赞美女人之纤足和她们的弓鞋的风气盛行于唐代。弓鞋的式样绣鞋头向上弯翘，大类罗马战船的船首，或即为缠足之起源或一种初步的形式。此种弓鞋本为宫中舞女所用，在这种奢华的氛围中，充满着女性的舞蹈，笙歌，萦绕着异香龙涎，锦绣朱帘，天然会产生种别出心裁的意匠，其结果即为此种性的矫饰。这一个创造的心意，系属于南唐后主，他原来是一个细腻的诗人，他有一个缠了足的宫女，能莲盛地缓步于六尺高的金质莲花瓣上，四周复缀以珠花金链。从此这个风尚受民间的模仿…» [46: p. 150].

«Мужчинам так нравится этот обычай потому, что для них женские ножка и туфелька – это фетиш любви. Женщинам нравится этот обычай потому, что им хочется добиться любви мужчин <…> В конце эпохи Тан маленькие женские ножки и "туфельки в форме изогнутого лука" вошли в моду. Носки таких туфелек были загнуты наподобие древнеримских ростр. Их носили дворцовые танцовщицы. Девушки начинали танцевать, и между расшитых жемчугом парчовых занавесей дворцовых покоев витал аромат пудры, смешанной с благовониями. В такой атмосфере, естественно, не могла не появиться творческая натура, которая по-

следним штрихом довела до совершенства эту изощренную чувственность. Таким человеком оказался император династии Южная Тан, незаурядный поэт. Император приказал танцовщице петь и танцевать на высоте шести футов на лотосе, сделанном из золота и украшенном драгоценными камнями, жемчугом и золотыми нитями. Так возникла и быстро распространилась мода на бинтование ножек» [24: с. 162].

Таким образом, становится понятным, почему В.А. Качоровский в этих фрагментах практически не дает собственных оценок китайским реалиям. В.А. Качоровского можно по праву назвать первым переводчиком книги «Моя страна и мой народ» на русский язык. Однако автор столь умело сопрягает переводные фрагменты с повествованием «из китайской жизни», что читатель этого не замечает и с удовольствием погружается в «этнографическую прозу». Таким образом, роман «Сье Ви Цан» можно с уверенностью назвать гибридной формой стилизации китайской прозы.

Анализ процесса металитературной рефлексии китайской культуры позволяет сделать вывод о том, что богатейший арсенал китайской литературной традиции, образности, сюжетики, безусловно, обогатил литературу русского Китая, придал не просто экзотический колорит, а убедительную фактурность и лаконичность лирике, а в прозе продуцировал специфические повествовательные стратегии.

Без глубокого освоения и усвоения книжной традиции китайской культуры образ восприятия Китая и китайцев в художественной практике дальневосточных писателей не был бы столь многогранным. При этом историческая и географическая логика развития культурной жизни дальневосточной эмиграции определяла то, что металитературная рефлексия китайской традиции началась в Харбине с лирики, а завершилась в Шанхае созданием столь сложных жанровых образований, как гибридная форма стилизованного романа. Шанхайский опыт металитературной рефлексии китайской культуры был, безусловно, более плодотворным, соединил в образе литературного Китая древность и современность, точки зрения самих китайцев на себя и образ восприятия Китая европейцами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аракин, Я.* Китайская поэзия / Я. Аракин. – Харбин : Б. и., 1926. – 105 с.
2. *Ачаир, А.* Лаконизмы / А. Ачаир. – Харбин : Б. и., 1937. – 32 с.
3. *Бузуев, О.А.* Литература русского зарубежья Дальнего Востока в национальном процессе XX века : моногр. / О.А. Бузуев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Комсомольск-на Амуре : Изд-во АмГПГУ, 2013. – 381 с.
4. *Волков, С.В.* Русская военная эмиграция / С.В. Волков. – М. : Пашков дом, 2008. – 569 с.
5. *Дияо, Шаохуа.* Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905–1925 гг.): По найденным материалам / Дияо Шаохуа // Россияне в Азии : лит.-истор. ежегодник / под ред. О. Бакич. – Торонто, 1996. – № 3. – С. 57–111.
6. *Забияко, А.А.* «Живая муза с узкими глазами»: Китай и китайцы в харбинской лирике / А.А. Забияко // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2015. – С. 181–195.
7. *Забияко, А.А.* Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии : моногр. / А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2009. – 352 с.
8. *Забияко, А.А.* Образы восприятия русских эмигрантов в китайской литературе 1920–1940 гг. [Электронный ресурс] / А.А. Забияко, Е.В. Сенина // «Emigrantologia Słowian». – 2016. – Vol. 2. – P. 19–32. – Режим доступа: http://emigrantologia.uni.opole.pl/wp-content/uploads/02.-Zabijako-Senina-Obraz.pdf (дата обращения: 15.10.2017).
9. *Забияко, А.А.* От этнографических повествований – к беллетристике: М.В. Щербаков, Б.М. Юльский, А.И. Несмелов / А.А. Забияко // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2015. – С. 306– 335.
10. *Забияко, А.А.* Синолог и этнограф П.В. Шкуркин: образ хунхузов и хунхузничества в контексте социокультурных трансформаций и межцивилизационных контактов на северо-востоке Китая в XIX–XX вв. / А.А. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2015. – Вып. 11. – С. 186–196.
11. *Забияко, А.А.* Спиритизм, теософия, масонство: харбинский вариант космополитизма / А.А. Забияко, К.А. Крыжанская // Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии : моногр. / А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2009. – С. 175–194.
12. *Забияко, А.А.* Тропа судьбы Алексея Ачаира / А.А. Забияко. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2007. – 210 с.
13. *Забияко, А.П.* Категории «свой – чужой» в этническом сознании / А.П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / отв. ред. Д.П. Болотин, А.П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2003. – Вып. 5. – С. 224–228.
14. Завтра. Рассказ Лу Синя // Врата. – Шанхай : Б. и., 1934. – № 1. – 48 с.
15. *Зограф, И.Т.* Официальный вэньянь / И.Т. Зограф. – М. : Наука. Гл. ред. восточ. лит., 1990. – 342 с.
16. *Карапетьянц, А.М.* Учебник классического китайского языка вэньянь. Начальный курс / А.М. Карапетьянц, Тань Аошуан. – М. : Муравей, 2001. – 432 с.
17. *Качоровский, В.А.* Сьё Ви Цан / В.А. Качоровский // Литература русских эмигрантов в Китае. В 10 т. Т. 5. Волны Хуанпуцзяна Шанхая / гл. сост. Ли Янлен. – Пекин : Китайская молодежь, 2005. – С. 281–547.
18. *Ковальчук, И.Ю.* Традиции китайской словесности в поэзии дальневосточной эмиграции (на материале сонетов М. Щербакова и М. Волина) / И.Ю. Ковальчук // Русский Харбин, запечатленный в слове : сб. науч. работ / под ред. А.А Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2010. – Вып. 4. – С. 80–85.
19. Коллекция русского шанхайца [Электронный ресурс] // Качоровский Владимир Андреевич. – Режим доступа:

http://russianemigrant.ru/book-author/kachorovskiy-vladimir-andreevich (дата обращения: 11.08.2017).

20. *Кочуров, Г.* Ли-чжоу. Роман из китайской жизни / Г. Кочуров // Литература русских эмигрантов в Китае. В 10 т. Т. 8. Я береза России / гл. сост. Ли Янлен. – Пекин : Китайская молодежь, 2005. – С. 164–344.

21. *Кочуров, Г.* Последняя китаянка. Роман из китайской жизни / Г. Кочуров // Литература русских эмигрантов в Китае. В 10 т. Т. 8. Я береза России / гл. сост. Ли Янлен. – Пекин : Китайская молодежь, 2005. –С. 5–161.

22. *Курдюмов, В.А.* Курс китайского языка. Теоретическая грамматика / В.А. Курдюмов. – М. : ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД; ЛАДА, 2005. – 576 с.

23. *Ли, Иннань.* Образ Китая в русской поэзии Харбина / Ли Иннань // Русский Харбин, запечатленный в слове : сб. науч. работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2009. – Вып. 3. – С. 19–32.

24. *Линь, Юйтан.* Китайцы: моя страна и мой народ : пер. с китайского и предисл. Н.А. Спешнева / Линь Юйтан. – М. : Вост. лит., 2010. – 338 с.

25. *Лу, Синь.* «Юный румянец» и император Цан Лун / Лу Синь // Прожектор. – Шанхай : Б. и., – 1931. – № 1. – С. 4–8.

26. *Лу, Синь.* Господин Кун / Лу Синь // Парус. – Шанхай : Б. и., – 1932. – Вып. 6–7. – 48 с.

27. *Макаров, В.* Русские дальневосточные синологи / В. Макаров // П.Е. Ковалевский История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж : Б. и., 1971. – 347 с.

28. *Мяо, Хуэй.* Изображение традиционной китайской культуры в русской эмигрантской литературе в Китае : дис. … канд. культурологии : 24.00.01 / Мяо Хуэй. – Владивосток, 2016. – 178 с.

29. *Мяо, Хуэй*. Творческие темы китайского писателя-эмигранта Г. Кочурова на фоне Китая / Мяо Хуэй, Чжао Цзянчэн, Сун Чжунся // Русская литература и искусство. – 2012. – № 1. – С. 34–37.

30. *Петров, В.В.* Китайская литература [второй половины XIX в.] / В.В. Петров // История всемирной литературы. В 8 т. Т. 7 / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М. : Наука, 1991. – С. 675–684.

31. *Поливан, Р.В.* Роман В. Качоровского «Сье Ви Цан»: этнография Китая глазами «русского туриста» / Р.В. Поливан // Русский Харбин, запечатленный в слове / под ред. А.А, Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2012. – Вып. 6. – С. 227–237.

32. Понедельник. – Шанхай, 1931. – № 2. – 35 с.

33. *Пышняк, О.Е.* Валерий Перелешин как переводчик китайской классической поэзии / О.Е. Пышняк, Г.В. Эфендиева // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Этнокультурные процессы в политическом контексте : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2013. – Вып. 10. – С. 256–265.

34. Русская жизнь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dordopolo.ru/product173.html (дата обращения: 18.07.2017).

35. *Степанова, Т.В.* Жанрово-стилевой эксперимент «Шанхайских набросков» М. Щербакова / Т.В. Степанова, // Вестник АмГУ. – 2009. – Вып. 46 – С. 117–119.

36. Теоретическая поэтика: понятия и определения : хрестоматия для студентов филол. фак. / сост. Н.Д. Тамарченко. – М. : РГГУ, 1999. – 290 с.

37. *Трошина, В.С.* «Китайские легенды» П.В. Шкуркина как литературное изложение китайского фольклора и истории / В.С. Трошина // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2015. – Вып. 11. – С. 181–185.

38. *Хисамутдинов, А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке : библиограф. слов. / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – 358 с.

39. «Четверть века беженской судьбы…» : художественный мир лирики русского Харбина / А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2008. – 428 с.

40. *Шкуркин, П.В.* Китайские легенды / П.В. Шкуркин. — Харбин : Тип. т-ва «ОЗО», 1921. – 160 с.

41. *Штайн, К.Э.* Метапоэтика: «Размытая» парадигма / К.Э. Штайн // Три века русской метапоэтики: легитимация дискурса : антология. В 4 т. Т. 1 / под ред. К.Э. Штайн. – Ставрополь : Ставроп. кн. изд-во, 2002. – С. 604–616.

42. *Щербаков, М.* Шанхайские миниатюры / М. Щербаков // Балтийский альманах. – 1924. – № 2. – С. 48–49.

43. *Эфендиева, Г.В*. Валерий Перелешин и его опыт стихотворного перевода древнекитайского трактата «Дао дэ цзин» / Г.В. Эфендиева, О.Е. Пышняк // Социальные и гуманитарные науки *на* Дальнем Востоке. – 2014. – № 4 (44). – С. 137–140.

44. *Эфендиева, Г.В.* Книжные автографы писателей русского Китая / Г.В. Эфендиева // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Этнокультурные процессы в политическом контексте : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2013. – Вып. 10. – С. 306–322.

45. *Lin, Yutang.* My country and my people / Lin Yutang. – London : William Heinemann, 1936. – 392 p.

46. *Lin, Yutang.* Wo guo yu wo min / Lin Yutang. – Xian : Jianxi shifan daxue chubanshe, 2002. – 369 p.

47. Russians in China. Genealogical index (1926–1946). (Russian Edition) / Kirill Chashchin. – Washington : South Eastern Publishers, 2014. – 950 p.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПОЛИВАРИАТИВНОСТЬ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКИХ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

О.А. Рудецкий

Рудецкий Олег Андреевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: rudetsky@mail.ru

В статье рассматриваются особенности этнокультурной идентификации русских на Дальнем Востоке. Проанализирована региональная специфика этнической идентичности, включая такие аспекты, как этническая рефлексия и употребление этнонима «русские», владение русским языком как родным, происхождение, антропологический облик, императив поведения и ценностные ориентиры, гражданско-политический статус, место рождения, или «малая родина», знание и понимание основ русской культуры, религиозная принадлежность.

Ключевые слова: этничность, этнокультурная идентификация, идентичность, маркеры этнической идентичности, русские, Дальний Восток.

Российский Дальний Восток представляет собой регион активного межэтнического взаимодействия, взаимопроникновения и взаимообогащения культур: славянских и коренных народов, народов Китая, Кореи, Японии, Монголии и т.д. Актуальны в этом плане вопросы этнокультурной идентификации русских, ставших основой переселенческого движения России на Восток. Среди этих вопросов: *Каковы смыслообразующие основы этнокультурной идентификации русских? Существует ли комплекс специфических черт этнического самосознания у русских дальневосточников?*

Отметим, что *употребление в научном дискурсе таких дефиниций, как «русская ментальность», «русская психология» и даже «русская душа», имеет перспективу только в ракурсе понимания чрезвычайной пластичности этнической культуры и, как следствие, – этнического самосознания*. Вспомним слова выдающегося российского этнолога и антрополога С.М. Широкогорова: «Культура народа … не неподвижна. Культура этноса слагается из явлений и элементов, имеющих по времени различное происхождение и значение, причём некоторые из них уже мертвы, другие умирают, третьи находятся в состоянии расцвета и четвёртые только что народились. Сложность культуры каждого этноса настолько велика, что понять её и начертить дальнейшую эволюцию её можно только путём анализа происхождения и зависимости всех явлений» [46].

К сожалению, нередко в публицистике, в научной и учебной литературе размышления о русском народе принимают характер спекулятивных рассуждений, уводящих этнологический дискурс в сферу мифотворчества. Так, интересная рекомендация приводится в одном из российских учебников по этнопсихологии: «…необходимо помнить, что работа с представителями русской национальности требует определённого контроля, большой взыскательности, профилактики иногда встречающейся расхлябанности, безответственности, халатности» [22: с. 149–150]. Не менее интересен и следующий пассаж: «Кроме того, представители русской национальности иногда могут быть не склонны к самостоятельности, слишком часто поддаются отрицательным влияниям, в ряде случаев излишне легко и быстро перенимают чужие пороки, бывают чересчур доверчивы и болтливы» [22: с. 150].

Несмотря на высокую степень конфессионального и языкового единообразия, говорить об исключительном «феномене русской монолитности» (Е.П. Каргаполов) [19: с. 124] определённо не стоит. Пластичность этнического самосознания, его гибкость, возможность инокультурных заимствований предполагает *поливариативность процесса этнической идентификации*, суть которого заключается *в субъективном выражении многовекторности и многоаспектности исторической динамики этнического мировоззрения*. Безусловно, указанная поливариативность не является особой чертой русской этничности, она также проявляет себя в социальном бытии других народов, находит своё непосредственное воплощение в разнообразных типах манифестации собственной идентичности, выборе ценностных установок и организации повседневной жизни.

О разнообразии видов идентичности у русских подробно пишет И.В. Власова. По её мнению, «…идентичность народа "выступала" в различных видах в тот или иной период в зависимости от того, что было главным для его консолидации. Один ее

вид мог превалировать над другим (этничность или гражданственность), мог служить синонимом другого, заменяя его, быть тождественным ему (русские и православные)» [10: с. 40]. Более того, «…идентичность русских может быть многоуровневой – одновременно проявляться в нескольких видах (этническое, социальное, историко-культурное, региональное, локальное, общерусское, общенациональное и т.д.)» [10: с. 40]. Системный обзор основных подходов к определению русских даёт И.В. Путилова, отмечая, что данные подходы «используются самими русскими в процессе идентификации». Среди них: этимологический, цивилизационный, религиозно-конфессиональный, этноидентификационный, политико-гражданский, социоструктурный, паннациональный, расово-антропологический, биогенетический, коммуникативно-языковой, «обязательно-бюрократический», этнокультурный или «добровольно-субъективный» подходы [30: с. 211–214].

Поливариативность этнокультурной идентификации русских находит своё выражение на уровне этносимволической репрезентации культурных границ. Следуя идеям Ф. Барта, актуальны в этом плане те компоненты культуры, которые лежат в самой основе этнической идентичности, значимы для ее носителей и позволяют им заявить о своем отличии от окружающих [45]. Маркирующие этничность явления в этом плане достаточно разнообразны и для русских дальневосточников имеют целый ряд особенностей.

Этническая рефлексия и употребление этнонима «русские». Одним из важнейших признаков этничности в современной этнологии принято считать самосознание, а точнее мировоззренчески обусловленную отрефлексированность выбора этничности. Вместе с тем отметим, что соотнесение самого себя с той или иной этнической группой, выбор идентичностей, форм, способов их проявления может носить формальный, инструментальный и экзистенциальный характер. Формальной стороной репрезентации «русскости» является употребление этнонима, иногда в связке с его локальными вариантами. Инструментальность предполагает возможность использования этнического имени для достижения определённых целей. Экзистенциальный выбор этничности представляет собой многоуровневое соотнесение собственного мировоззрения с традиционными идеями, ценностями, нормами этнической культуры; высокую степень переживаемости процессов идентификации и репрезентации. Последний вариант нередко приводит к парадоксам этнокультурной ориентации человека, когда «русскость» выплескивается за собственно этнические границы. Так, Ч.Г. Гусейнов, подчёркивая широту распространения русскоязычной культуры, предлагает использовать следующие словосочетания: «русские русские» (существительное + прилагательное) и «русские нерусские» (прилагательное + существительное) [13: с. 26–27]. В этнокультурном пространстве Дальнего Востока в силу смешения народов маркёр рефлексии и употребления этнонима также имеет важное значение, обусловливая появление таких феноменов, как «русский китаец», «русский кореец» и пр.

Владение русским языком как родным. Одним из ключевых, если не важнейшим, маркером этнической идентичности русских следует признать языковой маркёр. Являясь основой культуры, естественный язык часто выступает символом определённой этничности [7; 15]. В течение столетий владение русским языком как родным служило несомненным признаком «русскости» того или иного человека. В свою очередь, неумение изъясняться на русском языке позволяло отнести человека к инородцам или чужестранцам. Курьёзным примером этой лингвистической детерминанты служит этимология слова «немец», фактически означающее «непонятно говорящий», по стечению обстоятельств закрепившееся в русском языке в качестве этнонима [21].

Современные лингвистические исследования дают основания выделять так называемый дальневосточный регионолект, достаточно крупное территориально-системное образование, не повторяющее классического диалектного членения русского языка (В.И. Трубинский). По мнению Е.А. Оглезнёвой, для восточных окраин России характерны специфические особенности, в частности, заимствования из языков коренных народов и народов соседних государств; активизация для стандарта национального языка лексики, связанной по происхождению с языками автохтонных народов; развитие синонимии за счёт наращивания синонимического ряда заимствованными лексемами [26].

Примечательным в отношении словоупотребления является лексическое заимствование из языков азиатских народов, проникновение этой лексики в самую основу разговорной и письменной речи. Так, всего в одном маленьком фрагменте известной книги В.К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» мы можем наблюдать сразу три «эпизода» заимствования из китайского языка: «Нельзя не удивляться предприимчивости китайцев. Одни из них охотятся за оленями, другие ищут *женьшень*, третьи соболюют, четвёртые заняты добычей кабарожьего мускуса, там видишь капустоловов, в другом месте ловят крабов или трепангов, там сеют мак и добывают опий и т.д. Что ни *фанза*, то новый промысел: ловля жемчуга, добыча какого-то растительного масла, *ханшина*, корней астрагала…» [6].

Ярким примером использования китайской лексики, включения её в русскую письменную речь

служит книга А.А. Кауфмана «По новым местам. Очерки и путевые заметки. 1901–1903». Вот один из отрывков: «Навстречу к нам выходит один из китайцев, довольно сносно говорящий по-русски (вероятно, писарь, *сиенсин*), и после непродолжительных разговоров идёт, очевидно, докладывать *джангую* (хозяину. – *О.А.*). Затем выходит и сам джангуй, – благородный, достаточно упитанный китаец, и вежливо, но с сознанием собственного достоинства, приглашает нас войти в чистую комнату» [26].

В свете вышеуказанной специфики дальневосточного регионолекта русского языка весьма примечательным представляется миф о том, что именно у дальневосточников самая правильная русская речь, т.е. большее соответствие некоторому стандарту произношения [27].

«Русское» происхождение. В дискурсе о русском народе достаточно часто приходится сталкиваться с маркёром, который условно можно назвать «происхождение». На практике это может означать идею исторического происхождения рода, семьи, которое можно отследить «документально»; а также идею «русской крови», «русских генов» и пр.

Однако отметим, что ни фамилия, ни всякого рода справки, отметки в паспорте не «закрепляют» этничность за человеком по факту рождения. Так, казалось бы, типичная русская фамилия Иванов восходит к имени Иван, которое, в свою очередь, имеет древнееврейское происхождение. И этническая статистика показывает, что эту фамилию могут носить не только этнические русские, но и чуваши, мордвины, марийцы и пр. [38]. Тем более о русскости однозначно не говорит и имя человека, полная свобода в выборе которого сегодня несомненна. С лёгкой подачи современных родителей, сознающих себя русскими, дети могут оказаться Вольдемарами, Эсмеральдами и т.д.

Идея укоренённости русскости в геноме представляется опасным мифотворчеством, выходящим за пределы как науки, так и здравого смысла. Стоит согласиться с позицией российского генетика Е.В. Балановской, отрицающей существование «русских генов» как таковых в силу множества причин, таких как невозможность определить и отследить рождение именно «русского гена», непредсказуемость проявления определённых генов в последующих поколениях, постоянный и естественный генетический обмен между разными популяциями [8]. Особо опасен в этом плане радикальный биологизм в понимании русскости, характерный пример которого – заявление крайнего националиста А.Н. Севастьянова: «Русская национальность подтверждается ее закреплением в документах, удостоверяющих личность. Либо, если лицо является несовершеннолетним, в документах, удостоверяющих личность одного из родителей. Либо на основании заявления лица, владеющего русским языком и имеющего не менее одного документально подтвержденного русского предка во втором колене, о своей национальности, которое совершается в установленном федеральным законом порядке».

С момента освоения и заселения Дальнего Востока так называемый русский колонист часто не являлся, строго говоря, русским, если использовать современную этнографическую терминологию. Об этническом происхождении «русских» казаков и крестьян с высокой долей условности можно говорить, лишь полагаясь на сведения о регионах выхода переселенцев, родном языке, вероисповедании. Так, переселенцы Приамурья к концу XIX в. представляли собой выходцев из южно-русских, украинских, белорусских, западно-сибирских губерний и Забайкалья. Среди жителей Сахалина оказались выходцы из южно-русских губерний, с Кавказа, из Крыма и пр. Крестьяне же Якутского и Олекминского округов, говоря на языке источников, являлись по материнской линии более якутами, чем по отцовской русскими [33: с. 116]. Интересны в этом плане родоведческие изыскания современных дальневосточников, подтверждающих полиэтнический характер переселенцев на Дальний Восток.

Тем не менее символы родовой принадлежности, фамилия, «русский семейный очаг» были и остаются важными смыслообразующими компонентами русского этнического самосознания, в том числе дальневосточников.

Особенно пронзительно звучание этих символов в культуре русского Зарубежья (Харбин, Пекин, Шанхай и пр.). Конструирование художественных образов здесь нередко являло собой пример обращения к маркёру родословия. В стихотворении «Изгнание» одного из выдающихся поэтов русского Зарубежья А.И. Несмелова (Митропольского) (1892–1945) мы обнаруживаем следующий символический ряд [25: с. 27]:

Дымно розовеющее море
Ласковой сквозит голубизной…
Думаю о русском – о *поморе*,
О *Москве узорчато-резной*.
Что мне эта ласковость морская
И с горы упавшая тропа,
Если всё ж душа моя – *тверская*,
Как у *предка*, *сельского попа*.

Антропологический облик, или «русская» внешность. Попыткой представить русскость через внешний облик человека отличаются многие образы, культивируемые в современном самосознании, в том числе посредством кинематографа, художественной литературы и пр. Такое видение этничности предполагает активное использование символики телесности, многочисленных образов традиционной культуры. В «экстремальном» вари-

анте такой подход приобретает характер поверхностного «расово-биологического», несостоятельного по причине хотя бы многообразия антропологических типов, присущих русским [11].

В дальневосточных условиях соприкосновения разных расово-антропологических типов этническая идентификация русского населения нередко обращается к символам, маркирующим внешнее *телесное* своеобразие и непохожесть. При этом различия в облике между представителями многочисленных народов Северо-Востока Азии могли и не учитываться. Так, вероятно, первый японец, попавший в результате кораблекрушения в Россию, купец Дэмбэй (кон. XVII в.), ставший впоследствии преподавателем в первой школе японского языка, был принят первоначально за «индейца» [32: с. 296].

Для дальневосточных окраин России внешность как маркёр этнической идентичности русского человека оказывается связана с разноуровневым восприятием межэтнических браков и особенно – метисации населения. Так, достаточно специфично и остро в исторической динамике могут восприниматься результаты смешения русских и китайцев: для этнических русских – как угроза «жёлтой экспансии», для китайцев – как позитивный фактор «улучшения генофонда». Д.А. Владимирова указывает, что нередко, по мнению самих китайцев, дети, рождённые в смешанных браках, красивы, как русские, умны, как китайцы, наследуют русскую кровь и китайский характер [9].

«Русский» императив поведения и ценностные ориентиры. Понятие императива поведения – как идеального принципа поведения представителей того или иного этноса – отсылает к той области этнической психологии, где сильнó влияние дискурса стереотипных представлений об этничности. Несомненно, богатство фольклорного материала, этнографических наблюдений, публицистики и пр. придаёт теме типичных русских черт поведения определённую глубину. Однако в этом дискурсе русская этничность предстаёт пронизанной противоречиями: сила – слабость, открытость – замкнутость, набожность – безбожие и т.д. Не случайно русский характер в работах классиков литературы чаще всего описывается как парадоксальный. Так, не единожды «пройдясь» по теме русской лени, Н.В. Гоголь в письме П.В. Нащокину от 8(20) июля 1842 г. утверждал: «Недостатки ваши могут быть разве только в неподвижности и лени, одолевающей русского человека во время продолжительного бездействия, и в трудности подняться на дело. Но в той же русской природе есть способность, поднявшись на дело, совершить его полно и окончательно, русский сидень делает в малое время больше, чем какой-нибудь труженик, работающий всю жизнь» [35: с. 146].

В стереотипных представлениях о народе поведенческие черты могут выступить важным маркером этнокультурной идентичности. В рамках дальневосточного вектора этнической истории этот маркёр мог быть органично связан с самой возможностью русских освоить огромный необжитый край. Отметим, что ещё в дореволюционную эпоху многие источники оценивали потенциал именно русских переселенцев как высокий. Так, в работе этнографов В.К. Арсеньева и Е.И. Титова «Быт и характер народностей дальневосточного края» русскость переселенцев предполагала жизненный уклад, практически идеальный для выполнения роли колонизатора дальневосточных земель: «консервативность, приспосабливаемость, завоевательные стремления и умение подойти к туземцу» [12: с. 193]. Вместе с тем заметки некоторых путешественников преподносят скорее удручающую картину. Показательны в этом отношении заметки Н.М. Пржевальского касательно селений Сучанской долины Уссурийского края – Александровского и Владимирского. Отмечая удивительную способность китайцев наладить прекрасное хозяйство в этих же условиях Сучанской долины, русские поселенцы «живут крайне плохо»: «Даже прискорбно видеть, как у китайцев, рядом живущих, полное обилие всякого хозяйского добра, а у наших поселенцев сплошь да и к ряду нет даже куска ржаного хлеба» [29].

Гражданско-политический статус. Весьма сложным в свете анализа маркеров этничности представляется соотношение гражданской и этнической идентичности, понятий «русские» и «россияне» (в политическом смысле). В течение XVIII–XIX вв. государственная позиция практически отождествляла эти понятия. Восприятие русского и российского как синонимов отличало также отечественную философскую мысль, литературу и искусство этого периода [39: с. 328]. Быть русским в дореволюционной России означало быть православным *подданным* империи. Не стоит забывать при этом, что слово «россиянин» этимологически восходит к слову «русский», появившемуся хронологически значительно раньше первого, а в иностранных языках эти понятия вообще не разводятся. Наиболее типичными символами, актуализирующими маркёр гражданско-политического статуса, являются символы великодержавности, имперскости, сильной государственной власти, жертвенности в политических интересах.

Подход к этнокультурной идентификации русских, который можно назвать этатистским (И.В. Путилова), государственническим, был и является активно воспроизводимым в условиях Дальнего Востока как азиатского форпоста России. Отметим, что наряду с крестьянской ранней формой колонизации огромных пространств Тихоокеанской окра-

ины была военная колонизация, укреплявшая оборону этой окраины. Не случайно военная символика часто сопровождала многочисленные описания и характеристику первых поселений русских людей. Обратимся в качестве примера к описанию Хабаровки известным писателем и этнографом С.В. Максимовым. Уже с первых строк перед читателем предстаёт военный пост: «Там, где Уссури встречается с Амуром, последняя прикрутость Амура оступается в воду крутой каменистой скалой. … Около этой-то скалы и по её отклонам… выстроилось новое казённое селение, *носящее имя первого завоевателя Амурского края, Хабарова*. … *Застроенная исключительно домами батальонного штаба* (*в виде крупных казарм* и мелких домов для семейных) Хабаровка с реки поражает замечательною оригинальностью постройки и самого вида» [24]. Более того, Максимов фиксирует использование военной терминологии в описании отдельных деталей: «Лишь только проезжий очутится на берегу, стук топора и визг пилы преследуют его с утра до вечера, везде: и на том краю, где выстроились в два ряда длинные казармы, и на другом фланге (как привыкли выражаться в Хабаровске)…» [24].

Утрата воинского духа, и тем более государственная измена могли рассматриваться как вариант «отпадения» от русского народа. Историк А.В. Ремнёв приводит в качестве примера эпизоды недоверия к казачьему населению: «…*казаки попали под подозрение* и *в сохранении ими "русскости"*, утверждения положительного русского имиджа среди туземного населения. На севере и северо-востоке Азии *казаки*, как отмечалось почти всеми, кто побывал там, *утратили былой воинский дух*, халатно относились к своей службе, некоторые из них *даже не говорили по-русски*, совершенно слившись с местным населением [31: с. 28].

Место рождения, или «малая родина». Важным аспектом этнокультурной идентификации служит место рождения и субъективное восприятие «малой родины». Ввиду обширности как территории России, так и, разумеется, этнической территории русских символически это пространство делилось на разнообразные части. Так, в дискурсе русской культуры можно обнаружить смыслообразы «сердце России» (её европейская часть), «Хребет России» (Урал) и пр. Ментально «русскость» земли исторически связывалась с географической близостью к древнейшим культурным центрам, удалённость же территории от этого центра могла использоваться и используется для спекулятивных умопостроений в духе «Сибирь – не Россия». Дальний Восток – наиболее удалённая от центра часть России, «Тихоокеанская *окраина*», как его называли ещё дореволюционные исследователи.

Особый интерес в этом отношении представляет русская идентичность эмигрантской среды, наиболее удалённая от исторического «сердца России». Значительная часть русских эмигрантов проживала в городах Китая: Харбине, Шанхае, Пекине [34]. Напоминанием об этом служит как городская архитектура, планировка, так и образные названия, например «Русская Атлантида» (т.е. Харбин). Своеобразным осколком русского мира в Китае стало так называемое Трехречье (по-китайски Саньхэ цюй) – район, получивший название от трех рек: Ган, Дербул и Хаул в Маньчжурии и нередко фигурирующий под метафорическим именем «Амурская Калифорния» [4; 17]. Значительной по численности и сплочённой оказалась русская эмигрантская среда в других странах АТР [42; 43].

В прозе и лирике, в публицистике, в дневниковых записях и воспоминаниях русские эмигранты маркируют зарубежную «малую родину» как русскую, используя те символы и образы, которые наиболее характерны для самой России. Вот как русский поэт, большую часть жизни проживший в Харбине, Г.Г. Сатовский-Ржевский (1907–1955) описывает поселение Аньда в Маньчжурии, максимально концентрированно расставляя по тексту указания «русскости» [25: с. 76]:

…Тихой грустью внезапно пахнула опять
На перроне родная картина:
Русский стрелочник с выцветшим, серым флажком,
Русский смазчик, бредущий с развальцей,
И с околышком красным, с блестящим жезлом
Вышел к поезду *русский начальник*.
На вокзале встречает нас *русская речь*,
Улыбаются *русские лица*,
Белокурый мальчишка с лозою стеречь
Гонит в траву послушную птицу.
Точно в *русской деревне*, коровы бредут,
У ворот их хозяйки встречают,
И в любом из домов здесь пришельца зовут
К *бесконечному, русскому чаю*. …

А вот так китаевед К.Б. Кепинг, долгое время прожившая в Тяньцзине и Пекине, писала о Бэйгуане, «русской» части Пекина: «…Мы, дети, свободно бегавшие по огромным земельным угодьям Бэйгуаня, знали, что это – *наша русская земля*, а за высокими стенами Бэйгуаня была чужая страна, хотя мы все тут родились и выросли. А, как выяснилось позже, любили эту страну и, разбросанные в разные углы мира, скучали о ней и стремились сюда. …Потому, что Китай – моя родина, страна моего детства» [18: с. 21].

Территориальная принадлежность русских эмигрантов могла приобрести оригинальное локальное имя. Так, в отношении русских Маньчжурии могли использоваться такие «неофициальные» названия,

как «ланцепупы», «русские маньчжурцы» и «кавэжэдэки» [16: с. 62–64].

Знание и понимание основ русской культуры. Важным, но очень широким для интерпретации маркером этнокультурной идентификации русских служит знание и понимание основ русской культуры. Однако отметим, что так называемая русская культура, складывавшаяся благодаря творческим усилиям не только этнических русских, несомненно, шире и богаче традиционной культуры русского этноса. Данный маркер может использоваться в значениях «следования культурному коду» или даже выполнения некоторой «цивилизаторской миссии». Рассуждая в контексте дальневосточной истории, В.А. Тураев отмечает: «Когда говорят о цивилизаторской миссии, обычно имеют в виду распространение на той или иной территории высокой культуры и просвещения. Цивилизаторская миссия русского народа на берегах Тихого океана не является в этом отношении исключением. Для неё характерны два аспекта: хозяйственное освоение тихоокеанских пространств и приобщение местного населения к мировой культурной системе, известной как православное христианство, к европейским нормам права и культурным ценностям» [40: с. 154]. В некотором смысле о позитивном «значении» русских на Дальнем Востоке говорят даже отдельные предания. Так, в цикле космогонических преданий чукчей этнографами зафиксирована история творения людей вороном, когда созданному из огнива человеку предписывалось следующее: «…Будь же ты русским… Делай чай, табак, сахар, соль, посуду! Другие будут брать от тебя!». В другом рассказе русский уже создает горы, реки, озера и пр. [28: с. 36].

В то же время для этнокультурной идентификации русских Дальнего Востока было характерно перекрещивание фольклорных мотивов и заимствование отдельных симолов и образов. Так, описание лешего в одной из быличек, т.е. рассказов о нечистой силе, использует явные мотивы культуры коренных народов: «…человек – 3 аршина в вышину, в больших сутурах [меховых наколенниках], в черных камусных обутках, в черном пальте и бобровой шапке, кушаком подпоясанный. И видит мужик у него 14 собак в нарте. Присмотрелся – это запряжено 12 лисиц, а в корню два волка» [41: с. 109].

Религиозная принадлежность. Одним из важнейших факторов, определявших процесс этнической идентификации населения России вплоть до революционных событий 1917 г., необходимо признать православие. Несомненно, религиозные символы глубоко проникли в народное самосознание, настолько, что, несмотря на долгий атеистический период советской истории, религиозный маркер этнической идентичности по-прежнему актуален для русского населения. Характерным событием в этом плане стало принятие по итогам заседания XVIII Всемирного русского народного собора так называемой Декларации русской идентичности (11 ноября 2014 г.). Определение русской идентичности в документе фактически опирается на представление о религиозных детерминантах русского самосознания: «русский, – утверждается в тексте декларации, – это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; *признающий православное христианство основой национальной духовной культуры*; ощущающий солидарность с судьбой русского народа» [14]. Ряд авторов сочли такой подход верным [47: с. 60]. Однако современная попытка определить русскость через православие чрезвычайно далека от сложившейся в XX в. «постхристианской» повседневности.

Религиозный маркёр этнической идентичности важен для понимания исторического контекста колонизационного движения России на Восток. Упоминание русских среди тех, кто осваивал Сибирь и Дальний Восток в XVII и XVIII вв., на самом деле имело специфический собирательный смысл – принципиальное значение имело подданство и вероисповедание. Анализ источников показывает, что среди таких русских можно было обнаружить украинцев, белорусов, поляков, литовцев, представителей коренных народов. Даже метисы, потомки брачных союзов первопроходцев с аборигенами, в случае крещения признавались русскими [37: с. 55–56].

Русская идентичность, развивающаяся в русле православной культуры, предполагает совокупность значимых символов, важнейшим из которых, «маркирующим» географическое пространство как «русское» / «российское», являлся православный храм. «Осмысление и формирование нового культурного образа территории Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. осуществлялось во многом… через традиционную метафору православного храмового сооружения – метафору России» [23].

В то же время необходимо признать исторический пласт не-православной русской культуры, а именно старообрядческое, молоканское, духоборское население, искавшее на обширной и необжитой территории Дальнего Востока спасения от притеснений царской администрации. Сложность конфессионального состава русских переселенцев в Приамурье и Приморье указывают такие исследователи, как Ю.В. Аргудяева, А.А. Хисамутдинов и др. Стоит согласится с позицией Ю.В. Аргудяевой, отмечавшей, что «…этнокультурная история дальневосточного старообрядчества – это история сохранения традиционной русской культуры в её локальном варианте в специфических местных условиях» [1: с. 64]. Такими

условиями могли быть Приамурье, Приморье, Маньчжурия, традиционными же натуральное хозяйство, обычай взаимопомощи и пр.

Психологические различия между категориями верующих русских ощущались достаточно сильно, приводя к весьма сложным формам взаимодействия между представителями одного этноса, включая уход от непосредственного общения друг с другом [3: с. 101]. Характер символов и образов, встроенных в процесс этнической идентификации, был очень специфичен. Так, для переселенцев-старообрядцев особое звучание приобрела легенда о необыкновенной счастливой стране Беловодье. Истории о её существовании и её поисках удаётся фиксировать современным этнографам. Одна из таких легенд записана в селе Усть-Соболевка: «У нас рассказывали, плыл как-то корабль. Буря случилась, а у них вода кончилась, а земли не видать. Слышат только, колокол бьёт. Ну, поплыли туда, увидели остров. Примкнули к острову. К ним люди все в белом пришли, дали им воды и наказали никому не говорить об этом острове. А Пётр Первый всех заставил искать этот остров и присоединить его к России. Стали искать, да не нашли. Бог прикрыл этот остров» [20].

Таким образом, русская этнокультурная идентификация представляет собой сложный поливариативный феномен. В условиях Дальнего Востока правомерно утверждать о некоторой региональной специфике этой идентификации по целому ряду аспектов: этнической рефлексии и употреблению этнонима «русские», владению русским языком как родным, происхождению, антропологическому облику, императиву поведения и ценностным ориентирам, гражданско-политическому статусу, месту рождения, или «малой родине», знанию и пониманию основ русской культуры, религиозной принадлежности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аргудяева, Ю.В.* Жизнь дальневосточных старообрядцев в Маньчжурии / Ю.В. Аргудяева // Традиционная культура. – 2010. – № 3. – С. 64–72.
2. *Аргудяева, Ю.В.* Русские крестьяне Приамурья в исследованиях В.К. Арсеньева / Ю.В. Аргудяева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 2(34). – С. 181–186.
3. *Аргудяева, Ю.В.* Русские крестьяне Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева / Ю.В. Аргудяева // Вестник ДВО РАН. – 2012. – № 4. – С. 94–105.
4. *Аргудяева, Ю.В.* Русское население в Трёхречье / Ю.В. Аргудяева // Россия и АТР. – 2006. – № 4. – С. 121–134.
5. *Аргудяева, Ю.В.* Этническая история русских Приамурья / Ю.В. Аргудяева // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. III. – Вып. 2(8) – С. 70–90.
6. *Арсеньев, В.К.* По Уссурийскому краю. Дерсу Узала / В.К. Арсеньев. – М. : Эксмо, 205. – 448 с.
7. *Арутюнян, Ю.В.* Этносоциология / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. – М. : Аспект-Пресс, 1999. – 271 с.
8. *Балановская, Е.В.* Русский генофонд на Русской равнине / Е.В. Балановская, О.П. Балановский. – М. : Луч, 2007.
9. *Владимирова, Д.А.* Смешанные браки россиян и граждан КНР в Приморском крае / Д.А. Владимирова // Вестник ДВО РАН. – 2005. – № 2.
10. *Власова, И.В.* Виды идентичности у русских / И.В. Власова // Русские: этнокультурная идентичность / отв. ред. и сост. И.В. Власова. – М. : ИЭА РАН, 2013. – С. 13–44.
11. Вопросы антропологии, диалектологии и этнографии русского народа / отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко, И.В. Власова. – М. : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1998. – 268 с.
12. *Гончарова, С.В.* Быт и характер народностей дальневосточного края / С.В. Гончарова // Записки Гродековского музея. – Хабаровск : Государственный музей Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова, 2005. – Вып. 10. Ч. 2. – С. 189–195
13. *Гусейнов, Ч.Г.* Уроки федерализма, или «Русскость нерусских» / Ч.Г. Гусейнов // Культурное наследие России. – 2016. – № 3. – С. 20–27.
14. Декларации русской идентичности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Patriarchia.ru
15. *Донцов, А.И.* Язык как фактор этнической идентичности / А.И. Донцов, Т.Г. Стефаненко, Ж.Т. Уталиева // Вопросы философии. – 1997. – № 4. – С. 75–86.
16. *Забияко, А.А.* Ментальность дальневосточного фронтира: культура и литература русского Харбина / А.А. Забияко. – Новосибирск, 2016. – 437 с.
17. *Забияко, А.П.* Русские в Трёхречье: исторический экскурс / А.П. Забияко // Emigrantologia Slowian. – 2016. – Vol. 2. – S. 5–17.
18. *Забияко, А.П.* Русские и китайцы на Дальнем Востоке: двадцать пять лет жизни в условиях открытой границы / А.П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Этнокультурные процессы в политическом контексте : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко ; пер. на кит. Ван Цзяньлинь, М.А. Хаймурзиной ; пер. на англ. О.Е. Пышняк. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2013. – Вып. 10. – С. 15–24.
19. *Каргаполов, Е.П.* Русская национальная идентичность: вопросы теории / Е.П. Каргаполов // Евразийский союз учёных. – 2015. – № 7(16). – С. 122–125.
20. *Кобко, В.* Беловодье: страна древнего благочестия / В. Кобко // Словесница искусств. – 2006. – № 2(18).
21. *Крылов, Г.А.* Этимологический словарь русского языка / Г.А. Крылов. – М. : Виктория Плюс, 2005.
22. *Крысько, В.Г.* Этническая психология / В.Г. Крысько. – М. : Академия, 2004. – 320 с.
23. *Левошко, С.С.* Православный храм – архитектурный символ России на Дальнем Востоке во второй половине XIX – первой трети XX в. [Электронный ресурс] / С.С. Левошко. – Режим доступа: www.vladivostok-eparhia.ru/eparhia|history/?ID=22484
24. *Максимов, С.В.* На Востоке. Путь на Амур [Электронный ресурс] / С.В. Максимов. – Режим доступа: www.dvbook.ru/book_litra_x3
25. «Мне так страстно хочется в Россию…». Антология / сост. Н.П. Гребенюкова. – Хабаровск : Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2007. – 200 с.
26. *Оглезнева, Е.А.* Дальневосточный регионолект русского языка: особенности формирования / Е.А. Оглезнева // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2(16). – С. 119–136.
27. *Оглезнева, Е.А.* «На Дальнем Востоке говорят правильно»: миф или реальность? / Е.А. Оглезнева // Слово.

Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск : АмГУ, 2014. – Вып. 11. – С. 42–51.

28. *Подмаскин, В.В.* Отражение этнокультурных контактов в фольклоре коренных малочисленных народов Дальнего Востока России XVII–XX вв. / В.В. Подмаскин // Языки и фолькор коренных народов Сибири. – 2012. – № 1. – С. 35–38.

29. *Пржевальский, Н.М.* Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. / Н.М. Пржевальский. – Владивосток : Дальневост. книж. изд-во, 1990.

30. *Путилова, И.В.* Основы русской идентичности: значимые подходы / И.В. Путилова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 57. – С. 210–215.

31. *Ремнёв, А.В.* Казачество в колонизационных процессах конца XIX – начала XX века / А.А. Ремнёв, Н.Г. Суворова / Исследования Tartaria Magna. – 2011. – № 1. – С. 16–36.

32. Россия и народы Дальнего Востока: исторический опыт межэтнического взаимодействия (XVII–XIX вв.) / отв. ред. В.А. Тураев; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – Владивосток : Наука, 2016. – 364 с.

33. Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. – М. : Наука, 1999.

34. Русские в Китае. Исторический обзор / общ. ред. А.А. Хисамутдинов. – М., 2010. – 570 с.

35. Русские писатели и публицисты о русском народе / сост. Д. Соловьёв. – СПб. : Лимбус Пресс, 2016. – 384 с.

36. Русский Харбин. Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2015. – 462 с.

37. Сибирь и русский север. Проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начало XXI века) / Е.Ф. Фурсова [и др.]. – Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 2014. – 296 с.

38. *Суперанская, А.В.* Человек – фамилия – национальность / А.В. Суперанская // Наука и жизнь. – 2018. – № 1.

39. *Теленков, А.В.* О соотношении наименований русские и россияне: история, современность и перспективы / А.В. Теленков // Научный ежегодник Института философии и права УО РАН. – 2008. – Вып. 8. – С. 326–340.

40. *Тураев, В.А.* Цивилизаторская миссия русского народа в культурном пространстве Тихоокеанской России и проблемы постсоветской интеграции / В.А. Тураев // Россия и АТР. – 2016. – № 2. – С. 151–169.

41. *Фетисова, Л.Е.* Традиционный русский фольклор в культурном пространстве Северо-Востока России / Л.Е. Фетисова // Вестник ДВО РАН. – 2009. – № 5. – С. 103–110.

42. *Хисамутдинов, А.А.* Не забывшие свою русскость: русская (российская) диаспора в Азиатско-Тихоокеанском регионе / А.А. Хисамутдинов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2013. – № 13. – С. 288–292.

43. *Хисамутдинов, А.А.* Русская Япония / А.А. Хисамутдинов. – М. : Вече. – 399 с.

44. *Хисамутдинов, А.А.* Русские старообрядцы в Китае / А.А. Хисамутдинов // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 12. – С. 52–56.

45. Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. – М. : Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 1994. – 236 с.

46. *Широкогоров, С.М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / С.М. Широкогоров. – Владивосток, 1922.

47. *Щупленков, О.В.* Формирование русской этнической идентичности через самосознание / О.В. Щупленков // Совет по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации. Т. 3. – М. : Этносоциум, 2015. – С. 53–60.

К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ НАРЕЧИЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ

В.Т. Садченко

Садченко Валентина Тарасовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и издательского дела Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: valentinasadchenko@yandex.ru

Статья посвящена описанию явления вариативности наречий в русских говорах. Отмечается наличие большого количества вариантных рядов семантически тождественных наречий в русских говорах Приамурья; проанализировано явление синонимии в сопоставлении с вариантностью на материале наречий; выделены типы фонетических, словообразовательных и формально-грамматических вариантов наречий, репрезентированных в «Словаре русских говоров Приамурья».

Ключевые слова: вариативность, русские говоры, наречие, типы вариантов.

Проблема вариативности языковых единиц, пожалуй, одна из наиболее дискуссионных в современном языкознании. Т.В. Кириллова отмечала, что «…варьирование языковых единиц – показатель развития как литературного, так и диалектного языка. Безграничность потенциальных лексических возможностей в потоке живой речи носителей говора приводит к возникновению в нём огромного количества разного типа вариантов, соотносимых с одним понятием»; что в народных говорах варьирование единиц встречается намного чаще, чем в литературном языке, так как вариантность литературного языка ограничивает наличие строгой нормы, в то время как «неопределённость контуров нормативности в диалектах значительно расширяет диапазон их вариативности» [5: с. 142].

Е.А. Нефедова выделяет следующие факторы, определяющие вариативность фонетического, словообразовательного, морфологического и семантического облика функционирующих в диалекте лексических единиц: «1) устная форма существования говоров и отсутствие в них кодифицированной нормы, облегчающие возникновение словообразовательных и семантических единиц разной степени устойчивости по готовым моделям; 2) повышенный эмоциональный тонус народной речи, вообще характерный для разговорного языка, в том числе и литературного; 3) номинативные процессы, результатом которых являются разномотивированные единицы с одинаковым значением; 4) разрушение архаического слоя говора, забвение звучания и значения многих слов, воспроизводимых неточно, в искаженном звучании и с достаточно неопределенной, "размытой" семантикой; 5) усвоение новой лексики, проникающей в говоры под влиянием городской культуры, часто связанное с трансформацией звучания и значения литературных слов; 6) территориальное варьирование говоров» [7: с. 3]. Подчеркивая актуальность исследования вариативности в говорах, Е.А. Нефедова отмечает, что «…изучение специфики диалектной вариантности имеет существенное значение для прогнозирования динамики развития говоров и, в известной степени, русского национального языка в целом» [7: с. 3].

Т.Ю. Игнатович также считает вариативность показателем подвижности диалектной системы, позволяющим «увидеть тенденции ее развития» [4: с. 16].

Все вышесказанное подчеркивает неиссякаемую актуальность изучения проблемы вариативности во всех ее аспектах.

Вариативность и ее роль в формировании класса наречий в русских говорах рассмотрена И.А. Поповым в диссертации 1983 г. По мнению И.А. Попова, «…ни одна часть речи в словарном составе говоров не имеет столь развитой вариантности, как наречие» [9: с. 16].

На вариативность как особое свойство наречий обращает внимание и Н.В. Чурмаева, которая замечает, что характерной чертой наречий является «многообразие форм, объединяемых одним корнем и одним содержанием», что «…неизменяемость формы как категориальный признак наречий, являющаяся выражением формальной независимости наречия от лексического окружения в предложении, в речевом употреблении приводит к многообразию форм у одной и той же лексемы» [13: с. 155]. Вариативность наречий, как и сама данная часть речи, в русской диалектологии не получила до сих пор подробного освещения. В частности, в докторской диссертации Т.Ю. Игнатович [3], посвященной описанию восточно-забайкальских говоров северно-русского происхождения в синхронном и диахронном аспектах, наречия не упоминаются вовсе. К современным работам, посвященным наречию, можно отнести исследование О.А. Глущенко [2], в котором описываются наречия только одной лексико-семантической группы – образа действия; а также диссертацию Ю.Н. Драчевой [3],

посвященную особенностям наречий в вологодских говорах, и диссертацию Е.В. Бочкаревой, написанную на материале донских говоров [1].

О.А. Глущенко, решая вопрос о тождестве слова в связи с проблемой отграничения общерусского наречия от диалектного, утверждает, что диалектными вариантами общенародных слов могут быть названы все единицы, имеющие формальные различия (в месте ударения, в качестве отдельных фонем, в лексико-грамматической характеристике или стилистической маркированности) с литературными аналогами [2: с. 4].

Таким образом, вариативность может быть интерпретирована достаточно широко, а именно как свойство «выражать разными способами какую-либо языковую сущность» [6: с. 80].

В языкознании принято выделять лексико-фонематические, морфологические и лексико-семантические варианты слов.

Лексико-фонематические варианты различаются звуковым составом корневой морфемы или местом ударения при идентичном морфемном составе и семантике. К ним относятся фонематические и акцентные варианты. Фонематические варианты наречий объединяются в два типа в зависимости от характера различий в их звуковой оболочке: варианты слов, различающиеся гласными фонемами (*оттель – оттуль, снутра – снутря*), и варианты слов, различающиеся согласными фонемами (*взадпятки – взапятки, дивно – димно, отседова – отцедова*) (*здесь и далее приводим примеры из материалов «Словаря русских говоров Приамурья»* [11]). Акцентные варианты отличаются друг от друга лишь положением ударения (*ра́ным-ра́но – раны́м-рано́, на́смертно – насме́ртно, пе́рво – перво́, ту́поре – тупо́ре – тупоре́*). В материалах «Словаря русских говоров Приамурья» 25 словарных статей содержат фонематические варианты, что составляет 4,5 % от всего количества наречий (553 единицы).

К морфологическим (в другой терминологии – словообразовательным) вариантам относят единицы, отличающиеся словообразовательными аффиксами *(сундолой – сундолою – на сундулах; утре – утрем – утресь; в чашу – в чашку; вкрадче – крадкой – крадучкой; лони – лонись*).

Выделение лексико-семантических вариантов слова является самым проблематичным. Под лексико-семантическими вариантами понимают модификации слова в плане содержания. В связи с этим возникает проблема дифференциации вариативности и полисемии, вариативности и омонимии. Кроме того, терминологическая неточность (некоторые исследователи используют термин «однокоренные синонимы» (В.А. Гречко), который стирает различия между явлениями) формирует еще один аспект проблемы: разграничение вариативности и синонимии. И.А. Оссовецкий пишет, что «…в диалекте наблюдается большое количество вариантов для номинации одного и того же понятия, явления или реалии. Такие варианты образуют сложную цепь синонимов, отдельные звенья которой очень близки между собой по звучанию и неразличимы по значению. В употреблении этого типа синонимов наблюдается известное безразличие» [8: с. 180].

В русских говорах Приамурья наречия образуют различные ряды синонимов, например:

– со значением «способ заделки углов деревянной постройки, при котором концы бревен торчат наружу»: *в угол – в замо́к – в охряпку (охряп)*;

– со значением «быстро»: *бусом – востро – вприскочку – ловконько – ментом – податно – поживому – скореича – хлестко* (в 1-м знач.) – *ходом – шибко* (в 3-м знач.) – *шохом*.

Как известно, в основе синонимии лежит полное или частичное совпадение значений языковых единиц [6: с. 447]. В частности, семантическая структура группы наречий с общим значением «много», представленных в «Словаре русских говоров Приамурья», отличается такими добавочными оттенками значения, как «достаточно», «в большом количестве», «сверх меры», «с избытком», «сплошь», «чрезмерно»:

БЕСЧУ́РНО, нареч. *1. Много, с избытком.* Есть у него всего через глаза, бесчурно, а ему всё мало *(Н.-Андр. Бел.)*. Бесчурно – много. Бесчурно на любое можно применить *(Заг. Сел. Своб.)*. Бесчурно работают, не знают меры, чуры не знают ни в чём *(Джл. Скв.). Амур. (Бел. Своб. Скв.). 2.* Неодобр. *Чрезмерно, сверх реальных, разумных границ.* Чё ж ты гитару-то спортил? Струны натянул бесчурно, она и лопнула *(Н.-Андр. Бел.)*. Бесчурно переела сёдня, выше выти *(Серг. Благ.)*. Он какой-то жадный, пьёт бесчурно *(Заг. Сел. Своб.). Амур. (Бел. Благ. Своб.). Нов.-Даур.* [11: с. 33].

БОГА́ТО, нареч. *Много.* Тут делов бога́то *(Уш. Шим.)*. У меня квасоли богато, всегда на огороде родится *(Н.Буз. Своб.). Амур. (Своб. Шим.)* [11: с. 36].

ГО́ЛЬНО, нареч. *Сплошь усыпано.* Нет, я работать не буду: здесь гольно червей *(Алб. Скв.). Амур. (Скв.). Нов.-Даур.* [11: с. 92].

ДИ́ВНО, ДИ́МНО, нареч. *Много.* В лесу было дивно светов *(Сад. Окт.)*. Дивно – много, хоть на что сказать: да там дивно ее было *(Башур. Облуч.)*. Смородины нынче дивно *(Пашк. Облуч.)*. На зада́х залóги, там земляники дивно было *(Н.-Андр. Бел.)*. Димно ли у нас хлеба там? *(Благовещ.). Амур. (Благ. Бел. Своб. Скв. Шим.). Хаб. (Облуч. Окт.). Нов.-Даур.* [11: с. 113].

ЗДО́РОВО, нареч. *Много.* О, раньше-то рыбы в Амуре здорово было, а счас плохо *(Кас. Арх.). Амур. (Арх.)* [11: с. 158].

ЛА́ДНО, нареч. *Много, достаточно.* Нам-то кажется, что мы ладно говорим, вон как вас заговорили *(Черн. Магд.).* Сутки прошел снег – уже ладно насыпало, уже хватит, порядочно насыпано *(Лерм. Бик.). Амур. (Магд.). Хаб. (Бик.)* [11: с. 218].

НЕУ́ЙМА, нареч. *Много, в большом количестве.* Неуйма лесу здесь, а счас говорят уйма, что значит много *(Алб. Скв.). Амур. (Скв.)* [11: с. 270].

ПОЛНО́-НА́ПОЛНО, нареч. *Много, сверх меры.* Поставишь мордýшу, утром придёшь – полно-наполно рыбы *(Черн. Магд.). Амур. (Магд.)* [11: с. 331].

ПОМНО́ГЕ, нареч. *Много, в большом количестве.* Помноге не сеяли, а помале́ньки *(Калин. Мих.).* Помноге держали скота *(Пашк. Облуч.).* Её помноге сеяли – гречки, на крупу и на муку *(Голов. Бир.). Амур. (Мих.). Хаб. (Бир. Лен. Облуч.)* [11: с. 334].

УПА́ЛЬНО, нареч. *Много.* У меня в Благовещенске родни упально *(Джл. Скв.). Амур. (Скв.)* [11: с. 454].

ШИ́БКО, нареч. *Много.* Раньше же работали шибко, не то, что щас *(Черн. Магд.). Амур. (Магд.). Нов.-Даур.* [11: с. 495].

И.А. Оссовецкий объяснял наличие подобных рядов наречий-синонимов стремлением говорящего найти такое слово, которое как можно точнее выражало бы восприятие той или иной реалии, того или иного явления, качества, свойства или признака. «Не случайно <…> большинство наречий относится к разделу наречий степени, меры, образа действия. Представление об интенсивности, степени зависит от индивидуального восприятия того или иного явления», – писал И.А. Оссовецкий [8: с. 109]. Основную причину появления таких «семантических вариантов», как называл их И.А. Оссовецкий, автор видел в «диффузности» значений лексических единиц, относящихся к диалектной системе языка [8: с. 89].

Отмечаемая частичная модификация значения позволяет выделить в приведенном выше ряду дублеты типа *упально*, *здорово*, *дивно* (*димно*), *богато* и *шибко*, *неуйма* и *помноге*, т.е. синонимы «предельной семантической равнозначности», а также идеографические синонимы, т.е. единицы, различающиеся оттенками значения: *бесчурно*, *полно-наполно*, *ладно*. Вместе с тем следует обратить внимание на тот факт, что все единицы, входящие в данный ряд, являются разными словами, так как характеризуются материальными различиями, а именно – являются разнокоренными.

Суть же вариативности заключается в том, что явление, оставаясь тождественным лексически, может иметь несколько форм (однокоренных), например: ряд наречий со значением «верхом на лошади»: *верхи – верхно – вершнем – вершни – вершно (вёршно) – верьхам*; со значением «немного»: *маленьки – малёхо – мало-мало* (в 1-м знач.) – *малявко – маненько – манёхо*; со значением «пешком»: *пёхом – пешака – пеше – пешека – пешем – пешеходом – пешками – пешкодралом*.

Подобные формальные модификации слова также по-разному квалифицируются лингвистами: «морфологические варианты» (О.С. Ахманова); «лексико-морфологические варианты» (О.И. Блинова); «однокоренные параллели», «однокоренные синонимы» (В.А. Гречко); «эквивалентные образования» (В.М. Прилипко); «синонимические образования» (Е.А. Охомуш); «однокоренные слова» (Р.П. Рогожникова); «лексико-словообразовательные синонимы» (Л.В. Васильев); «параллельные образования» (Ю.В. Откупщиков) и т.д.

Есть еще одна сторона проблемы: квалификация дериватов, полученных в результате адвербиализации падежных форм имен существительных, и их отграничение от производящих лексем. Так, например, Е.В. Бочкарева, анализируя наречия в донских говорах и отвечая на вопрос о том, в каких отношениях друг к другу находятся наречия *ночи* и *ночью, врыси* и *рысью, рысью* и *врысью, ввечере* и *вечером, зимой* и *зима,* вводит ограничительный критерий – принадлежность наречия к определённой структурной модели, так как поддерживает мнение о том, что в процессе адвербиализации каждой парадигматической формы возникает новое слово [1: с. 5]. Таким образом, появившиеся вследствие адвербиализации разных форм одного и того же слова наречия должны быть признаны автономными словами. Поэтому из всех приведенных Е.В. Бочкаревой наречий вариантами в строгом смысле являются лишь *рысью* и *врысью*.

Именно к такому типу вариантов можно отнести ряд слов, зафиксированных в «Словаре русских говоров Приамурья» со значением «отсюда»: *отседа – отседова – отцедова – отсуль – отцель*, или, например, ряд со значением «оттуда»: *оттуль – оттель – оттуля – оттеда – оттыда – оттедова – оттыдава*. Наречия каждого ряда семантически тождественны.

Для более четкой квалификации представленных в словаре, а следовательно, и в данной группе говоров модификаций однокоренных наречий необходимо проанализировать характер материальных различий в каждом ряду однокоренных единиц. В частности, в данных рядах можно выделить два типа вариантов: фонематические (*отседова – отцедова, оттуль – отель, оттеда – оттыда, оттедова – оттыдава) и относимые обычно к сло-*

вообразовательным (*отседа – отседова (отцедова) – отсуль – отцель; оттуль* (*отель*) *– оттуля – оттеда* (*оттыда*) *– оттедова* (*оттыдава*)).

Следует отметить, что наречия последнего типа можно дифференцировать на собственно словообразовательные, у которых способ словообразования является средством выражения деривационного значения, форманты меняют значение однокоренного слова, например:

ОНО́ГДЫ, нареч. Устар. *Недавно*. Оногды я подстрелил косулю *(Алб. Скв.)*. Оногды было, дней десять прошло, неда́мно *(Джл. Скв.). Амур. (Скв.). – Ср. О н о м е́ д н и, О н о м е́ д н и с ь.*

ОНОГДЫ́СЬ, ***ОНО́ГДАСЬ,*** нареч. *1. Вчера. О н о г д ы́ с ь.* Я, девка, оногдысь много нарвала саранок. Оногдысь – это значит вчера *(Черн. Магд.)*. Оногдысь я ходила туда *(Джл. Скв.). Амур. (Магд. Скв.). 2.* Устар. *Давно.* Оногдысь было, и не вспомню *(Джл. Скв.)*. А ешшо́ говоре́ли «оногдысь» и «то́жно». Оногдысь – это значит дамно́ было *(Бус. Своб.)*. Оногдась – это значит раньше, давно было *(Пуз. Окт.). Амур. (Своб. Скв.). Хаб. (Окт.). Нов.-Даур.: оно́гдась* [11: с. 286], и формально-грамматические, у которых различные форманты не являются средством выражения словообразовательного значения, так как семантическая структура всех однокоренных единиц полностью совпадает, например, с общим значением «вечером»: *вечёрно – вечора – вечорки – вечо́рась (вечо́ресь, вечо́рсь) – вечо́рося*.

Такие наречия образуют многочисленные ряды: *внутре – внутрях* – с общим значением «внутри»; *впритеску – впротеску* – со значением «способ обработки бревен»; *встречу – встречь* – «навстречу»; *в чашку – в чашу* – «способ заделки углов в деревянной постройке»; *двое́чки – двое́чкой – двоечком* – «вдвоем»; *завтрава – завтре – завтремя* – «завтра»; *космачами – космачом – косома* – «без головного убора»; *крадкой – крадуче – крадучкой* – «вкрадче»; *маленьки – малехо – маненько – манёхо – мало-мало – малявко* – «немного, чуть-чуть»; *нарока – нароком – нарочи* – «нарочно»; *насилок – насилком* – «насильно»; *посчас – по-счастному* – «сейчас, в настоящее время».

Целесообразность отнесения последних их приведенных единиц именно к формально-грамматическим вариантам может быть обусловлена фактом десемантизации многообразных формантов, их различающих. Содержащиеся в словарных статьях значения, закрепленные за каждой из единиц данного ряда, не отличаются друг от друга, например:

НАПРЯМКИ́, нареч. *Прямо, напрямик.* Вот так, напрямки, дом стоял *(Алб. Скв.). Амур. (Скв.). – Ср. Н а́ п р я м ь, Н а с п р я м к и́.*

НА ПРЯ́МЫ, нареч. *Прямо, напрямую.* А на прямы-то три километра, а вы вкруго́вую шли *(Деж. Лен.). Хаб. (Лен.)*.

НА́ПРЯМЬ, нареч. *То же, что напрямки́.* Если напрямь пойдёшь, через огороды, то тут близко *(Алб. Скв.). Амур. (Скв.)* [11: с. 261].

НАСПРЯМКИ́, нареч. *То же, что напрямки́.* И пошли мы с ним наспрямки. А вы туда наспрямки идите *(Бус. Своб.). Амур. (Своб.)* [11: с. 264].

Все компоненты ряда *напрямки – на прямы – напрямь – наспрямки* не имеют различий в плане содержания (имеют одно и то же значение «прямо, напрямик», мотивированное основой литературного наречия «прямо»), несмотря на формальные различия: имеют разные суффиксы, кроме того, дериват *наспрямки* отличается дополнительным префиксом ***с-***.

Таким образом, ряд наречий *напрямки – на прямы – напрямь – наспрямки*, зафиксированных в «Словаре русских говоров Приамурья», представляет собой формальные модификации одного и того же слова. Таких однокоренных модификаций с тождественным значением и различиями только в плане выражения в материалах словаря содержится 96 единиц, которые могут быть объединены в 31 ряд, что составляет 17 % от общего количества наречной лексики в словаре.

Наличие значительного количества формально-грамматических вариантов наречий в русских говорах Приамурья может быть объяснено, в первую очередь, их современным развитием, обусловленным широкими междиалектными контактами (русские говоры Приамурья относятся к группе говоров, функционирующих в условиях длительного междиалектного контактирования на достаточно обширной территории позднего заселения [10: с. 3], что подтверждается преобладанием наречной лексики, зафиксированной также в «Словаре русских народных говоров» [12]: 321 единица, что составляет 58 %), и взаимодействием говоров с литературным языком.

Приведенные материалы модификации наречий в русских говорах Приамурья могут способствовать расширению аспектов исследования и объема эмпирической базы при изучении вариативности. Кроме того, данные материалы представляют значительный интерес для дальнейшего историко-линквокультурологического изучения говоров Приамурья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бочкарева, Е.В.* Наречие в донских говорах (лексико-семантический и структурный аспекты исследования) : дис. … канд. филол. наук / Е.В. Бочкарева. – Волгоград, 2008. – 226 с.

2. *Глущенко, О.А.* Общерусские наречия образа действия в сопоставительном аспекте (на материале архангель-

ских народных говоров и русского литературного языка) / О.А. Глущенко. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во КГПУ, 2006. – 304 с.

3. *Драчева, Ю.Н.* Структурно-семантические особенности наречий в современных вологодских говорах : автореф. дис. … канд. филол. наук / Ю.Н. Драчева. – Вологда, 2011. – 23 с.

4. *Игнатович, Т.Ю.* Восточнозабайкальские говоры севернорусского происхождения в синхронном и диахронном аспектах (на материале фонетики и морфологии) : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Т.Ю. Игнатович. – Улан-Удэ, 2013. – 47 с.

5. *Кириллова, Т.В.* Архаические варианты наречий в тверских говорах / Т.В. Кириллова // Слово в синхронии и диахронии: лексико-семантический аспект. – 1993. – С. 142–146.

6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.

7. *Нефедова, Е.А.* Лексико-семантическое варьирование в пространстве диалекта : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Е.А. Нефедова. – М., 2008. – 45 с.

8. *Оссовецкий, И.А.* Лексика современных народных говоров / И.А. Оссовецкий. – М. : Наука, 1982. – 198 с.

9. *Попов, И.А.* Наречие в русских народных говорах : автореф. дис. …д-ра филол. наук / И.А. Попов. – Л., 1983. – С. 16.

10. Русские говоры Приамурья: коллективная монография / под ред. В.Т. Садченко. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2011. – 204 с.

11. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. О.Ю. Галуза [и др.]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. – 544 с.

12. Словарь русских народных говоров [Электронный ресурс]/ ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.-Л., Л., СПб., 1965–2016. – Вып. 1–49. – Режим доступа : iling.spb.ru›СРНГ

13. *Чурмаева, Н.В.* История наречий в русском языке / Н.В. Чурмаева. – М. : Наука, 1989. – 176 с.

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ ПРИМОРЬЯ И ПРИАМУРЬЯ

Ю.В. Аргудяева

Аргудяева Юлия Викторовна – доктор исторических наук, профессор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, главный научный сотрудник (г. Владивосток).

Контактный адрес: argudiaeva@mail.ru

Статья посвящена одному из обрядов жизненного цикла – свадебному обряду русских старообрядцев, прибывших на юг Дальнего Востока России из различных регионов европейской России, Сибири, Забайкалья. Рассматривается весь цикл русской свадебной обрядности в Приморье и Приамурье, анализируется степень сохранности магистральных русских традиций и региональные особенности свадебных обрядов. Приводятся сведения об особенностях свадебного ритуала у русских старообрядцев Южной Америки и их потомков, переселившихся с южно-американского континента в Приморье в начале XXI в.

Ключевые слова: русские, старообрядцы, Приморье, Приамурье, религия, традиционная культура, свадебная обрядность.

Свадебный обряд русских и его фольклорное сопровождение привлекают исследователей как в целом при анализе обрядов жизненного цикла (родильно-крестильных, свадебных, похоронно-поминальных), так и при изучении этнокультурных связей, что крайне важно для многонациональных и разных по региональному и религиозному составу российских регионов позднего освоения, каким является юг Дальнего Востока России – Приморье и Приамурье.

Сложный региональный состав был характерен для всех групп русских старообрядцев Приморья и Приамурья, пришедших на юг Дальнего Востока. Первыми старообрядцами-переселенцами в Приамурье в середине XIX в. были так называемые старообрядцы-«семейские», насильственно переселённые в Забайкалье Екатериной II в 1764–1765 гг. из Ветки (Могилевщина) и Стародубья (Черниговщина), принадлежавшие в те годы Польше, куда они бежали после раскола в русском православии. Их традиции объединили культуру русских допетровской эпохи из северных, центральных, южных губерний России и украинцев, белорусов, поляков. Уже в Забайкалье они восприняли определённые элементы культуры, заимствованные у аборигенных народов этого региона – бурят и эвенков. В Приморье первыми компактными группами старообрядцев в 1870-е гг. также были старообрядцы-семейские. За семейскими на юг Дальнего Востока России стали переселяться и другие группы старообрядцев – из Вятской, Енисейской, Пермской, Томской, Саратовской, Самарской и других губерний, которые получили в условиях многочисленных перемещений этнокультурное влияние со стороны коми, обских угров и других народов, через территории которых шли миграционные пути русских в Сибирь и на Дальний Восток. В Дальневосточном регионе их этнокультурное развитие ещё больше усложнилось в процессе взаимодействия с аборигенными и некоторыми пришлыми как восточно-славянскими (белорусы и украинцы), так и восточно-азиатскими (корейцы, китайцы) народами, что способствовало выработке определенных элементов русского регионального комплекса культуры.

Наряду с региональной пестротой старообрядцев Дальнего Востока для них была характерна неоднородность внутренней вероисповедной структуры. Здесь была представлена белокриницкая (или австрийская) иерархия (поповщина), беглопоповская и беспоповская ветви «древлеправославного старообрядчества». Два основных направления – поповщина и беспоповщина делились на толки и более мелкие их подразделения – согласия. Переходным между поповщиной и беспоповщиной было часовенное согласие (стариковщина), последователи которой были наиболее многочисленными в Приамурье и Приморье, а затем и в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), куда в 1930-е гг. многие из них бежали от различных мероприятий советской власти (атеизация, кооперирование, коллективизация, раскулачивание и др.). Часть из них, хорошо сохранив русские традиции, в 1950–1960-е гг. вернулись из Маньчжурии в южные районы дальневосточного региона, другие семьи при помощи различных зарубежных фондов в 1950–60-е гг. переселились в Австралию и Южную Америку. Некоторые старообрядческие семьи в начале XXI в. возвратились из Южной Америки (Боливия и Уругвай) в Приморье, и уже оттуда часть их них переселилась в Амурскую область (рис. 1).

Специфика формирования дальневосточных старообрядцев отразилась и на бытовании многих обрядов жизненного цикла, в том числе свадебных обычаев и традиций, в основе общеславянских и русских, но весьма разнообразных в локальных вариантах и в деталях проведения обрядов.

Рис. 1. Поселок Тавлинка Хабаровского края (1970-е гг.) Старообрядка Елена Агафоновна Басаргина (девичья фамилия – Гуськова), потомок приморских старообрядцев-эмигрантов в Маньчжурию, в свадебном наряде. Семейный фонд Басаргиных

Трансформируясь в достаточно сложный семейно-общественный церемониал, выполнявший ряд эстетических, религиозно-магических, игровых, просветительно-воспитательных функций, социальных и правовых представлений, имущественных и семейных отношений, свадебный обряд старообрядцев-дальневосточников отражал особенности их формирования, функционирования старообрядческих общин, религиозные традиции, бытование различных форм брака. У старообрядцев-поповцев существовал обряд венчания, но вплоть до начала XX в. отмечалась упрощенность местного свадебного обряда из-за отсутствия постоянного священника. В условиях дальневосточного региона большое значение приобретали бытовые свадебные обряды, нашедшие отражение в свадебном обряде часовенных, обратившихся к беспоповщине. У них таинство брака не признавалось, тем не менее определенная система перехода в иное семейное состояние существовала. Отсутствие венчания у часовенных заменялось родительским благословением и благословением наставника.

Мы охарактеризуем свадебную обрядность наиболее многочисленной группы русских старообрядцев-дальневосточников – представителей часовенного согласия, которые лучше других групп русского населения Приамурья и Приморья сохранили традиции в этой части обрядов жизненного цикла.

У старообрядцев, как и у приверженцев ортодоксальной Русской православной церкви, браки заключались преимущественно в осенне-зимний период, после завершения сельскохозяйственных работ, вне постных дней (после Покрова Пресвятой Богородицы – 1 октября (по старому стилю) и до Филипповского поста 14 ноября (по старому стилю); после Крещения и до Масленицы), но были свадьбы и в летний период. Бытовали две основные формы брака: открытое сватовство (*по договорённости*) и *убёгом (крадче)*. При браке *убёгом* отсутствовал обряд сватовства, *девичник* не делали, редко совершалось свадебное пиршество. Но прежде молодые должны были вымолить себе прощение у родителей. При открытом сватовстве свадебный ритуал проходил по полной схеме и состоял из ряда последовательных действий – обряды предсвадебного цикла (*выбор невесты, сватовство, договор, пропой, девичник, выкуп косы невесты*), собственно свадьба (поездка за невестой, венчание или благословение родителей, *расплетение косы невесты, окручивание* молодой, *духовный обед, свадебный пир* и др.) и послесвадебные (столование молодых после первой брачной ночи, посещение родственников, *тещины блины* и др.).

Состав участников свадьбы мог включать всех членов общины, их поведение и роль в свадебном торжестве регламентировалась. Фиксированные функции выполняли и специальные лица (*тысяцкий, дружка, свашки* и др.). Они выделялись праздничной одеждой, её украшением или знаками различия в виде перевязанных через плечо полотенец, платков, приколотых цветов, лент и других атрибутов. Главным распорядителем свадебного торжества, его регламентом был *тысяцкий,* ему помогал *дружка*. Свашек было двое, одна – из числа родни жениха, другая – родни невесты. В процессе свадьбы менялась одежда невесты, ее головной убор и прическа, что символизировало переход в иную половозрастную группу.

Начальным, предсвадебным, этапом старообрядческого свадебного ритуала был *выбор невесты*. Близкое знакомство девушек и юношей происходило в рамках своей деревни на игрищах и «вечёрках», во время гостевых поездок в праздничные дни к родственникам в другие сёла и регионы. Опорными днями знакомства, сближения, игр, развлечений молодежи были в основном зимние Святки, Масленица и особенно Кузьминки. Кузьминки

(1 ноября) − дни бессребреников святых Косьмы и Дамиана (Козьма и Демьян), которые считались покровителями свадьбы и Божьими кузнецами, поэтому в их власти было благословить и соединить молодых «неразрывной цепью» [5: с. 107].

Заручившись согласием девушки на брак, молодой человек объявлял о намерении жениться родителям, которым принадлежало окончательное решение. Препятствием могли служить принадлежность к разным старообрядческим толкам и согласиям, разным вероисповеданиям, различие в социальном положении, близкое кровное (до восьми степеней) или духовное (крёстные) родство, выбор невесты (жениха) из числа «мирских».

На *сватовство* в дом невесты отправлялись сваты (крёстный отец, дядя), сваха с женихом или его отцом, иногда ближайшие родственники. Обычно сватовство осуществлялось вечером, тайно, чтобы никто не знал. В доме невесты оно начиналось с иносказательного разговора, например: «У нас голубь – у вас голубка, а они врозь живут», «Вас много, нас мало» и др. Если жених заручался предварительным согласием невесты и все знали, что сватов ждут в доме девушки, для успеха в подолы рубашек и сарафанов сватов вкалывали иголки и булавки, чтобы обезопасить себя от порчи, которая якобы может случиться по дороге в дом невесты. Согласие на брак выражалось в приглашении за стол, общей трапезе, зажигании свечей и т.п.

Завершающим этапом сватовства (если вопрос решался положительно) являлся *договор* (рус. р у к о б и т ь е). Его функции заключались в решении в первую очередь материальных вопросов, связанных с затратами на *свадьбу*, о продолжительности *девичника*, о дне *пропоя* и свадьбы. Договором, который имел правовой статус, родители еще раз подтверждали свое согласие на вступление их детей в брак. После его заключения отказ от брака считался недопустимым.

Пропой – совместное пиршество вступавших в родство семейных коллективов. Он всегда проводился в доме родителей невесты и обычно проходил за одну-две недели до свадебного пиршества. Помимо родителей жениха и невесты участие в пропое принимали крестные, родственники и близкие знакомые, а также подружки невесты и друзья жениха, которые приходили попозже. Пропой начинался с поднесения крестным «жениховых подарков», после чего невеста одаривала сторону жениха. Обычно это были платки, полотенца. Сначала одаривался жених, затем его отец и все мужчины (по степени родства и возрасту) и наконец – женщины. Получивший подарок выпивал поднесенный ему напиток. Клал на тарелку деньги в качестве «отдарка» и целовался с невестой. Когда одаривание гостей заканчивалось, начинался общий ужин. Родители невесты угощали собравшихся обильной выпивкой и закусками. Жених и невеста участия в ужине не принимали, хотя сидели тут же за столами. В конце пропоя начиналось м о л е н и е . Оно официально подтверждало пропой. После него обе стороны не имели права отказаться от предстоящего брака, так как пропой играл роль помолвки и являлся символическим актом, закреплявшим семейное решение о заключении брака. Отказ от вступления в брак после пропоя рассматривался как нарушение основных устоев общины и осуждался односельчанами. После завершения пропоя устраивался девичник.

Девичник (девишник) объединял цикл заключительных вечеринок в доме невесты. В большинстве случаев девичник длился от 2–3 дней до одной недели и сопровождался многочисленными песнями и обрядовыми действиями. На девичник собиралась вся молодежь деревни, но могли прийти и взрослые. Свашка невесты надевала на девушку кро́сату − головной убор невесты, состоявший из венка (цветы, изготовленные из воска или лент) и лент, спускавшихся до пят. *Кросата* – символ девичества. Надевание кросаты и пребывание в ней – одно из основных обрядовых действий предсвадебного дня, означавшее прощание с девичеством. Она являлась фиксированным элементом костюма невесты, начиная со дня пропоя и заканчивая последним днем девичника. Кросата остаётся у невесты на память; иногда ленты от кросаты она раздаёт подругам.

Весь девичник вела какая-либо бойкая девушка – сестра невесты, ее близкая подруга. В некоторых деревнях ее называли «цыганкой», которая подходила вначале к жениху, а затем и к другим молодым людям, поднося им по стакану браги. Парень благодарил невесту и ее подруг, брал стакан, клал на тарелку деньги, заказывал песню и целовал названную ему девушку, а затем и девушек, которые ему пели песни. Деньги, собранные девушками на девичниках, использовались для покупки подарка молодым.

На девичнике щелкали семечки, грызли орехи, угощались пряниками, конфетами и другими сладостями. Гостинцы приносил жених. Он же вечером катал девушек по деревне.

Несколько девушек-подруг в течение всего девичника находились в доме невесты, помогая шить свадебную одежду невесте и жениху, а также и обиходные предметы для молодых (скатерти, полотенца, половики и др.), п о д н о ж ь е («подвенешное покрывало» – род широкого полотняного полотенца, подстилавшегося молодым под ноги во время венчания) и некоторые другие предметы быта.

В продолжение всего девичника девушки пели самые разные как обрядовые, так и необрядовые семейно-бытовые, любовные лирические песни в грустной тональности. Невеста прощалась со своей

семьей, домом, подругами, «вольной волюшкой». Девичник продолжался до двух-трех часов ночи и заканчивался проводами жениха до дому. Провожала и невеста, и подружки, которые на прощание исполняли жениху такую песню:

Вдоль по улице рябина,
По широкою долина
Расстилалася.
Там ходил-гулял Ванюша,
Там ходил-гулял Ванюша,
Добрый молодец.
На Варюшины окошки,
На Варюшины окошки
Часто взглядывал.
Кабы мне душу-Варюшу,
Кабы мне душу-Варюшу
Полюбить ее,
Да полюбить ее <…> [6].

В эти дни осуществлялись и другие действия, совершавшиеся в период подготовки к свадьбе (заготавливали для свадебного торжества продукты, убирали помещение и др.). Почти обязательным являлось посещение жениха подругами невесты, которые, распевая песни, отправлялись в его дом за рубашкой, которая служила меркой для шитья новой, за дровами и некоторыми предметами для ритуальной бани. Эти посещения становилось и оповещением жителей поселка о предстоящей свадьбе.

К числу обрядовых действий, совершаемых в последний день предсвадебного периода, относится б а н я невесты накануне свадьбы, в последний день девичника. Ритуальная баня рассматривалась старообрядческим населением как обязательный элемент предсвадебного цикла.

Баню готовили подруги невесты. Они отправлялись к жениху за мылом, расчёской и в е н и к о м. Там их угощали и они возвращались в дом невесты уже с в е н и к о м, украшенным лентами и цветами.

Все действия, совершаемые в связи с подготовкой к бане, и мытье в ней несли не столько практический, сколько магический характер, были направлены на прощание невесты с девичеством, родными, подругами и приобщение через определенные предметы (веник, мыло, расческа), позаимствованные у жениха, к его семье. Прутья веника, по воззрениям славян, обладали плодоносной силой. Продуцирующая сила веника должна была увеличиться при украшении его цветами, вероятно, так же, как увеличивалась сила девичьего венка от вплетенных в него цветов [1: с. 248].

Проводы невесты в баню сопровождались рядом ритуальных действий. Прежде всего невеста просила у родителей благословения, после чего в сопровождении девушек отправлялась в баню. Одна из девушек веником разметала перед невестой дорогу. В бане лучшая подруга расплетала ей косу. Девушка мылась вместе со своими подругами жениховым мылом и парилась жениховым веником.

После мытья подруги невесты делили между собой оставшийся кусок мыла, а невеста одаривала их лентами, снятыми с веника. Считалось, что это поможет девушкам скорее выйти замуж. Баня завершалась ритуальным угощением, для чего девушки брали в баню специально приготовленную еду (пироги – *курники*), а невестина свашка приносила кувшины с брагой и квасом. По возвращении из бани невеста вновь благодарила родителей за то, что они ее вырастили, выкормили, за «добрую» баньку. Младшая сестра или близкая подруга невесты расчесывала ей волосы жениховой расческой и заплетала ей косу, вплетая в нее ленту – символ девичьей воли.

Заключительным обрядовым действием подготовительного периода был последний предсвадебный день девичника, который мог продолжаться всю ночь. В назначенное время жених с друзьями, прихватив с собой брагу и угощение для девчат, приходил в дом невесты. Рассаживались в том же порядке, как и на предыдущих девичниках. Этот день девичника начинался с преподнесения женихом невесте подвенечного наряда, обязательными составными частями которого были новая рубашка, сарафан, платок. В иных случаях жених не дарил невесте готовый свадебный наряд, а покупал заранее только ткань; невеста сама шила наряд вместе с подругами. Невеста же всегда дарила жениху подвенечную рубаху и пояс. После угощенья проводилось еще одно обрядовое действие, связанное с передачей невесты кро́саты ее младшей сестре. В иных местах кросату «продавали» дружке жениха. Последний расплачивался жениховыми деньгами. Тут же, снимая с кросаты ленты, невеста одаривала ими подруг.

На этом же вечере брат или сестра невесты «продавали» жениху косу невесты. В самом обряде к р о́ с а т ы, а также в обряде расставания с ней тесно переплелись представления о «девичьей» и «родовой» душе невесты, ее девственности и девичестве, рвущихся связях со своим домом и «родомплеменем», с готовностью к браку, материнству и новой жизни [4: с. 95].

В заключение последнего вечера девичника подруги исполняли песню, в которой конкретно перечислялись все родственники, с кем прощалась невеста, готовясь перейти в семью мужа:

Посадил ты меня, родимый тятенька,
За дубовый стол…
Обсадил ты меня подружками…
Покрасуйся ты, наша подруженька,
Что во первый, да во последний раз
У своей, у родимой мамоньки…
Покрасуйся, ты наша подруженька,
Что во первый, да во последний раз
У своей, у родимой тетеньки<…> [7].

И так перечисляются все родственники. Плачет невеста, «ревет» вся родня.

Завершался девичник обрядом р а с п л е т е н и я косы. Начинал расплетать косу кто-либо из близкой родни – мать, отец, сестра, брат и др., а затем все присутствовавшие понемногу расплетали. И все это время невеста п р и ч и т а л а родственникам:

Прийди, родимый тятенька,
К моей русой косе…
Прийди, родимая мамонька,
К моей русой косе<…> [9].

Затем перечисляются сестра, брат и вся остальная родня.

Последний день девичника выступал как заключительный вечер проводов невесты в другую социально-возрастную группу и завершал предсвадебный период. Наступал новый этап свадебного ритуала – свадьба.

С в а д ь б а − это кульминационный момент свадебного обряда. Все ее элементы, направленные на соединение жениха и невесты, на приобщение их друг к другу, содержат несколько сложных обрядовых действий: подготовку к приему свадебного поезда, б р а н ь е (венчание), р а с ч ё с ы в а н и е девичьей косы невесты и плетение ей двух кос, д у х о в н ы й о б е д , с в а д е б н ы й п и р и др.).

Утро брачного дня начиналось с приготовления невесты к предстоящему событию и приему свадебного поезда. Невеста благодарила родителей за добро и ласку и просила благословить ее на предстоящий брак. Мать последний раз заплетала косу дочери по-девичьи.

Подруги помогали невесте одеться в тот же наряд, в котором она находилась в последний день девичника, укладывали приданое невесты в сундук (*ящик*). Мать невесты запирала сундук и ключ отдавала брату невесты. В случае, если невеста, в связи с браком, переезжала в другой поселок, она прощалась с подругами, родителями, родственниками, родительским очагом, ее благословляли родители и непременно крестные. Одновременно в доме жениха готовился свадебный поезд. Лошадей и кошевки украшали лентами, цветами. Когда все приготовления заканчивались, родители благословляли сына на брак. Поезжане рассаживались по кошевкам. В первые сани садились крестные, родители жениха, тысяцкий и дружка, во вторые – жених и его родители, далее рассаживались родственники.

Выкупы. Когда свадебный поезд въезжал во двор невесты, дружка шел в избу и сообщал родителям невесты о прибытии «князя молодого». Мать невесты угощала поезжан брагой, после чего приглашала зайти в избу, где их уже поджидали невеста, закрытая шалью, и ее подруги. На стол ставили тарелку, куда клали денежный выкуп. Затем следовала целая серия выкупов, сопровождавшихся словесным диалогом. Жених стоял посреди комнаты, пока дружка вел переговоры со строптивыми девчатами и братом невесты, который «продавал» её косу.

Обычай выкупа косы зародился очевидно, в период появления патрилокальности брака и символизировал приобретение полной власти над женщиной. Её волосы в мировоззрении многих народов связывались с основной жизненной силой человека. «Утрата» косы говорила как бы о полном умирании девушки в её прежнем качестве и возрождении впоследствии (при плетении двух кос) в другом. Коса, тесно связанная с представлением о реинкарнирующей душе, приобретает наибольшую значимость символа девичества или «вольной волюшки», по-видимому, с установлением обычая обязательного ухода невесты из родного дома [4: с. 81, 84].

В этот период в ы к у п а ю т и невесту, которую «продают» за соответствующие подарки её подруги. Раньше сторона жениха выкупала у брата невесты и её приданое, состоявшее из постели и ящика (рис. 2).

После завершения процедуры выкупов девушки прощались с невестой, выходили из-за стола, уступая место поезжанам жениха. Выкупы были направлены на устранение противодействий со стороны родственников невесты, разрушение ее связей с родительским домом, приобретение прав на невесту и другие побудительные, или протрептические (продуцирующие), обряды.

Рис. 2. Молодые супруги Мурачевы Иван и Александра выкупают ящик невесты.
Ящик продают ее брат и дядя. Боливия. 1998 г.

Жених и невеста надевали подвенечное одеяние, в настоящее время белого цвета: у невесты белая рубаха-блуза и белый сарафан, у жениха – белая рубаха и белые или светлые брюки. В этом облачении они предстанут в моленной (рис. 3). Руки неве-

сты, жениха, дружки и свашек связывали платочками (чтобы между ними никто «худой» не прошёл). Дополнением к костюму невесты служила бижутерия: серьги, бусы. Для предохранения невесты от порчи в ее одежду вкалывали иголки или булавки, в обувь насыпали мак. Голова невесты покрывалась платком из легкой ткани. После того как невеста была одета, свадебный поезд отправлялся в молельный дом (молельню). Сюда же подъезжала вся родня. Свашка со стороны жениха брала с собой *чин* (шашмуру – головной убор замужней женщины), кольца, расчёску, *косники* (длинная тесёмка), *подножье*.

Рис. 3. Ефим и Софья Мурачевы. Боливия. 1998 г.

Бранье, брачание (венчание). По окончании выкупов жених и невеста выходили во двор к свадебному поезду. Раньше для благополучного прибытия свадебного поезда в молельню совершались обряды, выполнявшие роль оберега: для предотвращения порчи перед поездом разметали дорожку веником, иногда дружке приходилось выкупать сани, занятые подругами невесты, ворота, закрытые молодыми парнями и др. Перед отправлением поезда «к венцу» тысяцкий отдавал команду: «всем быть по местам», трижды обходил свадебный поезд с караваем хлеба и иконой, оберегая тем самым поезд от порчи и сглаза.

Свадебный поезд прибывал в молельню примерно в 8 часов утра воскресного дня. Там находились настоятель и прихожане, бывшие в молельне на ночной службе.

Жених, невеста, дружка и обе свашки (со стороны жениха и со стороны невесты), все связаны цепочкой из платочков, заходят в моленную. В моленной настоятель т р и ж д ы спрашивает – невесту: волей или неволей идёшь?; жениха – волей или неволей берешь? Спрашивает также, нет ли какого принуждения от родителей или других людей на вступление в брак. В случае утвердительного ответа настоятель приступал непосредственно к брачанию. Жених и невеста становились на *подножье* («подвенешное покрывало»). Считали, что «подвенешное покрывало» имело сакральную силу – впоследствии им накрывали больного ребенка.

Положив псалтырь на склоненные головы жениха и невесты, настоятель читал псалмы и молитвы, делал соответствующие наставления, после чего благословлял их. Приносят кольца. Жених трижды говорит невесте: «Аз тя посягаю в жены…» (следует имя, отчество невесты). Аналогично обращение невесты к жениху: «Аз тя посягаю в мужья». Молодые трижды меняются кольцами, а затем их надевают. После этого следовало благословение родителей. Они ставили принесенные из дома иконы на голову своим детям и тем самым б л а г о с л о в л я л и их. И эти иконы – «благословенье отцовское» – супруги хранили всю жизнь и по имени иконы в каждой конкретной семье отмечали престольный праздник.

После благословения наступало время исполнения внешней атрибутики перехода девушки в группу замужних женщин – р а с п л е т е н и е одной девичьей косы и заплетение ей двух кос. Для этого обе свашки уводили невесту в «притвор» (заднюю часть моленной, где невесту и всю церемонию стараются прикрыть большой шалью) расплетают ей косу, расчёсывают, разделяют волосы на прямой пробор, вплетают косник и заплетают две косы.

Перед этим обрядом невеста выплетала из своей косы ленту и оставляла ее у настоятеля, что служило, по сообщениям информаторов, знаком ее невинности. Эта северорусская традиция, известная и в других местах России [5: с. 107], была вместе с другими элементами свадебного обряда перенесена на Дальний Восток.

По обычаю расчёсывали волосы невесте и заплетали ей две косы обе свашки: левую плела свашка невесты, правую – женихова. Затем ей на голову надевали «чин» – *шашмуру*, которую она не должна была снимать до конца своих дней. Надевание шашмуры означало переход девушки в иную половозрастную группу – в группу замужних женщин. Поверх шашмуры свахи повязывали невесте легкий платочек (косынку) и красивый головной платок, подаренный ей женихом. В основе ритуального расчёсывания свахами волос лежат представления восточно-славянских народов о волосах как об основе жизненной силы человека, реинкарнирующей душе самого человека и его потенциальных зародышах. Цель расчёсывания – увеличение жизненной силы и способности к деторождению невесты. Традиция смены одной девичьей косы двумя женскими свидетельствовала, по мнению исследователей, о родовом

начале в представлении о косе [4: с. 79]. Плетение левой косы свахой невесты, а правой – свахой жениха указывало на принадлежность девушки уже к двум родам – своему и мужа. Об этом говорит и факт плетения правой косы «по-бабьи», а левой – «по девичьи» [3: с. 66, 117; 2: с. 77].

В моленной на бракосочетании присутствовали семейные пары, преимущественно из числа близких родственников, без молодёжи, которая получила свой выкуп и гуляет сама. После брачания отправлялись на духовный обед. По данным наших информантов, духовный обед мог проходить по-разному – в доме невесты, но чаще – в доме жениха. Здесь их встречали хлебом-солью и иконами родители жениха. Но прежде чем увезти к себе невесту, жених и его свита выкупали у брата или сестры невесты ее приданое – постель, ящик с одеждой. Впоследствии выкупать приданое невесты стали уже непосредственно на свадебном пиру.

Свадебное застолье на духовном обеде еще не считалось свадьбой, эта трапеза была не главной. К вечеру этого же дня молодые ездили в кошевке по деревне и приглашали на свадебный пир, кланяясь в ноги, только семейные пары: «…приходите на наше торжество, на свадьбу» [8]. Молодежь за свадебными столами не должна была присутствовать. Были и другие варианты этой части свадебного торжества.

Свадебный пир. Часам к пяти-шести вечера в доме накрывали второй стол. Свадебный пир выделялся особой пышностью и разнообразием блюд. Перед началом трапезы новобрачная одаривала родителей и родственников жениха подарками, приготовленными «своими руками» – полотенца, рубахи, платки. Здесь впервые она называла свекра «тятенькой», свекровь – «маменькой», деверя – «братцем» и т.д. Муж в это время стоял рядом с ней и кланялся каждому одариваемому. Часть изделий невесты развешивали по стенам, чтобы все знали, какая невеста искусная мастерица (рис. 4, 5).

Рис. 4. Свадьба. Развешивание на стенах «запас» (изделия) невесты. Боливия, 1998 г.

Рис. 5. Свадьба. Заносят в дом жениха ящик невесты. Боливия, 1998 г.

После одаривания молодой начиналось угощение. После двух выпитых стаканов браги дружка давал команду: «Чарочку всем выпивать, наших молодых наделять, чем бог послал». Для дарения молодых на середину стола ставили большую глиняную миску (корчагу) или «коробь» (из бересты) для складывания дареных вещей, денег. Сулили также пчел, кур, поросенка. Дарили кто что может. Молодые вставали на полушубок, вывернутый мехом вверх. Дружка выносил каравай, разрезал его на части. Кусок каравая и стакан браги ставили на поднос. Тот, к которому обращался дружка, брал кусочек каравая, выпивал брагу и клал на поднос свой подарок. Молодые при этом кланялись со словами: «Спаси Христос», благодарили и целовались. Одаривать молодых начинали родители, родственники невесты, затем родители, близкие и дальние родственники жениха, а потом уже и гости. Об особо дорогих подарках объявлялось громогласно. Дарение проходило весело. Каждый дарящий старался сказать какую-нибудь прибаутку:

Вот Вам ромашка,
чтобы была Наташка.
Вот Вам горбушка,
чтобы был Ванюшка.
Вот Вам яиченьки,
чтобы были кругленькими личики.
Как год, так Федот,
Как Пасха, так Параска и т.д. [10].

Продолжение свадебного пира сопровождалось шутками, пением песен.

С начала XXI в. для дарения молодых стали обустраивать специально украшенный угол с именами новобрачных.

Обмен дарами – одна из древнейших форм коллективной санкции брака. Традиционные формы и набор даров различались, но обязательно исходили от двух сторон – невестиной и жениховой.

Из-за свадебного стола молодых провожали на брачное ложе свашки – в клеть, в отдельно стоявшую избу. Свашки осматривали спальню и постель молодых, проверяя, нет ли здесь предметов, способных вызвать порчу, давали последние советы и наставления, желали счастья и благополучия. После выполнения всех традиционных действий провожающие уходили. Утром следующего дня будили молодых те же лица, которые провожали их на брачное ложе.

В этот день, в качестве подтверждения вступления в родовой коллектив мужа и демонстрации навыков в рукоделии, молодая развешивала на стенах дома сшитые и украшенные вышивкой полотенца и другие изделия собственного изготовления.

Свадьба продолжалась несколько дней. Даже в малосостоятельных семьях свадебные пиры проходили в течение двух-трех дней. Устраивали и так называемый п о х м е л ь н ы й с т о л . Он выступал как заключительное действие обрядового комплекса свадебного пира. Гостей на «похмельный стол» приглашали новобрачные, они же и ухаживали за гостями во время застолья.

Так заканчивался второй цикл свадебного ритуала – собственно свадьба, или бранье, главнейшая функция которой – общественное санкционирование брака. Основные элементы бранья означали переход девушки в иную половозрастную группу, введение молодой в дом родителей мужа и ее новые семейные обязанности, обрядовое соединение супругов и их вступление в брачные отношения.

Завершающим этапом свадебного торжества был *послесвадебный период*, который раньше характеризовался значительным разнообразием обычаев и обрядов. Во второй половине XX – начале XXI в. он значительно сократился. Сохранились так называемые *тёщины блины* – посещение молодыми тестя и тёщи, которые проводились в первое воскресенье после свадьбы. Теща молодого пекла блины, угощала ими новых родственников.

В послесвадебный период входил и обряд посещения молодыми всех родственников, «гулявших» у них на свадьбе. В зависимости от количества родственников этот цикл мог продолжаться в течение нескольких недель. Посещения молодой брачной парой родственников были направлены на установление и укрепление родственных связей между новобрачными и родственниками с обеих сторон. Все обрядовые действия послесвадебного периода являлись своеобразным испытательным сроком для молодых людей и были направлены на то, чтобы помочь молодым в начале их жизненного пути стать полнокровными членами обоих семейных коллективов, общества взрослых семейных людей, преодолеть первые трудности семейной жизни.

В целом отметим, что в конце XIX – начале XXI в. свадебная обрядность старообрядцев-часовенных Дальнего Востока, так же, как и в целом русских, сохранила в своей основе традицию восточно-славянской и собственно русской свадьбы, характерной для старообрядцев европейской части России, Урала, Сибири, Забайкалья. Однако при наличии разных по времени прибытия на юг Дальнего Востока и численному составу региональных групп старообрядцев, их сложной вероисповедной структуре, специфике освоения и условий жизнедеятельности населения в различных по природным и социальным условиям районах обширных Приморья и Приамурья наблюдалась тенденция к превалированию определённых форм брака, полному сохранению или упрощению свадебного ритуала, утрате отдельных элементов обряда. Но три магистральных, основных цикла свадебного ритуала – предсвадебный, свадебный и послесвадебный в своей основе сохранились полностью. Наблюдается тенденция и к сокращению традиционного фольклорного сопровождения свадебного торжества и введение в свадебный ритуал современных, не обрядовых, лирических песен.

Таким образом, свадебный ритуал старообрядцев-беспоповцев Приморья и Приамурья отразил всю сложную историю их формирования, складывавшуюся не только на Дальнем Востоке, но и ранее на пути из основной части России к Тихому океану. Собранные материалы позволили выявить в свадьбе дальневосточных старообрядцев-часовенных преобладание северорусской традиции: сосредоточенности свадебного действа в доме жениха, насыщенности различными магическими элементами, банными очистительными обрядами, обрядом *бранья* (оформление брака), благословением от родителей и др. Сохранив в основе многие черты восточно-славянской и собственно русской традиции, он, как и на других территориях освоения, представлял сложный комплекс северорусских, южно-русских, среднерусских традиций с включением элементов других, преимущественно восточно-славянских народов.

С 2009 г. в Приморский край стали переселяться русские старообрядцы из Уругвая и Боливии (рис. 6). Это были потомки тех старообрядческих семей, которые в 1930-е гг. покинули Приморье и эмигрировали в соседнюю Маньчжурию. Там, образовав несколько старообрядческих деревень к востоку от Харбина, они жили до начала 1960-х гг., когда часть из них вернулась в Советский Союз, а некоторые, при помощи различных зарубежных фондов, через Гонконг отправились преимущественно в Южную Америку. Здесь они поселились в Арген-

тине, Бразилии, Боливии, Уругвае, и уже отсюда часть их семей перебрались в Северную Америку – в США (штаты Аляска и Орегон) и Канаду.

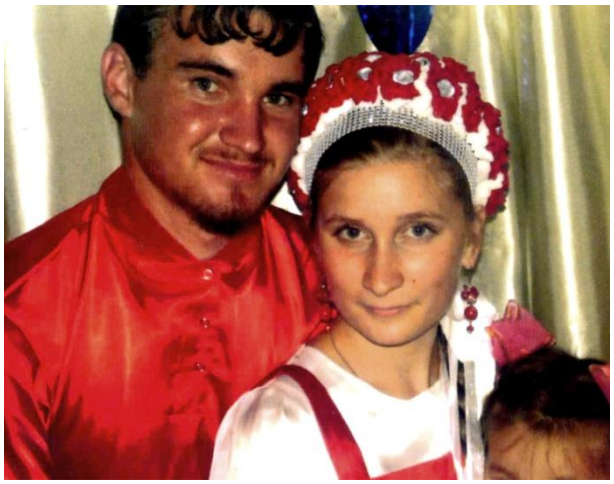

Рис. 6. Старообрядец-переселенец из Южной Америки Никон Ульянович Реутов взял в жены невесту из пос. Тавлинка Хабаровского края. Невеста в «кро́сате». Хутор «Русский флаг», Дальнереченский район Приморского края. 2016 г.

К настоящему времени у южно-американских старообрядцев полностью сохранилась русская культура в религиозных воззрениях и русском языке, и практически полностью, за исключением небольших различий, в одежде, пище, календарных обрядах, обрядах жизненного цикла, в том числе свадебных. Так, в свадебном обряде сохранились специальные лица (*тысяцкий, дружка, свашки*), которые вели всю свадьбу. С ними в процессе свадебного торжества, как и в России, жених и невеста были связаны во избежание предполагаемой порчи от посторонних лиц платочками. Так же устраивается весь цикл предсвадебных, свадебных и послесвадебных обрядов (*сватовство, пропой, девичник, духовный обед, свадебный пир и др.),* выкупают косу и ящик (сундук) невесты; невеста развешивает на стенах свои изделия и др. Именно эти обряды были транслированы в 2009–2015 гг. в Приморье, где они практически совпали с бытующими здесь у русских старообрядцев традициями. Хорошей сохранности этих традиций у южно-американских старообрядцев способствовал тот факт, что в Приморье и Приамурье, куда в 2015–2016 гг. переселилась часть этих реэмигрантов-староверов, основная часть старообрядцев относится к старообрядцам-беспоповцам часовенного согласия, т.е. по религиозным канонам у них нет разногласий. Из новшеств, перенесённых старообрядцами Южной Америки на юг Дальнего Востока, в свадебном обряде можно отметить немногое: использование во время духовного обеда и свадебного пира мяса, приготовленного, по традициям Южной Америки, на углях.

Единые религиозные воззрения и практически аналогичные с часовенными юга Дальнего Востока и Сибири русские традиции в свадебной обрядности русских старообрядцев Южной Америки способствовали и беспрепятственному заключению браков юношей и девушек из числа южно-американских старообрядцев-реэмигрантов с юношами и девушками дальневосточного и сибирского регионов. Этот процесс явился одним из фактов успешной адаптации русских старообрядцев из Южной Америки в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Автономов, Я.А*. Символика растений в великорусских песнях / Я.А. Автономов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1902. – № 12.– С. 243 – 288.

2. *Байбурин, А.К.* Ритуал в традиционной культуре (структурно-семантический анализ восточнославянской обрядности) / А.К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993.– 237 с.

3. *Бернштам, Т.А.* Молодёжь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: (Половозрастной аспект традиционной культуры) / Т.А. Бернштам – Л. : Наука, 1988. – 274 с.

4. *Денисова, И.М*. Вопросы изучения культа священного дерева у русских: материалы, семантика обрядов и образов народной культуры, гипотезы / И.М. Денисова. – М. : ИЭА РАН, 1995. – 204 с.

5. *Листова, Т.А.* Православные традиции русской народной свадьбы // Православие и русская народная культура / Т.А. Листова. – М. : ИЭА РАН, 1993. Кн. 2. – С. 93–126.

6. Полевые материалы автора (ПМА). Информант И.А. Басаргина, 1955 г. р., пос. Тавлинка, Солнечный р-н, Хабаровский кр.

7. Полевые материалы автора (ПМА). Информант Н.И. Иродова,1931 г. р., с. Перетычиха, Тернейский р-н, Приморский кр.

8. Полевые материалы автора (ПМА). Информант Е.В. Макурина, 1925 г. р., пос. Кавалерово, Кавалеровский р-н, Приморский кр.

9. Полевые материалы автора (ПМА). Информант И.А. Малютина, 1928 г. р., с. Перетычиха, Тернейский р-н, Приморский кр.

10. Полевые материалы автора (ПМА). Информант А.Ю. Чайкина, 1958 г. р., пос. Березовый, Солнечный р-н, Хабаровский кр.

АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ И ГЕРМАНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ХАБАРОВСКЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Е.Н. Спасский

Спасский Евгений Новомирович – доктор политических наук, заведующий кафедрой философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: srs2@festu.khv.ru

В статье рассматривается тема пребывания военнопленных Австро-Венгрии и Германии в Приморской области Российской империи в период Первой мировой войны. Особое внимание автор уделяет особенностям их содержания на территории г. Хабаровска. Сопоставляя данные уже имеющихся исследований данной проблематики, автор дополняет их новыми фактами, отдельно останавливаясь на уточнении сведений об умерших на хабаровской земле военнопленных.

Ключевые слова: Дальний Восток, Хабаровск, Первая мировая война, австро-венгерские и германские военнопленные.

Особой исторической страницей Первой мировой войны стала массовая отправка австро-венгерских и германских военнопленных в Сибирь и на Дальний Восток России. Один из первых советских исследователей темы иностранных военнопленных в России в годы Первой мировой войны В.Д. Вегман отмечал, что всего в русском плену оказалось 2 322 378 чел. Из них 2 104 146 австрийцев, 167 082 германца, 50 950 турок и 200 болгар [9: стб. 517]. Военные власти России при регистрации пленных отмечали только их принадлежность к одной из неприятельских армий и вероисповедание. Поэтому установить точный национальный состав пленных весьма сложно [5: с. 154]. В соответствии с распоряжением Главного управления Генерального штаба в 1914 г. военнопленных немцев, австрийцев, а также венгров как менее надежных по сравнению с пленными славянами и румынами размещали преимущественно за Уралом – в Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке. Значительная часть этих пленных была расквартирована в двух сибирских военных округах – Омском (территории Западной Сибири и Северного Казахстана) и Иркутском (Восточная Сибирь) [5: с. 154]. По подсчетам российских историков, австрийцы и немцы составляли примерно 20–22 % всех военнопленных габсбургской армии, т.е. приблизительно 400–500 тыс. чел. Вместе с пленными германской армии немцы и австрийцы составляли примерно 24–28 % военнопленных армий государств Центрального блока [7: с. 33]. Кроме того, в разряд военнопленных, согласно приказу Министерства внутренних дел России от 12 августа 1914 г., попадали все австрийские и германские подданные мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет, проживающие на территории Российского государства, способные носить оружие. Они подлежали немедленному аресту и высылке из Европейской части России как лица, склонные к шпионажу и измене [4: с. 85]. Семьи арестованных и высылаемых могли следовать за своими главами в Омский военный округ, северные уезды Тобольской губернии, в Якутию. Арестованные направлялись в места выдворения под стражей (за свой счет) по железным дорогам в вагонах третьего класса или на пароходах второго класса. В случае отказа от добровольного отъезда германские и австрийские подданные направлялись на север в качестве военнопленных по этапу [4: с. 85].

В период активной фазы боевых действий на восточно-европейском театре, который пришёлся на 1914–1916 гг., численный состав военнопленных, находящихся на Дальнем Востоке, постоянно менялся.

Как упоминает Т.Я. Иконникова, точные сведения об общем количестве военнопленных за весь период Первой мировой войны отсутствуют, что связано с постоянным их перемещением в западные регионы страны. Тем не менее исследователи отмечают, что в целом за период 1914–1918 гг. на территории Приамурского военного округа пребывало от 40 до 45 тыс. военнопленных [6: с. 21; 9: стб. 517]. На территории Приморской области, входящей в состав Приамурского генерал-губернаторства, было создано шесть пунктов размещения иностранных военнопленных – в г. Хабаровске, в селе Николо-Александровском (Красная Речка), в г. Никольске-Уссурийском, в сёлах Раздольном, Спасском, Шкотово. Если общее количество военнопленных за весь период войны не поддаётся точному подсчёту, то их число в конкретные промежутки времени в указанных пунктах фиксируется исследователями более определённо (таблица).

По данным, которые приводит В.Д. Вегман, зимой 1915/16 г. в г. Хабаровске находилось 5000 военнопленных, в с. Николо-Александровском – 900, в с. Спасском – 8000, в г. Никольске-Уссурийском – 16 500, в с. Раздольном – 8300, в с. Шкотово – 3200 [9: стб. 517].

Таблица

Сведения о численности военнопленных, размещённых на территории Приморской области (декабрь 1914 – апрель 1915)
[6: с. 20; 4: с. 10]

Место размещения	Численность, чел.		
	на 22.12. 1914 г.	на 6.04. 1915 г.	на 22.04. 1915 г.
г. Хабаровск	2348	3517	4808
с. Николо-Александровское	562	646	700
с. Спасское	4577	6535	9700
г. Никольск-Уссурийский	5948	8975	14000
с. Раздольное	5372	6941	7800
с. Шкотово	2792	3981	4000
Всего	21 599	30 595	41 008

Таким образом, как следует из приведённых данных, число военнопленных постоянно возрастало. При этом, согласно сведениям Штаба Приамурского военного округа, плановая цифра общего количества военнопленных, размещённых на территории Приморской области, должна была составить почти 85 000 [6: с. 20]. Касаясь национальной принадлежности военнопленных, размещённых в Приморской области, следует отметить, что, хотя она, как отмечалось выше, фиксировалась весьма приблизительно, большинство из пленных были немцами, служившими как в германской, так и в австро-венгерской армии. Явного преобладания немецких военнопленных из всех пунктов размещения не было лишь в Никольске-Уссурийском [6: с. 21].

В Хабаровск первые военнопленные прибыли в октябре 1914 г. Размещали их в освобождающихся казармах Казачьей Горы, в Полковом переулке (ныне ул. Павловича), Волочаевском городке, на территории Амурской речной флотилии. Всего в городских пунктах размещения находилось до 5 тыс. чел. Особняком стоит лагерь для военнопленных, находившийся в с. Николо-Александровском (также именовавшимся Николо-Александровской пристанью, либо Красной Речкой)[1]. Особенностью краснореченского пункта являлось то, что он был единственным офицерским лагерем на территории Приамурского военного округа. Доля офицеров среди общего количества военнопленных составляла в нём более 70 % [6: с. 26].

Охрана военнопленных, содержащихся в Хабаровске и Николо-Александровском, была возложена на части Государственного ополчения, которые прибыли в Приамурский военный округ взамен мобилизованных для участия в военных действиях Сибирских армейских корпусов, дислоцировавшихся к началу войны на его территории в качестве постоянных военных соединений. К концу 1914 г. в результате создания новой системы подчинения воинских частей Приамурского военного округа и управления ими на его территории был сформирован 8-й корпус Государственного ополчения, в который первоначально вошли 46-я и 51-я ополченские бригады. Штаб корпуса также находился в Хабаровске, начальнику которого подчинялись дислоцировавшиеся там же пешие дружины: 274-я Казанская, 304-я и 305-я Вятские, 724-я и 725-я Пензенские, 730-я Оренбургская [1: с. 19]. В Хабаровске отряды военнопленных располагались при 730-й пешей Оренбургской и 304-й пешей Вятской дружинах. Лагерь военнопленных на Красной Речке охраняла дислоцировавшаяся там 305-я пешая Вятская дружина.

Ввиду большого количества военнопленных, оказавшихся на территории Российской империи, особой задачей властей становится функция их трудоустройства. Уже в начале осени 1914 г. была создана Особая межведомственная комиссия при Главном управлении Генштаба, которая должна была, в том числе, заниматься вопросами трудового распределения пленных. В начале 1915 г. утверждаются нормативные документы, регламентирующие порядок привлечения военнопленных на сельскохозяйственные и промышленные работы. Так, в феврале 1915 г. были законодательно приняты Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы, в марте обнародованы Правила об отпуске военнопленных для работ на частных предприятиях, а также на крупных промышленных предприятиях, имеющих государственное и общественное значение [4: с. 8–9]. Хабаровские военнопленные привлекались к различным видам работ, среди которых преобладали строительные, дорожные, благоустроительные. Наиболее значимыми объектами, на которых они были заняты, стали завод «Арсенал» (впоследствии завод «Дальдизель»), Ольгинский детский приют трудолюбия (ныне КГБУ «Детский дом № 1», расположенный на пересечении ул. Ленина и Запарина), недавно построенная Алексеевская церковь (находившаяся на пересечении Барановской и Корсаковской улиц, ныне ул. Ленина и Волочаевская), где велись живописные и столярные работы, штаб Приамурского военного округа (пересечение ул. Комсомольской и ул. Серышева), школа Сибирского кадетского корпуса, строившаяся вплоть до 1917 г. (ныне штаб ВВО, ул. Серышева, 13), гарнизонное собрание (ныне здание ДВХМ, расположенное на ул. Шевченко), которое в годы войны реконструировалось.

[1] Ныне это городской микрорайон, административно относящийся к Индустриальному району г. Хабаровска.

Особой популярностью среди профессиональных занятий военнопленных пользовалась деятельность представителей творческих профессий, таких как участники музыкальных оркестров. Один из таких оркестров находился при 104-й пешей Вятской дружине с постоянным местом выступления в построенном перед самой войной Яхт-клубе г. Хабаровска [6: с. 71]. Наибольший же след в исторической памяти города оставила трагическая судьба австро-венгерских музыкантов (рис. 1), расстрелянных казаками Войскового атамана Уссурийского казачьего войска генерала И.П. Калмыкова в сентябре 1918 г., выступавших в благотворительной кофейне «Чашка чая», располагавшейся в доходном доме хабаровского купца второй гильдии А.К. Архипова (ныне здание ЦУМа).

Отношение местного населения к военнопленным скорее было лояльным, режим содержания в офицерских лагерях также не отличался излишней строгостью, особенно на первых порах, когда необходимо было в короткие сроки принимать и обустраивать большие массы людей. (Так, в Хабаровске, насчитывавшем в 1914 г. 50 тыс. жителей, пребывало в разные периоды войны до 5 тыс. пленных). К организационной неразберихе, связанной с прибытием большого числа военнопленных [6: с. 12–13], добавлялось и то обстоятельство, что одновременно в Приамурском военном округе шёл процесс формирования новой системы управления воинскими частями[2]. Как отмечалось выше, взамен мобилизованных регулярных частей на его территорию прибывали части Государственного ополчения, на которые возлагалась охрана военнопленных. Ополченцы, будучи призванными из запаса, не имели при несении караульной службы тех дисциплинарных навыков, которые были свойственны солдатам и офицерам регулярной армии, что отмечалось при проведении проверок и инспекций [6: с. 26].

Оркестр военнопленных в чашке чая

Рис. 1. Музыкальный оркестр австро-венгерских военнопленных

[2] Одним из примеров проявления указанного обстоятельства стала частая ротация командующих войсками округа, которых в период с августа по декабрь 1914 г. сменилось пять [1: с. 12–13].

Содержание нижних чинов и офицеров в военном плену значительно разнилось. Военнопленные-офицеры находились на особом положении, нежели нижние чины: им предоставлялись более комфортные бытовые условия, они не направлялись на обязательные работы, значительно лучше питались. Кроме того, им полагалось денежное довольствие, выплачиваемое из российского бюджета. В зависимости от чина оно было следующим: генералам и адмиралам полагалось по 1500 руб., старшим офицерам – 900 руб., младшим офицерам – 600 руб. С 1915 г. начал действовать новый порядок выдачи денежного довольствия: фактически офицер получал 50 руб., в то время как остальная часть причитающейся ему суммы передавалась на хранение начальнику части, позднее размеры выплаты на руки уменьшились до 25 руб. [3: с. 18]. Кроме того, офицерам выплачивались значительно бóльшие денежные суммы, нежели нижним чинам, по линии Международного Красного Креста. Существенным источником финансирования также были частные денежные переводы. Так, Германия за время войны перевела в Россию 14 700 000 руб., Австро-Венгрия – 7 350 000 руб. [9: стб. 518]. Стоит отметить, что выплата денежных средств военнопленным была связана с задержками и злоупотреблениями, на что обращали внимание международные наблюдатели. Так, по воспоминаниям известной деятельницы шведского Красного Креста Эльзы Брандстрём, занимавшейся военнопленными в России все годы Первой мировой войны, коменданты российских военных гарнизонов присваивали себе предназначенные для них крупные денежные суммы [11]. Что касается Хабаровска, то, как отмечал В.Д. Вегман, здесь «…весною 1916 г. было установлено на почте 4 тыс. невыплаченных денежных переводов, адресованных военнопленным» [9: стб. 518].

Как отмечалось ранее, под Хабаровском, в селе Николо-Александровском, при 305-й пешей Вятской дружине был единственный на территории Приморской области специальный лагерь для военнопленных офицеров. В августе 1916 г. в нём находилось 906 офицеров и 271 нижний чин, являвшихся их денщиками. По национальному составу это были немцы, служившие как в германской, так и в австро-венгерской армии [6: с. 27]. Содержание офицеров на Красной Речке было более строгим, чем в других дальневосточных пунктах содержания военнопленных. Ужесточение содержания было обусловлено, с одной стороны, участившимися начиная с 1915 г. случаями побегов, которые предпринимали представители именно офицерского корпуса, с другой стороны, ответными действиями на жестокое обращение с русскими военопленными [6: с. 29]. Кроме того, наличие особых мер по содержанию пленных офицеров следует объяснить пребыванием на Николо-Александровской пристани высокопоставленных чинов германской и австро-венгерской армий. В их числе были австрийский генерал (фельдмаршал-лейтенант) Вильгельм фон Оппавар, пленённый после взятия крепости Перемышль, военный атташе Австро-Венгрии в Тегеране обер-лейтенант Генштаба Вольфганг Геллер, пытавшийся организовать освобождение военнопленных австро-венгров, размещённых в Туркестане, командир лёгкого крейсера «Магдебург» корветтен-капитан Рихард Хабенихт, попавший в плен вместе с частью команды в самом начале войны. Именно история пребывания на Красной Речке последнего и его коллег получила мировую известность, после того как он предпринял попытку неудачного побега из лагеря через Китай, и меры по содержанию военнопленных в лагере были ужесточены. Стоит также добавить, что захват русскими моряками крейсера «Магдебург» возле о. Оденсхольм в Рижском заливе также вошел в анналы истории военной разведки Первой мировой войны, так как в их руки попали секретные сигнальные коды, о чём немцы не знали, послужившие материалом для радиоперехватов в ходе военно-морских операций союзников России.

Также в лагере при 305-й Вятской пешей дружине содержался недавний выпускник офицерской школы австро-венгерской армии Роберто Орос ди Бартини, взятый в плен в 1916 г. войсками генерала А.А. Брусилова, знаменитый впоследствии советский авиаконструктор Роберт Людвигович Бартини. Известно, что именно в русском плену Р. Бартини увлёкся социалистическими идеями, стал коммунистом, переехав в 1920-е гг. из Италии в СССР.

Отдельно стоит сказать о ещё одном пленном офицере краснореченского лагеря, который также стал знаменит уже в Советской России. Речь идёт о подпоручике австро-венгерской армии Беле Франкле, больше известном под именем Мате Залка, попавшем раненным в русский плен в 1916 г. в ходе прорыва генерала Брусилова. Перейдя на сторону Советской власти, он стал одним из героев-интернационалистов Гражданской войны, принимавшим участие в ней на Дальнем Востоке, в Сибири, на западе страны. Впоследствии, будучи писателем, занимал крупные партийные и государственные посты, погиб в Испании в 1937 г., командуя 12-й интернациональной бригадой в звании генерала под именем Пауля Лукача. В 1967 г., в год 50-летия Октябрьской революции, на здании Дома офицеров Советской армии, расположенного на Красной Речке, в честь М. Залки была установлена мемориальная доска (рис. 2). Позже в середине 1970-х гг., когда микрорайон будет застраиваться многоквартирными домами и примет современный вид, его именем будет названа одна из центральных

краснореченских улиц, на которой установят памятную доску почти аналогичного первой содержания.

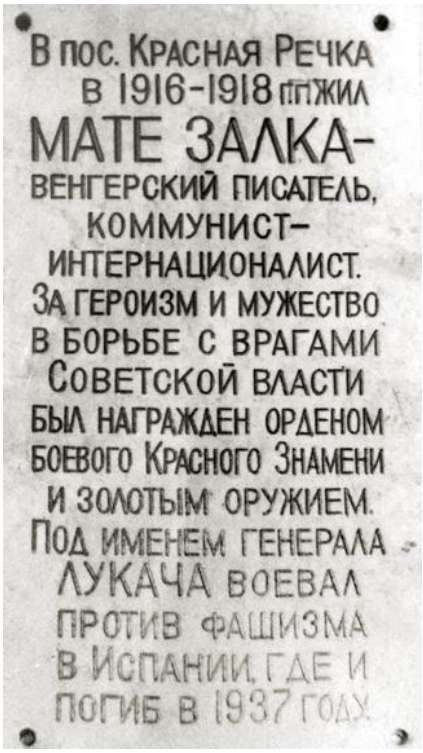

Рис. 2. Мемориальная доска
в честь Мате Залки

Вглядываясь с высоты сегодняшних дней в эпоху увековечивания памяти знаменитого венгра, вполне объяснимо, почему составители текста обошли стороной вопрос том, в каком качестве «в пос. Красная Речка в 1916–1918 гг. жил» бывший подпоручик императорской и королевской армии венгерский еврей Бела Франкль, ставший под псевдонимом Мате Залка одним из героев и символов эпохи раннего советского интернационализма.

Спустя почти век после описываемых в статье исторических событий о пребывании военнопленных немцев и австро-венгров в Хабаровске, на просторах информационного пространства появился уникальный исторический документ, возвращающий нас в то далёкое время. Речь идёт о хроникальном фильме с закадровым озвучиванием под названием «The American Expeditionary Forces in Siberia (AEFS)», повествующем о пребывании Американского экспедиционного корпуса в Приморье и Приамурье в ноябре 1918 г. В 2015 г. оцифрованную версию кинохроники выложило в открытый доступ Национальное управление архивов и документации США. Это был период, когда Первая мировая война закончилась, большевики уже год были у власти, а страна была в состоянии гражданской войны. Тем не менее лагеря военнопленных ещё сохранились, и их нужно было содержать и охранять. Уникальность американской хроники в том, что мы воочию можем наблюдать упоминавшийся выше знаменитый офицерский лагерь на Красной Речке. Только в конце 1918 г. его охраной занималось уже не Государственное ополчение в лице 305-й Вятской пешей дружины во главе с полковником К.А. Высоцким, а солдаты Американского экспедиционного корпуса подполковника Чарльза Морроу, который был назначен комендантом краснореченского лагеря. Хотя сцены фильма являются постановочными, тем не менее они позволяют нам увидеть обитателей лагеря, позирующих американским кинооператорам – либо в виде коллективного портрета, либо в виде совместных гимнастических упражнений [13].

Важным вопросом пребывания германских и австро-венгерских военнопленных является тема захоронения умерших в плену и увековечивания их памяти. В Хабаровске иностранных военнопленных хоронили на Михайловском кладбище, которое объединило иноверческое и православное кладбища, располагавшееся на территории, начинавшейся от ул. Герасимова (ранее Михайловская), которая сейчас застроена жилыми домами, общежитиями университета путей сообщения, зданиями ИФНС России по Железнодорожному району г. Хабаровска, Управления ГИБДД УМВД по Хабаровскому краю, городского автовокзала, гаражно-строительных кооперативов. В 40-е гг. прошлого века кладбище было закрыто [2]. На Красной Речке военнопленных хоронили на интернациональном кладбище, в районе нынешней ул. Барнаульской, которое также было ликвидировано в середине прошлого столетия. Именно на территории бывшего Михайловского кладбища сохранился самый известный хабаровский памятник военнопленным времён Первой мировой войны, установленный в 1916 г. в честь захоронения группы солдат и офицеров германской и австро-венгерской армий. В 1994 г. по инициативе Хабаровского краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры он был отреставрирован и установлен перед зданием автовокзала. Впоследствии сотрудниками КГБУК «НПЦ по ОПИК» была проведена историко-культурная экспертиза обелиска [10].

Согласно надписям, высеченным на обелиске, он посвящен умершим в военном плену восьми офицерам и нижним чинам австрийской, венгерской и немецкой армий. Их фамилии и имена (полностью), армейская принадлежность и воинские звания (в сокращениях), представлены на восточной стороне памятника (рис. 3 [10]).

Рис. 3. Фрагмент обелиска «Памятник офицерам и нижним чинам австрийской, венгерской и германской армий, умершим в плену», 1916 г.

Далее сошлёмся на результаты историко-культурной экспертизы, выполненной сотрудниками КГБУ «Центр ОПИК», в рамках которой была расшифрована надпись на восточной грани постамента.

TEUCHER FRANZ, K.u.k. Obstlt.
Dr. KALAPOS JOSEF, K.u.k. Ob. Arzt
JEZERNICKY FRANZ, K.ung. Honv. Lt.
AMLER ANTON, K, ung. Honv.Lt.
PRIEN ERNST, KGL, Preuss. Lt.
ARNOLD HEINRICH, KGL. Preuss. Fldw.Lt.
KOHANYI KOLOMAN, K.u.k. Fhnrch.
MÜNCH GUSTAV, KGL. Preuss.Off-Stellv.

Звания и принадлежности к армиям без сокращений:

TEUCHER FRANZ Kaiserlich und Königlich Oberstleutnant
Dr KALAPOS JOSEF Kaiserlich und Königlich Oberst Arzt
JEZERNICKY FRANZ Königlich ungarische Landwehr (Honved) Leutnant
AMLER ANTON Königlich ungarische Landwehr (Honved) Leutnant
PRIEN ERNST Königlich Preußisch Leutnant
ARNOLD HEINRICH Königlich Preußisch Feldwebel Leutnant
KOHANYI KOLOMAN Kaiserlich und Königlich Fähnrich
MÜNCH GUSTAV Königlich Preußisch Offizier Stellvertreter

Перевод надписи на русский язык с учетом званий и принадлежности к армиям без сокращений:

ФРАНЦ ТОЙХЕР, Общеимперская армия, подполковник (Oberstleutnant)
ДР. ЙОЗЕФ КАЛАПОШ, Общеимперская армия, старший врач (OberstArzt)
ФРАНЦ ЕЗЕРНИЦКИЙ, Венгерская армия, лейтенант (Leutnant)
АНТОН АМЛЕР, Венгерская армия, лейтенант (Leutnant)
ЕРНСТ ПРИН, Прусская королевская армия, лейтенант (Leutnant)
ГЕНРИХ АРНОЛЬД, Прусская королевская армия, фельдфебель (Feldwebel)
КОЛОМАН КОХАНИ, Общеимперская армия, фенрих (Fähnrich)
ГУСТАВ МЮНХ, Прусская королевская армия, заместитель офицера (OffizierStellvertreter) [10].

Комментируя фрагмент приведённой выше реконструкции, отметим некоторые неточности при переводе на русский язык. Так, воинское звание второго умершего, указанного в списке на памятнике – доктора Й. Калапоша, правильнее бы было обозначить не как «старший врач», а как старший лейтенант медицинской службы. Также при расшифровке звания сокращение «Ob.Arzt» следовало бы написать как «OberArzt», а не «OberstArzt», так как в противном случае оно бы обозначало «полковник медицинской службы». Также при переводе на русский «потерялась» половина воинского звания Г. Арнольда (шестая надпись сверху), который был не фельдфебелем Прусской королевской армии, а фельдфебель-лейтенантом.

В ходе историко-культурной экспертизы были получены сведения о двух офицерах, указанных на обелиске, – подполковнике Франце Тойхере и докторе Йозефе Калапоше. Поскольку они являлись военнослужащими Австро-Венгрии, сведения о них указаны в списке военных потерь, публиковавшихся в годы войны военным министерством в Вене. Эти списки доступны на сайте цифровой земельной библиотеки земли Верхняя Австрия, г. Линц (die digitale Landesbibliothek Oberösterreich). Так, в № 348 списка от 3.01.1916 (стр. 5) указаны сведения о Ф. Тойхере, в № 525 от 16.02.1917 г. (стр. 3) – о Й. Калапоше [12].

О Франце Тойхере в списках погибших сообщается следующее: «Франц Тойхер Йозеф, подполковник, 34 пехотный полк императорского королевского ландвера. Тироль, Кицбюэль, Хопфгартен, 1863 г. Военнопленный. Пристань Николо-Александровская, Россия». Таким образом, есть определённые разночтения со сведениями, приведёнными в списке потерь, и данными, указанными на обелиске. Если на памятнике указана его принадлежность к императорской и королевской (общеимперской армии, по-немецки сокращённо – «k.u.k»), то в списках военных потерь он числится подполковником пехотного полка австрийского ландвера («k.k. LIR»). Согласно другим источникам, которые были обнаружены в ходе историко-культурной эксперти-

зы [10], Ф. Тойхер умер 07.09.1915 г. Что касается Й. Калапоша, то в упомянутом выше списке о нём приведена следующая информация: «Доктор Йозеф Калапош, старший лейтенант медицинской службы запаса, 60-й пехотный полк, приписан к санитарным войскам, госпиталь № 15, Венгрия, Будапешт, военнопленный, Россия». Дополнительные сведения об остальных военнопленных, указанных на памятнике, отсутствуют.

История хабаровского обелиска убедительно иллюстрирует тот факт, что тема пребывания иностранных военнопленных времён Первой мировой войны на Дальнем Востоке остаётся во многом белым пятном для ученых. Как отмечала одна из первых исследователей этой проблематики Т.Я. Иконникова, многие архивные документы, касающиеся тех времён, хранятся до сих пор в том виде, в каком попали в хранилища более века назад [8]. Стоит надеяться, что научный задел, имеющийся в изучении данного проблемного поля дальневосточной исторической науки, будет отправной точкой для дальнейших интеллектуальных усилий в исследовании этой весьма интересной темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авилов, Р.С.* Приамурский военный округ в годы Первой мировой войны: войска и оборонительные задачи / Р.С. Авилов // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России : моногр. / под ред. д-ра ист. наук, проф. Л.И. Галлямовой. – Владивосток : ДВО РАН, 2015. – С. 5–41.

2. *Вольхин, В.Н.* Город живых над городом мёртвых (Из истории хабаровских кладбищ) / В.Н. Вольхин // Вестник ДВГНБ. –2012. – № 3 (56). – С. 123–128.

3. *Белов, С.И.* Положение немецких военнопленных в России в годы Первой мировой войны (на материалах архивов Верхнего Поволжья) / С.И. Белов // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. – 2014. – № 1. – С. 16–20.

4. *Бондаренко, Е.Ю.* Управление иностранными военнопленными на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны / Е.Ю. Бондаренко // Власть и управление на Востоке России. – 2015. – № 1(70). – С. 84–91.

5. *Греков, Н.В.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) / Н.В. Греков // Немцы. Россия. Сибирь : сб. ст. – Омск, 1997. – С. 154–182.

6. *Иконникова, Т.Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России / Т.Я. Иконникова. – Хабаровск, 2004.

7. Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России 1917–1920 гг. – М., 1987.

8. *Семёнова, В.* Удивительные «приключения» военнопленных в Хабаровске / В. Семёнова // ТОЗ. – 2004. – 14 дек.

9. Сибирская советская энциклопедия (ССЭ). В 4 т. Т. 1 (А–Ж). – Новосибирск : Сибирское краевое изд-во, 1929.

10. *Шокурова, Л.Б.* Памятник офицерам и нижним чинам австрийской, венгерской и германской армий, умершим в плену, 1916 год, Хабаровск [Электронный ресурс] / Л.Б. Шокурова // Краевое государственное бюджетное учреждение «Хабаровский краевой центр охраны памятников истории и культуры». – Режим доступа: http://nasledie27.ru/npc-kontakty.html.

11. *Brandström, E.* Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien 1914–1920 / E. Brandström. – Berlin, 1922.

12. Die digitale Landesbibliothek Oberösterreich [Electronic resource]. – URL: http://digi.landesbibliothek.at/viewer/resolver?urn=urn:nbn:at:AT-OOeLB-723425.

13. The American Expeditionary Forces in Siberia (AEFS) [Electronic resource]. – URL: www.archives.gov/research/guide-fed-records/groups/120.html.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ ЧЖАО ЦИ К ТРАКТАТУ «МЭН-ЦЗЫ»

Н.В. Терехова

Терехова Наталья Владимировна – старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета.

Контактный адрес: zabnata@yandex.ru

В статье анализируется фрагмент лексикографического комментария Чжао Ци 赵岐к трактату «Мэн-цзы» 《孟子》как форма реализации древнекитайской лексикологической традиции, подходов и методов древнекитайской филологической традиции *сюньгусюэ* 訓詁學, логико-семантических и лингвокультурологических представлений китайцев эпохи Восточная Хань.

Ключевые слова: древнекитайская филологическая традиция *сюньгусюэ* 訓詁學，древнекитайская лексикография, комментарий Чжао Ци 赵岐, способы описания лексических единиц.

Комментарий Чжао Ци 赵岐 (108–201 гг. н.э.) к классическому трактату «Мэн-цзы» 《孟子》 является: а) самым ранним из сохранившихся толкований данного трактата; б) источником по истории формирования древнекитайской филологической традиции *сюньгусюэ*訓詁學 и лингвистических представлений в эпоху Восточная Хань *дунхань*東漢.

Комментарий Чжао Ци к трактату «Мэн-цзы» представляет одну из древнекитайских версий его анализа и прочтения, которая до сих пор не была специально исследована и описана в отечественной синологии. Однако ссылки на данный комментарий и упоминания о нем встречаются в переводах П.С. Попова, В.С. Колоколова, в статье А.И. Кобзева «Мэн-цзы» (первый том энциклопедии «Духовная культура Китая»). В китайских исследованиях основное внимание уделяется описанию структуры комментария, его терминологии, рассмотрению способов толкований структурных единиц текста в древнекитайской филологической традиции *сюньгусюэ*, исследованию трактовок Чжао Ци ключевых философских категорий «Мэн-цзы»: Го Вэйхун «Исследование комментария Чжао Ци "Разделение на главы и выражения трактата Мэн-цзы"»[1], Ли Чжицзэ «Содержание, композиция, особенности комментария Чжао Ци»[2], Нин Дэнго «Особенности древнекитайской филологической традиции на примере комментария "Главы и выражения Мэн-цзы"»[3], Ду Минь «Исследование комментариев Чжао Ци и Чжу Си»[4] и др.

Конкретно лексикографический комментарий к классическому китайскому тексту в России исследовался на примере древнекитайского толкового словаря «Эр’я» в работах А.М. Карапетьянца «Формирование нормативного письменного языка в Китае», Т.Е. Шишмаревой «Китайский словарь "Эр’я" в идеографическом и этнокультурном аспектах», Н.В. Гурьян «Первый китайский словарь "Эр’я": опыт историко-филологического исследования». Стоит отметить, что во многих отечественных трудах, посвященных истории китайского языка и языкознания, китайской лексикографии, присутствуют ссылки на примеры из трактата «Мэн-цзы», что указывает на его изучение с лингвистической точки зрения (работы С.Е. Яхонтова, В.И. Горелова, М.В. Солнцева, Н.В. Солнцевой, И.Т. Зограф).

В отличие от европейской лингвистики, в которой первоначально в большей степени развивались грамматические описания языка, в древнекитайской филологической традиции *сюньгусюэ*訓詁學 сложилось и активно развивалось лексикографическое направление. Сборники глосс к отдельным произведениям были известны в Древней Греции еще в V в. до н.э., однако первые лексиконы древнегреческого языка появились только в X в. н.э. В Китае же толковые словари были известны уже в III в. до н.э. Отметим также, что толкованием слов занимались сами авторы классических китайских текстов задолго до появления словарей. Их толкования послужили ценной основой для последующего создания словарей и методов описания семантики иероглифов. Филологическая традиция *сюньгусюэ* выросла из авторских текстов. Приведем примеры такого внутритекстового толкования.

1. В древних надписях на панцирях черепах, датируемых XV–XII вв. до н.э., встречается следующее пояснение одной лексической единицы через другую: «Когда правитель находится на севере, то это называется *юань*兕, данный стиль поведения называется *и*役».

[1] Го Вэйхун. Чжао Ци «Мэн-цзы чжанцзюй» яньцзю 敦伟宏《赵岐 “孟子章句 “研究》

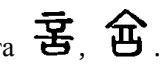
[2] Ли Чжицзэ. Чжао Ци дэ нэйжун, тили хэ тэдянь 李智泽《赵岐的内容、体例和特点》

[3] Нин Дэнго. Чжао Ци <Мэн-цзы чжанцзюй> чжисюньгу тэчжэн宁登国《赵岐<孟子章句>之训话特征》

[4] Ду Минь. Чжао Ци, Чжу Си чжуши чуаньи яньцзю 杜敏《赵岐朱熹注释传意研究》

2. В одном из письменных памятников китайского «Тринадцатиканония» – «Чжоуские ритуалы» *«Чжоу ли»*《周礼》[5] (300–100 гг. до н.э.) толкуются синонимы с пояснением отличительных семантических признаков: «Знамя с изображением солнца и луны – это знамя *чан* 常. Боевое знамя с изображением медведя и тигра – это знамя *ци* 旗» [17: с. 5].

Особый интерес в Китае к лексикографии можно объяснить следующими положениями.

1. Для китайской культуры всегда было характерно трепетное отношение к знакам письма. Слово, записанное иероглифическими знаками, считалось достоянием культуры, в отличие от слова сказанного. Китайский иероглифический знак обладал сакральным значением, существовала даже идея о связи между словом и свойствами того, что оно обозначает. В китайском этносознании существует ярко выраженная дихотомия письменной и устной форм языка *вэнь*文 и *янь*言. Первый знак понимается как письменная форма языка, его значение восходит к изображению тату на теле человека . Второй – устная форма языка, этимология этого знака связывается с изображением высунутого языка, или чего-то, выходящего изо рта . Неслучайны разные самоназвания для языка в Древнем Китае – *вэньянь*文言 и в современном китайском *юйвэнь*語文: с изменением статуса письменного языка меняется позиция иероглифа в слове [1: с. 8].

2. В III в. до н.э. в китайской философской традиции закрепились две ведущие социально-гносеологические концепции об отношении названий, «имен» *мин* 名к обозначаемой действительности *ши*實. Конфуций и его последователи учили, что название неразрывно связано с обозначаемым и должно ему соответствовать. Суть конфуцианской концепции об «исправлении имен» *чжэнмин* 正名 – необходимое для политико-административного управления требование адекватности реального номинальному. У Конфуция идея *чжэнмин* подразумевала обязательность соответствия действительного положения и поведения индивидуума его этико-ритуальному статусу в интересах упорядочения общества. Представитель школы имен *мин-цзя* 名家 Гунсунь Лун 公孙龙 (IV–III вв. до н.э.) интерпретировал проблему *чжэнмин* в логико-семантическом русле, как соотношение «имен» *мин* 名 и «реалий» *ши*實, т.е. правильного подбора имени, которое бы соответствовало обозначаемой реалии: самостоятельность «имени» и в то же время его связь с единичной конкретной «реалией» обусловливает неизбежное изменение как «имени» при изменении «реалии», так и «реалии» при перемене «имени» (*«Гунсунь Лун-цзы»*《公孙龙子》, глава «Об именах и реалиях» *«Миншилунь»*《名實论》). Напротив, философы даосского направления считали, что связь между словом и вещью – произвольная. Например, нет поступков на самом деле хороших или на самом деле дурных; есть лишь поступки, которые называют хорошими или дурными. Синтез обоих взглядов осуществил в III в. н.э. Сюнь Куан 荀况, который считал, что названия «устанавливаются соглашением и закрепляются обычаем» *юэ дин су чэн*約定俗成 [7: с. 598–599; 9: с. 94–95].

3. Благодаря активному развитию древнекитайской герменевтики 訓詁學, древнекитайского каноноведения 經學 толкование лексических единиц получило не только семантическое, но и идеологическое измерение. Заложенный Конфуцием приоритет морально-этического действия перед знанием, из которого проистекает сильная тенденция к рассмотрению знания и языка через призму этико-политической проблематики. В связи с этим, с одной стороны, у древних китайцев выработался идеал этико-политического знания и, как следствие, преуменьшение ценности и допустимости других видов знания. С другой стороны, язык стал трактоваться преимущественно в практико-прагматическом ключе как средство передачи предписания к действию, необходимого в морально-политической практике. Это вылилось в сильнейший интерес древних китайцев к нормированию языка, который стал причиной, почему они не пришли к осознанию возможности оперировать формальным пластом языка отдельно от содержательного и созданию в строгом смысле формальных логических систем. Одним из основополагающих конфуцианских видов знания является «знание речений» *чжи янь* 知言, при неправильном применении «речи» оказываются опасными, и, чтобы взять их под контроль, вводится концепция «правильного использования имен» 正名 [4: с. 12–13]. Лексикографический комментарий к канону представлял собой свод правил и норм употребления иероглифических и стилистических средств древ-

[5] «Чжоуские ритуалы» «Чжоу ли»《周礼》– один из письменных памятников, входящих в конфуцианское собрание классической литературы «Тринадцать канонов» «Ши сань цзин». Содержание трактата в целом отражает специфику государственного строя, административной системы, общественного устройства, законодательства, ритуалов, хозяйственной жизни, состав и обязанности чиновничества в древнекитайских царствах VII–V вв. до н.э., культурно близких домену династии Чжоу.

некитайского языка, выступал своего рода аксиологией семантики и шире – аксиологией знания.

4. Сложный характер китайской иероглифической письменности обусловил развитие в концепции Сюй Шэня 許慎 древней семиотики китайского знака, глубокую проработку его грамматологического и этимологического анализа с целью создания системы рационального описания китайской иероглифики, облегчения процесса обучения письменности, создания дидактических материалов и толкования значений иероглифов.

5. Еще одной важной лингвистической проблемой, стоявшей перед древнекитайскими филологами, была проблема интерпретации многочисленных синонимов: необходимо было определить и показать различия между ними. С.Е. Яхонтов отмечает, что древнекитайский язык уже в эпоху Чжоу характеризовался богатой и разнообразной лексикой: его словарь в ряде специальностей (военное, государственное устройство, дипломатия, этикет) обладал обширной разветвленной терминологией. Наряду со словами, которые имеют общее значение, в древнекитайском языке часто для одного и того же понятия существовало несколько слов с различными социальными и эмоциональными оттенками. Не только термины, но и обычные слова разговорного языка часто имеют очень узкое, конкретное значение [8: с. 33–34]. Кроме того, расширение сферы означаемого привело к использованию заимствованных иероглифов, один и тот же иероглиф приобретал разные значения, что, в свою очередь, вызывало затруднения при чтении и интерпретации текстов. Древнекитайская лексикография как раз занималась выяснением значений и толкованием трудных слов, к числу которых относились архаизмы, диалектизмы, редкие слова, заимствованные иероглифы, разночтения, появлявшиеся в результате несистемного употребления иероглифических знаков.

Развитие данных аспектов китайской филологической традиции обеспечило сохранение китайской письменности и письменного наследия до настоящего времени. Первые формы китайской письменности появились в XVII в. до н.э., проделав существенную эволюцию, древнекитайский письменный язык сформировался в V–III вв. до н.э. Благодаря непрерывно функционирующей лексикографической традиции он сохранился в основных своих чертах до наших дней. Изучение лексикографического комментария Чжао Ци позволит: получить сведения о семантической структуре древнекитайского языка эпохи Восточная Хань *дунхань*東漢 (25–220 гг.); дополнить или восстановить систему значений описанных в комментарии лексических единиц; рассмотреть некоторые аспекты древнекитайской лингвокультуры; выявить лексикографические методы и подходы филологической традиции *сюньгусюэ*, а также некоторые особенности древнекитайской логики и эпистемологии.

Уже в филологической традиции *сюньгусюэ* были разработаны способы и методы описания лексических единиц. По данным выдающегося китайского лингвиста Ван Ли 王力 (1900–1986), китайская научная традиция располагала более чем 60 «терминами комментаторского характера» или своего рода «операционными словами», «операторами» [5: с. 118], с помощью которых толковались и объяснялись лексические единицы. В лексикографическом комментарии Чжао Ци нам удалось выявить девять операторов: *вэй* 謂 или *вэйчжи*謂之 «значит», «имеет значение», *юэ*曰 «называет», *вэй* 為 «есть, является», *чэн*稱 «называет, именует», *янь*言 «говорят», «указывает на», *ю* 犹, *жу*如 «подобен, словно», *и* 亦 «также, также является, то есть». Данные операторы использовались для толкования значения посредством синонимов либо дефиниций. Оператор *вэй*謂 использовался также для пояснения абстрактных значений лексем посредством конкретных. Оператор *ю*犹 «похоже, словно» использовался для указания неполной эквивалентности в отдельных семантических признаках лексем, при объяснении переносного значения, для трактовки значения заимствованного иероглифа посредством указания на его основное или первоначальное значение, для характеристики архаизмов. *И* 亦 «также, также является, то есть» использовался для указания на ранее встречающееся уже в комментарии толкование лексемы или при указании на синонимы в тексте комментируемого трактата.

Древнекитайская филологическая традиция *сюньгусюэ*訓詁学 располагала тремя подходами для характеристики иероглифа в зависимости от того, какая из трех сторон иероглифа (графическая форма знака, значение или фонетическая оболочка) являлась главным объектом толкования. В комментарии Чжао Ци к трактату «Мэн-цзы» таким объектом выступают значения иероглифов, поэтому основным методом является «толкование по значению или смысловое комментирование» *исюнь*義訓. Встречается также небольшое число примеров звукового комментирования *шэнсюнь* 聲訓 / *иньсюнь*音訓, когда для толкования подбирался омонимичный или близкий по звучанию иероглиф.

В комментарии Чжао Ци мы на основе данных традиции китайской филологии *сюньгусюэ* [17; 18; 19], отечественных исследований, посвященных изучению лексикографии словаря «Эр’я» [2; 6], определили следующие способы описания значений лексем, дополнительно расширили и систематизировали известные нам классификации данных

способов толкования: прямое толкование *чжисюнь*直訓, пояснение смыслового поля *ицзе*義界, описание *мяошу*描述 (в рамках описания *мяошу*描述 были выделены следующие его подвиды: сравнение *дуйцзюйши*對舉式, контекстуальное толкование *юйцзиньши*語境釋, денотативные дефиниции *дин'иши*定義式), толкование значения иероглифа по его чтению *шэнсюнь*声訓. Кроме того, мы выделили частные способы толкования имен собственных *чжуаньмэнь минцы сюньфа* 專門名词训法 (антропонимы, топонимы, гидронимы, флоронимы, оронимы), которые также можно отнести к описательному типу толкования *мяошу* 描述. Все указанные типы толкования подразделяются на следующие подтипы: единичное толкование *даньсюнь*單訓, общее толкование *тунсюнь* 同訓, совмещенное толкование *хэсюнь*合訓, вариативное толкование *исюнь*異訓, лестничное толкование *дисюнь* 递訓, толкование посредством цитирования *иньшу чжэн'и*引書證義. Единичное толкование *даньсюнь* 單訓 включает только одну единицу толкования; совмещенное толкование *хэсюнь* 合訓 включает более одной поясняемой единицы, часто поясняемые единицы образуют набор взаимосвязанных предметов или относятся к одному родовидовому типу; вариативное толкование *исюнь*異訓, в нем предлагается несколько разных вариантов толкования поясняемой единицы; общее толкование *тунсюнь*同訓 – способ, при котором выстраивается одна цепочка лексических единиц, и их значения толкуются в одностороннем порядке посредством соответствующего гиперонима; *дисюнь* 递训 – способ, при котором значения лексических единиц толкуются в определенном порядке (каждая следующая единица поясняет значение предыдущей единицы).

1. Прямое толкование 直訓. С этим способом толкования соотносится такой тип дефиниций, который современная теория лексикографии определяет как эквивалентный. Прямое толкование сводится к следующему: неизвестное слово поясняется через синоним или слово с близким значением по формуле «A=B», где A и B – синонимы. Ограниченность прямого толкования заключается, во-первых, в том, что оно представляет собой лишь констатацию близости значений двух единиц, не выявляя различия между ними. Во-вторых, в случае многозначности единиц возникает некоторая неопределенность: не вполне ясно, какое именно значение имеется в виду. Как правило, в качестве поясняющих выступают лексические единицы с общим значением, с помощью которого толкуются более частные понятия (или наоборот), либо общепонятные эквиваленты, толкующие архаизмы, диалектизмы и редкие слова.

Толкование архаизмов

«Мэн-цзы, 1.1.2»: В «Книге стихов» сказано: «[Вэнь-ван] принялся за сооружение чудесной башни, создал план работ, перепроверил его, народ *шуминь*庶民 сообща принялся за работу, весело и проворно закончили постройку» [16].

Комментарий Чжао Ци: «Вэнь-ван принялся за расчет и строительство этой башни. Народ *чжунминь*眾民 также пришел строить ее, раньше срока закончили постройку» [15].

В данном примере Чжао Ци для толкования архаизма *шуминь*庶民 «народ» использовал *чжунминь* 眾民 «народ». Статус архаизма подтверждается данными из древнего толкового словаря «Подобный образцу» *«Эр'я»* 爾雅: В главе «Толкования древних имен» *шигу*釋詁 приводится ряд синонимов с гиперонимом *чжун* 眾 «множество, совокупность»: [*ли*黎 – множество подданных (на площади); *шу* 庶 – много людей в комнате; *чжэн* 烝 – множество подданных в Поднебесной; *до* 多，*чоу* 醜 – много народа в армии; *ши* 師 – множество людей, ставших мастерами (учителями), *люй* 旅 – множество путешествующих (находящихся в повозках)] 黎、庶、烝、多、醜、師、旅，眾也。[10; 6: с. 155] Комментатор Хао Исин 郝懿行（1757–1825）в работе «Толкование значений в Эр'я» *«Эр'я ишу»* «爾雅義疏» указал: «В данной главе все речения древнего языка толкуются посредством современных» [13: с. 96].

Толкование диалектизмов

«Мэн-цзы, 5.2.16»: Мэн-цзы ответил: «Живущие в городе называются городскими служащими, живущие в деревне *цзайе юэ цаоманчжичэнь* 在野曰草莽之臣 называются чиновниками в отставке. Все они простые подданные» [16].

Комментарий Чжао Ци: «*Ман* 莽 "густая трава" также *цао*草"трава". *Ман и цао е.* 《莽亦草也》。 [15] (лестничное толкование *дисюнь*递訓).

В первом словаре диалектов китайского языка «Фанъянь» 《方言》 Ян Сюня 扬雄 записано: «Трава *хуэй* 卉, густые травы *ман* 莽 – это трава *цао*草. При передачи значения "трава" в Янчжоу, где проживала народность восточные юэсцы, имел хождение иероглиф *хуэй*卉 (трава), в Южном Чу использовался *ман* 莽» [11].

Толкование редкого слова с конкретным значением посредством более широко употребительного слова, с более широкой семантикой.

«Мэн-цзы, 1.1.4.»: «Есть ли отличие между убийством палкой *тин*梃 или ножом?» [16].

Комментарий Чжао Ци: «Палка *тин*梃, палка *чжан* 杖» [15] (единичное толкование *даньсюнь*單訓)».

В «Словаре древнекитайского языка» *«Гудай ханьюй цыдянь»* «古代汉语词典» у иероглифа «палка» *тин*梃 представлено только два значения: «деревянная палка», «дубинка» *мубан*木棒 и счетное слово для предметов, похожих на палку, в словаре указано два древних источника «Мэн-цзы» «孟子» и «История династии Вэй» *«Вэйшу»* 《魏书》, в которых используется данный знак. В то же время у знака «палка» *чжан* 杖 в словаре указано пять значений: палка, дубинка *гуньбан* 棍棒, держать в руках *начжао*拿着, опираться *пин'и* 凭依, бить палкой, палка как орудие наказания, пыток *юн чжан да* 用杖打, *синцзюй*刑具, военное оружие *бинци*兵器, примеры взяты из 11 древнекитайских книг [12].

Толкование посредством уточняющего синонима

«Мэн-цзы, 3.1.2.»: «Если сердце-сознание испытывает неприязнь *буцянь* 不慊 к поступкам, то человек затухает» [16].

Комментарий Чжао Ци: «Довольный *цянь* 慊, *куай* 快веселый» [15] (единичное толкование *даньсюнь*單訓).

Комментирование посредством цитаты

«Мэн-цзы, 3.1.7»: «Разве производящий стрелы *ши* 矢 менее гуманный, чем производящий доспехи *хань*函? Первый опасается только за то, что не получится поранить человека, а второй опасается только за то, что могут поранить <…>» [16].

Комментарий Чжао Ци: *Ши* 矢 – стрела. *Хань* 函 – латы, доспехи. «Чжоу ли»: «Мастер по изготовлению доспехов *хань* 函 делает латы, щиты» [15] (совмещенное толкование *хэсюнь* 合訓).

2. Пояснение смыслового поля *ицзе*义界. Этот способ толкования соотносится с современными логическими дефинициями, указывающими на ближайшее родовое понятие и на существенный отличительный признак:

а) «Мэн-цзы, 3.1.1»: «Цисцы говорят: "Хотя ты и обладаешь мудростью, но лучше действовать при благоприятных обстоятельствах. Хотя у тебя и есть мотыга *цзыцзи* 鎡基, но лучше использовать ее в подходящее время"» [16].

Комментарий Чжао Ци: «Большая мотыга *цзыцзи* 鎡基 относится к земледельческим орудиям» [15] (единичное толкование *даньсюнь*單訓);

б) «Мэн-цзы, 11.1.14»: «Здесь есть плантатор, который пренебрегает своими фирмиамой *у* 梧 и камелией *цзя*檟, культивирует кислую жужуба *эрцзи* 樲棘, он некудышный плантатор» [16].

Комментарий Чжао Ци: «Фирмиама *у* 梧, тунг *тун*桐, камелия китайская (чайное дерево) *цзя* 檟, катальпа *цзы*梓 – это все имена деревьев. Унаби *эрцзи*樲棘, клавула *сяоцзи* 小棘 – так именуется кислый жужуба *суаньцзао* 酸棗» [15] (общее толкование *тунсюнь*同训, совмещенное толкование *хэсюнь*合训).

3. Описание *мяошу*描述 представлено тремя видами толкований: сравнение *дуйцзюйши* 對舉式, контекстуальное толкование *юйцзиншии* 語境釋, денотативные дефиниции *дин'иши* 定義式 Последние предполагают описания характерных признаков объекта (внешний облик, функции, способности, особенности) [17: с. 106–109]. Контекстуальное толкование означает выделение индивидуального значения слова, специфического для данного конкретного контекста. К описательному толкованию мы также относим все виды комментариев Чжао Ци к именам собственным (антропонимы, гидронимы, оронимы, флоронимы).

Сравнение

«Мэн-цзы, 11, 1, 1»: В «Книге стихов» сказано: «Он напоил вином и насытил добродетелями. Это означает, что насытил нас гуманностью и долгом, потому что он не желает чужого хорошего зерна и жирного мяса гаолян 膏粱» [16].

Комментарий Чжао Ци: «Жирное мясо и знатное зерно – хорошее зерно подобно жирному мясу». «*Гаолян, силян жугаочжэ е».* 《膏粱，細粱如膏者也》。[15] (лестничное толкование *дисюнь*递训).

Дефиниции:

а) «Мэн-цзы, 11.1.20»: «Мастер в обучении людей использовал циркуль *гуй* 規 и наугольник *цзюй*矩» [16].

Комментарий Чжао Ци: «Циркуль *гуй* 規 – с его помощью рисуют окружность. Наугольник *цзюй* 矩 – с его помощью рисуют квадрат (прямой угол) [15] (совмещенное толкование *хэсюнь* 合训);

б) «Мэн-цзы, 9.1.9»: «Боли Си был родом из княжества Юй. За яшму из Чуйцзи и боевую колесницу *чэн* 乘 из Цюй цзиньцы, минуя Юй, проезжали для атаки Го» [16].

Комментарий Чжао Ци: «Боевой экипаж *чэн* 乘 состоит из четырех лошадей» [15];

в) «Мэн-цзы, 5.1.4.»: «Нет, Сюй-цзы носит грубую сермяжную одежду *хэ*褐» [16].

Комментарий Чжао Ци: «Ненатуральная хлопчатобумажная ткань, Сюй Цзы носит сермягу *хэ*褐. Ткут с использованием птичьего пуха, похожа на нынешнюю попону. Также сермягой *хэ*褐 называют одежду из конопли. Также сермягой *хэ*褐 счи-

тают холщовую одежду из грубой ткани цуямбы» (вариативное толкование *исюнь* 异训) [15];

г) «Мэн-цзы, 7.1.1.»: «Мастер Куан на слух не может без шести бамбуковых трубочек *лю люй* 六律 точно определить пять музыкальных тонов *у инь*五音» [16].

Комментарий Чжао Ци: «Шесть бамбуковых трубочек *лю люй*六律 (соответствуют шести ступеням нечетного хромотического звукоряда): *тайцоу* 太蔟, гусянь 姑洗, *жуйбинь*蕤賓, *ицзэ*夷則, *у-и*無射, *хуанчжун* 黃鍾. Пять музыкальных тонов *у инь*五音 – *гун*宫, *шан*商, *цзюэ*角, *чжи*徵, *юй* 羽» (общее толкование *тунсюнь*同训, совмещенное толкование *хэсюнь*合训) [15].

Шесть бамбуковых палочек *лю люй*六律 разной длины изобретены в глубокой древности для определения шести полных музыкальных тонов. Данные шесть ступеней китайского хроматического звукоряда примерно соответствуют *ре, ми, фа-диез, соль-диез, ля-диез, до* в европейской номенклатуре. Пять звуков или нот *у инь* 五音 представляли собой обычную пентатонику, которая применялась у многих других народов – *до, ре, ми, соль, ля.* Первое упоминание о пентатонике имеется в *«Цзо-чжуани»*《左傳》[6] (IV в. до н.э.). Структура традиционного китайского звукоряда в какой-то мере совпадает с представлением древних китайцев о структуре космоса. Пять тонов китайской гаммы символизировали пять стихий *у син*五行 (почва, металл, дерево, огонь, вода). Китайцы следующим образом объясняют происхождение пяти музыкальных тонов: мудрые люди, слушая раскаты грома, определили первый тон; слушая звуки металла в воздухе, определили второй тон; слушая звуки колеблемого ветром дерева, определили третий тон; слушая свист от огня при горении дров и журчании воды в ключе, определили четвертый и пятый. *У син*五行 – пять стихий – одна из основополагающих категорий китайской философии, обозначающая универсальную классификационную схему, согласно которой все основные параметры мироздания – пространственно-временные и двигательно-эволюционные – имеют пятичленную структуру. *У син* 五行 – это не первосубстанции космоса, а символы, или главные члены пяти рядов-классов *син* 行, на которые разделяются все предметы и явления мира. Каждый из этих рядов дает характеристику некоего состояния в процессуальной связи с другими рядами-состояниями не субстанциально, как «первоэлементы-стихии» древнегреческой философии, а функционально. Важнейшие среди этих процессуальных порядков – «взаимопорождение» и «взаимопреодоление» [3: с. 451].

Контекстуальное толкование

«Мэн-цзы, 5.1.4.»: «Цзы Гун же построил себе дом у могилы *чан* 場 Конфуция, один прожил там три года, после возвратился» [16].

Комментарий Чжао Ци: «Могила Конфуция *чан*場 – жертвенник на могильном кургане Конфуция, где можно поклониться ему» (единичное толкование *даньсюнь*單訓) [15].

Нарицательные лексические единицы, представленные в толкованиях Чжао Ци, можно также рассмотреть с точки зрения их отнесенности к тому или иному тематическому кластеру. К наиболее представительным в количественном и вариативном отношении мы относим следующие кластеры: орудия, сосуды/емкости, экипажи/повозки, продукты, флору и фауну, правила и системы, характеризующие китайскую культуру и государственную систему (аппарат чиновников, налоговая система, система обработки полей, музыкальный строй, порядок жертвоприношения, формы ритуалов, календарь и т.д.).

Толкование имен собственных

Толкование имени посредством указания родовой фамилии, имени, титула

«Мэн-цзы, 1.1.7»: «Правитель Сюань宣 из царства Ци спросил: Не могли бы Вы мне поведать о деяниях гегемонов Ци Хуань-гуна Цзинь Вэнь-гуна?» [16].

Комментарий Чжао Ци: «Сюань宣 – это посмертное почетное имя *ши*謚» [15].

Люди в Древнем Китае обладали родовой фамилией *син* 姓, именем *мин* 名, вторым именем, которое присваивалось по достижении совершеннолетия *цзы* 字. Знатным людям присваивали почетные посмертные титулы и звания *шихао* 谥号, которые давались за заслуги при их жизни, указывали на характер деятельности и личные качества. Правитель Сюань 宣 из царства Ци 齊 эпохи Чжаньго 战国 (правил в 342–324 гг. до н.э.) – это сын другого выдающегося правителя древности Вэй-вана 威王, у которого было почетное имя Би Цзян 辟疆 («Расширивший территорию»). Однажды, спасая царство Хань 韩, сын Вэй-вана разбил войско царства Вэй 魏, в

[6] «Комментарий Цзо» 左傳. По одной из современных версий, текст составлен в период Чжань-го («Сражающихся царств», V–III вв. до н.э.). Традиция признает «Цзо чжуань» комментарием к «Чунь цю» («Весны и осени») – канонизированной летописи государства Лу, составление которой приписывается Конфуцию. Текст «Цзо чжуань» составлен в виде летописи, охватывающей события с 722 по 468 г. до н.э. Содержит главным образом описания исторических событий и диалоги исторических лиц, раскрывающие мировоззрение, натурфилософские и религиозные представления, этические взгляды древних конфуцианцев.

литературе его изобразили как выдающегося воина, посмертно он получил почетное имя Сюань 宣 «объявлять, прославлять, всеобщий, огромный». Этимологическое значение иероглифа 宣 – «большой зал». Китайская традиция присвоения вторых или посмертных имен также определяется концепцией «исправления имен» *чжэнмин* 正名, имя человека должно соответствовать его характеру, способностям и т.д.

Толкование имени посредством указания на лучшие качества человека или его умения

«Мэн-цзы, 12.2.22»: «В таком случае, если ты можешь поднять то, что поднимал У-хо烏獲, то ты и есть У-хо烏獲. Неужели для человека печалью является то, с чем он не может справиться. Нет, лишь только то, что он не берется за дело» [16].

Комментарий Чжао Ци: «У-хо烏獲 – силач в Древнем Китае, способен был передвинуть или поднять огромную тяжесть» [15].

У-хо 烏獲 – известный атлет-силач, живший при династии Цинь, при правлении У-вана (329–307 гг. до н.э.), впоследствии его имя стало нарицательным, так как всех известных силачей стали называть У-хо烏獲.

4. Толкование значения слова по его чтению *шэнсюнь*聲訓. Значение слова поясняется омонимом, другим близким по звучанию словом, и часто выводится из значения последнего. Фонетический комментарий *шэнсюнь*聲訓 представляет довольно четко структурированный и наиболее определенный вид толкования, так как он описывается строго определенным набором вариантов и основан на стандартизированных источниках – древних словарях рифм.

«Мэн-цзы, 2.2.10»: «В Поднебесной один человек своевольничал *хэн* 衡, У-ван устыдил его <…>» [16].

Комментарий Чжао Ци: «Иероглиф *хэн*衡héng "поперечный, идти наперекор" толкуется посредством иероглифа *хэн* 橫héng "дерзкий, наглый"» [15].

Проведенный анализ структуры и содержания лексикографических толкований Чжао Ци показал: 1) лексикография в древнекитайской филологической традиции эпохи Восточная Хань 東漢 представляет развитую лексикологическую традицию, которая учитывает иероглифический материал древнекитайских толковых словарей, других классических текстов; обладает богатым и разнообразным лексиконом, использует многоуровневую систему подходов и способов толкования лексических единиц. Классификация толкований лексических единиц представлена по типу дефиниции: эквивалентная, родовидовая, описательная (контекстуальная, сравнительная, денотативная с указанием ключевых особенностей или функций денотата), фонетическая. По структурной организации все указанные типы дефиниций подразделяются на единичные, совмещенные, вариативные и др. В толкованиях рассматриваются разные категории лексики: диалектизмы, архаизмы, регионализмы, синонимы, омонимы, имена собственные и нарицательные, общие и специальные слова. В толкованиях Чжао Ци были представлены следующие логико-семантические характеристики: аналогия, сравнение, единичность, множественность, вариативность, коннотативность (объединение толкований для семантически взаимосвязанных лексем), гипер- и гипонимические связи, выделение главного семантического признака. Данные особенности указывают на масштабный и системный анализ лексики древнекитайского языка эпохи Восточной Хань; 2) лексикографический комментарий Чжао Ци является оригинальным источником знаний о древнекитайской культуре, устройстве государства и общества, описанные в работе примеры показывают тесную корреляцию с древнейшими формами китайской космогонической, философской, социально-политической, естественно-научной традиций. Китайский язык эпохи Восточная Хань обладает богатым лингвокультурным своеобразием и уникальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Готлиб, О.М.* Основы грамматологии китайской письменности / О.М. Готлиб. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 284 с.

2. *Гурьян, Н.В.* Первый китайский словарь «Эръя»: опыт историко-филологического исследования / Н.В. Гурьян. – М. : Восточ. кн., 2014. – 208 с.

3. *Кобзев, А.И.* У син. 五行 / А.И. Кобзев // Духовная культура Китая : энцикл. В 5 т. Т. 1. Философия / гл. ред. М.Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. – М. : Восточ. лит., 2006. – С. 451–452.

4. Рыков, С.Ю. Теория познания и логика в древнекитайской философии : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.03 / С.Ю. Рыков. – М., 2011. – 26 с.

5. *Солнцева, Н.В.* О смене научных парадигм в китайском языкознании / Н.В. Солнцева, В.М. Солнцев // Актуальные проблемы китайского языкознания : материалы VII Всерос. конф. – М., 1995. – С. 115–123.

6. *Шишмарева, Т.Е.* Опыт реконструкции языковой картины мира на основе древнего лексикографического источника : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Т.Е. Шишмарева. – Иркутск, 2008. – 135 с.

7. *Юркевич, А.Г.* 正名Чжэн мин. Исправление имен / А.Г. Юркевич // Духовная культура Китая : энцикл. В 5 т. Т. 1. Философия / гл. ред. М.Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. – М. : Восточ. лит., 2006. – С. 598–599.

8. *Яхонтов, С.Е.* Древнекитайский язык / С.Е. Яхонтов. – М. : Наука, 1965. – 115 с.

9. *Яхонтов С.Е.* История языкознания в Китае (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) / С.Е. Яхонтов // История лингвистических учений: Древний мир / отв. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. – М. : Наука, 1980. – С. 92–109.

10. «Эр'я» [爾雅]. Первый толковый словарь древнекитайского языка (221–9 гг. до н.э.), «Подобный образцу» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ctext.org/er-ya/ens

11. Ян Сюн. Фан янь [方言/扬雄]. Первый словарь диалектов китайского языка «Местные слова» [Электронный ресурс] / Ян Сюн. – Режим доступа: http://ctext.org/fang-yan/ens

12. Гудай ханьюй цыдянь [古代汉语词典/ 陈复华主编. 北京: 商务印书馆]. Словарь древнекитайского языка. – Пекин : Шан'у иньшугуань, 1998. – 2087 с.

13. Го Вэйхун. Чжао Ци «Мэн-цзы чжанцзюй» яньцзю [赵岐"孟子章句"研究 / 郭伟宏。扬州: 广陵书社]. Исследование комментария Чжао Ци «Разделение на главы и выражения трактата Мэн-цзы» / Го Вэйхун. – Янчжоу : Гуанлин шушэ, 2014. – 168 с.

14. Мэн-цзы чжушу // Уиньдянь шисань цзин чжушу / (Дунхань) Чжао Ци чжу (Сун) Суньши шу [孟子注疏 // 武英殿十三经注疏 / (东汉）赵岐注 (宋）孙奭疏)] «Мэн-цзы» с комментариями и пояснениями к комментариям [Электронный ресурс] // «Ши сань цзин» из собрания Зала героев» с комментариями и пояснениями к комментариям / Комментарий Чжао Ци (дин. Хань), комментарий Суньши (дин. Сун). – Режим доступа: http://ctext.org/mengzi/ens

15. Минцзя цзичжу Мэн-цзы / (Дунхань) Чжао Ци, (Сун) Чжу Си дэн чжу [名家集注孟子 / (东汉）赵岐，(宋) 朱熹等注。北京: 印刷工业出版社. Собрание комментариев к трактату «Мэн-цзы» / Комментарий Чжао Ци (дин. Хань), комментарий Чжу Си (дин. Сун) и др. – Пекин : Иньшуа гун'е чубаньшэ, 2011

16. Ян Боцзюнь. Мэн-цзы и шу [孟子译注 / 杨伯峻。北京：中华书局. Перевод и комментарий к трактату «Мэн-цзы» / Ян Боцзюнь. – Пекин : Чжун хуа шуцзюй, 1960. – 294 с.

17. Сюньгусюэ / Лао Баожун, У Цзяньюй [训诂学 / 劳宝荣，武建宇编著. 北京：语文出版社. Древнекитайская филологическая традиция сюньгусюэ / под ред. Лао Баожуна, У Цзяньюя. – Пекин : Юйвэнь чубаньшэ, 2004. – 253 с.

18. Сюньгусюэ ган'яо / Сун Юньсюань, Кань Цзинчжун, Цзи Юньци [训诂学纲要 / 孙永选，阚景忠，季云起著. 济南: 齐鲁书社. Основы древнекитайской филологической традиции сюньгусюэ / под ред. Сун Юньсюаня, Кань Цзинчжуна, Цзи Юньци. – Цзинань : Цилу шушэ, 1999. – 270 с.

19. Чжунго сюньгусюэ / Фэн Хаофэй [中国训诂学 / 冯浩菲著. 济南：大学出版社. Китайская филологическая традиция сюньгусюэ / под ред. Фэн Хаофэя. – Цзинань : Дасюэ чубаньшэ, 1995. – 613 с.

КАРЬЕРНАЯ ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ВУЗА

О.А. Любицкая

Любицкая Ольга Андреевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: lyubitskaya07@mail.ru

В статье представлены результаты верификации авторской модели карьерной готовности студентов вуза. Выявлены содержательные различия и общие проблемные моменты в психологическом наполнении компонентов карьерной готовности у студентов разных направлений подготовки. Предложен комплексный подход к формированию карьерной готовности в учебно-воспитательном процессе вуза.

Ключевые слова: психологическая готовность, карьерная готовность, структура карьерной готовности.

Динамичный характер окружающей действительности предъявляет повышенные требования к мобильности, гибкости и конкурентоспособности личности. В связи с этим в центре исследовательских проблем психологии находятся не только актуальные способности, знания, умения и навыки, но и потенциальные ресурсы субъекта – его психологическая готовность, которая отражает предрасположенность к определенному образу действий и деятельности.

Обобщение работ авторитетных учёных: Б.Г. Ананьева [1], Л.И. Бершедовой [2], Е.М. Борисовой [3], М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбовича [4], Е.П. Ильина [5], Я.Л. Коломинского [6], В.А. Крутецкого [7], Т.В. Кудрявцева [8], Н.Д. Левитова [9], К.К. Платонова [12], Р.Д. Санжаевой [15] – позволило сформулировать ряд положений для понимания феномена «психологическая готовность».

1. Психологическая готовность рассматривается как психическое состояние, процесс и свойство личности.

1.1. Готовность как состояние предполагает мобилизацию всех ресурсов человека, обеспечивающих эффективное её выполнение (Е.П. Ильин [5], Н.Д. Левитов [9] и др.).

1.2. С процессуальной точки зрения психологическая готовность – это динамичное образование, имеющее специфическую структуру на разных стадиях личностного, возрастного и профессионального развития (Л.И. Бершедова [2], Е.М. Борисова [3], Т.В. Кудрявцев [8], Я.Л. Коломинский [6] и др.).

1.3. Психологическая готовность как свойство личности включает убеждения, мотивы, установки, чувства, волевые и интеллектуальные качества, направленность на определённое поведение (Б.Г. Ананьев [1], М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович [4], В.А. Крутецкий [7], К.К. Платонов [12]).

2. Сформированность психологической готовности к деятельности зависит от врожденных (предрасположенности, диспозиции) и приобретенных психологических механизмов.

3. В отечественной психологии вопрос о структурных компонентах рассматриваемого феномена является дискуссионным. Качественное различие компонентов психологической готовности определяется содержательным контекстом проявления и особенностями самой личности.

4. Психологическая готовность выражает направленность субъекта на активность в определенной жизненной сфере. В психологической науке активно изучаются различные виды готовности: готовность к обучению в школе, профессиональному самоопределению, будущей профессиональной деятельности, совершенствованию профессионального мастерства, спортивным соревнованиям и т.д.

В рамках данной статьи мы рассмотрим готовность к построению профессиональной карьеры (карьерную готовность) студентов на этапе обучения в вузе. Обозначенная проблема стала предметом специального анализа относительно недавно. В частности, это диссертационные исследования А.С. Мироновой-Тихомировой [10], А.Г. Нагорной [11], И.Г. Прокопенко [14]. В указанных работах отсутствует единая трактовка карьерной готовности. Общим в определениях является акцент на рассмотрении дефиниции как интегральной характеристики личности, включающей определённые составляющие. При этом авторы выделяют разные структурные компоненты и наполняют их содержательным контекстом.

Три составляющие карьерной готовности предлагает А.С. Миронова-Тихомирова: эмоциональную (ощущение эмоционального комфорта, общее состояние эмоционального благополучия, оптимизм, бодрость и уверенность в себе); мотивационную (положительное отношение к карьере и желание достигнуть успеха в ее построении); когнитивную (желание и возможность принимать новое, карьерные ориентации) [10].

Нагорная А.Г. защищает такие структурные компоненты, как: когнитивный (знания о карьере, необходимые для её планирования); мотивационный (потребность в достижениях, стремление к самореализации в карьерном пространстве); эмоционально-личностный (умения и навыки, индивидуально-психологические особенности, необходимые для планирования карьеры) [11].

Три составляющие карьерной готовности рассматривает И.Г. Прокопенко: мотивационно-ценностную (ценностное отношение к профессии, потребность в карьерных достижениях, ценностные ориентации), оценочно-ориентационную (адекватная самооценка, уверенность в себе), эмоционально-волевую (эмоциональная устойчивость, целеустремленность) [14].

На наш взгляд, предложенные структуры карьерной готовности являются неполными, поскольку важную роль в готовности к деятельности играет операциональная составляющая (владение способами и приемами деятельности, знаниями, навыками, умениями). На необходимость выделения указанного компонента указывают авторитетные исследователи (Ю.П. Поваренков [13], Р.Д. Санжаева [15]).

Согласно нашему предположению карьерная готовность – это интегральная характеристика, включающая четыре компонента: операциональный, когнитивный, ценностно-мотивационный и эмоционально-волевой.

Операциональный компонент отражает владение способами и приемами деятельности, уровень развития профессионально важных качеств, знаний, навыков и умений, играющих существенную роль в эффективности деятельности специалиста. Когнитивный компонент включает представления о специфике будущей профессиональной деятельности, карьере, главной и ближайших карьерных целях, знание средств достижения поставленных целей, планирование карьерного пути. К содержательным элементам ценностно-мотивационного компонента мы относим ценностные ориентации в карьере и профессиональной деятельности, стремление добиваться успеха. Эмоционально-волевой компонент характеризует уверенность в возможности достижения намеченных карьерных целей, способность решать карьерные проблемы.

В таблице представлена схема исследовательского анализа структурных компонентов карьерной готовности студентов вуза.

Таблица

Схема изучения структурных компонентов карьерной готовности студентов вуза

Компонент карьерной готовности	Показатель	Психодиагностический инструментарий
Операциональный	Владение способами и приемами деятельности, уровень развития профессионально важных качеств, знаний, навыков и умений	Опросно-экспертный метод оценки выраженности ПВК, знаний, навыков и умений (разработан автором данной статьи)[1]
Когнитивный	Представление о специфике будущей профессиональной деятельности	1. Показатель «Профессиональная осведомленность» Шкалы карьерной самоэффективности Н. Бетца в адаптации Д. Бондаренко и Е.А. Могилевкина. 2. Закрытый вопрос анкеты: «Что Вы знаете о своей будущей профессии?»
	Представления о карьере	Ассоциативный эксперимент (слово-стимул – «карьера»)
	Представления о главной и ближайших карьерных целях	Открытые вопросы анкеты: «Назовите Вашу главную карьерную цель», «Назовите Ваши карьерные цели на 2–3 года»
	Знание средств достижения карьерных целей, планирование карьерного пути	1. Показатели: «Карьерное целеполагание», «Карьерное планирование» Шкалы карьерной самоэффективности Н. Бетца в адаптации Д. Бондаренко и Е.А. Могилевкина. 2. Закрытый вопрос анкеты: «Как Вы готовитесь к реализации ближайших карьерных целей?»
Ценностно-мотивационный	Ценностные ориентации в карьере	Тест-опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна в адаптации В.А. Чикер, В.Э. Винокурова
	Стремление добиваться успеха	Тест-опросник «Потребность в достижении цели» Ю.М. Орлова
Эмоционально-волевой	Уверенность в возможности достижения намеченных карьерных целей, способность решать карьерные проблемы	1. Показатели: «Самооценка», «Способность решать карьерные проблемы» Шкалы карьерной самоэффективности Н. Бетца в адаптации Д. Бондаренко и Е.А. Могилевкина. 2. Закрытый вопрос анкеты: «Укажите факторы, которые могут помешать осуществить Ваши карьерные планы»

[1] Составлению опросников экспертной оценки предшествовало изучение психологического содержания деятельности инженера-строителя и экономиста.

В качестве субъектов исследования выступили студенты-бакалавры 3-го курса направлений подготовки: «Строительство» (30 чел.) и «Экономика» (30 чел.) Дальневосточного государственного университета путей сообщения. Сбор эмпирических данных проводился в апреле 2016 г.

Сравнительный анализ психологического содержания компонентов карьерной готовности у студентов двух направлений подготовки осуществлялся с использованием φ-критерия Фишера и U-критерия Манна–Уитни.

Сравнительный анализ показателей операционального компонента карьерной готовности

1. По результатам профессиографирования выявлено, что в профессиональной деятельности указанных специалистов важную роль играют: профессиональная направленность, математические и организаторские способности.

2. Для двух направлений подготовки были выделены профессионально-специфические компоненты операционального компонента:

- для инженеров-строителей – практико-ориентированные знания, проектировочные умения и технические способности;
- для экономистов – практико-ориентированные знания и расчетно-аналитические навыки.

3. Средние значения показателей самооценки операционального компонента студентов направления подготовки «Строительство»: организаторские способности (4,1), проектировочные умения (4,0), профессиональная направленность (4,0), математические способности (3,8), технические способности (3,5), *практико-ориентированные знания* (3,3).[2]

Средние значения показателей самооценки операционального компонента студентов направления подготовки «Экономика»: организаторские способности (3,8), профессиональная направленность (3,2), математические способности (3,0), расчетно-аналитические навыки (2,8), *практико-ориентированные знания* (2,5).

Анализ средних значений показателей самооценки операционального компонента свидетельствует о том, что выраженность организаторских способностей оценивается студентами двух направлений подготовки выше всего, сформированность *практико-ориентированных знаний получила самый низкий балл.*

4. Студенты-строители, в отличие от экономистов, дают более высокую оценку своим математическим способностям ($p \le 0,05$) и таким их составляющим, как память на цифры, формулы, числа ($p \le 0,01$) и способность к логическому мышлению в сфере количественных отношений ($p \le 0,01$).

5. У студентов направления подготовки «Строительство» более выражена профессиональная направленность ($p \le 0,01$) и такие её компоненты, как интерес к будущей профессии ($p \le 0,01$), стремление совершенствовать свою классификацию в выбранной профессии ($p \le 0,01$) и желание поддерживать престиж профессии ($p \le 0,05$).

6. Студенты-строители выше оценивают развитие своих организаторских способностей, чем будущие экономисты ($p \le 0,05$).

Сравнительный анализ показателей когнитивного компонента карьерной готовности

1. У студентов двух направлений подготовки выявлен средний уровень развития профессиональной осведомлённости, карьерного целеполагания и планирования.

2. Информированность о будущей деятельности у студентов в большей степени связана с профессионально важными качествами, предметом, содержанием, условиями труда и востребованностью профессии на рынке труда.

3. Значимыми символами карьеры для студентов являются: профессиональная квалификация и компетентность, социально-профессиональный статус, материальный фактор, творческий подход, сфера приложения профессиональной активности, удовлетворенность трудом, результативные и процессуальные составляющие карьеры.

4. Представления о карьере будущих строителей, в отличие от студентов-экономистов, в большей степени ассоциируются с проявлением личностно-деловых характеристик: ответственностью, целеустремленностью, трудоспособностью, трудолюбием, инициативностью и др. ($p \le 0,05$).

5. Выявлены общие главные карьерные цели для студентов направлений подготовки «Строительство» и «Экономика»: развитие профессионального уровня, ориентация на получение удовлетворения от процесса и результата труда, социально-профессиональный статус, финансовое положение, социально значимые цели.

6. Главные профессиональные цели будущих инженеров-строителей, в отличие от экономистов, в большей степени связаны с востребованностью на рынке труда ($p \le 0,05$).

7. Для будущих инженеров-строителей, в отличие от экономистов, более характерно в качестве ближайших карьерных целей ориентироваться на трудоустройство по выбранной специальности ($p \le 0,05$) и совмещение работы и учебы в магистратуре ($p \le 0,01$).

8. Студенты-экономисты, в отличие от строителей, ближайшие карьерные цели в большей степени ассоциируют с открытием собственного бизнеса ($p \le 0,01$), получением второго высшего образова-

[2] Использовалась пятибалльная шкала оценивания.

ния ($p \leq 0,05$) и трудоустройством по другой специальности ($p \leq 0,01$).

9. В целях реализации ближайших карьерных целей студенты двух направлений подготовки заводят нужные связи и знакомства, изучают индивидуальные особенности своей личности и специализированную профессионально литературу, посещают лекционные и практические занятия.

Сравнительный анализ показателей ценностно-мотивационного компонента

1. Ведущие три места в иерархии карьерных ориентаций студентов двух направлений подготовки занимают:

- менеджмент – ориентация на управление различными сторонами деятельности предприятия (люди, проекты, бизнес-процессы и т.п.);
- интеграция стилей жизни – направленность на сохранение гармонии между личной жизнью и карьерой;
- стабильность работы – стремление переложить управление своей карьерой на работодателя (это может свидетельствовать о невысоком уровне притязаний).

2. Для будущих инженеров-строителей, в отличие от студентов-экономистов, более значимы следующие карьерные ценности:

- профессиональная компетентность – ориентация на развитие профессионального мастерства и способностей ($p \leq 0,05$);
- интеграция стилей жизни ($p \leq 0,05$);
- вызов – стремление к решению заведомо сложных задач, преодолению препятствий ради победы в конкурентной борьбе ($p \leq 0,05$);
- стабильность места жительства – негативное отношение к частым командировкам ($p \leq 0,01$).

3. У студентов двух направлений подготовки потребность в достижении цели представлена на среднем уровне.

Сравнительный анализ показателей эмоционально-волевого компонента

1. Для студентов направлений подготовки «Строительство» и «Экономика» характерен средний уровень самооценки карьерной самоэффективности и способности решать карьерные проблемы.

2. В качестве факторов, которые могут помешать осуществить карьерные планы, студенты чаще всего рассматривали плохо сформированные практические навыки, невысокую вероятность найти работу по специальности, отсутствие связей.

3. В качестве факторов, которые могут помешать осуществить карьерные планы, студенты реже всего указывали проблемы со здоровьем и материальное положение семьи.

По результатам проведённого эмпирического исследования:

1) выявлены содержательные различия в компонентах карьерной готовности у студентов разных направлений подготовки;

2) зафиксированы общие проблемные моменты в психологическом наполнении структурных составляющих карьерной готовности:

– низкий уровень развития практико-ориентированных знаний, навыков и умений студентов (операциональный компонент);

– пробелы в формулировании целостного представления о будущей профессиональной деятельности, недостаточная сформированность карьерного целеполагания и планирования (когнитивный компонент);

– невыраженность карьерной ориентации на профессиональное мастерство и развитие способностей, стремление переложить управление своей карьерой на работодателя (ценностно-мотивационный компонент);

– отсутствие полной уверенности студентов в способности выполнять действия, необходимые для управления карьерой и решения карьерных проблем (эмоционально-волевой компонент).

Выявленные эмпирические факты диктуют необходимость разработки организационно-педагогических условий, направленных на формирование готовности к планированию профессиональной карьеры у студентов. На наш взгляд, комплексный подход к развитию карьерной готовности в учебно-воспитательном процессе вуза должен включать два направления:

1) подготовку, реализуемую посредством насыщения учебного процесса элементами профессиональной деятельности (контекстное обучение);

2) формирование карьерной готовности с использованием форм и методов активного обучения.

Рассмотрим указанные выше направления.

I. Подготовка студентов, реализуемая посредством насыщения учебного процесса элементами профессиональной деятельности (контекстное обучение):

– рефлексия обучающимися при выполнении практических заданий, лабораторных и курсовых работ результатов освоения практических компетенций;

– отслеживание динамики приобретения практических навыков и умений студентами;

– анализ реальных (а не вымышленных) проблем предприятия при написании курсовых и выпускных квалификационных работ;

– учёт мнения работодателей при разработке методических указаний по программам производственной практики;

– привлечение студентов к работе совместно с профессорско-преподавательским составом в рамках реализации научно-технических и федеральных целевых программ, договоров с хозяйствующими субъектами, грантовой деятельности.

II. Формирование карьерной готовности студентов с использованием форм и методов активного обучения.

В целях повышения карьерной готовности студентов ДВГУПС нами разработан тренинг «Технологии построения успешной карьеры» (продолжительность – 20 часов).

Основные задачи тренинга:

– сформировать представления об успешной карьере и о каналах поиска работы;

– развить навыки карьерного целеполагания и планирования;

– сформировать представления о барьерах на пути достижения ближайших профессиональных целей и способах их преодоления;

– актуализировать субъектную позицию студента;

– развить навыки самопрезентации (навыки поведения перед аудиторией и потенциальным работодателем, составление резюме и портфолио).

В процессе проведения тренинга целесообразно задействовать формы работы, повышающие уровень активности студентов:

– интерактивные формы (кейс-технологии, круглый стол, мозговой штурм, деловые и ролевые игры);

– проблемный подход (проблемные вопросы, проблемные ситуации);

– проектную деятельность (совместная деятельность студентов, направленная на достижение результата по решению проектного замысла).

Практическая значимость исследования, представленного в рамках данной статьи, заключается в следующем:

1) апробированная процедура эмпирического исследования структурных компонентов карьерной готовности может быть использована в диагностической работе в целях определения перспективности и качества карьерного развития студентов вуза;

2) разработанные рекомендации могут найти применение в учебно-воспитательном процессе вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев, Б.Г.* Избранные психологические труды / Б.Г. Ананьев. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.
2. *Бершедова, Л.И.* Психологическая готовность к переходу на новый этап возрастного развития как личностное новообразование критических периодов : дис. … д-ра психол. наук / Л.И. Бершедова. – М., 1999. – 314 с.
3. *Борисова, Е.М.* Профессиональное самоопределение: личностный аспект : автореф. дис. … д-ра психол. наук / Е.М. Борисова. – М., 1995. – 46 с.
4. *Дьяченко, М.И.* Психологические проблемы готовности к деятельности / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович. – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – 176 с.
5. *Ильин, Е.П.* Психофизиология состояний человека / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2005. – 412 с.
6. *Коломинский, Я.Л.* Дифференциация в социальной психологии и проблема воспитания / Я.Л. Коломинский // Вопросы психологии. – 1983. – № 2. – С. 60–67.
7. *Крутецкий, В.А.* Основы педагогической психологии / В.А. Крутецкий. – М. : Просвещение, 1972. – 255 с.
8. *Кудрявцев, Т.В.* Психология профессионального обучения и воспитания / Т.В. Кудрявцев. – М. : Изд-во МЭИ, 1985. – 230 с.
9. *Левитов, Н.Д.* О психологических состояниях человека / Н.Д. Левитов. – М. : Просвещение, 1964. – 344 с.
10. *Миронова-Тихомирова, А.С.* Психологическая структура карьерной готовности выпускника вуза : дис. ... канд. психол. наук / А.С. Миронова-Тихомирова. – Хабаровск, 2006. – 161 с.
11. *Нагорная, А.Г.* Формирование готовности к планированию профессиональной карьеры у студентов вуза : дис. ... канд. пед. наук / А.Г. Нагорная. – СПб., 2011. – 250 с.
12. *Платонов, К.К.* Структура и развитие личности / К.К. Платонов; отв. ред. А.Д. Глоточкин. – М. : Наука, 1986. – 256 с.
13. *Поваренков, Ю.П.* Психологическое содержание профессионального становления человека / Ю.П. Поваренков. – М. : Изд-во УРАО, 2002. – 160 с.
14. *Прокопенко, И.Г.* Формирование психологической готовности студента к профессиональной карьере : дис. ... канд. психол. наук / И.Г. Прокопенко. – Оренбург, 2011. – 213 с.
15. *Санжаева, Р.Д.* Психологические механизмы формирования готовности человека к деятельности : дис. ... д-ра психол. наук / Р.Д. Санжаева. – Новосибирск, 1997. – 354 с.

МОТИВАЦИЯ ТРУДА КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СТРОИТЕЛЬНО-МОНТАЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ Г. ХАБАРОВСКА)

Е.В. Харчевникова

С.В. Ким

Харчевникова Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: nebas28@mail.ru

Ким Сергей Вонхекович – магистр психологии, начальник сектора психолого-педагогической помощи обучающимся и работникам в системе среднего профессионального образования Краевого государственного бюджетного учреждения «Хабаровский центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи».

Контактный адрес: wanted1138@mail.ru

Работа посвящена исследованию влияния мотивации труда на успешность реализации принятого управленческого решения, которая является одной из основных функций руководителя.

Полученные данные можно использовать для усовершенствования диагностики мотивационной сферы личности, определения оптимального подхода к организации тестирования и отбора руководителей всех звеньев управленческой системы, непосредственно связанных с реализацией решений. Результаты исследования также применимы для подготовки и переподготовки управленческих кадров, профессионального развития и самосовершенствования, а также в педагогической практике при чтении курсов по общей и управленческой психологии.

Ключевые слова: мотивация труда, профессиональная деятельность руководителя, управленческое решение.

Важнейшим этапом профессиональной деятельности руководителя является процесс принятия управленческого решения. Принятие решения относится к критическому моменту поведенческого акта, связанного с выбором предпочтения одного варианта действий по сравнению с другими. Данный процесс является неотъемлемой частью управленческой деятельности руководителя, чей результат направлен на формирование рациональных организационных структур, проведение правильной кадровой политики, регулирование социально-психологических отношений в организации, создание положительного имиджа, что, в свою очередь, обеспечивает конкурентоспособность компании на экономическом рынке.

По мнению ученых А.В. Карпова, А.И. Батаршева, эффективность управленческой деятельности руководителя зависит от качества его профессиональной подготовленности, способности к межличностному общению, отношения к системе управления и совершенствованию управленческого процесса, а также от успешного результата принятого решения. Для формирования данных факторов необходимо наличие у руководителя высокого уровня мотивации труда.

При низкой мотивации труда руководитель снижает контроль над подчиненными и над самим процессом выполнения принятого им решения. Немотивированные подчиненные намного хуже усваивают полученную информацию, должностные указания и рекомендации по порученной работе, чем мотивированные. Недостаточность мотивации труда влияет на степень полноты реализации управленческого решения и, как следствие, его необоснованность, иррациональность, неисполнение или ненадлежащее исполнение.

Цель настоящего исследования – определение влияния мотивации труда на успешность реализации управленческого решения. Для достижения цели было проведено эмпирическое исследование, в котором применялся комплекс научных методов: тестовые методики изучения мотивации к успеху и избеганию неудач, автором которых является Т. Элерс; тест «Готовность к риску», разработанный Г. Шубертом; опросник «Цикл управленческих умений» (К.Л. Вислон); метод включенного наблюдения. В исследовании участвовали руководители строительно-монтажных организаций г. Хабаровска (СМО «Эльдорадо-Сервис», «Авангард ДВ», «Строим вместе ДВ», «Велес», «ГазАвто» и

др.) в количестве 35 человек (23 мужчины, 12 женщин) в возрасте 23–34 лет.

Для установки связей между результатами исследования проведена корреляция, на основе которой можно было судить о влиянии мотивации труда на успешность реализации управленческого решения. Корреляционный анализ осуществлялся по критерию Пирсона с учетом характеристики выборки испытуемых. Для определения значимых и незначимых связей были найдены данные в таблице критических значений коэффициента корреляции Пирсона. Значимая связь при $p \leq 0{,}01 = 0{,}51$, незначимая связь при $p \leq 0{,}05 = 0{,}40$. В данной работе нами рассматривались только положительные и отрицательные значимые связи.

В ходе исследования установлено, что способность руководителя грамотно ставить цели и задачи перед подчиненными (шкала «А» по К.Л. Вилсону) имеет значительные связи при $p \leq 0{,}01 = 0{,}51$ со способностью планирования рабочего процесса (шкала «С»), компетенцией самого руководителя (шкала «D»), а также присутствует отрицательное отношение со способностью руководителя поддерживать обратную связь с подчиненными (шкала «F»).

Планируя работу подчинённых, руководитель определяет спектр приоритетных производственных задач. Соответственно он должен: уметь предвидеть, с какими трудностями может столкнуться коллектив в целом или отдельный сотрудник при выполнении поставленных рабочих задач; оценить способности подчиненных к самостоятельности и возможность неудачи при выполнении поставленных задач; составить программу противопоставления, направленную на решение и предупреждение возникновения новых производственных проблем. Данные функции руководителя входят в его компетенцию, заключающуюся в грамотном управлении и знании всей структурной системы строительно-монтажной организации и особенностей качества труда персонала (психофизиологические возможности, профессиональные компетенции, трудовое соответствие). Компетентный руководитель строительно-монтажной организации поддерживает связь со всеми отделами производства, что повышает степень обновления информационного потока, и в соответствии с этим руководитель может способствовать успешной адаптации персонала к изменившимся производственным условиям, работе всей организации в целом.

Функция обратной связи часто теряет свое качество из-за неправильного контроля ситуации, плохо спланированной профессиональной деятельности подчиненных, неясной постановки и формального пояснения производственных задач. Обратная связь дает возможность получать своевременный отчет о проделанной работе, что, в свою очередь, помогает руководителю делать прогноз и сопоставлять желаемый результат с действительным.

Контроль осуществляется на всех стадиях принятия управленческого решения, на всех этапах постановки задач и достижения конечного производственного результата. Без него невозможно эффективное осуществление стратегических планов организации, мониторинг качества и исполнения персоналом принятых управленческих решений. Корреляционный анализ показал, что сам контроль непосредственно связан с формированием команды между работниками организации (шкала «M»), ориентацией на людей (шкала «L») и включенностью в работу (шкала «P»).

Для эффективной работы сотрудников в организации руководителю необходимо объединить подчиненных в стратегические команды. Основная цель деятельности стратегических команд заключается в успешном выполнении конкретных производственных задач, поставленных перед ними руководителем организации. Если руководителю удалось грамотно сформировать компетентную эффективную команду, то при правильной постановке цели и производственных задач его вмешательство в процесс работы сотрудников будет минимальным. Установлено, если руководитель строительно-монтажной организации мотивирует команду сотрудников посредством делегирования права самостоятельного принятия решения при выполнении производственных заданий, то работа подчиненных переходит на автономный уровень.

Качественная и своевременная обратная связь с подчиненными обеспечивает интенсивность и эффективность их деятельности по выполнению производственных задач. Отсутствие таковой приводит к снижению производительности труда и дестабилизации производственных процессов. Поэтому, чтобы увеличить производительность как отдельного сотрудника, так и всей команды подчиненных в целом, руководителю необходимо стать лидером, способным объединить усилия подчиненных для достижения общих целей организации и выполнения производственных задач. Чтобы получить желаемый результат, руководитель-лидер должен: оперативно и конструктивно решать все проблемы трудового коллектива и уметь брать на себя ответственность за срывы производственных планов и постигшие неудачи при выполнении конкретных заданий; действовать как профессионал в трудных ситуациях организационной деятельности; поддерживать мотивацию, развитие и обеспечивать рабочим настроением подчиненных; быть вовлечённым во все аспекты и нюансы процесса управления строительно-монтажной организации. Современному руководителю-лидеру просто должна нравиться его работа. Замечено, если руководитель не вовлечен в процесс

управления, то он не добьется эффективности и качества работы от своих подчиненных.

Подчиненные испытывают к руководителю-лидеру доверие при возможности корректного контроля всех этапов достижения конечной цели производственного плана и решения текущих задач организации. Однако чрезмерный контроль снижает доверие подчиненных к непосредственному руководителю (шкала «O»), что было доказано при проведении корреляционного анализа (наличие отрицательной связи). Доверие подчиненных – немаловажный атрибут, который ускоряет процесс обмена информацией внутри организации. Снижение доверия подчиненных к руководителю связано: с нарушениями коммуникативных и информационных систем, обеспечивающих обратную связь в организации; потерей эффективной трудовой деятельности коллектива, дисциплины, ответственности и рабочего энтузиазма подчиненных в решении производственных задач; дестабилизацией мотивационных процессов в системе управления. Как результат – демонстрация руководителем авторитарного стиля управления, ужесточение требований и условий к выполнению производственных заданий, чрезмерный контроль за деятельностью подчиненных, утечка кадров.

Правильно распределенное рабочее время для решения текущих и перспективных задач, определение функций между работниками, возможностей делегировать им часть полномочий и обязанностей, выбор эффективной формы индивидуального участия в выполнении задач организации обеспечивает эффективность работы как подчиненных, так и непосредственного руководителя. Данное утверждение было подкреплено значительной корреляционной связью ($p \leq 0{,}01 = 0{,}51$) между контролем времени (шкала «G») с поощрением (шкала «K»), доверием подчиненных (шкала «O») и отрицательным отношением с показателями «M» (создание команды).

Корреляционный анализ значимо подтвердил заинтересованность руководителей в профессиональном росте своих подчиненных (поддержка руководителями обратной связи).

Однако формирование обратной связи с работниками организации дает отрицательную связь с результатами теста Г. Шуберта «Готовность к риску». Профессиональной задачей руководителя остается решение проблем, связанных с организацией деятельности предприятия. В любой строительно-монтажной организации таких проблем возникает крайне много. Классифицируются они по разным основаниям и по степени сложности, начиная с мелких повседневных до критически значимых. И если проблемы мелкого характера всего лишь затормозят процесс работы при их нерешенности, то результатом бездействия на возникновение проблем более сложной структуры могут стать нарушения сроков выполнения производственных работ, с одной стороны, и возникновение «больших», непредвиденных последствий, с другой. Безусловно, в дальнейшем это скажется на организации в целом и на каждом сотруднике в отдельности. Такое явление в основном происходит из-за неправильно расставленных приоритетов выполнения производственных задач, а именно неэффективного расчета руководителем времени на выполнение производственных заданий и сосредоточенности на решении мелких проблем. В ходе наблюдения замечено, каждый руководитель строительно-монтажной организации стремится найти среди подчиненных работника, который мог бы заняться решением проблем текущего («мелкого») характера.

Современный руководитель заинтересован в повышении квалификации своих подчиненных. Это взаимообусловленный процесс. Обучая работников организации, руководитель решает ряд ключевых проблем и для себя. Обучение и повышение квалификации способствует максимальной профессиональной и личностной самореализации сотрудников организации, повышению мотивации труда, заинтересованности в содержании и улучшении качества работы. Стимулируя мотивацию к труду за счет внедрения системы обучения и повышения профессиональной квалификации персонала, руководитель, прежде всего, решает проблемы делегирования своих полномочий и снижения текучести опытных кадров на предприятии.

Корреляционный анализ шкалы «C» (тщательное планирование рабочего процесса) показал, что присутствует значимая связь со шкалой «F» (обратная связь) и отрицательная значимая связь со шкалой «T» (уровень напряженности). Поддержка коммуникации между уровнями организации обеспечивают непрерывный обмен информацией (от руководителя к подчиненному и обратно).

Каждый руководитель стремится к успешности своей профессиональной деятельности, и чем компетентнее руководитель, тем больше он ценит информацию о состоянии внешней и внутренней среды организации. Данное явление было подтверждено корреляционным отношением между компетенцией руководителя (шкала «D») и формированием обратной связи (шкала «F»). В данном случае задача руководителя найти как можно больше достоверной информации. А постоянным источником информации, конечно же, являются работники организации. Данная информация поступает только тогда, когда руководитель запрашивает ее, а не по инициативе самих сотрудников.

Повышение конкурентоспособности организации и результативности деятельности подчиненных связано с возникновением задачи обеспечения всем «необходимым» для выполнения производственного задания. Создать командное действие подчиненных – важная функция руководителя. Корреляционное отношение шкалы «E» (обеспечение условиями работы) со шкалой «M» (создание команды) подтверждает связь. Согласованность работы сотрудников позволяет обеспечить рост результативности, ускоренный процесс обмена информацией, точность координации действий, обновление условий задач и приспособление команды к ним.

Шкала «K» (поощрение за хорошо выполненную работу) имеет положительную значимую связь со шкалой «O» (доверие подчиненных). Если руководитель поощряет своих подчиненных за успешно проделанную работу, то у них повышается мотивация к работе и появляется желание к выполнению более сложных задач. В свою очередь, руководитель замечает потенциальных кандидатов на повышение и начинает доверять им более сложные поручения, тем самым стимулируя их к профессиональному и карьерному росту. На полученном опыте работы сотрудники проявляют акты доверия к их руководителю. Личностный авторитет руководителя растёт. Оптимизируется система управления подчиненными в организации.

При неправильном формировании команды подчиненных руководителем происходит возникновение конфликтных ситуаций между сотрудниками, которые сказываются на производстве в целом и на характере коммуникативных отношений в частности. В результате руководителю необходимо обратить внимание на данные проблемы. В строительно-монтажных организациях нередко их устранение связано с ужесточением контроля руководителей за действиями подчиненных по выполнению рабочих задач. Известно, что при значительном тотальном контроле снижается инициативность работы (мотивация) подчиненных, «теряется» доверие к руководителю.

К сожалению, данные корреляции не подтвердили нашего предположения о том, что результаты, полученные по методикам Т. Элерса и Г. Шуберта, будут коррелировать с основными шкалами опросника К.Л. Вилсона. Однако при установке основных значимых корреляционных связей было замечено, что духовный настрой группы (шкала «V» по К.Л. Вилсону) имеет отрицательную связь с результатами теста «Готовность к риску». В свою очередь, мотивация к успеху имеет достаточно сильные отношения с качеством работы (шкала «W»).

Неожиданный результат исследования свидетельствует о том, что при низкой эмоциональной недостаточности группы имеют сниженное расположение духа, которое влияет на готовность к риску при реализации цели и задач, поставленных руководителем при выборе управленческого решения. Однако нацеленность на достижение положительных результатов (мотивация успеха) сказывается не только на эмоциональном фоне руководителя, но и на всей группе подчиненных (сформированных команд внутри организации), а также влияет на качество их работы.

Мотивация труда оказывает влияние как на методы управления руководителя, так и на производительность труда, инициативность, автономность подчиненных. Средством достижения высокого уровня включенности в принятие и реализацию управленческого решения является стремление подчиненных к успеху в профессиональной деятельности и объективное восприятие целей организации как своих собственных. Данный вывод и полученные в ходе эмпирического исследования результаты дали основание утверждать, что мотивация труда влияет на успешность реализации управленческого решения руководителей строительно-монтажных организаций.

Результаты данного исследования легли в основу программ тренингов, повышения квалификации руководителей среднего и высшего звена строительно-монтажных организаций города Хабаровска по оптимизации системы функционального и процессного управления, коуч-сессий по нематериальной мотивации персонала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батаршев, А.И.* Психология управления персоналом : учеб. пособие / А.И. Батаршев, А.О. Лукьянов. – М. : Изд-во Института психотерапии, 2007. – 624 с.

2. *Ильин, Е.П.* Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2011. – 512 с.

3. *Карпов, А.В.* Психология менеджмента / А.В. Карпов. – М. : Гардарики, 2007. – 584 с.

4. *Кинарская, С.В.* Мотивационные условия успешной реализации управленческих решений : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / С.В. Кинарская. – М., 2000. – 21 с.

«… ЖЕЛАЯ НАИВОЗМОЖНО ЛУЧШЕ ПОСТАВИТЬ ДЕЛО ИЗУЧЕНИЯ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА»: К ВОПРОСУ О ПЕРВОЙ КОМАНДИРОВКЕ Е.Г. СПАЛЬВИНА В ЯПОНИЮ (1899–1900)

О.П. Еланцева

И.А. Толстокулаков

Еланцева Ольга Павловна – доктор исторических наук, профессор департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: elantseva.op@dvfu.ru

Толстокулаков Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры кореееведения Восточного института Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: tolstokulakov.ia@dvfu.ru

Статья о Евгении Генриховиче Спальвине – первом профессиональном российском японоведе – раскрывает малоизвестные обстоятельства его пребывания в Японии (1899–1900), объясняет принятое им решение работать в дальневосточном, а не в столичном вузе. Источниковой основой статьи послужили уникальные исторические документы, прежде всего переписка, связавшая Е.Г. Спальвина с директором Восточного института во Владивостоке А.М. Позднеевым и с деканом факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета В.Р. Розеном.

***Ключевые слова*:** Е.Г. Спальвин, В.Р. Розен, А.М. Позднеев, история российского японоведения, история Восточного института, Дальний Восток.

В 2017 г. на страницах журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» увидела свет публикация Е.И. Гусевой «"Высокая честь быть первым профессором в России по японскому языку…". Евгений Спальвин о своей работе в Восточном институте. Из материалов Архива внешней политики Российской Федерации» [3]. Заметим, что копия этого интереснейшего документа хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН [18: л. 1–9]. Публикация Е.И. Гусевой подтверждает интерес российских и зарубежных исследователей к начальной истории дальневосточной школы японоведения во Владивостоке, к личности известного японоведа России – Евгения Генриховича Спальвина (рисунок). Значительным вкладом в изучение темы следует считать сборник «Первый профессиональный японовед России. Опыт латвийско-российско-японского исследования жизни и деятельности Е.Г. Спальвина» [13] и отдельные журнальные статьи [1; 3; 5; 10; 11; 14; 20 и др.]. Среди них особое место занимает работа А.С. Дыбовского и Э.В. Ермаковой, в которой специальный сюжет назван «Первая поездка [Е.Г.Спальвина] в Японию» [6: с. 121–123], а в нем – уникальная фотография «Е.Г. Спальвин с преподавателями Токийской школы иностранных языков» и информация об учителях-японцах, работавших с Евгением Генриховичем.

Предлагаемый материал преследует цель уточнить некоторые вопросы становления японоведа Е.Г. Спальвина, опираясь, главным образом, на его письма, отправленные из Токио в Россию в 1899 г., и сообщения, полученные им из России.

Рисунок. Студент Е.Г. Спальвин

Источниковая база, значительная часть которой впервые вводится в научный оборот, требует нескольких пояснений. Первое касается главной трудности изучения темы. Она связана с невоз-

можностью иметь в своем распоряжении целостный комплект переписки. Так, выявленные письма Е.Г. Спальвина декану факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета В.Р. Розену[1] не подкрепляются письмами от самого В.Р. Розена. Только по косвенным фактам можно реконструировать ответ, пришедший от него в Токио, и предположить, какое влияние он оказал на профессиональную судьбу Е.Г. Спальвина.

Точно также интересное письмо директора Восточного института А.М. Позднеева[2] Е.Г. Спальвину не имеет обратного послания. Однако в нем содержатся прямые подтверждения о переписке между этими людьми в 1899 г.: «Давно уже получил Ваши письма, – констатировал профессор, – но до сих пор не мог решительно ответить на них»; «Прочитал я Ваше первое, довольно грустное письмо»; «Обо всем, что сделаете, пишите мне обстоятельнее и подробнее» и др. Безупречным доказательством существовавшей переписки является прошение Е.Г. Спальвина, присланное из Японии директору Восточного института [17: л. 44].

Попытка воссоздания отсутствующей части переписки привела автора статьи к делопроизводственным материалам факультета восточных языков, ректора Санкт-Петербургского университета, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и Министерства народного просвещения.

Еще одно пояснение связано с атрибуцией писем. Письма Е.Г. Спальвина декану В.Р. Розену отложились в фонде В.Р. Розена, которому и были адресованы [19]. Письмо А.М. Позднеева Е.Г. Спальвину сохранилось в личном деле адресата [17]. Авторство писем Е.Г. Спальвина, а в другом случае авторство письма А.М. Позднеева подтверждается их разборчивыми подписями.

Известно, что любое письмо предполагает наличие трех дат: 1) написания, 2) отправления, 3) получения. Интересующие нас сообщения имеют только даты написания: письмо А.М. Позднеева – 24 декабря 1899 г.; письма Е.Г. Спальвина – 18(6) апреля 1899 г. и 16(4) августа 1899 г.

В нашем распоряжении не было конвертов со штемпельными отметками отправления и получения писем, значит, можно только приблизительно определить время, прошедшее от написания до отправления письма и получения ответа. Два письма Спальвина декану написаны с интервалом в 119 дней. Причем второе, вне сомнения, было реакцией на информацию от декана столичного университета. Принимая во внимание утверждение Спальвина о том, что на доставку корреспонденции кратчайшим путем из Санкт-Петербурга до Токио (видимо, так же и из Токио в Санкт-Петербург) уходил 41 день и даже 45 дней [19: л. 1-об.], В.Р. Розен, предположительно, получил письмо в двадцатых числах мая 1899 г., подготовил и отправил ответ в Японию через месяц, в двадцатых числах июня того же года.

Известна прямая зависимость содержания письма от отношений автора и адресата. Из писем Е.Г. Спальвина В.Р. Розену хорошо прослеживается подчиненное отношение, носившее деловой характер; письмо А.М. Позднеева Е.Г. Спальвину также носит деловой характер, его тон доброжелательно-рекомендательный, более похожий на обмен мнениями коллег, разных по возрасту и опыту, но решавших общую задачу – формирование японоведческой школы на Дальнем Востоке России.

О чем же поведали письма Евгения Генриховича? «Милостивый государь барон Виктор Романович, – читаем в первом послании, – имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что я 18/30 марта с[его] г[ода] прибыл в Токио» [19: л. 1]. Попутно заметим: в некоторых исследованиях ошибочно указывается о прибытии Е.Г. Спальвина в Японию в апреле 1899 г. [10: с. 28; 21: с. 37 и др.].

Уже через неделю после приезда Спальвин приступил к занятиям по японскому языку. Его уровень владения языком подчеркнул случай, о котором пишет М. Икута [10: с. 28]: «Сойдя с корабля на берег в г. Нагасаки, Е. Спальвин с одним из однокашников, неким Периченко, посетил русское консульство, а потом они поехали осматривать город и заблудились. Они зашли на почту, чтобы спросить, как доехать до консульства, но никак не могли объяснить, что им нужно. Вокруг собрались люди, готовые помочь. В конце концов их проводили до консульства на рикше». Было ясно, что надо начинать учиться японскому языку с нуля.

«Ходит ко мне, – рассказывал выпускник факультета в письме декану, – учитель драгомана миссии А.К. Вильмса Обуци Норимото, доктор японской медицины и бывший вассал последнего сёогуна. Он слывет знатоком японского языка и литературы и вообще ученым. Кроме того, он, по-видимому, и не отстал от требований новейшего времени, так как уже на старость лет 3 года слушал лекции по современному японскому праву в одном из частных учебных заведений. Говорит он только

[1] Виктор Романович Розен (1849–1908) – русский востоковед-арабист, академик Петербургской академии наук (1890), вице-президент (1900) АН, с 1872 г. приват-доцент, затем профессор арабской словесности в Санкт-Петербургском университете, в 1893–1902 гг. – декан факультета восточных языков этого вуза.

[2] Алексей Матвеевич Позднеев (1851–1920) – российский востоковед, монголовед, доктор монгольской и калмыцкой словесности, профессор Санкт-Петербургского университета, у которого учился студент Е.Г. Спальвин; в 1899–1903 гг. А.М. Позднеев был директором Восточного института во Владивостоке.

по-японски» [19: л. 4-об., 5]. Е.Г. Спальвин подчеркивал: «Занятия мои идут очень успешно».

В данном контексте весьма интересна дневниковая запись Николая Японского, сделанная 23(11) апреля 1899 г. В ней упоминается о приезде в Токио Спальвина и подчеркивается впечатление, которое он производил: «Двадцати семи лет красивый молодец, родом – латыш, лютеранин; приехал на год-два, может, и больше, для изучения японского языка; поселился в Консикава и уже нанял себе учителя. Видно, что очень серьезный молодой ученый» [4: с. 66].

Евгений Генрихович, организовав, прежде всего, свои занятия японским языком, стал решать трудный жилищный вопрос. «Остановился я в гостинице, – сообщал он декану, – где, по совету барона Романа Романовича[3], буду стоять до приискания подходящей частной квартиры или, выражаясь точнее, японского домика» [19: л. 1]. Он признавался, что в гостинице «чувствовал себя несколько стесненным», а «…с переселением в частный дом все, разумеется, будет лучше. На будущей неделе, вероятно, удастся окончить расчеты с гостиницей и переселиться в какой-нибудь японский дом» [19: л. 5].

Но «…чтобы жить в японском домике, отдающемся в наем без мебели и вообще какой бы то ни было обстановки, необходимо обзавестись своим собственным хозяйством» [19: л. 1,1-об.]. Иными словами, предстояли крупные финансовые расходы. Выручил российский посланник в Токио. «Необходимые на обзаведение и переселение деньги, – сообщалось в последних строчках письма выпускника востфака, – я получил от барона Романа Романовича» [19: л. 5].

Из письма видно, что молодого человека очень беспокоило его материальное положение. Пока он был при университетской кафедре, готовился к профессорской должности, ему полагалась ежегодная университетская стипендия в 750 руб. (по другим данным – 600 руб.) [22: л. 8, 13]; как направленному учиться за рубеж, ему было назначено министерское содержание в 2000 руб. До отъезда из России Е.Г. Спальвину так и не удалось выяснить, будет ли он получать обе стипендии одновременно или же только одну, министерскую? Вот что он пишет В.Р. Розену: «Получив 19 января с[его] г[ода] стипендию за январь месяц, я обратился к г[осподину] помощнику Инспектора Слонимскому с просьбой разъяснить мне, каким образом я буду получать стипендию, находясь за границей». Тот пояснил, что «…стипендии обыкновенно не высылаются за границу, а выдаются на руки доверенному лицу стипендиата в С[анкт]-Петербурге; что это так, по крайней мере, делается на юридическом факультете» и для выяснения подробностей направил Спальвина к бухгалтеру Погорелову. Погорелов не только подтвердил сказанное инспектором, но и предложил Спальвину «…выписать стипендию вперед за следующие 4, чтобы я еще лично мог получить деньги, но узнав, что я день своего отъезда назначил на 24 число, он заявил, что дело невозможно за недостатком времени и посоветовал мне оставить доверенность на получение стипендии у одного их моих знакомых. Я и написал доверенность, а подпись мою засвидетельствовал г[осподин] Секретарь Совета» [19: л. 6, 6-об.]. Доверенным лицом Евгения Генриховича стал оставленный при столичном университете к приготовлению к профессорскому званию Борис Анфирович Попов.

Через несколько дней Спальвин случайно узнал от профессора А.О. Ивановского, что университетские стипендии уезжающим за границу не выплачиваются. Сомневался в выплате стипендии и профессор К.И. Голстунский. «Обращаться к Вашему Превосходительству я уже не мог, в виду постигшего Ваше Превосходительство в тот же день несчастья, и я должен был оставить С[анкт]-[Петер]бург, не выяснив этого вопроса» [19: л. 2].

Разные университетские люди (профессора, работники бухгалтерии и др.) давали противоречивую информацию. Важно было получить разъяснения от В.Р. Розена. Спальвин обращался со своими сомнениями к В.Р. Розену: «Мне теперь непонятно следующее. Почему и на каком основании стипендиаты-юристы, находясь в заграничной командировке, продолжают получать стипендии, а стипендиаты-восточники нет? На каком основании я 19 января с[его]г[ода] получил стипендию за январь месяц (значит, в такое время, когда я уже 2 недели, если не больше, числился состоящим в командировке)?» [19: л. 2, 2-об.]. Спальвин задает и следующий вопрос и пытается на него ответить: «На каком основании, если стипендии не сохраняются, г[осподин] бухгалтер мне предложил выписать стипендию вперед за следующие 4 месяца? Мне кажется, что я имею точно такое же право на дальнейшее получение стипендии, как и юристы, так как я занимаю то же самое положение, что и они, и было бы чрезвычайно обидно для меня, если бы за мною не были признаны те же самые права, которыми пользуются юристы» [19: л. 2-об.].

В письме декану Евгений Генрихович ссылался на живущего в Японии отца Сергия, который, по общему отзыву, был отшельником, человеком холостым, но и его расходы составляли немалые деньги – почти 130 руб. в месяц: плата за помеще-

[3] Речь идет о Романе Романовиче Розене, брате декана В.Р. Розена. Р.Р. Розен (1847–1922) – русский дипломат; в 1897 г. был назначен посланником в Японию и занимал эту должность до июня 1900 г. 16(3) июня уехал из Токио. «Искренне жаль мирного и доброго представителя нашего», – записал в своем дневнике святой Николай Японский [4: с. 263–264].

ние (японский домик) отнимала 40 руб., стол (т.е. одна провизия) – 60 руб., прислуга – 30 руб.

Е.Г. Спальвин с полным основанием считал (и написал об этом в письме), что годовая стипендия в 2000 руб. могла позволить нести «лишь самые необходимые расходы». Он приводил такой детальный расклад: «Из Министерства я получаю по 2000 р[уб.] в год (за вычетом 2 % 1960 р[уб.]) или по 166 р[уб.] 66 2/3 к[оп]. в месяц (за вычетом 2 % – 163 р[уб.]33 1/3 к[оп]) … учителю, с которым я занимаюсь (пока ежедневно по 2 часа), я должен платить по 20 р[уб.] в месяц. Но одного учителя в скором времени будет мало, я должен буду взять второго или же с этим же заниматься побольше.

Но уже при таком расчете (с одним учителем при 2 часах ежедневно) расходы доходят до 150 рублей в месяц, причем в эту сумму включены далеко еще не все расходы; не включены, например, расходы по приобретению книг» [19: л. 3, 3-об.].

Молодой человек ходатайствовал перед деканом В.Р. Розеном о сохранении за ним университетской стипендии и аргументировал это так: «На университетскую приплату я должен смотреть как на деньги, дающие мне возможность совершать экскурсии по стране с целию всестороннего ознакомления с языком и его наречиями, с жизнью народа, характером страны и т.д.» [19: л. 3-об., 4].

Е.Г. Спальвин просил декана сделать распоряжение о высылке половины суммы, следующей ему «из средств университета (375 р[уб.]), немедленно же по получении этого письма» [19: л. 1-об.] и «…обратить внимание департамента на то… чтобы содержание высылалось за 6 недель до срока» [19: л.1-об.] из-за длительности в пути почтовых отправлений.

Жизнь в Токио отнюдь не отличалась дешевизной. Посланник Р.Р. Розен, узнав, сколько получает выпускник столичного университета от министерства, заметил: «Вам назначили слишком мало» и, как он подчеркивал, уже сообщил об этом своему брату-декану.

Средств, находящихся в распоряжении Спальвина в 1899 г., явно не хватало, и приходилось учитывать каждую копейку. Вновь обратимся к свидетельству Николая Японского: «Был с визитом у господина Спальвина, – пишет он, – застал его в хлопотах; целый день возился со счетами, рассчитывая своего повара, который хотел надуть и его, как предшественника его по квартире, немца, – но не на такого напал; Спальвин, хоть и получает три тысячи от Университета[4], но счет деньгам, как видно, любит. И хорошо делает. Всем бы русским походить на него, не русского по крови, но русского по получаемым деньгам» [4: с. 83]. Несколько легче в финансовом отношении Спальвину станет в 1900 г., когда он начнет работать преподавателем в Токийской школе иностранных языков [10: с. 28].

Знал ли декан барон Виктор Романович Розен о той сложнейшей финансовой ситуации, в которой находился Евгений Спальвин? Не мог не знать. Так, осенью 1898 г. факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета ходатайствовал о командировании своего выпускника, отличавшегося «хорошими способностями и отменным прилежанием», в Японию [22: л. 1, 11]. Перед будущим японистом была поставлена труднейшая задача: за два года «…всесторонне изучить японский язык и литературу в центрах образованности самой Японии под руководством местных ученых, равно непосредственно ознакомиться с духом страны и ее нравами» [22: л. 11].

Обратим внимание, что в документах факультета восточных языков зафиксированы положения, важные в контексте наших рассуждений. Во-первых, факультет считал, что «помимо собственных стараний и усердия Е.Г. Спальвина» успешность хода его занятий будет стоять «в зависимости от достаточной обеспеченности в материальных средствах». Во-вторых, «жизнь в Японии страшно дорога», Спальвин же, по роду поставленной ему задачи, «…не должен ограничиться жизнью в одном каком-либо определенном пункте». Факультет просил назначить Евгению Генриховичу Спальвину 2750 руб. в год из сумм Министерства народного просвещения.

Ректор Санкт-Петербургского университета, согласившись с данным ходатайством факультета, 22 сентября 1898 г. направил документ попечителю Санкт-Петербургского учебного округа, оттуда он попал к министру народного просвещения Н.П. Боголепову. Руководитель ведомства «нашел возможным назначить Спальвину содержание в две тысячи рублей в год», т.е. значительно ниже размера запрашиваемой стипендии. Такое решение обосновывалось «неимением в распоряжении министерства свободных для сего сумм» [22: л. 14]. Иными словами, Евгений Генрихович Спальвин был поставлен в явно более стесненные материальные условия, чем его будущие коллеги по Восточному институту во Владивостоке: Аполлинарий Васильевич Рудаков и Петр Петрович Шмидт, которые в это же время находились в командировке в Китае. Жизнь там была по сравнению с жизнью в Японии дешевле. Однако они получали по 2700 руб. в год [23: л. 9]. Магистранту монгольской словесности Г.В. Подставину, командированному в Корею летом 1899 г., была назначена стипендия еще выше – 3000 руб. в год [15: с. 74].

[4] Николай Японский допустил две неточности: одна – в сумме стипендии: Е.Г.Спальвин получал стипендию в 2000 руб. в год; вторая – в том, что стипендию в заграничной командировке Спальвину выплачивало Министерство народного просвещения, а не Санкт-Петербургский университет.

Мимо В.Р. Розена не могла пройти информация о приобретении Спальвиным билета в январе 1899 г. для проезда из России в Японию. Вновь обратимся к делопроизводственным документам факультета восточных языков и ректора Санкт-Петербургского университета. В записке от 1 января 1899 г. в компанию Доброфлота подчеркивалось, что с Высочайшего соизволения Спальвин направлен в командировку в Японию. Ректор университета писал: «Озабочиваясь обеспечением денежного исполнения Спальвиным возложенного на него поручения и имея в виду ограниченные средства, которыми располагает Спальвин для путешествия… в Японию, пребывания в этой стране, я, согласно представлению факультета восточных языков, имею честь покорнейше просить комитет Добровольного Флота [оказать] содействие предоставлением ему на одном из ближайших пароходов Добровольного Флота, отправляющихся на Дальний Восток, места по возможности более удешевленной цене» [22: л. 17].

Комитет Доброфлота, принимая во внимание факт, что Е.Г. Спальвин ехал выполнять государственное поручение, но был стеснен в финансовом отношении, предоставил ему проезд по служебному тарифу со скидкой 50 % [22: л. 18]. Это составляло почти исключительно стоимость продовольствия.

Попытался ли В.Р. Розен чем-то помочь Е.Г. Спальвину, когда тот приехал в Японию и только обосновывался на новом месте? Сейчас это проблематично установить, как проблематично узнать и то, почему В.Р. Розен почти месяц не давал ответа питомцу факультета. Но вот что по этому поводу замечал А.М. Позднеев, в мае–июне 1899 г. еще работавший профессором факультета восточных языков столичного вуза[5], в письме к Е.Г. Спальвину: «Прочитал я Ваше первое, довольно грустное письмо, пожалел, что не знал о Вашем положении раньше, ибо [В.Р.] Розен не сообщал о Вашем письме факультету. Оно, впрочем, так и должно было быть: его заботы не о деле и факультете …, а о лучшей постановке арабского отдела; по другим же отделам он старается подобрать людей, которые бы или побольше были зависимы и которых, не стесняясь, можно было бы [занять делом], или же совсем не интересующихся делом» [17: л. 41].

Итак, скорее всего декан не предпринял мер, чтобы помочь Спальвину оставить за ним обе стипендии, а вот недовольное, сердитое письмо написал ему. Именно об этом свидетельствует августовский ответ Евгения Генриховича В.Р. Розену: «Милостивый государь барон Виктор Романович! Благодарю Ваше Превосходительство от всей души за любезное и подробное выяснение вопроса относительно стипендий. Я теперь вижу, что был введен в заблуждение неточными сведениями» [19: л. 7]. Подобное заблуждение присутствует и в работах некоторых современных исследователей [9: с. 9], утверждающих, что командированный в Японию Е.Г. Спальвин имел содержание «по 2 тыс. рублей в год из средств Министерства народного просвещения и 750 рублей из университетского бюджета». В действительности же, будучи в Японии, Спальвин получал только одну стипендию – министерскую.

В письме В.Р. Розену от 16(4) августа 1899 г. Евгений Генрихович просил декана извинить его за причиненное беспокойство и пояснял: «Я не писал ради себя, а только ради дела, желая наивозможно лучше поставить дело изучения японского языка, и если в том письме говорил о самом себе, то лишь потому, что все еще считал себя стипендиатом, так как ничего не знал о прекращении стипендии и имел лишь смутные сведения о возможности прекращения ее, с одной стороны, и о возможности продолжения, с другой» [19: л. 7].

«Я очень опечален, – продолжал молодой человек, – что Ваше Превосходительство остались недовольны тоном моего письма, что письмо произвело на Ваше Превосходительство впечатление, как будто я делаю упреки факультету. Напротив того, я с горячей благодарностью думаю о том благосклонном ко мне отношении Вашего Превосходительства и факультета, которое выразилось в поручении именно мне того дорогого дела, которому я так охотно и с такой любовью посвящаю все свои силы» [19: л. 7-об., 8].

Завершая письмо, Спальвин сообщал: «Занятия мои идут, слава Богу, успешно. В настоящее время у меня два учителя: один постоянно живет у меня, а другой, приходящий, занимается со мною по 5 часов ежедневно.

Деньги из Министерства я получаю аккуратно. Искренне благодарю Ваше Превосходительство за попечение об этом деле» [19: л. 8, 8-об.].

Процитированное письмо Спальвина, в отличие от первого, очень лаконичное, сдержанное, официальное по тону. Из него хорошо видны усилия молодого человека, направленные на выполнение поставленной перед ним задачи. Вместе с тем Спальвин начинает понимать, что не может рассчитывать на поддержку своей alma mater. Можно предположить, что переписка с деканом В.Р. Розеном привела Евгения Генриховича к мысли не связывать себя более с родным ему столичным вузом, а попытаться устроиться работать в Восточном институте во Владивостоке.

Видимо, в конце лета – начале осени 1899 г. он обратился к директору Восточного института во Владивостоке А.М. Позднееву. Профессор 24 де-

[5] А.М. Позднеев, назначенный директором Восточного института в начале июля 1899 г., прибыл во Владивосток 15 сентября 1899 г.

кабря 1899 г. отвечал своему бывшему студенту: «С охотою помог бы Вам во всех Ваших делах, и постараюсь об этом, хотя Вы, конечно, знаете, что формально я не имею на сие никакого права: командированы Вы университетом и к институту не имеете пока никакого отношения.

Конечно, я надеюсь, что Вы будете нашим, институтским; но ведь одно это предположение еще немного значит. Между тем, мне кажется, что пора было бы уже начинать Ваше дело, особливо в виду тех долгих сношений, которые приходится вести с Петербургом» [17: л. 41, 41-об.].

А далее следовало конкретное предложение директора Восточного института А.М. Позднеева: «…если желаете Вы поступать к нам, в институт, то подавайте на мое имя немногословное прошение… Собственноручную дату ставьте одним месяцем позднее и таким образом все будет ладно. Соображая с обстоятельствами, я на основании этого прошения и сделаю представление…» [17: л. 41-об.]. Алексей Матвеевич обещал подготовить ходатайства о выплате Спальвину подъемных денег и путевого пособия на проезд от Японии до Владивостока.

В этом же письме директор института А.М. Позднеев сформулировал несколько конкретных поручений Спальвину как человеку, на «рассудительность и экономичность» которого он «всецело полагался». Первое поручение касалось приобретения книг: «…убедительно прошу Вас, – подчеркивал Алексей Матвеевич, – *займитесь сами приобретением всего, что нужно по Вашей кафедре* (здесь и далее выделено нами. – *О.Е., И.Т.*). Дайте заказ магазину *по составленному Вами списку* и пусть прямо высылают в Восточный институт; деньги будут немедленно или высланы по получении книг и счетов или же переведены через посредство Русско-Китайского банка». Далее А.М. Позднеев продолжал: «Совершенно не имея понятия о стоимости *японских книг и необходимых Вам пособий, я всецело вручаю Вам это дело. На первый раз я могу Вам ассигновать на сей предмет до 800 руб.; удовлетворяйте свои первые нужды соответственно этой суммы, а потом пишите Ваши недостатки и поверьте, что будет сделано все что возможно*» [17: л. 41-об., 42].

Руководитель только что организованного востоковедческого вуза пояснял: «Нужды института у меня строго распределены: есть первостепенные, есть второстепенные. *Ваши книги принадлежат, конечно, к первостепенным нуждам, и если мы не будем в состоянии удовлетворить Вашим потребностям, то обратите эти суммы на удовлетворение нужд второстепенных*» [17: л. 42].

Через много лет (в октябре 1925 г.) Е.Г. Спальвин в записке в НКИД СССР назвал сумму, потраченную им в 1899 г. для приобретения «основных произведений японской литературы». Она составила 2500 руб. [3: с. 158; 18: л. 4] – колоссальные по масштабам конца XIX в. расходы на один отдел вузовской библиотеки!

Другая настоятельная просьба А.М. Позднеева прямо апеллировала к профессиональным интересам Е.Г. Спальвина и касалась приобретения японских шрифтов для вузовской типографии.

Суть третьего поручения подчеркивала безусловное причисление Евгения Генриховича Спальвина к профессорско-преподавательскому составу молодого учебного заведения. «*Приготовляясь к профессорскому званию в институте, Вы должны будете озаботиться и о приготовлении себе лектора. Выбирайте и привозите*. Лектора существуют у нас по найму» [17: л. 42-об.]. А.М. Позднеев называл цифры по оплате труда лекторов восточных языков и подчеркивал: «*Приблизительно к этой сумме приобретайте и Вы своего лектора и заключайте с ним контракт*». Видно, что тон письма не вызывал никаких сомнений: молодой японовед будет трудиться в составе Восточного института.

Весной 1900 г. Евгений Генрихович выполнил рекомендацию директора института и написал прошение. Вот содержание документа [17: л. 44], присланного во Владивосток:

«Его Превосходительству Господину Директору Восточного Института Командированного с ученой целью в Японию для приготовления к профессорскому званию Евгения Генриховича Спальвина

Прошение

Желая посвятить себя на ученую службу при Восточном Институте и в виду близкого окончания срока, на который я был командирован в Японию для приготовления к профессорскому званию, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство ходатайствовать пред Господином Министром о назначении меня и[справляющим] д[олжность] профессора Японской словесности при вверенном Вам Восточном Институте.

г. Токио 16(3) мая 1900 года

Евгений Спальвин»

А.М. Позднеев, получив заявление, очень быстро подготовил и направил соответствующие документы Приамурскому генерал-губернатору, а тот, в свою очередь, обратился в Министерство народного просвещения с ходатайством о назначении Спальвина на службу в Восточный институт профессором японской словесности с 1 июля 1900 г.

Чтобы решить возникший кадровый вопрос, МНП просило Санкт-Петербургский университет сообщить, «представляется ли возможность назначить Спальвина на службу в Восточный институт» [22: л. 23, 23-об.]. Через несколько дней ректор докладывал: «Согласно отзыву декана факультета восточных языков, не встречается препятствий к

назначению бывшего питомца Санкт-Петербургского университета, состоящего ныне в командировке за границей для приготовления к профессуре, Евгения Спальвина в Восточный институт во Владивостоке исправляющим должность профессора японской словесности с 1 июля текущего 1900 г.» [22: л. 24]. Вот так легко факультет расставался со своим питомцем.

Таким образом, переписка Евгения Генриховича Спальвина позволяет отчасти восполнить и уточнить пробелы в биографии талантливого японоведа, более полно раскрыть начальную страницу его профессионального становления. Буквально с самого начала пребывания в Японии он столкнулся с трудноразрешимым противоречием: с одной стороны, горячее, искреннее желание успешно выполнить поставленную перед ним сложнейшую задачу: изучить японский язык, узнать Японию и ее народ, а с другой стороны, катастрофическая нехватка материальных средств, которая сдерживала достижение цели.

Помимо этого, используемые в статье документы проливают свет на некоторые аспекты кадровой политики руководства факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета и директора Восточного института во Владивостоке. А.М. Позднеев был не только заинтересован в комплектовании профессорско-преподавательского состава молодого востоковедческого вуза, но и приложил к этому немало успешных усилий. Исторические источники позволили не просто зафиксировать начальные вехи в профессиональной судьбе японоведа Е.Г. Спальвина, но и более ярко увидеть суть межличностных отношений востоковедов, взаимоотношения с властью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бутырин, Д.А.* Цензор из Восточного института / Д.А. Бутырин // Известия Восточного института. – 2016. – № 1 (29). – С. 4–12.

2. Востоковедение на Дальнем Востоке России : история, современность и будущее : материалы междунар. конф. (Владивосток, 25 сент. 2014 г.) / под ред. А.С. Дыбовского. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2015. – 154 с.

3. *Гусева, Е.И.* «Высокая честь быть первым профессором в России по японскому языку...». Евгений Спальвин о своей работе в Восточном институте. Из материалов Архива внешней политики Российской Федерации / Е.И. Гусева// Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – Т. XIV. № 1. – С. 156–165.

4. Дневники святого Николая Японского. В 5 т. Т. 4 / сост. К. Накамура. – СПб. : Гиперион, 2004. – 976 с.

5. *Дыбовский, А.С.* О споре японоведов по поводу «Японской исторической хрестоматии» и его истоках: Е.Г. Спальвин vs Д. М. Позднеев / А.С. Дыбовский, О.П. Еланцева // Studies in Language and Culture. – 2016. – № 42. – С. 267–290. – Osaka : Osaka University, 2016.

6. *Дыбовский, А.С.* Под сенью империй: краткий очерк жизни и деятельности Е.Г. Спальвина / А.С. Дыбовский, Э.В. Ермакова // Востоковедение на Дальнем Востоке России: история, современность и будущее : материалы междунар. конф. в Школе регион. и междунар. исследований Дальневост. федер. ун-та. – Владивосток, 2015. – С. 117–138.

7. *Дыбовский, А.С.* Профессор Е.Г. Спальвин и журнал «Восточная студия» / А.С. Дыбовский, З.Ф. Моргун // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России : сб. ст. и библиогр. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. – С. 107–125.

8. *Еланцева, О.П.* Е.Г. Спальвин как библиотекарь Восточного института / О.П. Еланцева // Первый профессиональный японовед России. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – С. 100–114.

9. *Ермакова, Э.В.* Е.Г. Спальвин: страницы биографии / Э.В. Ермакова, А.С. Дыбовский // Первый профессиональный японовед России. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – С. 1–44.

10. *Икута, М.* Е.Г. Спальвин в Японии / М. Икута // Известия Восточного института. – 2001. – № 6. – С. 28–34.

11. *Ложкина, А.С.* Всесоюзное общество культурной связи с заграницей и развитие советско-японских культурных отношений (1925–1939 гг.) / А.С. Ложкина // Япония : ежегодник. – 2015. – Т. 44. – С. 119–131.

12. *Моргун, З.Ф.* Несколько штрихов к портрету Е.Г. Спальвина на фоне владивостокского пейзажа / З.Ф. Моргун // Первый профессиональный японовед России. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – С. 120–127.

13. Первый профессиональный японовед России. Опыт латвийско-российско-японского исследования жизни и деятельности Е.Г. Спальвина : сб. науч. ст. / сост., отв. ред. А.С. Дыбовский. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – 188 с.

14. *Поликарпова ,Т.В.* Библиографический указатель основных научных трудов Е.Г. Спальвина / Т.В. Поликарпова, В.И. Ионченко // Известия Восточного института. – 2005. – № 9. – С. 251–262.

15. Протоколы заседаний Совета Санкт-Петербургского университета за 1899 год. – СПб., 1900. – № 55. – С. 74.

16. Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России : сб. ст. и библиогр. / сост. и отв. ред. А.С. Дыбовский. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. – 348 с.

17. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. – Ф. р-289. – Оп. 2. – Д. 1301.

18. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Ф. 208. – Оп. 4. – Д. 82.

19. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Ф. 777. – Оп. 2. – Д. 43.

20. *Фудзимото, В.* Е.Г. Спальвин – секретарь советского посольства в Токио / В. Фудзимото // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. – С. 36–51.

21. *Фудзимото, В.* Е.Г. Спальвин в Японии: пребывание в городе Киото накануне и сразу после русско-японской войны / В. Фудзимото // Первый профессиональный японовед России. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – С. 36–51.

22. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. – Ф. 777. – Оп. 2. – Д. 43.

23. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. – Ф. 139. – Оп. 1. – Д. 8468.

IN MEMORIAM

19 декабря 2017 г. ушел из жизни выдающийся ученый, педагог и переводчик, доктор филологических наук, профессор Северо-Восточного государственного университета Роман Романович Чайковский (1939–2017).

Роман Романович родился в 1939 г. в карпатском селе Плавье (Украина). В 1950-м, после ареста отца, вместе с матерью и братьями был сослан на Дальний Восток. Закончил сельскую школу в Хабаровском крае, затем в 1962 г. факультет иностранных языков Хабаровского педагогического института. После этого два года работал учителем иностранных языков в средней школе № 1 города Комсомольска-на-Амуре. Закончив в 1966 г. двухгодичные Высшие педагогические курсы иностранных языков по подготовке высококвалифицированных преподавателей для вузов при Первом Московском государственном педагогическом институте иностранных языков им. М. Тореза, стал преподавать в Магаданском государственном педагогическом институте (МГПИ). После защиты в 1972 г. кандидатской диссертации в МГПИИЯ им. М. Тореза продолжил работу в Магаданском пединституте (ныне Северо-Восточный государственный университет), где преподавал до последних дней жизни.

В 1997 г. Роман Романович стал доктором филологических наук, защитив диссертацию по теме «Реальности поэтического перевода: (типологические и социологические аспекты)». В сфере художественного перевода он работал больше пятидесяти лет. Рубеж веков и первое десятилетие XXI столетия – это годы расцвета профессора Чайковского как переводоведа и переводчика. В 1999 г. в свет выходит уникальная книга: стихотворения Э. М. Ремарка в переводе Р.Р. Чайковского на русский язык. Это было первое в мире отдельное издание поэзии Э. М. Ремарка на иностранном языке. Кроме того, в его переводах опубликованы стихи других немецких авторов, а также поэтов Великобритании и США, польских и украинских поэтов. Р.Р. Чайковский не признавал переводов по подстрочнику, справедливо расценивая эту форму речевой деятельности не как межъязыковой перевод, а как внутриязыковую переделку текста.

Как теоретик художественного перевода Р.Р. Чайковский отличался широким кругозором, глубоким знанием истории перевода, независимостью взглядов, критическим отношением к отдельным давно существующим и вновь появляющимся теориям, объективностью при оценке переводов, умением увидеть такие качества переводного текста, которые на первый взгляд кажутся незаметными. Он автор более 300 работ, среди которых 12 книг и монографий по проблемам стилистики, лингвопоэтики, социолингвистики, лингводидакти-

ки, переводоведения. В последние годы вышли: «Неисчерпаемость оригинала: 100 переводов "Пантеры" Р.М. Рильке на 15 языков» (2001), "Хтось мені квіти приніс…": штрихи до портрета священника Романа Чайковського (до 100-річчя з дня народження – 1905–2005)» (2005), «Истины Булата Окуджавы: работы последних лет» (2006), «Основы художественного перевода» (2008), «Небо Надежды: (слово о моей маме)» (2010), «Художественный перевод как форма межкультурной коммуникации (начала теории)» (2012) и др. Был главным редактором издаваемого в СВГУ научного альманаха «Перевод и переводчики» (2000–2013).

Благодаря неиссякаемой энергии Р.Р. Чайковского как ученого и организатора науки Северо-Восточный университет в Магадане превратился в крупнейший у нас в стране центр теоретических исследований художественного перевода, имеющий научные связи с коллегами из многих стран. В этой школе выросло более 10 кандидатов и 2 доктора наук. Много сделал Роман Романович для укрепления науки на Дальнем Востоке, входя в состав диссертационного совета в Дальневосточном государственном университете (Владивосток) и оказывая поддержку защищающимся в центральных вузах страны исследователям.

В 2002 г. по представлению Союза переводчиков России Оргкомитет творческих союзов России наградил Р.Р. Чайковского Золотой Пушкинской медалью. Он был также награжден знаком Министерства образования РФ «Почётный работник высшего профессионального образования России».

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.

4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно

5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.

6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются диски и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на диске. Если дисков два и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дисках (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.

6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.

6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое – 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.

6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

9. К статье прилагается краткая аннотация, ключевые слова (не более 15), а также профессиональный перевод на английский язык аннотации, ключевых слов и названия статьи.

10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru. Материалы, присланные ценными письмами и бандеролями, не принимаются.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 450 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2018 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.
Квитанция **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2018 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
Том XV
Выпуск 1, 2018

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *Т.М. Яковенко*
Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2018 г. Поз. 12.5. Подписано в печать 07.03.2018 г.
Гарнитура «Times New Roman». Уч.-изд. л. 28,0. Усл. печ. л. 26,0. Зак. 53. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.